4° Crim. 157 i

4° Crim. 157 i

HW
8551

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

Сочиненіе

А. Кистяковскаго,

приватъ-доцента уголовнаго права въ Кіевскомъ Университетѣ.

(Изъ Университетскихъ Извѣстій 1866 и 1867 гг.)

Lucia nemica di ciascun crudele.
Dante. cant. IX.

Si la vie humaine est plus respectée, c'est qu'elle a plus de force pour se faire respecter.
Guizot. De la peine de mort. ch. II, c. 24.

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1867.

160 S.n.5176
319

4° Crim. 157 i

(Изъ Университетскихъ Извѣстій 1866 и 1867 гг.).

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.
НА ОБМЕН
1766
26

Bayerische Staatsbibliothek München

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Первая глава. Начало спеціальной разработки вопроса о смертной казни. Беккарія. Философско-метафизическое направленіе изслѣдованія этого вопроса во Франціи, въ Германіи. Безплодность этого рода изслѣдованій. Философско-позитивный способъ изслѣдованія: главная заслуга его употребленія принадлежитъ англичанамъ; вліяніе ихъ на французскую и нѣмецкую науку. Труды и заслуги Миттермайера. Неудачныя попытки приписать заслугу разрѣшенія этого вопроса философско-метафизическому способу изслѣдованія. Недостатокъ историческихъ работъ по этому вопросу. Свойство и раздѣленіе этого изслѣдованія Стр. 1—33.

Вторая глава. Доводы *противъ* и *за* смертную казнь. Ученіе о ненарушимости жизни человѣческой; возраженія противъ этого ученія; оцѣнка того и другаго. Смертная казнь не устрашаетъ; возраженія; оцѣнка. Она имѣетъ деморализирующее вліяніе на народъ; средства, предлагаемы защитниками для уничтоженія этого дѣйствія; насколько состоятельны эти средства. Смертная казнь неотмѣнима и невознаградима; возраженія защитниковъ; значеніе тѣхъ и другихъ доводовъ. Она лишаетъ возможности исправленія; доводы защитниковъ; оцѣнка ихъ. Народъ считаетъ смертную казнь справедливою; что̀ говорятъ на это противники; сила и вѣсъ тѣхъ и другихъ доказательствъ Стр. 33—74.

Третья глава. Происхожденіе смертной казни въ первобытное время, въ періодъ господства кровавой мести. Общегосударственная власть беретъ въ свои руки смертную казнь, какъ готовое уже учрежденіе. Всеобщность убійства въ отмщеніе. Періодъ мести есть время максимума смертныхъ казней, а возникновеніе общегосударственной власти сопровождается первыми попытками ограниченія ихъ. Въ періодъ кровавой мести господствовало полное

безразличіе относительно вмѣненія: народы казнили смертію какъ за преступленія намѣренныя, такъ и за ненамѣренныя и случайныя. Казнили не только преступника, но и невинную его семью. Возрастъ не останавливалъ казней. Первобытные народы не обращали вниманія на душевныя болѣзни или имѣли о нихъ самое превратное понятіе, и оттого казнили смертію сумасшедшихъ. Смертная казнь постигала какъ большихъ преступниковъ, такъ и тѣхъ, которые были виновны въ мелкихъ правонарушеніяхъ. Общіе выводы Стр. 75—110.

Четвертая глава. Значеніе рабства въ исторіи смертной казни. Расточительность смертныхъ казней для рабовъ, по законамъ Индіи, Греціи, Рима во все время его существованія, по законамъ варварскихъ народовъ и временъ феодальныхъ. Рабство не остается безъ вліянія на количество смертныхъ казней въ Россіи; особенность въ этомъ отношеніи законовъ литовско-польскихъ и остзейскихъ. Общіе выводы о вліяніи рабства па смертную казнь. Значеніе абсолютной власти отца семьи въ исторіи смертной казни. Миттермайеръ и другіе криминалисты ошибочно относятъ къ отмѣнѣ смертной казни существованіе въ Римѣ весьма узкой привиллегіи изъятія римскихъ гражданъ отъ смертной казни. Значеніе привиллегій въ исторіи смертной казни. Привиллегіи по законамъ: Индіи, Греціи, Рима, Франціи и Англіи. Историческіе слѣды привиллегій въ Россіи, въ особенности по законамъ литовско-польскимъ. Общіе выводы о вліяніи привиллегій на увеличеніе смертныхъ казней. Стр. 111—161.

Пятая глава. Періодъ наибольшей примѣняемости смертныхъ казней во время господства общегосударственной власти. Цифра и перечень смертныхъ преступленій по законамъ римскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ и русскимъ. Нѣкоторыя статистическія данныя о количествѣ смертныхъ казней въ этотъ періодъ. Спеціальныя причины расточительности смертныхъ казней въ этотъ періодъ. Преступленія государственныя. Религіозныя. Преступленія противъ нравственности. До конца XVIII ст. сохраняется обычай карать смертію за маловажныя вины. Недостатки судопроизводства и произволъ судей поддерживаютъ высокую сумму смертныхъ казней Стр. 162—185.

Шестая глава. Отрицаніе справедливости смертной казни является раньше Беккаріи. Значеніе ученія Христа Спасителя въ исторіи этого наказанія. Беккарія есть только выразитель народившихся убѣжденій. Частичная отмѣна смертной казни помимо общаго ея отрицанія. Вліяніе экономическихъ интересовъ на отмѣну. Фактическая отмѣна, прежде и независимо общаго отрицанія, за преступленія противъ религіи, нравственности и собственности. Вліяніе на отмѣну смягченія нравовъ и въ частности ученія объ умѣренности наказаній и о равенствѣ предъ закономъ. Полная отмѣна смертной казни въ XVIII ст. въ Тосканѣ и Австріи и попытки къ тому во Франціи. Реакція. Смертная казнь по уголовнымъ кодексамъ, составленнымъ подъ вліяніемъ реакціи: прусскому 1794 г., австрійскому 1802 г. и французскому 1810 г. Разногласіе между закономъ и жизнію въ XIX стол. Практика, вопреки закону, отмѣняетъ смертную казнь за многія преступленія и во многихъ случаяхъ. Значеніе помилованія въ исторіи отмѣны. Отрицаніе необходимости смертной казни за преступленія политическія. Сомнѣнія относительно справедливости ея примѣненія за убійство. Законодатель XIX ст. принужденъ былъ положеніемъ вещей отмѣнять смертную казнь за многіе виды преступленій. Отмѣна и современное положеніе смертной казни въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи, Сѣверной Америкѣ. Общіе выводы Стр. 186—244.

Седьмая глава. Способы совершенія смертной казни. Изысканные способы являются раньше образованія государства. Государство ихъ наслѣдуетъ. Принесеніе преступниковъ въ жертву, какъ одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ способовъ казни въ періодъ начальнаго образованія государствъ. Съ паденіемъ теократическаго государства способы совершенія казней разсчитаны на устрашеніе. Главнѣйшіе способы совершенія смертной казни, ихъ изысканность и жестокость и отношеніе къ нимъ общества. Отмѣна изысканныхъ способовъ, какъ результатъ соціальныхъ перемѣнъ. Общіе выводы. Невѣрно мнѣніе, будто должность палача была всегда безславна. Въ безгосударственное время каждому приходилось быть палачомъ. Высокій почетъ, которымъ обязанность палача была окружена въ государственное время. Видоизмѣненіе соціальной и умственно-индивидуальной природы человѣка сопровожда-

лось возникновеніемъ презрѣнія и отвращенія къ обязанности палача. Общіе выводы. Мнѣніе де-Местра о высокомъ значеніи палача для настоящаго времени есть умственный анахронизмъ. Стр. 244—275.

Общій выводъ. Стр. 276—281.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ни одинъ вопросъ уголовнаго права не пользуется такою извѣстностью и такимъ свойствомъ привлекать къ себѣ духъ изслѣдованія, какъ смертная казнь. Литература этого вопроса сравнительно громадна. Уже въ 1838 г. Капплеръ, въ своемъ Handbuch der Literatur des Criminalrechts, с. 395 — 418, приводитъ 232 большихъ и малыхъ сочиненій, статей и отрывковъ, трактующихъ объ этомъ предметѣ.

Такое обиліе сочиненій и общеизвѣстность этого предмета, вслѣдствіе которой даже неспеціалистъ считаетъ себя въ правѣ имѣть докторальное о немъ мнѣніе, даютъ иногда поводъ думать, что смертная казнь—вопросъ избитый и не стоющій дальнѣйшей работы спеціалиста. Когда я принимался за мой трудъ, я не раздѣлялъ этого мнѣнія; теперь, по окончаніи его, я вдвойнѣ не раздѣляю; я еще болѣе убѣдился въ томъ, что этотъ вопросъ долго будетъ привлекать вниманіе криминалиста, какъ предметъ высокаго интереса и не вполнѣ изслѣдованный. Конечно, съ отвлеченно-схоластической точки зрѣнія нельзя сказать о смертной казни ничего новаго, о чемъ бы въ сотняхъ сочиненій и статей не было прежде говорено и переговорено. Возобновлять вѣчный и безъисходный споръ: о справедливости и несправедливости смертной казни,—безполезная и пустая работа. Но за то съ философско-исторической стороны смертная казнь есть мало разработанный и потому богатѣйшій матеріалъ изслѣдованія.

Взявшись за изслѣдованіе этого предмета, я обратилъ бо́льшую часть вниманія и работы на историческую сторону смертной казни, на связь этого наказанія съ общественнымъ и умственнымъ развитіемъ человѣка. При изслѣдованіи я старался не о томъ, чтобы заявить мое личное мнѣніе, а чтобы отыскать взглядъ народовъ на это наказаніе. На вопросъ, который каждому спеціалисту не разъ приходится слышать: каково ваше мнѣніе о смертной казни, считаете-ли ее наказаніемъ справедливымъ, или нѣтъ, я отвѣчаю: спрашивайте не меня, мнѣніе котораго, какъ всякое одиночное мнѣніе, не можетъ имѣть силы и значенія, а выслушайте болѣе полновѣсное, и имѣющее болѣе правъ на вниманіе, мнѣніе народовъ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Начало спеціальной разработки вопроса о смертной казни. Беккарія. Философско-метафизическое направленіе изслѣдованія этого вопроса во Франціи, въ Германіи. Безплодность этого рода изслѣдованій. Философско-позитивный способъ изслѣдованія: главная заслуга его употребленія принадлежитъ англичанамъ; вліяніе ихъ на французскую и нѣмецкую науку. Труды и заслуги Миттермайера. Неудачныя попытки приписать заслугу разрѣшенія этого вопроса философско-метафизическому способу изслѣдованія. Недостатокъ историческихъ работъ по этому вопросу. Свойство и раздѣленіе этого изслѣдованія.

I. Появленіе сочиненія Беккаріи о преступленіяхъ и наказаніяхъ (Dei delitti e delle pene, 1766 г.) вызвало спеціальную разработку вопроса о смертной казни. »Эта безполезная расточительность казней, которыя до сихъ поръ не сдѣлали людей лучшими, побуждаетъ меня, говорилъ Беккарія, изслѣдовать, въ самомъ-ли дѣлѣ смертная казнь полезна и справедлива, въ правительствѣ хорошо организованномъ«. Результатомъ своего изслѣдованія онъ выставилъ слѣдующія общія положенія: а) смертная казнь не опирается ни на какомъ законномъ правѣ, потому что человѣкъ, вступая въ общество, не уступалъ права на свою жизнь, Des delits et des peines, ed. par Helie Faustin, 1856 г. стр. 93—94; б) она безполезна и ненужна, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда жизнь гражданина, и лишеннаго свободы, можетъ произвесть революцію и нанесть вредъ общественной безопасности, или когда смертная казнь

есть единственная узда, могущая воспрепятствовать новымъ преступленіямъ, стр. 94; в) она безполезна потому, что никогда не останавливала злодѣевъ, рѣшившихся на преступленіе, стр. 95; г) она менѣе дѣйствительна, чѣмъ лишеніе свободы, соединенное съ тяжкими работами, потому что и на преступника и на постороннихъ несравненно сильнѣе дѣйствуетъ менѣе жестокое, но продолжительное наказаніе, каковы тяжкія работы, чѣмъ жестокое, но моментальное, какова смертная казнь, стр. 95 — 96; д) она даже пагубна для общества, потому что представляетъ гражданамъ примѣръ жестокости тѣмъ болѣе опасной, чѣмъ съ большею акуратностью и съ большими формальностями ее совершаютъ; безумно, для отвращенія гражданъ отъ убійства, установлять публичное убійство, стр. 100—101; е) оправдываютъ смертную казнь тѣмъ, что ее, за извѣстныя преступленія, назначали всѣ народы и во всѣ времена; но зачѣмъ же оправдывающіе эту казнь не одобряютъ человѣческихъ жертвъ, которыя были въ употребленіи у всѣхъ народовъ, стр. 102.—Такова сущность доводовъ противъ смертной казни писателя, вызвавшаго послѣдующую разработку этого предмета.—Прошло сто лѣтъ со времени появленія сочиненія Беккаріи, очень многіе брались за разрѣшеніе этого вопроса съ теоретической точки зрѣнія, но въ сущности мало сказали новаго: съ этой стороны до сихъ поръ споръ вертится почти на тѣхъ же самыхъ общихъ положеніяхъ, которыя высказаны Беккаріею; новое, принадлежащее послѣдующимъ писателямъ, состоитъ въ спеціальномъ развитіи выше изложенныхъ положеній, да иногда въ темномъ и отвлеченно-схоластичномъ изложеніи того, что̀ такъ ясно, сжато и не абстрактно высказано Беккаріею.

II. Первое положеніе Беккаріи: смертная казнь не опирается ни на какомъ законномъ правѣ, и слѣдовательно она не справедлива, послужило темою для послѣдующихъ писателей. Но то, что̀ Беккарія высказалъ только вскользь и чему онъ не придавалъ первостепенной важности, принято было многими послѣдующими писателями за весьма существенное; вслѣдствіе этого изслѣдованіе вопроса о смертной казни вырождается въ метафизическій споръ: давалъ-ли или не давалъ человѣкъ другимъ право себя убивать, ненарушима или нарушима жизнь человѣческая, справедлива или нѣтъ смертная казнь, полезно или безполезно для человѣчества пролитіе крови, въ видѣ смертной казни. По какому направленію пошло изслѣдованіе вопроса о смертной казни

и какими способами хотѣли его разрѣшить—покажетъ нижеслѣдующее изложеніе.

Выше сказано, что Беккарія утверждалъ, что человѣкъ, вступая въ общество, не уступалъ ему права на свою жизнь. Мабли и Филанджіери доказывали противное, опираясь также, какъ и Беккарія, на естественное право. Мабли говорилъ: »Въ естественномъ состояніи я имѣю право смерти противъ того, который нападаетъ на мою жизнь; вступая же въ общество, я только передалъ это право судьѣ«. Principes des lois, liv. 3. ch. 4. »Въ состояніи естественной независимости, говорилъ другой, я имѣю право убивать несправедливаго человѣка, на меня нападающаго: а если я имѣю право его убить, то онъ потерялъ право жить; общество не создаетъ новаго права, а только пользуется старымъ, становясь, при употребленіи смертныхъ казней, на мѣсто частнаго лица« Science de legesl. partie II. liv. III. ch. V. Позднѣе являются цѣлые трактаты на подобную тему. Въ 1827 году французскій адвокатъ Люкасъ издалъ большое сочиненіе о смертной казни подъ заглавіемъ: Du system penal' et du system represiff en general, de la peine de mort en particulier. Въ первой части этого сочиненія, 1—152 стр., авторъ, вслѣдъ за сѣверо-американскимъ писателемъ и государственнымъ человѣкомъ, Ливингстономъ, авторомъ предварительныхъ соображеній къ проекту уголовнаго кодекса для шт. Луизіаны, 1822 г., почти исключительно занимается защитою отвлеченнаго положенія: жизнь человѣческая священна, неприкосновенна, даръ Божій; поэтому самъ человѣкъ не можетъ уступить другому право на свою жизнь, и никакой общественный законъ не можетъ распоряжаться ею. Горячимъ послѣдователемъ Люкаса является Румье, авторъ сочиненія: Plus d'echafauds, ou abolition immediate et absolue de la peine de mort. 1833 г. Первая глава этого труда трактуетъ о ненарушимости человѣческой жизни и незаконности смертной казни; глава эта не представляетъ, впрочемъ, ничего самостоятельнаго и состоитъ большею частію изъ заимствованій у Люкаса и его противниковъ. Къ подражаніямъ Люкасу принадлежатъ также сочиненія Селлона: Lettres sur la peine de mort. Geneve. 1833 г. Dialogue sur la peine de mort, sur le system penitentiaire. Geneve. 1834 г.; см. Arch. Crim—Rechts, N. F. 1834 г. стр. 30. Противъ Люкаса вооружился Силвела, авторъ сочиненія: Du maintien de la peine de mort. 1832 г. Изложивши опроверженія противъ Люкаса словами Броли, который написалъ критику на теорію ненарушимости жизни, въ 5 N Revue Fran-

çaise, и словами Уртиса, издавшаго сочиненіе: Necessité du maintien de la peine de mort. Paris. 1831 г., Силвела построилъ новую теорію договора, на которомъ онъ основалъ справедливость смертной казни, стр. 36—111. »Сохранять себя, говорилъ Силвела, и разрушать себя— два совершенно противоположныя представленія (images), если ихъ разсматривать какъ абстрактные признаки (signes); но будучи разсматриваемы какъ такіе факты, которые присущи всѣмъ органическимъ существамъ, какъ людямъ, такъ и животнымъ, они не исключаютъ другъ друга и не абсолютно противоположны, потому что эти существа, напротивъ, сохраняютъ себя тѣми же самыми средствами, которыми они себя разрушаютъ«, стр. 63—64. »Человѣкъ, какъ существо разумное, не можетъ ничего дѣлать по благоволѣнію, безъ причинъ и побужденій. Но когда его побужденія къ дѣйствію справедливы и согласны съ разумомъ, все ему позволительно, даже себя разрушать, т. е. согласиться потерять жизнь. Какимъ образомъ онъ можетъ обойтись безъ этого, если жить для него есть не что иное, какъ употреблять свои жизненныя силы, тратить ихъ посредствомъ употребленія«, стр. 68—69. Подобнымъ же образомъ, человѣкъ въ обществѣ, для сохраненія своей жизни, заключаетъ договоръ разрушенія, который можно выразить въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: »Уважайте мою жизнь, защищайте ее, съ своей стороны я буду точно также дѣйствовать въ отношеніи къ вамъ. Согласимся взаимно быть уничтоженными, если мы несправедливо лишимъ жизни одного изъ себѣ подобныхъ. стр. 73«. Къ писателямъ возстававшимъ противъ теоріи ненарушимости жизни человѣческой принадлежитъ также Комперіо (Comperio), авторъ сочиненія: L'assassinat sera-t-il puni de mort. 1833 г.; см. о немъ отчетъ Миттермайера: Arch. des Crim—Rechts, N. F. 1834. с. 32—33. Какой же результатъ всѣхъ этихъ изобрѣтеній новыхъ и новыхъ договоровъ, всѣхъ споровъ и толкованій естественнаго права, и какія полезныя открытія для рѣшенія вопроса о смертной казни сдѣланы этимъ путемъ? Рѣшительно никакого. И понятно: когда одни утверждаютъ одно, а другіе совершенно противоположное, выходя изъ одного и того же основанія, выходитъ, что это основаніе никуда не годно въ научномъ отношеніи, и что прежде, чѣмъ строить на немъ какіе нибудь выводы, необходимо изслѣдовать свойство самого этого основанія и опредѣлить, можетъ-ли оно въ данномъ случаѣ къ чему нибудь служить. Естественное право или право человѣка въ безъобщественномъ состояніи не знаетъ никакихъ договоровъ;

для противниковъ смертной казни оно крайне неблагопріятно, какъ состояніе полнаго произвола, грубости, жестокости и звѣроподобнаго пролитія крови человѣческой; оно меньше всего знакомо было съ понятіемъ ненарушимости жизни человѣческой. Но и противники не могутъ на немъ опереться и сколько нибудь крѣпко стоять; иначе имъ пришлось-бы отвергнуть все то, до чего человѣкъ добылся, благодаря тому, что онъ не остался въ естественномъ состояніи, а перешелъ къ созданію общественности.

Тѣмъ же метафизическимъ способомъ хотѣли рѣшить вопросъ о смертной казни многіе ученые Германіи, бравшіеся за его изслѣдованіе. Они хотѣли доказать состоятельность или несостоятельность смертной казни, выходя изъ абстрактныхъ положеній, и преимущественно изъ идеи справедливости. Такъ, Титманъ, задавши себѣ вопросъ: справедлива-ли смертная казнь, рѣшаетъ его слѣдующими метафизическими соображеніями: справедливость смертной казнь самой въ себѣ (an sich) не можетъ разумнымъ образомъ быть подвергнута сомнѣнію. Ибо если правовый законъ (Rechtsgesetze) дозволяетъ вообще наказаніе для безопасности области права, то неоспоримо должно быть дозволено также и уничтоженіе оскорбителя. Потому въ государствѣ смертная казнь, разсматриваемая сама въ себѣ, совершенно справедлива. Handbuch der Stafrechtswissenschaft. Т. 1, 1822 г. стр. 95—96. Разсмотрѣнію этого вопроса съ метафизической точки зрѣнія особенно способствовалъ гамбургскій профессоръ Громанъ (Grohmann), издавшій сочиненіе: Ueber das Princip des Strafrechts. Der Staat hat kein Recht am Leben zu strafen. 1832 г. Смертная казнь, говоритъ онъ, не справедлива, потому что она поражаетъ жизнь, этотъ посредствующій принципъ между сверхчувственнымъ и чувственнымъ бытіемъ, принципъ, при помощи котораго человѣкъ долженъ образоваться для высшей жизни; она не справедлива, потому что впечатлѣніе, производимое исполненіемъ казни на зрителей, вредно для справедливости. Жизнь человѣческая есть сама въ себѣ (an sich) безконечная величина, которая простирается въ вѣчность, и никакой человѣкъ, никакое государство не имѣетъ права сокращать или перерѣзывать эту линію. На жизни человѣка лежитъ высокое призваніе образоваться для вѣчности. Никакое наказаніе не должно быть противно принципу улучшенія. Смертная казнь не справедлива съ точки зрѣнія христіанской философіи и религіи. стр. 41 и 64; см. также Arch. Crim—R. B. XIII. 1833 г. стр. 627. Въ своемъ

Vorrede къ сборнику статей о смертной казни: Christenthum und Vernunft für Abschaffung der Todesstrafe, 1835 г., и въ своей антикритикѣ на Абегга, помѣщенной въ томъ же сборникѣ, стр. 99—125, онъ тоже почерпаетъ доказательства главнымъ образомъ изъ разума. Противъ Громана возсталъ Абеггъ, защищавшій справедливость смертной казни слѣдующими доводами: »Придаютъ жизни тѣла безконечную цѣну для самой себя (fur sich), и вмѣстѣ съ тѣмъ смерть считаютъ безконечнымъ зломъ. Безъ сомнѣнія, смерть есть тягчайшее наказаніе, и немногіе преступленія могутъ вызвать необходимость *примиренія съ справедливостію посредствомъ смерти;* въ этомъ случаѣ смертная казнь, будучи истиннымъ освобожденіемъ, разрѣшаетъ страшное противорѣчіе, которое виновный чувствуетъ въ самомъ себѣ, и которое онъ, какъ только пробудится и придетъ въ полное сознаніе своей вины, не можетъ сносить,—въ этомъ случаѣ она, какъ вообще наказаніе, есть благодѣяніе«. »Смертная казнь не можетъ быть оправдываема особенными цѣлями, скорѣе значеніе ея состоитъ въ томъ, что она есть уничтоженіе земнаго бытія, спасеніе духовнаго посредствомъ погибели тѣлеснаго, *она поражаетъ не жизнь, какъ жизнь, но временное, преходящее, тѣло въ чувственномъ мірѣ*«. Если это такъ, то въ вопросѣ о смертной казни дѣло касается не цѣли и средствъ, а существованія необходимости, вслѣдствіе которой высшему должно быть принесено низшее, временному—преходящее, идеѣ, которая есть жизнь справедливости, то, что̀ уже умерло, и безъ дальнѣйшаго правомочія не можетъ существовать. Это не месть, не внѣшнее возмездіе, не несправедливость за несправедливость, не насиліе за преступленіе,—нѣтъ, это есть уничтоженіе несправедливости, которая олицетворилась въ своей высшей потенціи, такъ что безъ противорѣчія не можетъ далѣе существовать. Berliner Jahrbücher für Wissenschaftliche Critik, Oktober, 1833; см. также Grohmann, Christenthum und Vernunft fur die Abschaffung der Todesstrafe, 1835 г. VII, 117, 118, 121.—Весьма близко по взглядамъ къ Абеггу подходитъ Даубъ; по его ученію, источникъ закона есть любовь, а наказаніе, будучи средствомъ уничтоженія вины и способомъ примиренія съ закономъ, является благодѣяніемъ. Смертная казнь справедлива; ибо кто совершилъ убійство, тотъ впалъ въ тяжкую вину; а такъ какъ только одна смертная казнь уничтожаетъ вину, то она есть дѣло любви и справедливости, есть благодѣяніе. Arch. Cr—R. 1836. стр. 308. Въ свою очередь Абеггу возражалъ

Мерингъ; идя тѣмъ же путемъ и руководствуясь тѣмъ же способомъ изслѣдованія, онъ пришелъ къ совершенно противоположному результату. »Смертная казнь, по его мнѣнію, есть признакъ еще несложившагося въ цѣломъ объемѣ своей области, не осуществившагося государства, есть отрицаніе государства въ самомъ государствѣ, отношеніе силъ природы, изъ коихъ однѣ силятся обезпечить свое существованіе уничтоженіемъ другихъ. Государство въ смертной казни употребляетъ свою силу, *но не свое право*; въ смертной казни оно простираетъ свою власть такъ далеко, какъ можетъ. Die Todesstrafe, статья помѣщенная въ упомянутомъ сборникѣ Громана, IX. стр. 160—161.— Кантъ и Гегель защищали смертную казнь во имя справедливости принципа матеріальнаго возмездія: равное за равное. Кестлинъ старался опровергнуть ихъ, доказывая, что если этотъ принципъ принять, то во имя его слѣдовало-бы признать сообразнымъ съ справедливостію назначеніе изувѣчивающихъ наказаній за тѣлесныя поврежденія. Съ своей стороны онъ построилъ свою теорію, на основаніи которой смертная казнь должна быть вычеркнута изъ ряда наказаній. »Въ преступленіи, онъ говоритъ, нарушеніе имѣетъ свое бытіе (ihre Existenz) не въ объективномъ произшествіи, но только въ волѣ нарушителя. Мѣра наказанія ни въ какомъ случаѣ не должна быть опредѣляема только по объекту нарушенія, который можетъ быть принятъ при этомъ только какъ второстепенный, соопредѣляющій моментъ. Поэтому, если хотятъ остаться вѣрными понятію о наказаніи, какъ стѣсненіи воли нарушителя, и другому основному понятію, что для государства жизнь совпадаетъ съ личностію, то должны вычеркнуть смертную казнь изъ ряда уголовныхъ мѣръ. *Всецѣлое уничтоженіе личности было-бы справедливо*, еслибы въ преступленіи вся субъективность являлась неизлѣчимо злою. Но такъ какъ это невозможно, то государство должно оставить существовать личность, въ которой всегда лежитъ возможность нравственнаго возстановленія. System des Deutschen Strafrechts, 1855 г. стр. 445—447. Глюнекъ доказывалъ, что смертная казнь нисколько не противорѣчитъ идеи справедливости. Der Osterreichischen Strafgesetzes, allg. Theil, 1855 г. стр. 38. Выходя изъ принципа справедливости, также оправдывали право государства назначать смертную казнь слѣдующіе писатели: Рихтеръ, Das philosoph. Srafrecht, begrundet auf Idee der Gerechtigkeit. 1829 г. стр. 247; Zum-Bach, Ansichten und Bemerkungen ueber Hauptgegenstände des Strafrechts. стр. 54; Rosshint, Entwurf der Grundsätze Straf-

rechts. стр. 453; см. Arch. Cr-Recht. 1832 г. стр. 212. Гефтеръ находитъ, что справедливость смертной казни не есть истина абсолютная, а только гипотетическая. Lehrbuch des gemeinen Deutsch. Strafrechtes. fünf. Auflage· 1854, стр. 95. Наконецъ Бернеръ уже рѣшительно утверждаетъ, что справедливость не требуетъ смертной казни ни за одно преступленіе, ни даже за убійство. Lehrbuch des Deutschen Strafrechtes. 1852. стр. 191

Итакъ, каждый изъ приведенныхъ писателей ссылается на справедливость, но одни доказываютъ, что смертная казнь согласна съ справедливостію, другіе, что она не согласна,—и даже болѣе: Мерингъ находитъ, что она есть проявленіе *силы*, а не справедливости, а Громанъ почти не находитъ различія между убійствомъ и смертною казнію и готовъ поставить судей на ряду съ убійцами въ родѣ Равальяка Grohm. Christ. und Vernunft, стр. 25. Каждый изъ этихъ писателей заявляетъ, что рѣшеніе этого вопроса только и возможно съ точки зрѣнія отвлеченной справедливости, и каждый старается опровергнуть другихъ, выходящихъ изъ этой же точки зрѣнія. Гегель критикуетъ Канта; Кестлинъ ихъ обоихъ, и кромѣ того Аббега и Рихтера; Абеггъ опровергаетъ мнѣнія Громана, Мерингъ — Абегга, и т. д. Что же это за общая справедливость, которая приводитъ къ двумъ противоположнымъ выводамъ и однимъ говоритъ: смертная казнь есть святое учрежденіе, она соотвѣтствуетъ моимъ требованіямъ; другимъ: смертная казнь мнѣ противна, она основывается на силѣ, а не на правѣ. Если эта справедливость, какъ утверждаютъ тѣ, которые на нее ссылаются при рѣшеніи вопроса о смертной казни, есть начало неизмѣнное, истина всѣми признанная, аксіома подобная той, которая говоритъ, что $2\times2=4$, а не больше; то откуда происходитъ между опирающимися на нее такое разногласіе, которое похоже на то, еслибы одни утверждали, что $2\times2=5$, а другіе $2\times2=6$. Не есть-ли это только субъективный взглядъ на справедливость тѣхъ, которые на нее ссылаются?

Дѣло въ томъ, что у человѣчества нѣтъ другой справедливости, кромѣ той, которая выразилась въ его законахъ: а эта справедливость не есть нѣчто цѣликомъ данное и неизмѣнное, а есть явленіе постоянно, хотя и крайне медленно, развивающееся и усовершенствующееся тысячелѣтнею жизнію народовъ. Человѣкъ постоянно стремится къ водворенію болѣе справедливыхъ отношеній: то, до чего онъ добылся теперь въ области права, было нѣкогда ему не извѣстно и совершенно чуждо его понятіямъ: то, до чего онъ достигнетъ будущими тысяче-

лѣтними усиліями, въ настоящее время или гадательно, или неизвѣстно. Еслибы человѣкъ обладалъ неизмѣняющимся понятіемъ справедливости, то онъ бы давно и всецѣло его осуществилъ, и не было бы права дикихъ народовъ, права варварскихъ народовъ, права средневѣковаго, а было бы одно право, которое бы во всѣ времена одинаково рѣшало частные вопросы, и въ томъ числѣ вопросъ о смертной казни; тогда бы и криминалисты, ссылаясь на понятіе справедливости, не высказывали-бы двухъ противоположныхъ взглядовъ, не спорили-бы другъ съ другомъ. Криминалисты и философы, рѣшавшіе разсматриваемый нами вопросъ съ точки зрѣнія справедливости, совершенно выпустили изъ виду дѣйствительную, человѣческую справедливость, измѣняющуюся и усовершенствующуюся, а соображались съ субъективною, составленною каждымъ изъ нихъ, на основаніи логическихъ соображеній: отъ того справедливость, по понятію однихъ, говорила въ пользу смертной казни, справедливость, по понятію другихъ,—противъ. Отъ того сколько ни усиливались разрѣшить вопросъ о смертной казни, выходя изъ произвольно составленнаго понятія справедливости, въ результатѣ пришли только къ совершенно противоположнымъ выводамъ; отъ того изслѣдованіе этого вопроса превратилось въ личный споръ, въ составленіе туманныхъ трактатовъ, не подвигающихъ ни на-волосъ уясненіе дѣла. Однакожъ, подобный ненадежный способъ изслѣдованія смертной казни дотого былъ ходячимъ въ Германіи, что въ 1833 г. пренія въ саксонскомъ сеймѣ въ значительной степени состояли изъ подобныхъ метафизическихъ тонкостей. Депутатъ Аммонъ, первый говорившій по поводу сдѣланнаго проф. Громаномъ предложенія о необходимости отмѣны смертной казни, занялъ вниманіе собранія: а) разсмотрѣніемъ уголовныхъ теорій о правѣ наказанія; б) опроверженіемъ положенія Громана: правовое наказаніе не должно нарушать ни одного права человѣка, а такъ какъ человѣкъ имѣетъ право жить, слѣдовательно наказывать человѣка смертію есть несправедливость и даже преступленіе; в) защитою положенія: несправедливость преступника можетъ быть такъ велика и тяжка, что его право—долѣе жить въ человѣческомъ обществѣ—совершенно прекращается, и смертная казнь въ этомъ случаѣ есть не преступленіе, а необходимое возстановленіе нарушеннаго права, и потому не можетъ быть поставлена на одну линію съ убійствомъ, какъ то утверждаетъ Громанъ. Christenthum und Vernunft. стр. 22 — 25. Во второй камерѣ Эйзенштюкъ объявилъ, что смертная казнь не справед-

лива, противорелигiозна, безнравственна и безполезна. Arch. Crim-Rechts. N. F. 1834. стр. 213.

Примѣчанiе.—Въ Германiи особенно много написано сочиненiй въ такомъ духѣ: сюда принадлежатъ: Reidel, Die Rechtmässigkeit der Todesstrafe. 1839. Это критика на сочиненiе Цепфля, противника смертной казни. Авторъ, въ первой части своего сочиненiя, доказываетъ, что только смертная казнь есть справедливое возстановленiе принципа права, что всякое другое наказанiе за убiйство не соразмѣрно; поэтому убiйца долженъ умереть на службу разума, идеи, нравственности, религiи, такъ какъ нѣтъ для него другаго средства примириться съ Богомъ, съ людьми и самимъ собою; пока люди вѣруютъ, что самъ Богъ долженъ былъ умереть за грѣхи мiра, до тѣхъ поръ, по убѣжденiю народа, великiй грѣшникъ долженъ умереть посредствомъ смертной казни. 1—9. Messerschmidt, Ueber die Rechtmässigkeit der Todesstrafe durch Enthauptung. 1840 г. Авторъ этого сочиненiя—врачъ—излагаетъ теорiю наказанiй, философiю справедливости смертной казни, и притомъ въ частности только посредствомъ отсѣченiя головы, и наконецъ предлагаетъ имъ изобрѣтенную машину, считая мечъ, топоръ и гильотину неудовлетворительными. Petöcz, Das Unmoralische der Todesstrafe. 1841 г. Большая часть этого сочиненiя состоитъ изъ предварительныхъ разсужденiй—philosophische Vorkenntnisse,—стр. 1—71, не вяжущихся съ вопросомъ о смертной казни; въ остальной авторъ доказываетъ весьма неубѣдительными метафизическими соображенiями безнравственность смертной казни; по его мнѣнiю, Спаситель своею смертiю избавилъ человѣчество отъ смертной казни, стр. 79, 88, 100; такимъ образомъ онъ утверждаетъ совершенно противоположное мнѣнiе Рейделю, хотя оба они опираются на одно и то же основанiе. Neubig, Die Rechtswidrige Todesstrafe und die rechtmässige Hinrichtung. Авторъ—противникъ смертной казни; по его мнѣнiю, справедливое наказанiе должно пробуждать сознанiе вины, которое бы вело къ исправленiю; никакая вина не можетъ быть наказываема внѣшнимъ чувственнымъ способомъ; смертною казнiю, которая уничтожаетъ всякую возможность исправленiя, менѣе, чѣмъ всякимъ другимъ наказанiемъ, искупается вина. Diestel, Das Problem der Todesstrafe, wissenschaftlich zu lösen versucht. 1848 г. Сочиненiе это, состоящее изъ 195 страницъ, съ великими претензiями на ученость, трактуетъ о многихъ философскихъ отвлеченностяхъ, и меньше всего о смертной казни; авторъ

думаетъ разрѣшить вопросъ о смертной казни посредствомъ цитатъ изъ Фихте, Шелинга, Гегеля, Гербардта, Тренделенбурга и другихъ о предметахъ, не вяжущихся съ смертною казнiю. Справедливость смертной казни онъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ: Прощенiе достигается только смертiю. Принесенiе въ жертву естественной жизни на алтарь духа, на алтарь Божiй есть единственное средство для излеченiя смертельной раны въ груди человѣка (т. е. преступленiя). Въ государствѣ алтарь этотъ есть эшафотъ. Преступникъ чрезъ свое преступленiе дѣлается животнымъ; будучи принесено въ жертву, это животное опять дѣлается человѣкомъ. стр. 194, 195. Schlatter, Das Unrecht der Todesstrafe. 1857 г. Это сочиненiе одно изъ лучшихъ и наиболѣе ясныхъ въ ряду философско-метафизическихъ. Christiansen, Ueber Qualität und Quantität der Strafe, mit besond. Beziehung auf die Todesstrafe. 1865 г. Авторъ находитъ, что смертная казнь удовлетворяетъ абсолютнымъ требованiямъ справедливости, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что ее легко замѣнить другимъ наказанiемъ.

Вслѣдствiе того, что цѣлое столѣтiе длится чрезвычайно однообразный, останавливающiйся на однихъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ пунктахъ теоретическiй споръ, безъ открытiя новыхъ сторонъ и новыхъ основанiй, самый вопросъ о смертной казни можетъ съ перваго раза показаться избитымъ полемъ для безполезныхъ метафизическихъ, не ведущихъ ни къ какимъ плодотворнымъ результатамъ словопренiй, а не предметомъ серьёзнаго научнаго изслѣдованiя. Дѣйствительно, это было-бы такъ, еслибы разработка этого предмета ограничилась одними метафизическими соображенiями, еслибы до сихъ поръ продолжали спорить только о томъ: давалъ-ли человѣкъ другимъ право на свою жизнь или не давалъ, полезно-ли для человѣчества пролитiе человѣческой крови или безполезно, или еслибы до сихъ поръ силились разрѣшить, на основанiи однихъ логическихъ соображенiй, безъ пособiя опыта, задачу: устрашаетъ или нѣтъ смертная казнь. Но этого не случилось: научная разработка вопроса о смертной казни приняла болѣе плодотворное философско-позитивное направленiе, которое, независимо отъ высоко-научнаго интереса, съ каждымъ годомъ даетъ прочныя основы для разрѣшенiя задачи нашего времени: быть или не быть смертной казни.

III. Уже Беккарiя, какъ писатель не любившiй абстрактныхъ теорiй, не подтверждаемыхъ опытомъ, старался, въ основанiе своихъ возраженiй противъ смертной казни, приводить доказательства опытныя, по-

черпнутыя изъ жизни народовъ: такъ, въ доказательство безполезности смертной казни, онъ указывалъ на то, что она не дѣлаетъ людей лучшими, и не устрашаетъ злодѣевъ; въ подтвержденіе того, что государства стоятъ и развиваются и безъ смертной казни, онъ приводилъ примѣръ Рима и Россіи въ царствованіе Елисаветы. Въ послѣдствіи, когда монахъ Фашинеи въ своихъ замѣчаніяхъ на его книгу обвинилъ его въ томъ, что онъ оспариваетъ у государей право наказывать смертію, Беккарія ссылался на стараніе современныхъ ему государей ограничить и уменьшить употребленіе смертныхъ казней, указывалъ на греческихъ императоровъ Маврикія, Анастасія и Исаака Ангела, которые отказывались дѣлать употребленіе изъ своей власти, когда дѣло шло объ осужденіи на смерть, а также на дѣятельность христіанъ первыхъ вѣковъ, которые гнушались смертной казни. Traité des delits et des peines, trad. par M. C. D. L. B. 1773 г. Reponse, p. 392—396, 401—404. Принятыя съ энтузіазмомъ мысли Беккаріи о смертной казни дали возможность, рѣшимость и теоретическое основаніе современнымъ ему законодателямъ приступить къ отмѣнѣ смертной казни на самомъ дѣлѣ. Хотя отмѣна эта въ Тосканѣ, Австріи, Баденѣ не устояла, но тѣмъ не менѣе ею блистательно были подтверждены на опытѣ теоретическіе доводы Беккаріи: никто даже изъ самыхъ горячихъ защитниковъ смертной казни не могъ, въ подтвержденіе необходимости ея, привесть хотя малѣйшій фактъ, который бы доказывалъ, что отмѣна ея въ упомянутыхъ государствахъ повлекла за собою увеличеніе преступленій, что она сдѣлала менѣе безопасными общественный порядокъ, жизнь и имущество гражданъ. Упомянутая отмѣна естественно низводила изслѣдованіе о смертной казни изъ заоблачныхъ сферъ теоріи на почву здраваго и нелживаго опыта. Со времени этого событія въ исторіи уголовнаго права, противники смертной казни получили точку опоры въ виду защитниковъ, которые имѣли за себя тысячелѣтнюю жизнь человѣчества. Въ 1789 г. и въ слѣдующихъ, во время великаго переворота во Франціи, вопросъ о смертной казни сдѣлался предметомъ живыхъ преній, въ національномъ и законодательныхъ собраніяхъ. Пренія эти были большею частію повтореніемъ того, что̀ высказалъ Беккарія и другіе писатели XVIII вѣка, какъ-то: Монтескьё, Руссо, Мабли; въ нихъ нельзя не замѣтить большой доли риторики и толкованій о правахъ человѣка. Тѣмъ не менѣе многіе ораторы старались поставить вопросъ на почву здраваго опыта, какъ

ни бѣдны были на самомъ дѣлѣ ихъ попытки. Лепелетье Сенъ-Фаржо указывалъ, въ доказательство безполезности смертной казни, на слѣдующіе факты: а) смертная казнь существуетъ во Франціи за домашнее воровство, и однакожъ, кто въ свою жизнь по крайней мѣрѣ разъ не былъ обворованъ невѣрнымъ слугою; б) въ Англіи законъ грозитъ смертною казнію почти за всякое воровство, и нигдѣ воровство не совершается такъ часто, какъ въ Англіи; в) въ Римѣ преступленія никогда не были такъ рѣдки, какъ въ то время, когда смертная казнь была изгнана изъ кодекса свободныхъ римлянъ, и стали умножаться по мѣрѣ введенія смертной казни; г) въ Тосканѣ съ отмѣною смертной казни послѣдовало уменьшеніе преступленій. Recueil des debats des assemblées leg. de la France sur quest. de la peine de mort, Ch. Lucas. 1831. стр. 33—34. Робеспьеръ требовалъ уничтоженія смертной казни, на томъ основаніи, что гдѣ казни расточаются, тамъ преступленія часты и жестоки, какъ напр. въ Японіи и въ Римѣ при императорахъ, и напротивъ умѣренныя наказанія и смягченіе казней влекутъ за собою уменьшеніе преступленій, чему служатъ доказательствомъ республики Греціи, республиканскій Римъ и Россія; смертная казнь должна быть уничтожена, потому что при сохраненіи ея неизбѣжны судебныя ошибки и казни невинныхъ; идея убійства внушаетъ менѣе ужаса, если самъ законъ даетъ примѣръ убійства, казня преступниковъ. ib. 84 — 87. Дюпоръ, одинъ изъ самыхъ благоразумныхъ противниковъ смертной казни законодательнаго собранія, прямо сказалъ, что не намѣренъ входить въ рѣшеніе метафизическаго вопроса: имѣетъ или нѣтъ общество право жизни и смерти надъ своими членами, а занялся защитою двухъ положеній: а) смертная казнь не способна подавить преступленія, за которыя она назначается; в) будучи далека отъ того, чтобы подавить, она напротивъ способствуетъ ихъ увеличенію. ib. 100—101.

Дальнѣйшей опытной разработкѣ вопроса о смертной казни наиболѣе способствовали англичане. Съ 1807 по 1812 г. серъ Ромильи, одинъ изъ знаменитѣйшихъ адвокатовъ своего времени, внесъ въ палату депутатовъ нѣсколько билей объ отмѣнѣ смертной казни за разные виды воровства. Вмѣстѣ съ другимъ депутатомъ Аберкромби, онъ, въ доказательство необходимости этой отмѣны, приводилъ цѣлый рядъ опытныхъ доказательствъ, какъ-то: положительное отвращеніе отъ назначенія смертной казни за эти преступленія обвинителей, свидѣтелей,

присяжныхъ, ненаказанность отсюда происходящую, увеличеніе количества осужденій, послѣ отмѣны смертной казни за нѣкоторыя преступленія,—и въ подкрѣпленіе всего этого онъ представилъ статистическія данныя. Arch. Cr. R. 1824 г. B. VI. Bemerk. ueber Engl. Criminges. in Bezug auf Todesstrafen von S. Romilly, mitgetheilt Asher. 113—135. Taitandier, Reflex. sur les lois pen. de Fr. et d'Angl. appendice. стр. 255—276. Тѣмъ же самымъ методомъ пользовался Макинтошъ, внесшій въ 1822 году билль въ парламентъ о необходимости исправленія жестокихъ уголовныхъ законовъ своего отечества: для доказательства того, что смертная казнь не способствуетъ безопасности и уменьшенію преступленій, онъ ссылался на статистику преступленій въ Англіи и Франціи,—и находилъ, что въ Англіи, гдѣ смертная казнь расточается съ средневѣковымъ обиліемъ, количество тяжкихъ преступленій, при меньшемъ народонаселеніи, несравненно больше, чѣмъ, при несравненно большемъ народонаселеніи, во Франціи, гдѣ законы гораздо менѣе расточительны на смертную казнь. Tailandier. c. 277—307. Еще въ 1819 г. въ Англіи наряжена была коммиссія, которой поручено было пересмотрѣть всѣ постановленія относительно преступленій, угрожаемыхъ смертною казнію, и опредѣлить: насколько это наказаніе соотвѣтствуетъ важности того или другаго преступленія. Вслѣдствіе предложенія Макинтоша образована была вторая коммиссія для той же цѣли. Вмѣсто того, чтобы пускаться въ отвлеченные споры, что смертная казнь не есть преступленіе, а судья не Равальякъ или наоборотъ, обѣ эти коммиссіи изслѣдовали этотъ вопросъ при помощи позитивнаго метода. Во-первыхъ, онѣ привели въ извѣстность современное состояніе уголовнаго законодательства въ Англіи вообще и въ частности законы о смертной казни. Во-вторыхъ, онѣ призывали въ свои засѣданія и выслушивали мнѣнія экспертовъ, какъ-то: директоровъ тюремъ, врачей, тюремныхъ священниковъ, которые наблюдали осужденныхъ въ послѣднія минуты, а также судей, государственныхъ прокуроровъ и адвокатовъ, имѣвшихъ сношенія съ осужденными на смерть, наконецъ гражданъ изъ различныхъ классовъ общества. Въ-третьихъ, онѣ пересмотрѣли реэстры, истребовали отчеты, собрали статистическія свѣдѣнія. Опираясь на всѣ эти матеріалы, онѣ сдѣлали выводы о необходимости отмѣны смертной казни за разныя преступленія. Mitterm. Богород. т. II, 335, 336, 351, 352. Труды этихъ и за тѣмъ слѣдующихъ коммиссій 1829, 1836 и 1847 г.г. были обнародованы. Главнѣйшіе законы, коими отмѣнена была смертная

казнь за многія преступленія, какъ-то законы 1832 и 1837 г.г., были изданы согласно изысканіямъ этихъ коммиссій. Arch Cr-R. 1833 г. стр. 316; 1834 г. стр. 17, 18. Отчеты о трудахъ коммиссіи 1836 г. см.: Mittermaier, Zeitschrift Gesetzgeb. Ausland. B. X. стр. 239—241. Arch. Crim-Rechts, 1840 г. стр. 590. О двухъ рапортахъ коммиссіи 1847 г. см. Kritische Zeitschr. 1850 г. 465—477. Рядомъ съ этими трудами, предпринятыми съ чисто законодательными цѣлями, являются въ Англіи подобнаго же рода и направленія работы о смертной казни, предпринятыя частными лицами. Сюда принадлежатъ: собраніе сочиненій, изданное обществомъ, составившимся въ Дублинѣ съ цѣлію содѣйствія уничтоженію смертной казни, подъ заглавіемъ: Howard society. Dublin. 1832 г. Такое же собраніе, изданное другимъ подобнымъ же обществомъ, носящимъ названіе: Society, for diffusion of information on the subject of capital punishments. Въ изданныхъ этими обществами сочиненіяхъ, большею частію рѣчахъ, много, по увѣренію Миттермайера, декламаціи, но много и дѣла: таково сравненіе наказаній, налагаемыхъ за важнѣйшія преступленія въ Англіи и Америкѣ; таковы исторія англійскаго законодательства о подлогахъ, свѣдѣнія о дѣйствіи смертной казни. Anti-Draco, or reasons for abolishing the punishment of death in cases of forgery. London. 1830 г.; сочиненіе доказывающее неумѣстность смертной казни за подлогъ. Raport'ы 1830 и 1832 г. собраній, сходившихся по поводу петицій о смягченіи наказаній; во второмъ рапортѣ изложено 12 оснований противъ смертной казни. Замѣчательна, по увѣренію Миттермайера, статья противъ смертной казни, помѣщенная въ The Jurist, Journal of jurisprudence and legestation, Heff X. p. 44. Авторъ этой статьи приводитъ четыре довода противъ смертной казни: а) народъ въ видѣ присяжныхъ, свидѣтелей, и т. д. болѣе и болѣе отвращается отъ смертной казни; б) она не устрашаетъ; в) она поддерживаетъ въ народѣ грубые и жестокіе инстинкты; г) она уничтожаетъ возможность исправленія. Andrews, Criminal-law being a commentary on Bentham on Death punishment. London. 1833 г. Смертная казнь не уменьшаетъ числа преступленій, казни невинныхъ, произволъ въ помилованіи—вотъ главнѣйшіе доводы автора противъ этой казни. Wakefield, Facts relating to the punishment of death in the metropolis. London. 1831 г. Авторъ, сидя въ тюрьмѣ, имѣлъ случай наблюдать приговоренныхъ къ смертной казни. Доводы его: смер. казнь не только не достигаетъ цѣли, но и ведетъ къ безнаказанности тяжкихъ престу-

пленій и ихъ увеличенію; смертный приговоръ на большинство осужденныхъ не производитъ никакого благодѣтельнаго дѣйствія, чаще же служитъ поводомъ къ обнаруженію грубости и цинизма. Old Bayley experience criminal jurisprudence and the actual working of our penal code of laws. London. 1833 г. Авторъ этого сочиненія, имѣвшій случай въ качествѣ защитника наблюдать способъ осужденія на смерть и самихъ осужденныхъ, сообщаетъ множество фактовъ, доказывающихъ: безсиліе смертной казни уменьшить преступленія, содѣйствіе ея увеличенію ихъ, невознаградимость ошибки, произволъ помилованій. Wrightson, On the punishment of death. London. 1834 г. Авторъ возстаетъ противъ смертной казни, какъ наказанія не достигающаго цѣли; въ доказательство чего приводитъ судебно-практическіе и историческіе факты и статистическія данныя. The punishment of death, a selection of articles from the Morning Herald, Vol. II. London. 1837 г. Это собраніе статей, которыя помѣщаемы были въ Morning Herald, выше упомянутымъ вторымъ обществомъ отмѣны смер. казни; этотъ сборникъ содержитъ богатое собраніе статистическихъ данныхъ, по разнымъ вопросамъ относящимся къ смертной казни, а также петицій, рѣчей, случаевъ, доказывающихъ несправедливость приговоровъ, вредное дѣйствіе казней, произволъ помилованій и т. под. Woolrych, The history and results of the present capital punishments in England to wich are addet full tables of convictions, executions. London. 1832 г. Сочиненіе, сколько можно судить по отчету Миттермайера, очень замѣчательное по богатству историческихъ и статистическихъ данныхъ; авторъ излагаетъ законы съ древнѣйшихъ временъ относительно отдѣльныхъ преступленій, и статистическія данныя, доказывающія несостоятельность и даже вредъ существованія смертной казни за разныя преступленія, какъ-то: контрабанду, изнасилованіе, содомію, воровство, разбой, поджогъ, и поддѣлку монеты. Отчеты объ этихъ работахъ см.: Arch. Crim-R. 1833 г. B. XIII, стр. 314—316; 1834 г. стр. 12—24; 1836 г. с. 296—298; 1841 г. стр. 313—316. Изъ новѣйшихъ, явившихся въ Англіи, сочиненій о смертной казни особенно замѣчательно: Alfred'a Dymond'a, The Law on its trial: or personal recollections of the death penalty and its opponents. London. 1865 г. Это богатѣйшее собраніе фактовъ и опытовъ, доказывающихъ безполезность и несправедливость смертной казни. Обстоятельный отчетъ объ этомъ сочиненіи см.: Allgem. Deutsche Strafrechtszeitung, стат. Миттерм. 553—561.

Библиотека Коммунистической Академии.

Философско-позитивное направленіе, данное англичанами изслѣдованію разсматриваемаго нами вопроса, имѣло рѣшительное вліяніе на работы французскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ. Вторая и третья часть вышеприведеннаго нами сочиненія Люкаса видимо составлена подъ этимъ вліяніемъ: ссылка на Ромильи, Аберкромби, Макинтоша, статистическія цифры у нихъ заимствованныя, цитаты изъ англійской и американской жизни—все это подтверждаетъ высказанное положеніе. Еще сильнѣе упомянутое вліяніе и опытный методъ изслѣдованія проявился у Дюкпетьё, въ его сочиненіи: De la mission de la justice humaine et de l'injustice de la peine de mort; et de la justice de repression et particulièrement de l'inutilité et des effets pernicieux de la peine de mort. 1827 г. Дюкпетьё въ первой части этого сочиненія (стр. 1—16) повторяетъ теорію Ливингстона и Люкаса о ненарушимости и неотчуждаемости жизни человѣческой, хотя онъ не претендуетъ на не совсѣмъ надежную глубину философствованія; онъ проще и яснѣе. Вторая половина его сочиненія (De la justice de repression, стр. 1—99) чрезвычайно богата—несравненно богаче чѣмъ у Люкаса—статистическими соображеніями, приведенными въ доказательство de l'inutilité et des effets pernicieux de la peine de mort. Оба эти писателя расширили объемъ опытныхъ доказательствъ тѣмъ, что кромѣ статистическихъ данныхъ, касающихся англійской юстиціи, они собрали такія же и относительно Франціи, что̀ было имъ легко сдѣлать, такъ какъ во Франціи съ 1825 г. стали ежегодно выходить офиціальные отчеты о ходѣ юстиціи, чрезвычайно богатые статистическими цифрами. Въ подобномъ же духѣ написаны другіе труды Дюкпетьё, какъ-то: De la peine de mort. 1827 г. De la justice prevoyance, particulièrement de l'influence de la misère et de l'aisance, de l'ignorance et de l'instruction sur le nombre des crimes. 1827 г. Apologie de la peine de mort par Asser, avec quelques observations critiques par Ducpetiaux. 1827 г. Statistique de la peine de mort en Belgique, en France et en Angleterre. 1834. La question de la peine de mort envisagée dans son actualité. 1865 г. Не смотря на бо́льшую склонность къ фразѣ, Румье, подражатель Люкаса, преимущественно въ двухъ главахъ, III и IV своего Plus d'echaffauds, употребляетъ тотъ же методъ, приводя, кромѣ статистическихъ данныхъ, опытныя доказательства, преимущественно изъ современной ему судебной практики. На ряду съ этимъ послѣднимъ сочиненіемъ слѣдуетъ упомянуть сочиненіе Гизо: De la peine de mort en matière politique. 1822 г. Гизо въ этомъ сочиненіи широковѣщате-

ленъ и богатъ на громкія, мало опредѣленныя слова и фразы; съ этой стороны сочиненіе его не могло-бы быть поставлено на ряду съ Дюкпетьё и другими однородными трудами. Но склонность къ риторикѣ не помѣшала, однакожъ, Гизо сдѣлать чрезвычайно вѣрный и основательный анализъ характера политической жизни народовъ прежнихъ вѣковъ и нынѣшняго времени, и вывести заключеніе, что измѣнившіяся обстоятельства не требуютъ смертной казни за политическія преступленія. Въ послѣднее время изданы на французскомъ языкѣ труды ассоціаціи, образовавшейся въ Литтихѣ, съ цѣлію содѣйствовать отмѣнѣ смертной казни; труды эти носятъ заглавіе: Publications de l'association pour l'abolition de la peine de mort. N 1, 2, 3 и 4. 1863—1865 г.г. Въ этихъ трудахъ особенно замѣчательны работы проф. Тониссона, Ниппельса, доктора Дезора и Фишера.

Въ Германіи однимъ изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей опытнаго метода изслѣдованія является Миттермайеръ. Въ этомъ отношеніи ему принадлежитъ большая заслуга; среди потока самой туманной, произвольной и лишенной реальной основы философіи, самонадѣянно выдававшей себя за голосъ самой истины, онъ остался трезвымъ и толковымъ изслѣдователемъ вопроса о смертной казни. Въ теченіи 50-ти лѣтъ онъ внимательно слѣдилъ за успѣхами изслѣдованія этого вопроса, во всѣхъ государствахъ западной Европы. Съ 1828 г. до настоящаго времени идетъ рядъ его работъ, большею частію помѣщенныхъ въ юридическихъ журналахъ, но также и отдѣльно изданныхъ. Вотъ ихъ перечень: Neues Archiv-Criminalrechts, 1828 г. В. X. Neueste criminalistische Literatur: Schriften ueber Todesstrafe; отчетъ о двѣнадцати вновь вышедшихъ сочиненіяхъ, не подписанный авторомъ, но несомнѣнно ему принадлежащій. 1832 г. В. XII, § IV. Von den Ergebnissen der neuesten legislativen Erscheinungen in Bezug auf Anwendung der Todesstrafe. стр. 206—224. 1833 г. В. XIII. Beurtheilung der neu. crim. Schriften insb. ueber die Todesstrafe, стр. 304—318. 1834 г. Neue Folge, Ueber den neuesten Stand der Ansichten in England, Nordamerika, Frankreich, Italien und Deutschland, betreffend die Aufhebung der Todesstrafe. стр. 1—33, 195—227. 1836 г. Ueber die neuesten Fortschritte der Gesetzgebung und Wissenschaft in Europa und Amerika, die Aufhebung der Todesstrafe betreffend. стр. 1—30, 292—311. 1840 г. Die Todesstrafe nach dem neuesten Stande der Ansichten in England, Nordamerika, Frankreich, Belgien, Dänemark, Schweden, Russland, Italien und

Deutschland ueber die Aufhebung dieser Strafart. стр. 442—463, 583—610; продолж. въ 1841 г. стр. 1—23, 311—348. 1848 г. Die Todesstrafe in ihrem Verhältniss zur Begnädigung und zur Vollziehung der Strafe. стр. 408—419. Hitzig's Zeitschrift, Ueber die Bedingungen, unter welchen der Gesetzgeber auf gerechte und zweckmässige Weise von den Todesstrafen Gebrauch machen kann. B. IV. стр. 317—352. Krit. Zeitschrift für Rechtswis. und Gesetzgeb. des Ausl. 1843 г. Die Fortschritte der Gesetzgebung in England, in Bezug auf die Aufhebung der Todesstrafe. B. 5, Heft. 2. 267—274. 1850 г. Ergebniss etc. B. XXII. 3 Heft. стр. 463—477. Въ 1862 г. Миттермайеръ издалъ отдѣльное изслѣдованіе о смертной казни подъ заглавіемъ: Die Todesstrafe, nach den Ergebnissen der wissenschaftlichen Forschungen, der Fortschritte der Gesetzgebung und der Erfahrungen. За тѣмъ слѣдуетъ рядъ его статей, напечатанныхъ въ Allgemeine Deutsche Strafrechtszeitung Голтцендорфа, именно: 1862 г. Die Todesstrafe. Der neueste Stand der Frage ueber Beibehaltung der Strafe und der Juristentag. № 48. стр. 733—741; № 49. 749—762. 1863 г. Heft. 3. Neue Mittheilungen zur Verständigung ueber die Beibehaltung des Todesstrafe. стр. 113—133. 1865 г. Heft 11. Die Erfahrungen Englands in Bezug auf die Frage ueber Aufhebung der Todesstrafe. стр. 553—564. 1866 г. Die Todesstrafe nach dem Standpunkte des Ergebnisses neuerer Verhandlungen, wissenschaftlicher Leistungen und Erfahrungen im Jahre 1865. 1 Heft. 1—29. 2 Heft. 73—100. Работы Миттермайера представляютъ богатѣйшее собраніе свѣдѣній и опытовъ относительно смертной казни; здѣсь находится отчетъ о всѣхъ или почти всѣхъ сочиненіяхъ, вышедшихъ въ этотъ періодъ времени въ Европѣ и въ Америкѣ; ни одно обсужденіе этого вопроса, происходившее въ законодательныхъ палатахъ, ни одна законодательная перемѣна, можно сказать, ни одинъ сколько нибудь замѣчательный, новый фактъ для оцѣнки этого предмета не оставлены имъ безъ вниманія; онъ собралъ и свелъ въ одно цѣлое множество статистическихъ данныхъ не только относительно смертной казни въ Англіи и Франціи, — что̀ было сдѣлано до него, — но относительно того же въ Германіи и въ другихъ странахъ Европы,—трудъ одному ему принадлежащій.—Чтобы судить насколько Миттермайеръ обязанъ направленіемъ своихъ работъ трудамъ англичанъ и ихъ послѣдователей, въ родѣ Дюкпетьё, я приведу слова знатока англійской литературы этого предмета, доктора Дезора изъ Литтиха (Desoer): »Миттермайеръ, такъ говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ о стремленіи къ отмѣнѣ смерт-

ной казни въ Англіи, почерпнулъ большинство фактовъ въ Англіи..... Достаточно перелистать его книгу, чтобы судить какою великою помощью служили для него англійскіе документы«. Publication de l'association pour l'abolition de la peine de mort. № 4. стр. 11. Только тѣмъ, что Миттермайеръ подвергнулъ разсматриваемый нами вопросъ опытному изслѣдованію и можно объяснить то вниманіе и тѣ похвалы, съ которыми принято было во всѣхъ странахъ Европы отдѣльно изданное имъ изслѣдованіе: Die Todesstrafe. 1862 г. Поставь онъ вопросъ на шаткую точку произвольно-изобрѣтенныхъ теорій, или сдѣлай онъ изъ него предметъ полемическихъ упражненій,—его трудъ, подобно многимъ, написаннымъ въ этомъ духѣ въ Германіи, остался-бы незамѣченнымъ и безъ всякихъ результатовъ; тогда какъ теперь онъ переведенъ на главнѣйшіе языки Европы: французскій, англійскій, италіянскій и русскій; въ англійскомъ переводѣ Муара (Moir) онъ купленъ лондонскимъ обществомъ уничтоженія смертной казни и распространенъ въ большомъ числѣ экземпляровъ. ib. стр. 11. Трудъ его въ Германіи не имѣетъ себѣ подобнаго: при общемъ направленіи германской науки вдаваться въ изобрѣтеніе теорій, не оправдываемыхъ опытомъ, только немногіе германскіе ученые пошли по дорогѣ, пробитой въ Германіи Миттермайеромъ; къ нимъ можно причислить отчасти: Arch. Cr. R. B. IV, W. Böhmer, Ueber die Wahl der Todesstrafen, стр. 56—75, 343—386; B. V. 559—624; B. VI. стр. 65—112. Hepp, Ueber den gegenwärtigen Stand der Streitfrage ueber die Zulässigkeit der Todesstrafe. 1836 г. Arch. Crim. R. 1847 г. Ueber Missbrauch der Todesstrafe. стр. 461—520; 1848 г. стр. 130—179. Fr. Noellner, Wissenschaft und Leben in Beziehung auf die Todesstrafe. 1845 г. Marquardsen, Die Todesstrafe in England, Krit. Zeitschr. für Rechtswissen. und Gesetzgeb. des Ausl. 1850 г. B. XXII. 3 Heft. стр. 478—496; 1851 г. B. XXIII. 2 Heft. 202—229. 3 Heft. стр. 311—329. Berner, Abschaffung des Todesstrafe. 1861 г.

Но прежде чѣмъ Миттермайеръ окончательно усвоилъ опытный методъ изслѣдованія, прежде чѣмъ рѣшился признать добытые посредствомъ его результаты, онъ долго колебался и хотѣлъ примирить не примиримое. Вслѣдствіе этого взглядъ его на смертную казнь первоначально далеко отступалъ отъ того, что̀ онъ впослѣдствіи сталъ утверждать, хотя опыты и тогда и теперь оставались почти одни и тѣ же. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ онъ допускалъ смертную казнь съ нѣкоторыми оговорками; онъ порицалъ то, за что̀ позже сталъ

ратовать. Въ критическомъ отчетѣ, написанномъ 1828 г. о разныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ смертной казни, онъ утверждалъ: а) Смертная казнь справедлива, какъ только, по общему убѣжденію, она является мѣрою, полезною противъ дѣйствій, угрожающихъ существованію государствъ. б) Увлекаются сантиментальностью и впадаютъ въ крайность, когда утверждаютъ, что смертная казнь не устрашаетъ: говорить, что смертная казнь не устрашаетъ, потому что гдѣ меньше смертныхъ казней, тамъ и меньше преступленій, значитъ утверждать: post hoc, ergo propter hoc; доказывать, что она не устрашаетъ, потому что тяжкія преступленія совершаются подъ висѣлицею или непосредственно послѣ казней, значитъ забывать, что смертная казнь удерживаетъ не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ, и что дѣло идетъ не о мнѣніяхъ нѣкоторыхъ, а о мнѣніяхъ большинства гражданъ, которые считаютъ смертную казнь устрашительною. в) Смертную казнь не можетъ замѣнить система исправительныхъ тюремъ; есть преступники, на исправленіе которыхъ разсчитывать почти нѣтъ возможности: раскаяніе нѣкоторыхъ въ минуту высшаго потрясенія не надежно: ловкій преступникъ, замѣтивши чего отъ него требуютъ, станетъ лицемѣрить. Arch. Cr. R. 1828 г. B. X. Въ 1832 г. въ своей обширной статьѣ: Ueber Neuesten Zustande der Strafgesetzgebung. Arch. Crim. Rechts. 1832. B. XII, онъ опять объявляетъ себя защитникомъ смерт. казни. Обозрѣвши мнѣнія разныхъ писателей, какъ-то Ливингстона, Росси, Броли и многихъ другихъ, онъ дѣлаетъ слѣдующіе общіе выводы: 1) Еслибы была доказана несправедливость смертной казни, то не слѣдовало болѣе сохранять это наказаніе: простая полезность не есть доказательство за ея сохраненіе. Не трудно доказать несостоятельность ученія объ общественномъ договорѣ, сомнѣній въ нравственной природѣ наказанія, какъ реакціи справедливости, матеріалистическаго взгляда на жизнь индивидуума — ученій, изъ которыхъ дѣлаютъ выводы о несправедливости смертной казни. стр. 213. 2) Слабо также доказательство Росси противъ смертной казни, состоящее въ томъ, что она недѣлима; недѣлимости можно избѣгнуть, если опредѣлить смертную казнь за тягчайшія изъ смертныхъ преступленій, напр. за тяжкіе виды поджога, и если уполномочить судью, при существованіи смягчающихъ обстоятельствъ, опредѣлять, вмѣсто смертной казни, лишеніе свободы. стр. 214. 3) Несправедливо мнѣніе тѣхъ, которые, доказывая, что нѣкоторые роды смертныхъ казней не причиняютъ никакой боли, выводятъ

заключеніе, что смертная казнь не устрашаетъ. Кто поручится, что тамъ, гдѣ смертная казнь вовсе уничтожена, не увеличится побужденіе къ преступленію, и отъ того не уменьшится чувство гражданской безопасности, вслѣдствіе увѣренности людей способныхъ къ преступленію, что это ужасное наказаніе не будетъ болѣе примѣнено, и вслѣдствіе надежды ихъ на возможность освободиться изъ тюрьмы. стр. 215 — 217. 4) Вопросъ о смертной казни находится въ тѣсной связи съ пенитенціарной системой. Но сдѣланные до сихъ поръ опыты надъ всеобщею способностію преступниковъ къ исправленію не вполнѣ достаточны. Притомъ же зло исправленія и наказаніе не могутъ замѣнить другъ друга, и принципъ справедливости, требующій соразмѣренія величины наказанія съ величиной преступленія, будетъ нарушенъ, если напр. съ убійцами и поджигателями тягчайшаго разряда станутъ обращаться такъ же какъ съ тѣми, которые сдѣлали покушеніе на то и другое. Ни ливингстоново пожизненное, одиночное, какъ въ гробу заключеніе, ни стромбекова гражданская смерть, какъ суррогаты смертной казни, не могутъ быть приняты, какъ мѣры, противныя чувству человѣчности. стр. 219—224. Спустя два года, въ заключеніе двухъ новыхъ своихъ спеціальныхъ статей о смертной казни, Arch. Cr.-Recht. 1834 г., Миттермайеръ опять повторилъ тѣ же или почти тѣ же доводы за смертную казнь съ нѣкоторыми варіяціями. Недостаточны попытки доказать несправедливость смертной казни, говоритъ онъ. Не убѣдительны также доказательства противъ смертной казни, почерпнутыя изъ библіи. Смертная казнь оправдывается не тою справедливостью, которая требуетъ восточнаго возмездія, хочетъ крови за кровь; равнымъ образомъ и не тою, которая хочетъ преступника принесть въ искупительную жертву разгнѣванному божеству, или, муча себя мистическими формулами, старается наказаніемъ уничтожить нравственное зло, внесенное преступникомъ въ нравственный міровой порядокъ; а тою справедливостью, которая одобряетъ только то наказаніе, которое, соотвѣтствуя величинѣ вины, представляется необходимымъ и посредствомъ другихъ наказаній незамѣнимымъ. Еслибы у извѣстнаго народа завѣдомо существовало отвращеніе отъ смертной казни, то дальнѣйшее ея существованіе нельзя было-бы одобрить. Съ другой стороны, отмѣнить смертную казнь въ то время, когда народъ считаетъ ее необходимою, значило-бы поступить вопреки справедливости и чувству общей безопасности. Смертная казнь не

должна быть опредѣляема безусловно; этимъ устраняется два возраженія противъ смертной казни, именно, что ею отнимается возможность исправленія, и что смертная казнь не допускаетъ постепенности. Уголовною статистикою должно пользоваться осторожно: пользующіеся ею доказываютъ, что продолженіе смертной казни увеличиваетъ число преступленій, а уничтоженіе уменьшаетъ, тогда какъ уменьшеніе можетъ произойти отъ энергіи правительства. стр. 215—227. Въ сороковыхъ годахъ взглядъ Миттермайера на смертную казнь нѣсколько измѣняется: онъ колеблется еще болѣе между противниками и защитниками смертной казни, и повидимому готовъ стать на сторону первыхъ, хотя онъ хочетъ доказать, что и ихъ доводы не всѣ и не совсѣмъ убѣдительны. Прослѣдивши въ четырехъ статьяхъ Arch. Crim-rechts 1840 и 1841 г. г. тогдашнее положеніе этого вопроса, онъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) Способы, которыми защитники смертной казни хотятъ ее оправдать, не удовлетворительны; сюда принадлежатъ: теорія экспіаціи, теорія спасенія души посредствомъ погибели тѣла, разные другіе мистическіе доводы и поверхностныя фразы, и наконецъ ссылка на тысячелѣтнюю практику. Также не имѣетъ доказательной силы положеніе, что убійство, какъ тягчайшее преступленіе, требуетъ уничтоженія преступника. Arch. 1841 г. стр. 332, 333, 337. 2) Христіанская церковь гнушалась пролитіемъ крови и не сомнѣвалась въ исправимости преступника. Представлять казнь религіознымъ актомъ—значитъ считать божество способнымъ по-человѣчески гнѣваться на преступника и находить удовольствіе въ кровавыхъ жертвахъ. стр. 333, 334. 3) Пока преклонялись предъ теоріею устрашенія, оправданіе смертной казни было легко: какъ не основательны выводы, по которымъ смертная казнь должна основываться на теоріи устрашенія, доказано итальянскимъ писателемъ Карминьяни. стр. 336. 4) Теорія исправленія имѣетъ также вліяніе на вопросъ о сохраненіи смертной казни: тѣ, которые признаютъ нѣкоторыхъ преступниковъ неспособными къ исправленію, основываются на обманчивомъ, не согласномъ съ опытомъ предположеніи. стр. 336, 337. 5) Много такихъ писателей, которые признаютъ справедливость смертной казни, но оспариваютъ ея цѣлесообразность. Этимъ они подвергаютъ сомнѣнію самую справедливость, потому что справедливость смертной казни можетъ быть признана только тогда, когда доказана ея необходимость, и наоборотъ: справедливость смертной казни падаетъ, если доказана ея нецѣлесообразность. стр. 340. За тѣмъ онъ повторяетъ

нѣкоторыя свои сомнѣнія противъ доводовъ тѣхъ, которые стоятъ за отмѣну смертной казни. стр. 341—348. Прошло двадцать лѣтъ; въ промежутокъ этого времени, въ 1848 г., въ Германіи обнаружилось сильное желаніе общества произвесть необходимыя реформы и въ томъ числѣ отмѣнить смертную казнь. Подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, собравшійся тогда народный сеймъ во Франкфуртѣ внесъ въ число правъ нѣмецкаго народа и отмѣну смертной казни; на этомъ сеймѣ вотировали за эту мѣру спеціалисты, которые прежде рѣшительно стояли противъ нея: Миттермайеръ могъ легко пристать къ отмѣнѣ, потому что, какъ видно изъ вышесказаннаго, убѣжденія его за семь лѣтъ предъ тѣмъ явно клонились къ тому. Въ 1862 году онъ издалъ вышеупомянутый отдѣльный трудъ. Трудъ этотъ, ни относительно способа изслѣдованія, ни въ значительной степени относительно матеріаловъ, не представляетъ въ сущности ничего новаго, противъ его многочисленныхъ статей о томъ же предметѣ; но за то онъ новъ относительно самого автора, который является въ немъ рѣшительнымъ противникомъ смертной казни. Въ концѣ этой работы, онъ дѣлаетъ слѣдующія соображенія въ доказательство того, что это наказаніе и безполезно и не нужно: а) прежде тысячи гибли на эшафотѣ, тогда какъ теперь намъ стыдно за подобное варварство, которое освящено было закономъ; б) предложенія объ отмѣнѣ смертной казни съ каждымъ днемъ увеличиваются и исходятъ не отъ кабинетныхъ теоретиковъ, не отъ людей, желающихъ потрясти всѣ основы общества, или надѣющихся избѣжать смертной казни, а отъ людей благороднѣйшихъ, почтеннѣйшихъ, высокопоставленныхъ и опытныхъ въ общественныхъ дѣлахъ; в) число лицъ сомнѣвающихся въ справедливости и цѣлесообразности этого наказанія во всѣхъ странахъ и во всѣхъ классахъ народа съ каждымъ годомъ увеличивается и грозитъ подорвать уваженіе къ закону признающему его; г) опредѣляя смертную казнь, законодатель вторгается въ область Божества, которому только одному и принадлежитъ право распоряжаться жизнію человѣка; д) смертная казнь противна духу ученія Христова и стремленіямъ отцовъ церкви; е) послѣ того какъ доказано, что каждый преступникъ способенъ къ исправленію, смертная казнь становится не умѣстною; ж) она гораздо слабѣе дѣйствуетъ, чѣмъ другія наказанія, потому что преступникъ имѣетъ болѣе надежды избѣжать наказанія тогда, когда законъ угрожаетъ смертію, чѣмъ тогда, когда онъ угрожаетъ другимъ наказаніемъ; з) она не устрашаетъ или почти не устрашаетъ, потому что

количество преступленій, при ея существованіи, не только не уменьшается, но еще и увеличивается; и) смертная казнь есть наказаніе неотмѣнимое и невознаградимое, въ томъ случаѣ, когда открыто, что казненъ невинный; і) она имѣетъ деморализирующее дѣйствіе на народъ. §§ 14, 15 и 16.

Нѣкотрые упрекаютъ Миттермайера за непостоянство убѣжденій: вчерашній защитникъ смертной казни, онъ сегодня возстаетъ противъ нея. Этотъ упрекъ не совсѣмъ основателенъ. Правда, Миттермайеръ, по силѣ и проницательности ума, не принадлежитъ къ первостепеннымъ мыслителямъ, въ родѣ Бентама, Стюарта Миля, Фейербаха; читая его произведенія вообще и въ частности труды по вопросу о смертной казни, иногда поражаешься его эклектизмомъ, его слабостію мысли, его противорѣчіями и шатаніями въ ту и другую сторону: все это указываетъ на качества его ума, которыя условливали отчасти, но только отчасти, то, что онъ изъ защитника смертной казни превратился потомъ въ рѣшительнаго ея противника. Но было-бы крайне несправедливо, это явленіе приписывать только личнымъ качествамъ писателя; причина его лежитъ несравненно глубже—въ свойствѣ общественныхъ наукъ и отношеній къ нимъ общества. Открытія, дѣлаемыя общественными науками вообще и наукою уголовнаго права въ частности, тѣсно связаны съ видоизмѣненіемъ жизни человѣчества, такъ что только то или другое видоизмѣненіе и дѣлаетъ возможнымъ подтвердить несомнѣнными доказательствами то или другое открытіе. Эту возможность не въ состояніи восполнить никакая частная сила ума, никакая проницательность, никакой геній. Далѣе: новыя открытія всегда являются бо́льшимъ или меньшимъ опроверженіемъ старыхъ убѣжденій, представителями которыхъ служатъ старые вѣковые порядки, привычные обществу, любезные ему, какъ все знакомое, и представляющіеся ему единственно благонадежными и полезными. Вслѣдствіе этого, общество относится подозрительно къ новымъ открытіямъ, боится отъ нихъ бѣды, и начинаетъ считать людьми опасными тѣхъ, которые сдѣлали это открытіе. Это-то отношеніе общества къ новымъ открытіямъ не можетъ не имѣть запугивающаго, притупляющаго вліянія на умъ изслѣдователя; оно прямо гонитъ его изъ области объективнаго изслѣдованія во временныя и субъективныя соображенія. Наукамъ общественнымъ предстоитъ еще трудъ отыскать и упрочить объективный методъ изслѣдованія и вмѣстѣ ту независимость отъ какихъ бы

то ни было партій, безъ которой немыслимы будущіе ихъ прочные успѣхи.

Итакъ, только благодаря тому, что изслѣдованіе о смертной казни стало опираться на опытъ, на факты изъ жизни народовъ, разработка этого вопроса представляетъ прочные результаты. Если отъ будущихъ работъ можно ожидать дѣла, то только подъ условіемъ, если эти работы будутъ направлены по указанному пути. Не такъ, впрочемъ, думаютъ нѣкоторые германскіе криминалисты, изъ числа коихъ мы назовемъ извѣстнѣйшихъ: Кёстлина и Бернера; самъ Миттермайеръ, который успѣхами своихъ работъ единственно обязанъ опытному методу, заплатилъ въ этомъ отношеніи дань общераспространенному среди ученыхъ Германіи мнѣнію. Кёстлинъ въ своей системѣ нѣмецкаго уголовнаго права, при разсмотрѣніи вопроса о смертной казни, высказалъ ту мысль, что рѣшеніе этого вопроса возможно преимущественно только съ точки зрѣнія права. Подъ этою точкою зрѣнія онъ разумѣетъ главнымъ образомъ абсолютныя теоріи Канта, Гегеля, Абегга и Рихтера. »Здѣсь (т. е. при разсмотрѣніи вопроса о смертной казни), говоритъ онъ, скорѣе необходимо, отправляться отъ точки зрѣнія абсолютныхъ теорій—это будетъ тѣмъ безпристрастнѣе, что именно на этой почвѣ стоятъ важнѣйшіе защитники смертной казни«. Онъ считаетъ не стоющими никакой цѣны приводимыя противъ смертной казни слѣдующія основанія: смертная казнь не нужна ни для устрашенія ни для безопасности; она отнимаетъ у государства можетъ быть способныхъ къ труду членовъ; она дѣйствуетъ неравномѣрно, не приноситъ никакой пользы пострадавшему отъ преступленія; она недѣлима; она невознаградима и невозвратима въ случаѣ ошибки. стр. 443—447. Трудно понять, на какомъ основаніи Кёстлинъ считаетъ юридическою точкою зрѣнія теорію Канта и Гегеля, защищавшихъ положеніе: равное за равное, кровь за кровь; или теорію Абегга, оправдывавшаго смертную казнь тѣмъ, что она есть служба идеи. Чѣмъ эти теоріи заслужили большее право на названіе юридическихъ, чѣмъ, напримѣръ, теорія, отвергающая устрашимость этого наказанія, къ которой Кёстлинъ относится съ полнымъ презрѣніемъ. Юридическою точкою зрѣнія единственно слѣдуетъ называть ту, которая дѣйствительно опирается на законы человѣческіе. Трудно также понять, на основаніи какихъ данныхъ онъ считаетъ Канта и Гегеля важнѣйшими защитниками смертной казни: развѣ потому, что они считаются перво-

степенными философами. Важнѣйшимъ защитникомъ или важнѣйшимъ противникомъ никого нельзя назвать, кромѣ цѣлыхъ народовъ или человѣчества; одинъ, два мыслителя—это капля въ морѣ. Если же можно назвать какого нибудь писателя важнымъ защитникомъ, то только по важности его работъ. Что же сдѣлали Кантъ и Гегель для разработки смертной казни? Оправдывали это наказаніе положеніемъ: равное—за равное, жизнь—за жизнь. Но въ этомъ положеніи нѣтъ ничего принадлежащаго Канту и Гегелю: это теорія, которой держалось первобытное человѣчество нѣсколько вѣковъ и тысячелѣтій; слѣдовательно почтеннымъ философамъ принадлежитъ только то, что они навязывали своимъ современникамъ тѣ теоріи, которыя—живыя и дѣятельныя въ первобытное время—потеряли или почти потеряли главнѣйшую часть силы и устойчивости въ новѣйшее время. Вотъ ошибки Кёстлина, вытекшія изъ его главной ошибки; отсюда же происходитъ то, что, посвятивъ двѣ страницы самой убористой печати вопросу о смертной казни, онъ употребилъ весь свой трудъ на полемику, не имѣющую особеннаго значенія; собственно отъ себя онъ высказалъ одну мысль о смертной казни, именно: государство должно оставить существовать преступную личность, въ которой всегда лежитъ возможность нравственнаго возстановленія, т. е. основалъ свое опроверженіе смертной казни на теоріи исправленія, теоріи относительной, къ которой вмѣстѣ съ другими подобными теоріями онъ неблагопріятно относится.—Бернеръ, въ заключеніе своего небольшаго труда о смертной казни, счелъ нужнымъ между прочимъ доказывать ненадежность и несостоятельность опытнаго способа изслѣдованія смертной казни и въ частности статистическихъ работъ. Онъ говоритъ: »Результаты статистическихъ выкладокъ въ этой области останутся всегда крайне ненадежными, и путемъ простой эмпиріи въ вопросѣ о смертной казни никогда не придутъ къ основательнымъ выводамъ. Статистикѣ и эмпиріи оказываютъ много чести, когда отъ нихъ ожидаютъ отмѣны смертной казни. И не прозираютъ въ глубину, когда вопросъ о смертной казни выдаютъ за простой *вопросъ пользы*, *относительно котораго будто философія не можетъ произносить своего голоса*. И если придутъ къ постепенной отмѣнѣ смертной казни, то потомство припишетъ этотъ результатъ не статистикамъ, а тѣмъ благороднымъ, блестящимъ философскимъ умамъ, которые обняли вопросъ о смертной казни въ его отвлеченномъ корнѣ (Gedankenwurzeln), напали на нее въ принципѣ, изслѣдовали ея правомѣр-

ность, съ убѣдительною серьёзностію выставили святость жизни человѣческой; отъ нихъ движеніе противъ смертной казни получило свой первый толчокъ и въ ихъ смыслѣ оно должно быть приведено къ концу«. Abschaffung der Todesstrafe. 1861 г. стр. 41. Бернеръ очень ошибается, когда хочетъ приписать отмѣну смертной казни какимъ-то блестящимъ философскимъ умамъ, которые только выставили святость жизни человѣческой и т. п. Большинство самыхъ замѣчательныхъ писателей, выставлявшихъ святость жизни человѣческой, отвергавшихъ справедливость смертной казни и т. п., какъ-то: Беккарія, Ливингстонъ, Люкасъ, Дюкпетьё, въ тоже время прибѣгали къ пособію заподозриваемыхъ Бернеромъ эмпиріи и послѣдніе три—и статистики; и лучшее и прочнѣйшее, что сказали эти писатели о смертной казни, было то, что основывается на опытѣ. Опытному изслѣдованію англичане обязаны тому, что у нихъ смертная казнь доведена до минимума, тогда какъ французы, несравненно раньше начавшіе толковать о смертной казни съ отвлеченной точки зрѣнія правъ человѣка, до сихъ поръ не добились отмѣны смертной казни. Бернеръ напрасно пророчитъ, что потомство припишетъ отмѣну смертной казни блестящимъ философскимъ умамъ; писатели и ихъ поклонники, по склонности къ самообольщенію и идолопоклонству, пожалуй могутъ себѣ, или тому или другому приписать исключительную заслугу отмѣны смертной казни. Потомство, какъ всегда болѣе безпристрастное, отдавая честь нѣкоторымъ умамъ за ихъ особенные по этой части почтенные труды и благородныя усилія, по всей вѣроятности посмотритъ на дѣло нѣсколько иначе и найдетъ, что: а) Главная заслуга отмѣны смертной казни должна быть приписана кореннымъ перемѣнамъ, совершившимся въ умственной, общественной и экономической жизни народовъ, перемѣнамъ, въ осуществленіи которыхъ принимали участіе не единицы, а милліоны, и что этому, а не другому фактору, обязаны своимъ появленіемъ даже блестящіе философскіе умы, защищавшіе святость жизни человѣческой. б) Если кому въ частности слѣдуетъ приписать заслугу постепенной отмѣны смертной казни, то уже никакъ не одной какой-либо личности, а совокупнымъ усиліямъ тѣхъ писателей и государственныхъ людей, которые словомъ и дѣломъ способствовали уменьшенію смертныхъ казней и вѣры въ необходимость и полезность этого наказанія. Потомство вѣроятно не забудетъ въ этомъ дѣлѣ такихъ именъ, какъ имя Ромильи, Эварта, Брайта, которые доказательства противъ смерт-

ной казни исключительно основывали на эмпиріи и статистикѣ. Оно высоко поставитъ также заслуги ассоціацій, образовавшихся съ цѣлію содѣйствовать отмѣнѣ смертной казни, къ коимъ принадлежатъ: общества, образовавшіяся издавна въ Англіи, именно: Howard Society; Society for duffusion of information on the subject of capital punishment; Society for the abolition of capital Punishment; Société de la morale chretienne, —общество дѣйствовавшее въ тридцатыхъ годахъ во Франціи и старавшееся распространить здравый взглядъ на смертную казнь и способствовать ея отмѣнѣ; Association pour l'abolition de la peine de mort, образовавшееся въ 1863 г. въ Бельгіи, въ Литихѣ. Всѣ эти общества имѣютъ особенное значеніе въ исторіи отмѣны смертной казни, потому что они издаютъ сочиненія, распространяютъ ихъ въ публикѣ, собираютъ ученыя собранія и митинги и такимъ образомъ стараются въ массѣ народа распространить такія основанныя на опытѣ понятія, которыя рано или поздно сдѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе смертной казни. Самая главная несообразность словъ Бернера съ дѣломъ заключается въ томъ, что онъ, при написаніи своего труда о смертной казни, именно пользовался и ненадежною статистикою и нелюбимою имъ эмпиріею; большая часть его труда основывается на опытѣ. Если онъ убѣжденъ, что статистика ненадежна и эмпирія не приводитъ къ основателънымъ выводамъ, ему бы слѣдовало отъ нихъ отказаться и ограничиться одною метафизикой. Наконецъ самъ Миттермайеръ, въ 3 § о ходѣ научныхъ изслѣдованій по вопросу о смертной казни съ 1830 г., говоритъ: самыми важными научными изслѣдованіями, въ доказательство неправомѣрности смертной казни и въ опроверженіе возраженій, мы обязаны Кёстлину, Бернеру и Мерингу, стр. 27; этимъ конечно Миттермайеръ или косвенно признаетъ великую заслугу за метафизическимъ методомъ, или соглашается съ тѣми, которые приписываютъ ему эту заслугу. Выше мы показали, какъ бѣдно то, что̀ Кёстлинъ на двухъ страницахъ сказалъ о смертной казни; его полемика съ Кантомъ, Гегелемъ, Абеггомъ и Рихтеромъ и высказанная имъ собственная мысль о смертной казни ни въ какомъ случаѣ не заслуживаютъ названія изслѣдованія; это нѣсколько брошенныхъ замѣтокъ, и то крайне скудныхъ и не представляющихъ ничего новаго послѣ того, что̀ еще въ 30-хъ годахъ проповѣдывалъ Громанъ. Сочиненіе Бернера толковое, краткое, ясное и написанное съ нѣкоторымъ воодушевленіемъ; но оно также, послѣ трудовъ самого Миттермайера, и другихъ, вышедшихъ гораздо раньше его, не можетъ быть названо

важнѣйшимъ изслѣдованіемъ; потому что ни факты, ни выводы его отнюдь не новы и въ собраніи ихъ онъ не принималъ никакого участія Выдержка изъ сочиненія Меринга о смертной казни выше приведена: она можетъ отчасти служить опреверженіемъ мнѣнія о немъ Миттермайера. Мерингъ среди даже метафизиковъ, вообще не отличающихся ни ясностію, ни простотою рѣчи, одинъ изъ туманнѣйшихъ и безплоднѣйшихъ писателей о смертной казни. Наконецъ, если уже Миттермайеръ считалъ важнѣйшими научными изслѣдованіями то, что писали упомянутые три писителя о смертной казни, ему бы слѣдовало показать ихъ научное достоинство, доказать въ чемъ именно заключается ихъ особенная важность. Разбираемое мнѣніе Миттермайера служитъ доказательствомъ того эклектизма, которымъ онъ всегда отличался, которымъ отличаются и его труды о смертной казни. Главная сила его всегда заключалась въ громадной эрудиціи, въ богатствѣ фактовъ и опытовъ почерпнутыхъ изъ жизни—и наконецъ въ томъ, что въ своихъ трудахъ онъ никогда не терялъ подъ собой дѣйствительной почвы; этимъ можно объяснить ту прочную пользу, которую онъ принесъ наукѣ уголовнаго права, и то уваженіе, какимъ онъ пользовался у цѣлаго ряда поколѣній, какъ ни одинъ изъ его собратій. Но онъ также платилъ хотя и слабую дань философско-метафизическому направленію, которое господствовало и отчасти до сихъ поръ господствуетъ въ германской наукѣ. Оттого у него легко замѣтить механическое соединеніе этихъ двухъ направленій; оттого у него видны колебанія и переливы вслѣдствіе соединенія несоединимаго. Въ введеніи къ своему сочиненію: Die Todesstrafe, онъ прямо говоритъ, что, по примѣру естественныхъ наукъ, онъ, для разрѣшенія вопроса о смертной казни, собиралъ въ теченіи 50-ти лѣтъ достовѣрные опыты, и дѣйствительно въ этомъ и другихъ сочиненіяхъ онъ представилъ богатое собраніе опытовъ. Но это ему не мѣшаетъ приписывать великія заслуги въ разрѣшеніи вопроса о смертной казни тѣмъ ученымъ, которые чуждались опыта и почти считали его дѣломъ недостойнымъ науки. Изъ того же самаго источника происходитъ то, что онъ въ дѣлѣ изслѣдованія вездѣ отличаетъ результаты научныхъ работъ отъ тѣхъ, которые добыты при обработкѣ законовъ: какъ будто изслѣдованія, изложенныя въ книгѣ, написанной въ ученомъ кабинетѣ, чѣмъ нибудь отличаются отъ тѣхъ, которыя пересказаны въ устной рѣчи въ законодательномъ собраніи, или изложены въ матеріалахъ, собранныхъ законодательными коммиссіями для цѣлей практическихъ, какъ будто Дюкпетьё и самъ

Миттермайеръ писали что-нибудь иное, а не то, что̀ говорилось въ парламентѣ Ромильи, Росселемъ, или Эвартомъ. Тѣмъ же характеромъ его работъ можно объяснить тѣ противорѣчія, которыя нерѣдко встрѣчаются въ его трудахъ. На 118 стр. своего отдѣльно изданнаго труда (въ русск. пер.) онъ утверждаетъ, что *многія* лица, имѣвшія наклонность къ совершенію преступленій, не совершили ихъ только изъ боязни подвергнуться страшному наказанію смертію; на 130 стр. онъ уже утверждаетъ, что это только исключенія; на слѣдующей 131 стр. онъ рѣшительно говоритъ: опыты доказываютъ, что казни ***вовсе*** не удерживаютъ отъ совершенія преступленій.

Несмотря на то, что литература смертной казни богата какъ собранными матеріалами, такъ ихъ обработкою, нельзя сказать, чтобы было сдѣлано всё для изслѣдованія этого важнаго предмета уголовнаго права. Остается еще неизслѣдованною ея исторія—сторона предмета чрезвычайно обширная и могущая доставить многочисленныя данныя, даже для практическаго рѣшенія этого вопроса. За исключеніемъ разбросанныхъ по разнымъ трудамъ, посвященнымъ исторіи уголовнаго права, отрывочныхъ историческихъ свѣдѣній, и трехъ - четырехъ отдѣльныхъ сочиненій, которыя болѣе или менѣе касаются исторической стороны этого предмета, другаго нѣтъ ничего цѣльнаго. Вслѣдствіе такого низкаго уровня подобной разработки происходитъ то, что писатели изъ поколѣнія въ поколѣніе повторяютъ пущенныя въ обращеніе ошибочныя историческія свѣдѣнія. Рѣдкій, напримѣръ, писатель о смертной казни не дѣлаетъ ссылки на порціевы законы, съ одной стороны въ доказательство отмѣны въ Римѣ смертной казни, съ другой въ подтвержденіе положенія, что государства могутъ стоять и процвѣтать и безъ смертныхъ казней, не обращая вниманія на то, что въ то время какъ незначительная часть гражданъ римскихъ дѣйствительно была изъята отъ смертной казни, многочисленный классъ рабовъ и провинціаловъ платился жизнію даже за незначительныя преступленія. Часто также въ число законодателей, отмѣнившихъ смертную казнь, ставятъ Альфреда Великаго и Вильгельма - Завоевателя (Вильгельмъ-Завоеватель, разрушившій нѣсколько деревень и обезземелившій множество народа только для того, чтобы завесть для охоты лѣса, попалъ въ число противниковъ смертной казни!), давая законамъ, посредствомъ которыхъ государственная власть стремилась ограничить объемъ частной мести, чуждый имъ смыслъ отмѣны смертной казни. А Дюкпетьё къ государямъ отмѣнившимъ смертную казнь причисляетъ сыновей

великаго князя Ярослава I Владиміровича. Ducpetiaux. стр. 62. Въ такомъ положеніи находится историческая разработка. Къ историческимъ трудамъ принадлежатъ: вышеприведенное сочиненіе Бемера о способахъ совершенія смертныхъ казней, обильное историческими фактами. Wachsmuth, De poenae capitis apud gentes europaeas adolescentes sancitae causis disputatio historica. 1839 г. Краткій (1—28 стр.) и малозначущій очеркъ исторіи смертной казни у грековъ, римлянъ и германцевъ. Woolrych, The history and results of the present capital punishments in England. London. 1832 г. Въ началѣ своего труда авторъ излагаетъ законы и наказанія, которые съ древнѣйшаго времени существовали въ Англіи относительно каждаго преступленія. Arch. Crim.-Recht. 1836 г. стр. 299. Wilhelm Götte, Ueber den Ursprung der Todesstrafe. 1839 г. Дѣльный трудъ, хотя не представляющій полной и документальной исторіи; въ немъ собрано довольно интересныхъ свѣдѣній о первобытныхъ временахъ. Piettro Ellero, Delle origini storiche del diritto di punire. Очень хорошій историческій анализъ происхожденія смертной казни, помѣщенный въ № 3 Giornale per l'abolitione della pena di morte, издаваемомъ авторомъ той же статьи, 1862 г.

Сознавая важность историческихъ изысканій, я обратилъ большую часть моего труда на эту сторону изслѣдываемаго мною предмета. Я не имѣлъ намѣренія написать полную исторію смертной казни—трудъ, который требуетъ многолѣтней работы и полной юридической библіотеки; ни того, ни другаго я не имѣлъ въ своемъ распоряженіи. Историческая часть моего труда есть не больше какъ опытъ изслѣдованія нѣкоторыхъ только періодовъ исторіи смертной казни, какъ-то: періода мести, вліянія рабства и привилегій на исторію смертной казни, наибольшаго развитія этого наказанія въ періодъ государственный, возникновенія сомнѣній и постепенной отмѣны смертной казни. Но такъ какъ вопросъ о смертной казни до сихъ поръ былъ изслѣдуемъ главнымъ образомъ для рѣшенія практическаго вопроса: быть или не быть смертной казни въ современныхъ кодексахъ, и съ этой стороны представляетъ большую важность, то я также обратилъ вниманіе на доводы *противъ* и *за* смертную казнь. Поэтому моя работа распадается на двѣ половины: а) на изложеніе доводовъ состоятельности или несостоятельности смертной казни—это вторая глава; б) на изложеніе и анализъ историческихъ матеріаловъ относительно смертной казни—это остальныя главы.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Доводы *против* и *за* смертную казнь. Ученіе о ненарушимости жизни человѣческой; возраженія противъ этого ученія; оцѣнка того и другаго. Смертная казнь не устрашаетъ; возраженія; оцѣнка. Она имѣетъ деморализирующее вліяніе на народъ; средства предлагаемыя защитниками для уничтоженія этого дѣйствія; насколько состоятельны эти средства. Смертная казнь неотмѣнима и невознаградима; возраженія защитниковъ; значеніе тѣхъ и другихъ доводовъ. Она лишаетъ возможности исправленія; доводы защитниковъ; оцѣнка ихъ. Народъ считаетъ смертную казнь справедливою; что̀ говорятъ на это противники; сила и вѣсъ тѣхъ и другихъ доказательствъ.

I. *Противники смертной казни говорятъ, что жизнь человѣческая есть благо ненарушимое и неотчуждаемое, поэтому смертная казнь не справедлива.*

Одни изъ противниковъ выводятъ ненарушимость жизни человѣческой изъ договора, который будто-бы человѣкъ заключилъ при вступленіи въ общество. На основаніи этого договора, каждый человѣкъ, по ихъ мнѣнію, уступилъ обществу часть своей свободы, для охраненія и безопасности остальной свободы и прочихъ благъ; но жертвуя этимъ, человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ предоставлять другимъ людямъ права на свою жизнь, и тѣмъ самымъ подвергать риску драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ благъ. Beccaria, 93—94.

Другіе противники выводятъ ненарушимость жизни человѣческой и вмѣстѣ несправедливость смертной казни вообще изъ естественнаго права. Болѣе обстоятельная аргументація общаго ихъ положенія состоитъ въ слѣдующемъ.

Такъ какъ одинъ человѣкъ обладаетъ характеромъ личности, то жизнь, разлитая во всемъ мірѣ, священна и неприкосновенна только въ немъ одномъ. Животное не имѣетъ никакихъ правъ и даже права на существованіе: если налагаются обязанности къ животнымъ, если требуютъ къ нимъ уваженія, то не во имя самаго животнаго, а во имя Бога; при этомъ имѣется въ виду не само живущее существо, а существованіе, какъ даръ Божій. Совершенно другими качествами обладаетъ человѣкъ: онъ есть не простой каналъ, чрезъ который течетъ жизнь, а существо, одаренное разумомъ и свободою, словомъ онъ есть личность; поэтому онъ имѣетъ право на существованіе, которое заслуживаетъ двойнаго уваженія, какъ даръ Божій и какъ собственность бытія.

Человѣкъ, далѣе, не только имѣетъ право на существованіе, но и на существованіе въ томъ видѣ, въ какомъ онъ созданъ. Созданъ же онъ свободнымъ, дѣятельнымъ и разумнымъ: какъ безъ жизни нѣтъ творенія, такъ безъ этихъ качествъ нѣтъ человѣка. Такимъ образомъ собственность личности, или человѣка какъ творенія Божія, составляютъ: жизнь, свобода, дѣятельность и разумъ; эти блага всѣмъ равно принадлежатъ, они священны и неотчуждаемы. Они составляютъ право каждаго и вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность. Съ одной стороны, обладатель ихъ не можетъ уступать ихъ посредствомъ какихъ бы то ни было сдѣлокъ. Съ другой, сознавая ихъ характеръ, онъ обязанъ уважать ихъ не только въ себѣ, но и въ другихъ.

Такъ какъ упомянутыя блага получены человѣкомъ отъ Бога, то они отъ него одного и зависятъ: общественный законъ ихъ не далъ, поэтому онъ не можетъ ими и распоряжаться. Для пользованія ими нѣтъ нужды дѣлать договоры или установлять правила отношеній; необходимо только предупреждать насилія. Общественными законами не создаются и не распредѣляются права и обязанности, а только предупреждаются нарушенія. Поэтому человѣкъ не имѣетъ никакого права на существованіе какъ свое, такъ и тѣмъ болѣе себѣ подобныхъ, потому что оно есть даръ Божій.

Если человѣкъ безсиленъ защитить свою жизнь отъ нападеній, на помощь ему приходитъ общество. Но вмѣшательство общества имѣетъ свои естественные предѣлы, за которые оно не должно переходить; предѣлъ же этотъ есть охрана и гарантія права, а не нарушеніе его. Ch. Lucas, с. 14—16. 47.

Въ необходимой оборонѣ позволительно убивать нападающаго. Но право необходимой обороны вытекаетъ не изъ права на жизнь другаго, но изъ права на сохраненіе своей жизни. Врожденное чувство самосохраненія заставляетъ человѣка защищать себя противъ всякаго нападенія. Если въ борьбѣ погибнетъ убійца, гибель его не есть проявленіе права принадлежащаго защищающемуся на жизнь нападающаго, а только результатъ защиты собственной жизни со стороны подвергшагося нападенію. Какъ только жизнь сего послѣдняго внѣ опасности, и убійца обезоруженъ, онъ долженъ уважать ненарушимость жизни. Подобно сему, если общество, въ лицѣ полиціи, подоспѣваетъ на помощь тому, который подвергся нападенію со стороны разбойника, и убиваетъ сего послѣдняго, вмѣшательство его вполнѣ законно. Но если помощь эта пришла въ то время, когда убійца уже обезоруженъ, общество не должно идти далѣе, чѣмъ имѣетъ на то право подвергшійся нападенію; оно не должно убивать разбойника. Право на жизнь дѣлается ненарушимымъ въ безоружномъ разбойникѣ.

Напрасно утверждаютъ, будто общество имѣетъ спеціальное назначеніе, какого не имѣетъ частный человѣкъ—назначеніе не только возстановлять матеріальный порядокъ, но и защищать и покровительствовать порядокъ нравственный. Выполняя это назначеніе, общество имѣетъ право предавать смерти тогда, когда частный человѣкъ не въ правѣ это дѣлать. Право это ему принадлежитъ, во-первыхъ, по праву защиты, такъ какъ общественная опасность не прекращается съ опасностію частною; во-вторыхъ, вслѣдствіе совершенія преступленія, такъ какъ наказаніе должно послѣдовать даже тогда, когда нѣтъ причины бояться врага.—Смертная казнь въ рукахъ общества не есть оружіе законной защиты: когда общество строитъ эшафотъ или висѣлицу, преступникъ уже обезоруженъ, онъ арестованъ, скованъ, допрошенъ, осужденъ. Послѣ ареста убійцы, въ обществѣ можетъ оставаться тревога, но для него уже нѣтъ настоятельной, неизбѣжной опасности, которая узаконяла-бы смертную казнь, какъ единственное средство спасенія собственнаго существованія. Подобно тому какъ общество не имѣетъ права предавать смерти враждебный, но побѣжденный народъ, оно не въ правѣ убивать безоружнаго убійцу.—Что же касается уголовной миссіи общества, то нѣтъ сомнѣнія, оно имѣетъ неоспоримое право на юстицію предупрежденія, репрессіи и исправленія, но для достиженія этой цѣли смертная казнь не только не нужна, но

даже составляетъ препятствіе. Обществу не можетъ принадлежать право юстиціи, состоящее въ томъ, чтобы наказывать смертною казнію для самаго наказанія, карать въ лицахъ испорченность. Вѣчно ошибаются приверженцы смертной казни, когда воображаютъ, что смертная казнь есть верховное средство, всеобщая панацея, которая одна можетъ исцѣлить раны общественныя, и обезпечить частную и общественную жизнь гражданъ. Отсюда тѣ мнимые договоры между обществомъ и членами его о правѣ на жизнь, отсюда эти дикія слова: мнѣ нужна ваша жизнь для гарантіи моей. Какъ будто общество есть куча подлыхъ разбойниковъ, дикихъ убійцъ, договаривающихся между собою на случай и съ сознаніемъ своихъ будущихъ злодѣяній. Какъ будто, когда совершено преступленіе, не смотря на ужасную угрозу, для возстановленія порядка и успокоенія тревоги, достаточно только послать виновнаго на эшафотъ, какъ въ бойню. Roumieu, c. 21—22. 41.

Возраженія защитниковъ.—Противъ теоріи договора, какъ основанія несправедливости смертной казни, одни изъ защитниковъ этого наказанія выставляютъ свою теорію договора, по которому будто-бы человѣкъ именно предоставилъ другому право на свою жизнь въ извѣстныхъ случаяхъ. Другіе приверженцы смертной казни, отвергая существованіе вышеупомянутаго договора, выводятъ смертную казнь изъ естественнаго права необходимой обороны; общество, подвергая преступниковъ смертной казни, не изобрѣтаетъ новое право, а только пользуется тѣмъ, которое принадлежало человѣку въ естественномъ состояніи и которое перешло къ нему отъ сего послѣдняго. Третьи наконецъ оспариваютъ ненарушимость жизни человѣческой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ доводы противъ смертной казни. Если жизнь священна и неприкосновенна, то, говорятъ они, не можетъ быть ни права необходимой обороны, ни права войны. Но отвергать то и другое не рѣшился ни одинъ мыслитель. Говорятъ: жизнь, свобода, дѣятельность, разумъ, суть дары Божіи и потому они ненарушимы; но почему они ненарушимы, гдѣ доказательства? Достовѣрность этого мнѣнія подрывается уже однимъ тѣмъ, что оно находится въ противорѣчіи съ законодательствами всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Смертная казнь, утверждаютъ, несправедлива, потому что жизнь человѣческая есть благо, данное Богомъ, и потому никто не имѣетъ права его взять. Но, по увѣренію защитниковъ ненарушимости жизни человѣческой, и свобода и дѣятельность —блага также первобытныя, данныя Богомъ человѣку. Слѣдовательно,

они должны быть также ненарушимы? Слѣдовательно, государство должно вовсе отказаться отъ всякаго наказанія, такъ какъ нѣтъ такого наказанія, которое бы не поражало какого-нибудь изъ первобытныхъ благъ? Выводовъ этихъ не рѣшаются защищать сами противники смертной казни. Если жизнь человѣческая ненарушима, потому что она даръ Божій, то пусть человѣкъ боится раздавить змѣю, пусть онъ откажется отъ употребленія въ пищу мяса животнаго, потому что и змѣѣ и животному жизнь дана Творцомъ. Между человѣкомъ и животнымъ нѣтъ сравненія, утверждаютъ защитники жизни человѣческой. Но кто можетъ сказать, что Богъ заботится только о болѣе совершенномъ созданіи и оставляетъ всѣ другія творенія на произволъ разрушительныхъ капризовъ человѣка. Притомъ же общество имѣетъ право жизни и смерти не надъ всѣми гражданами безъ различія, а только надъ закоренѣлыми злодѣями. Silvela, с. 39—45. 81.

Жизнь человѣческая есть благо въ строгомъ смыслѣ личное,—она есть сама личность. Человѣкъ ее получилъ. Совершенно основательно выводятъ изъ этого заключеніе, что самоубійство не законно, что убійство есть самое тяжкое преступленіе. Но выводить изъ этого абсолютную ненарушимость жизни человѣческой—значитъ высказывать положеніе безъ доказательствъ. Отецъ, защищая жизнь своего сына, мужъ, спасая честь своей жены, могутъ въ извѣстномъ случаѣ отнять жизнь у человѣка, и не только могутъ, но и должны. По тѣмъ же самымъ причинамъ общество обязано охранять право, поддерживать порядокъ, для достиженія чего главнымъ средствомъ служитъ наказаніе. Если же предположить, что смертная казнь есть единственное наказаніе, способное остановить руку убійцы, могущее произвесть дѣйствіе на окружающихъ, можно-ли утверждать, что жизнь не можетъ быть отнята у убійцы? Совѣсть человѣческая отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Выставляютъ противъ смертной казни личность хотя виновную, но человѣческую. Но въ отношеніи ненарушимости личности, преступникъ находится въ томъ же самомъ положеніи какъ и нападающій, котораго убиваютъ. Если нападающій теряетъ право на жизнь, потому только, что сдѣлалъ нападеніе, возможно-ли думать, чтобы онъ могъ сохранить за собою это право тогда, когда онъ не только нападаетъ, но и совершаетъ убійство. И нападающій и убійца сдѣлали свое существованіе несовмѣстнымъ съ правомъ; одинъ — съ правомъ лица подвергшагося нападенію, другой—съ правомъ общества. Эти права равно законны

и священны; ибо и то и другое беретъ свое начало въ обязанности; одно въ обязанности сохранять свою жизнь, другое въ обязанности творить юстицію и охранять порядокъ. И еслибы пришлось дѣлать выборъ между этими правами, то во всякомъ случаѣ должно отдать преимущество праву общественной юстиціи предъ правомъ частной защиты; во-первыхъ потому, что первое также раціонально, какъ и второе; во-вторыхъ, порядокъ во всякомъ случаѣ будетъ менѣе поколебленъ какимъ-нибудь нападеніемъ на личность, хотя бы это нападеніе и не было отражено, чѣмъ слабостію, до которой доведена общественная юстиція. Rossi. Traité de droit pen. 3 ed. II. 286—289.

Внимательная оцѣнка изложенныхъ доказательствъ *противъ* и *за* приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

а) Ученіе объ общественномъ договорѣ, отвергающемъ будто-бы смертную казнь, и ученіе о ненарушимости жизни человѣческой, и о несправедливости вслѣдствіе того смертной казни,—чисто метафизическія теоріи. Если есть въ нихъ что-нибудь историческое, жизненное, и если можно такъ сказать, опытное—это ихъ происхожденіе: они, какъ все такъ-называемое естественное право, представляютъ реакцію противъ средневѣковаго общественнаго устройства, основаннаго исключительно на привилегіяхъ, гдѣ личность и жизнь человѣческая сами по себѣ не пользовались никакимъ уваженіемъ, а только по тому положенію, которое человѣкъ занималъ въ общественной іерархіи. Учители естественнаго права, подмѣтивши одну черту этого порядка—происхожденіе его вмѣстѣ съ образованіемъ обществъ,—стали искать основаній новаго улучшеннаго общественнаго устройства или въ разумѣ или въ естественномъ состояніи обществъ. Но такъ какъ они почерпали новыя положенія изъ разума, безъ всякихъ справокъ съ жизнію; такъ какъ естественное состояніе человѣка они представляли себѣ не въ томъ видѣ, въ какомъ оно явилось-бы послѣ внимательнаго изученія, а только такъ какъ представляло ихъ воображеніе, на основаніи скудныхъ данныхъ: то очевидное дѣло, естественное право ихъ явилось слишкомъ идеальнымъ и не подкрѣпляемымъ жизнію. Къ этому разряду положеній принадлежатъ: ученіе объ общественномъ договорѣ и ученіе о ненарушимости жизни человѣческой. Нѣтъ сомнѣнія, эти ученія, какъ сами были вызваны новыми потребностями общества, такъ въ свою очередь не остались безъ вліянія на общество, способствуя распространенію уваженія къ жизни человѣческой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уменьшенію смертныхъ казней. Однакожъ не болѣе.

б) Но эти ученія не выдерживаютъ критики, если ихъ разсматривать со стороны соотвѣтствія дѣйствительной жизни народовъ. Хотя нельзя вовсе отвергать договорнаго начала въ образованіи государствъ, но оно всегда играло тутъ самую ничтожную роль. Что же касается той статьи договора, по которой будто-бы человѣкъ не предоставлялъ другимъ права на свою жизнь, такой статьи никогда не существовало ни писанной, ни подразумѣваемой. Нужно совершенно забыть цѣлыя тысячи лѣтъ жизни народовъ, чтобы рѣшиться утверждать, что жизнь человѣческая свята и ненарушима. Не говоря уже о войнахъ,—этотъ предметъ насъ не касается,—заглянемъ въ исторію уголовнаго права, обнимающую почти всю жизнь человѣчества, за исключеніемъ самаго незначительнаго сравнительно періода времени. Безчисленныя и многообразныя казни за религіозное и политическое разномысліе, сожженіе сотень тысячъ вѣдьмъ, смерть за легкія вины—вотъ документы, свидѣтельствующіе о степени ненарушимости жизни человѣческой. Не подлежитъ наконецъ сомнѣнію, что никогда кровь человѣческая не лилась обильнѣе въ видѣ наказанія, какъ она лилась въ тѣ времена, къ которымъ такъ любятъ обращаться учители ненарушимости жизни человѣческой—когда человѣкъ находился въ первобытномъ состояніи, когда т. е. онъ былъ дикъ и грубъ. И вотъ почему вся аргументація, основанная противниками смертной казни на подобномъ фундаментѣ, представляется слабою и нелѣпою; потому-то и защитники смертной казни одержали надъ ними въ этомъ пунктѣ совершенную побѣду.

в) Если однакожъ ученіе о ненарушимости жизни человѣческой не подтверждается ни прошедшею ни настоящею жизнію народовъ, это еще не означаетъ, чтобы оно было противно природѣ человѣка и слѣдовательно не осуществимо. Напротивъ, съ тѣхъ поръ какъ оно явилось на свѣтъ Божій, оно имѣетъ уже свою, хотя и скудную, исторію. Выше было сказано, что оно вызвано было новыми потребностями, совершенно противными тѣмъ, которыя поддерживали такую низкую цѣну на жизнь человѣческую. Съ тѣхъ поръ уваженіе къ жизни человѣческой значительно возрасло, а вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпнетъ надежда на возможность осуществленія въ системѣ наказаній ученія о ненарушимости жизни человѣческой. Подтвержденіемъ всему этому служитъ постепенное изгнаніе, въ теченіи послѣднихъ полутораста лѣтъ, смертной казни изъ европейскихъ и американскихъ кодексовъ, громадное

уменьшеніе въ дѣйствительности количества смертныхъ экзекуцій въ Европѣ и Америкѣ, всё болѣе и болѣе возрастающее нерасположеніе европейскаго человѣка къ отнятію жизни у преступниковъ. Если въ жизни народовъ есть движеніе впередъ, то нѣтъ сомнѣнія, что идя тѣмъ путемъ, которымъ они до сихъ поръ шли, они дойдутъ до полнаго изгнанія смертной казни и вмѣстѣ съ тѣмъ до признанія ненарушимости жизни человѣческой даже въ лицѣ преступника. Этого-то не хотятъ замѣчать защитники смертной казни. Съ ними можетъ случиться то же самое, что съ ихъ противниками: тѣ, увлекшись идеаломъ будущаго, забыли все прошедшее, и построили зданіе на воздухѣ; эти, устремляя свои взоры только въ прошедшее, могутъ потерять подъ собою почву настоящаго, которое что шагъ впередъ, то оказываетъ больше уваженія къ жизни человѣческой.

г) Сравненіе общества, карающаго смертною казнію убійцу, съ частнымъ человѣкомъ, убивающимъ того, который на него нападаетъ, есть сравненіе фальшивое, натянутое и невѣрное. Общество въ отношеніи къ преступнику находится совершенно въ другомъ положеніи, чѣмъ лицо подвергшееся нападенію въ отношеніи къ нападающему. Если это лицо не убьетъ своего противника, оно само можетъ лишиться жизни; оно поставлено въ такое крутое положеніе, въ которомъ убійство есть единственный исходъ для сохраненія собственной жизни. Еслибы даже и былъ другой идеальный исходъ, но время такъ коротко, подвергшійся нападенію находится въ такомъ ненормальномъ положеніи, что ему разсуждать некогда и остается единственное спасеніе убить своего противника. Не такъ поставлено современное государство къ преступнику и въ частности къ убійцѣ. Преступникъ, какъ бы тяжко ни было его преступленіе, слишкомъ слабъ и ничтоженъ по своимъ силамъ въ сравненіи съ государствомъ; захваченный преступникъ уже не опасенъ государству; самое преступленіе, какъ бы тяжко оно ни было, будучи исключительнымъ явленіемъ въ нормальной общественной жизни, не ставитъ въ опасность существованія государства Какъ поступить съ преступникомъ, какими способами сдѣлать его безвреднымъ на будущее время,—для рѣшенія этого вопроса государство имѣетъ и время и независимость духа; совершенно въ его власти, не прибѣгая къ крайнему средству—смертной казни—ограничиться отнятіемъ у преступника свободы. Возраженіе, что лишенный свободы убійца можетъ убѣжать и совершить новыя убійства, лишено серьёзнаго основанія. Большинство

самыхъ тяжкихъ преступниковъ, особенно убійцъ, совершаютъ преступленіе не по ремеслу, а въ минуту данной настроенности, подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, такъ что для совершенія новаго подобнаго преступленія нужно предположить возобновленіе того и другаго, а это въ большинствѣ случаевъ дѣло немыслимое; подобные преступники, по совершеніи преступленія, не рѣдко приходятъ къ сознанію тяжести своего преступленія. Притомъ же отъ государства зависитъ сдѣлать тяжкихъ преступниковъ совершенно безвредными, посредствомъ строгаго содержанія ихъ въ такихъ тюрьмахъ, изъ которыхъ бы они не въ состояніи были уйти.

д) Считаютъ смертную казнь необходимою для защиты порядка нравственнаго. Но отъ чего—только смертная казнь можетъ защищать этотъ порядокъ, а не тяжкое тюремное заключеніе? Очевидно на этотъ вопросъ не можетъ быть спеціальнаго отвѣта, а развѣ общія фразы или ссылка на то, что такъ принято, такъ всегда считалось. Если подъ нравственнымъ порядкомъ разумѣть извѣстный строй общественный, то очевидно, что наказаніе вообще и безъ смертной казни, наряду съ многими другими общественными учрежденіями, дѣйствительно способствуетъ защитѣ этого порядка. Но если подъ нравственнымъ порядкомъ разумѣть собственно убѣжденія, ту внутреннюю дѣятельность человѣка, которая незрима для глаза, но которая составляетъ источникъ дѣятельности, то здѣсь смертная казнь и безсильна и ненужна и даже опасна. Безсильна, какъ всякое грубое физическое средство, неспособное развить добрыя мысли и честныя побужденія; наказаніе только тогда можетъ быть мѣрою, способствующею утвержденію указаннаго нравственнаго порядка, когда въ него дѣйствительно внесены извѣстныя качества для достиженія этого,—что̀ хотятъ сдѣлать изъ тюремнаго заключенія. Ненужна, потому что главная нравственная сила государства заключается въ здоровой части общества, которая и служитъ хранителемъ нравственныхъ убѣжденій и главною опорою общественной жизни. Нравственныя убѣжденія этой части общества живутъ и крѣпнутъ помимо не только жестокихъ казней, но и всякихъ наказаній. Странно строить силу нравственнаго порядка на казняхъ и преступникахъ; на этомъ фундаментѣ не можетъ существовать ни одно общество. Опасна смертная казнь для защиты нравственнаго порядка потому, что для этой цѣли опасно употреблять и вообще наказаніе: не напрасно современная наука права проводитъ твердую

границу между правомъ и нравственностію, занимаясь исключительно первымъ и предоставляя вторую на долю другихъ отраслей общественной дѣятельности.

Итакъ, смертная казнь не необходима для безопасности государства. Но, можетъ быть, казнь преступника полезна въ томъ отношеніи, что она воздерживаетъ отъ преступленій другихъ, будущихъ преступниковъ; можетъ быть, лишеніе жизни одного виновнаго сохраняетъ жизнь многимъ невиннымъ?—Рѣшеніе этого вопроса составитъ предметъ слѣдующаго параграфа.

II. *Противники смертной казни положительно утверждаютъ, что смертная казнь не устрашаетъ и не удерживаетъ людей, наклонныхъ къ тяжкимъ преступленіямъ.* Въ подтвержденіе этого положенія, они приводятъ цѣлый рядъ опытныхъ доказательствъ. Именно: исторія народовъ и судебныя лѣтописи не только не говорятъ за устрашимость смертной казни, а напротивъ доказываютъ, что гдѣ были жестокіе законы, тамъ и преступленія были часты. Въ Англіи, еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, статуты содержали болѣе 200 угрозъ смертною казнію за самые разнообразные роды и виды преступленій; однакожъ, не было страны, гдѣ бы при равной степени цивилизаціи относительно совершалось столько преступленій, сколько въ Англіи. Ducpetiaux, De la justice de repres. c. 2—5. Въ тоже самое время, во Франціи, странѣ съ гораздо большимъ народонаселеніемъ, но съ законами болѣе мягкими, тяжкихъ преступленій совершалось несравненно меньше. Lucas, c. 205—209. Съ другой стороны, съ отмѣной смертной казни въ Англіи за многія преступленія, количество ихъ не только не увеличилось, но даже уменьшилось, чему доказательствомъ служатъ статистическія данныя. Arch. Cr.-R. 1840 г. c. 583; 1841 г. То же самое явленіе повторилось и въ другихъ странахъ, гдѣ смертная казнь была отмѣнена или за нѣкоторыя преступленія или и вовсе. Ливингстонъ представилъ неоспоримыя доказательства того, что въ Луизіанѣ количество тяжкихъ преступленій, во время существованія смертной казни, было больше, чѣмъ тогда, когда она была отмѣнена за многія преступленія. Arch. Cr. - R. 1832 г. B. XII. ст. Митт. § IV. Во время довольно продолжительной сначала фактической, потомъ и по закону отмѣны смертной казни въ Тосканѣ (съ 1774 года по 1786 г. смертная казнь хотя не была отмѣнена, но ни одинъ приговоръ не былъ исполненъ, съ 1786 г. по 1790 годъ она была отмѣнена закономъ) и въ

Австріи (съ 1781 г. по 1787 г. была одна только казнь, съ 1787 г. по 1796 г. она была отмѣнена закономъ) количество тяжкихъ преступленій не увеличилось; этотъ фактъ былъ заявленъ относительно Тосканы губернаторомъ ея въ донесеніи Наполеону I, а относительно Австріи въ самомъ императорскомъ декретѣ 1803 г., которымъ окончательно была возстановлена смертная казнь. Mitterm. Todesstr. § 2, прим. 21. Въ трехъ штатахъ Сѣверной Америки смертная казнь была отмѣнена: въ Мичигенѣ въ 1847 году, въ Родъ-Эйландѣ въ 1852 г., въ Висконсинѣ въ 1853 г. По увѣренію президентовъ этихъ штатовъ, со времени этой отмѣны число уголовныхъ преступленій не увеличилось въ этихъ государствахъ. То же самое подтверждено и относительно швейцарскаго кантона Фрейбурга, въ которомъ смертная казнь отмѣнена въ 1848 г. По свидѣтельству министра внутреннихъ дѣлъ швейцарской конфедераціи, офиціальное изслѣдованіе, произведенное съ спеціальною цѣлію узнать результаты дѣйствія фрейбургскаго уголовнаго кодекса, удостовѣрило, что ни преступленія вообще, ни насилія противъ лицъ въ частности, не были, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ (съ 1848 г. со времени уничтоженія см. казни по 1863 г.), многочисленнѣе, чѣмъ въ предъидущія 15 лѣтъ. Миттермайеръ, спрошенный въ 1864 г. лондонскимъ обществомъ для отмѣны смертной казни, относительно результатовъ отмѣны этой казни въ Ольденбургѣ и Нассау, отвѣчалъ, что по новѣйшимъ письмамъ, полученнымъ имъ отъ представителей юстиціи этихъ герцогствъ, число какъ предумышленныхъ, такъ и простыхъ убійствъ не потерпѣло никакой перемѣны отъ этого обстоятельства, и что отнюдь не чувствуютъ нужды возстановить смертную казнь. Publicat. de l'ass. pour ab. de la peine de mort. № 4. с. 5—5. Если перейдемъ отъ общихъ явленій къ частнымъ случаямъ, то найдемъ въ нихъ подтвержденіе того же самаго. Многіе преступники прежде совершенія смертнаго преступленія, за которое они были казнены, присутствовали при казняхъ другихъ преступниковъ: священникъ Робертсъ изъ Бристоля увѣряетъ, что изъ 167 человѣкъ, которыхъ онъ напутствовалъ предъ казнію, 161 объявили, что они, до совершенія преступленія, присутствовали при казняхъ. Mitterm. Die Todesstr. § II, прим. 2. Въ Англіи и Франціи не рѣдко встрѣчаются цѣлыя семьи, которыя изъ поколѣнія въ поколѣніе являются такъ-сказать поставщиками для эшафота; въ этихъ семьяхъ дѣды, отцы, братья, сложили голову на плахѣ или пошли на висѣлицу. Mitterm. § II. Roumieu. с. 84.

Annal. de l'assoc. internat. pour prog. des scien. soc. 1864 г. 1 livr. с. 135. Laget-Valdeson, Théorie du Code penale espagnol. 1860 г. с. 152. Въ большихъ городахъ, время и мѣсто совершенія казней считаются ворами за самыя благопріятныя обстоятельства для совершенія воровства 1). Совершеніе убійствъ въ самый день казни или въ скоромъ времени послѣ, когда еще народные толки не замолкли объ этомъ событіи, есть самое обыкновенное явленіе. Богородскій. II. с. 359: убійство на другой день казни. Ливингстонъ приводитъ случай убійства въ самый день казни. Arch. C.-R. 1852 г. с. 209. Коммиссія законодательнаго собранія въ Массачусетѣ, въ 1835 г., указала, въ доказательство, что смертная казнь не устрашаетъ, на нѣсколькихъ преступниковъ, совершившихъ преступленіе непосредственно послѣ казни, при которой они присутствовали. Arch. Cr.-R. 1841 г. с. 12—13. Въ 1824 г. въ Ирландіи палачъ, который часто исполнялъ смертные приговоры, самъ совершилъ воровство, за которое онъ подлежалъ смертной казни. Ducpetiaux. стр. 15. Много случаевъ совершенія убійства предъ казнію или послѣ казни приведено въ 4-й тетради трудовъ Бельгійской ассоціаціи для уничтоженія смертной казни. стр. 18—19 2).

Тѣ, которые считаютъ смертную казнь устрашительною, обыкновенно судятъ о преступникахъ по себѣ, основываютъ доказательства на своихъ собственныхъ чувствахъ, или еще чаще на чувствахъ предполагаемаго ими существа, живущаго въ ихъ воображеніи: они представляютъ его боязливымъ, трусливымъ и вѣчно разсчитывающимъ; вслѣдствіе этого имъ кажется, что чѣмъ угроза жесточе, тѣмъ узда могу-

1) Въ Парижѣ на вершинѣ Монфокона стояла висѣлица о 16 столбахъ, на которой каждый разъ висѣло отъ 50 до 60 труповъ преступниковъ. Этотъ ужасный видъ не мѣшалъ парижанамъ развратничать вокругъ этой висѣлицы. Lucas. 229.

2) Писарь московс. пѣхотнаго полка Шабунинъ, разстрѣлянный 9-го августа 1866 г. за нанесеніе удара ротному командиру, за нѣсколько дней предъ совершеніемъ преступленія собственноручно переписывалъ приказъ по корпусу о разстрѣляніи рядоваго за поднятіе руки противъ офицера. С.-петерб. Вѣдом. 1866 г. № 239.—Въ томъ же году самъ палачъ въ Оренбургѣ нанесъ такое оскорбленіе начальнику, за которое онъ преданъ былъ военно-полевому суду.—Въ 1740 г. въ Пруссіи два палача убили свою сестру съ цѣлію воспользоваться ея состояніемъ, какъ ближайшіе родственники. Журн. Мин. Юст. 1863 г. № 12. с. 672—674.

щественнѣе. Но на дѣлѣ выходитъ не такъ. Когда человѣкъ замышляетъ преступленіе, въ его душѣ преобладаетъ не страхъ наказанія, а надежда на ненаказанность. Хотя человѣку врождено чувство самосохраненія, которое побуждаетъ его избѣгать непріятностей, лишеній и смерти; но это чувство нисколько не подавляетъ въ немъ другихъ страстей. Еслибы страхъ смерти абсолютно господствовалъ надъ человѣкомъ, не было-бы ни самоубійцъ, ни солдатъ, ни матросовъ, человѣческій родъ не зналъ-бы ни рискованныхъ и опасныхъ предпріятій въ отдаленныя страны, ни ремеслъ мало-благопріятныхъ здоровью. Человѣкъ часто поступаетъ такъ, какъ-будто онъ ничего не боится; онъ злоупотребляетъ своими силами, онъ играетъ своею жизнію, какъ-будто онъ никогда не можетъ умереть. Причина — отъ чего человѣкъ такъ поступаетъ—лежитъ въ случайности опасностей, располагающей человѣка къ забвенію, въ непреодолимой силѣ природныхъ побужденій и страстей, которыя ослѣпляютъ человѣка и за близкимъ настоящимъ скрываютъ опасное будущее. Потому-то рудокопъ, работникъ на пороховомъ заводѣ, солдатъ, матросъ, часто въ виду смерти, пренебрегаютъ ею за умѣренное содержаніе. Потому-то и преступникъ, не смотря на угрозу смертной казни, совершаетъ, подъ вліяніемъ другихъ побужденій, преступленіе. Страхъ смертной казни имѣетъ одинаковую силу какъ надъ честнымъ человѣкомъ, такъ и надъ преступникомъ, и какъ перваго онъ не удерживаетъ отъ опасныхъ предпріятій, такъ послѣдняго не останавливаетъ на пути къ преступленію 1). Такъ какъ смерть есть удѣлъ всѣхъ людей, то отвлеченный страхъ смерти не можетъ поражать сильнѣе преступника, чѣмъ честнаго человѣка, которому каждую минуту можетъ приходить мысль о смерти. Какое дѣйствіе можетъ имѣть угроза смертію на отчаяннаго человѣка, душою котораго овладѣваетъ какое-нибудь исключительное чувство, какъ напр.: зависти, ревности, мщенія, корысти, чувство постоянное, повелительное? Для такого преступника смерть теряетъ значеніе; иногда онъ самъ, по совершеніи

1) Одинъ изъ общинниковъ Бельгійской ассоціаціи уничтоженія смертной казни, Франкаръ, вычислилъ, что въ Бельгіи вѣроятность для убійцъ и отравителей быть казненными можетъ быть опредѣлена отношеніемъ: какъ 1 къ 36 (изъ 826 убійцъ въ теченіи 10-ти лѣтъ было казнено 23); тогда какъ для рудокоповъ вѣроятность потерять жизнь выражается слѣдующимъ отношеніемъ: 1 къ 30 (изъ 35 т. работниковъ въ теченіи 10-ти лѣтъ было жертвъ 2035, изъ нихъ лишилось жизни 1175 чел.). Publicat. de l'assoc. pour abol. de la peine de mort. № 2. с. 18—19.

убійства, или отдается въ распоряженіе правосудія, или налагаетъ на себя руку. Ducpetieux, De la justice de repres. c. 1—15. Roumieu. 84—88.

Говорятъ: преступникъ, котораго ведутъ на эшафотъ, считаетъ особенною милостію самую жестокую тюрьму, самыя тяжкія работы, постоянное рабство; отсюда выводятъ такое заключеніе: страхъ этихъ послѣднихъ наказаній не можетъ удерживать отъ совершенія преступленій въ такой степени, въ какой смертная казнь. Во-первыхъ, не всякій преступникъ чувствуетъ подобное желаніе. Во-вторыхъ, хотя-бы подобное желаніе было и всеобщее, всё-таки оно не говоритъ въ пользу той устрашимости смертной казни, которая бы обладала свойствомъ удерживать отъ преступленій. Конечно, ожиданія насильственной смерти тяжелы для осужденнаго; по мѣрѣ того какъ воображеніе работаетъ, тяжесть эта возрастаетъ. Медленность и методичность приготовленій, исполненіе разныхъ формальностей и предписаній, холодность исполнителей—всё это доводитъ до высшей степени муки осужденнаго. Но этотъ страхъ смертной казни есть страхъ, ощущаемый осужденнымъ предъ совершеніемъ казни, а не преступникомъ предъ совершеніемъ преступленія; это запоздалый страхъ, который, правда, увеличиваетъ—и притомъ безполезно — тяжесть наказанія, но который всё-таки безсиленъ удержать отъ совершенія преступленій. Roumieu. 99—100.

Допустимъ даже, что смертная казнь по своей природѣ есть наказаніе устрашительное, удерживающее отъ преступленій. Всё-таки она въ настоящее время лишена этихъ качествъ, вслѣдствіе того, что она примѣняется гораздо рѣже въ дѣйствительности, чѣмъ опредѣлена въ законѣ. Еще писатели XVIII в. замѣтили такое разногласіе между закономъ и жизнію и ослабленіе вслѣдствіе того угрозы закона. Въ XIX стол. разногласіе это сдѣлалось еще рѣзче. Пострадавшіе отъ преступленій не хотятъ обвинять, когда знаютъ, что обвиненіе ихъ можетъ повлечь смертную казнь; свидѣтели не хотятъ въ такомъ разѣ свидѣтельствовать; присяжные часто въ этомъ случаѣ или отвѣчаютъ *не виновать*, или признаютъ существованіе смягчающихъ обстоятельствъ; наконецъ монархи не рѣдко спѣшатъ давать помилованіе, единственно изъ желанія избавить отъ смертной казни. Отсюда-то происходитъ огромная разница между количествомъ обвиненій въ преступленіяхъ, влекущихъ смертную казнь, и количествомъ дѣйствительно казненныхъ. Вслѣдствіе этого законъ, грозящій смертною казнію, потерялъ силу, и люди, которыхъ интересъ стоитъ на сторонѣ наказанія, боясь ненаказанности, просятъ иногда,

во имя наказанія, отмѣны смертной казни. Отъ того-то люди, склонные къ преступленію, зная, какъ рѣдко законъ, грозящій смертною казнію, примѣняется на дѣлѣ, ободряемые надеждою на ненаказанность или снисхожденіе, совершаютъ еще съ большею дерзостію тяжкія преступленія.

Говорятъ, что смертная казнь внушаетъ зрителямъ отвращеніе къ убійству. Это также не справедливо. Человѣкъ отъ природы чувствуетъ это отвращеніе. Еслибы было иначе, онъ былъ-бы хуже самаго лютаго звѣря. Общественныя учрежденія должны только укрѣплять въ сердцѣ человѣка это чувство. Но именно смертная казнь дѣлаетъ противное. Государство, запрещая убійство, сохраняетъ за собою, по словамъ Дюпора, право исключительнаго его употребленія; т. е. оно запрещаетъ не убійство, а только незаконность его. Отсюда происходитъ то, что основанія нравственности дѣйствій для частнаго лица и для государства не остаются одни и тѣ же. При существованіи смертной казни убійство перестаетъ быть дѣйствіемъ жестокимъ, потому что государство позволяетъ себѣ совершать его; только одна формальность отдѣляетъ убійцу отъ палача. Смертная казнь, вмѣсто того, чтобы внушать отвращеніе къ убійству, въ слабой и развращенной душѣ только ослабляетъ это чувство; тотъ, кто расположенъ къ убійству, скорѣе удержится отъ совершенія его врожденнымъ чувствомъ отвращенія, чѣмъ запрещеніемъ закона и метафизическими соображеніями. Roumieu. 91—92.

Возраженія защитниковъ смертной казни.—Противники смертной казни говорятъ: въ тѣхъ странахъ, гдѣ часто прибѣгаютъ къ смертной казни, гораздо больше совершается преступленій, чѣмъ тамъ, гдѣ законы отличаются мягкостью и казни бываютъ рѣдки. Изъ этого явленія они выводятъ заключеніе, что смертная казнь не только не имѣетъ устрашительнаго дѣйствія, но и способствуетъ увеличенію преступленій. Подобные выводы не основательны. Не потому совершается больше преступленій въ извѣстныхъ странахъ, что тамъ часто прибѣгаютъ къ смертной казни, а наоборотъ: потому тамъ часто прибѣгаютъ къ смертной казни, что много совершается преступленій. Такимъ образомъ не увеличеніе преступленій есть результатъ частыхъ казней, а увеличеніе казней есть результатъ частыхъ преступленій. Вмѣсто того, чтобы представлять себѣ законодателя производящимъ увеличеніе преступленій безумною расточительностію казней, не основательнѣе-ли было-бы со стороны противниковъ смертной казни поискать причинъ преступленія нѣсколько глубже. Увлекаясь одною видимостію, противники забываютъ дѣйствительныхъ дѣятелей преступленій, какъ-то: фанатизмъ,

бѣдность, невѣжество, испорченность нравовъ, политическія страсти, и наконецъ всѣ низкія наклонности, свойственныя природѣ человѣка.

Основываясь на рапортѣ Ливингстона сенату Луизіаны, говорятъ, что въ настоящее время въ этой странѣ преступленія, за которыя теперь положено простое тюремное заключеніе, или ссылка, совершаются гораздо рѣже, чѣмъ тогда, когда они были наказываемы смертною казнію. Итакъ, потому только, что эти явленія совпадаютъ, противники смертной казни добродушно думаютъ, что одно родилось отъ другаго. Но это—ошибка. Состояніе Луизіаны въ то время, когда тамъ существовала смертная казнь, было совершенно иное, чѣмъ тогда, когда она была отмѣнена за многія преступленія. Сначала Луизіана состояла подъ владычествомъ то Испаніи, то Франціи; прежде она не пользовалась ни самостоятельностію, ни миромъ, ни благосостояніемъ, имѣющими столь могущественное вліяніе на нравы; находясь подъ игомъ метрополіи, она была не управляема, но эксплоатируема, какъ и большая часть колоній, людьми жадными къ деньгамъ и къ господству. Потомъ она сдѣлалась самостоятельнымъ штатомъ сѣверо-американской республики, принадлежащимъ самому себѣ: земледѣліе, торговля, промышленность—все въ ней развилось съ безпримѣрной силою и способствовало уничтоженію причинъ преступленій. Не трудно также найти причины, почему въ Англіи совершается больше преступленій, чѣмъ во Франціи, не смотря на жестокость законовъ. Хотя Англія есть безъ сомнѣнія классическая страна политической свободы, тѣмъ не менѣе богатство въ ней распредѣлено хуже, чѣмъ во Франціи. Въ Англіи богатство находится въ рукахъ не многихъ; низшій классъ народа англійскаго страдаетъ болѣе чѣмъ французскій; въ этой странѣ честный, свѣдущій, дѣятельный, рабочій человѣкъ часто остается безъ работы. Есть также разница и въ характерѣ обоихъ народовъ, которая не остается безъ вліянія на количество преступленій. Характеръ англичанина холодный, мрачный, озабоченный; англичанинъ нѣкоторымъ образомъ имѣетъ привычки морскаго жителя, онъ находитъ удовольствіе смотрѣть на бой пѣтуховъ и боксёровъ. Французъ характера мягкаго, веселаго и легкаго.—Указываютъ особенно на отмѣну смертной казни въ Тосканѣ, имѣвшую самые счастливые результаты: по увѣренію Пасторе и Берлингіери, во время этой отмѣны въ Тосканѣ совершалось менѣе преступленій, чѣмъ *прежде* и *послѣ* нея. Но изъ совпаденія отмѣны смертной казни и уменьшенія преступленій нельзя

ничего иного вывести, какъ только то, что во время отмѣны, въ царствованіе Леопольда, были причины, способствовавшія уменьшенію преступленій и дѣлавшія излишними строгія уголовныя наказанія, какъ-то: въ Европѣ господствовалъ всеобщій миръ; царствованіе въ такомъ маленькомъ государствѣ, какъ Тоскана, государя-философа, отца великой семьи, способствовало улучшенію благосостоянія подданныхъ; въ это время здѣсь царствовали сердечные нравы, довольство простаго человѣка; религія и нравственность сохраняли свою силу; словомъ, не было большей части тѣхъ причинъ, отъ которыхъ происходятъ преступленія. Если съ введеніемъ смертной казни опять появились преступленія, то ничего нѣтъ удивительнаго: въ это время опять исчезли причины, способствовавшія уменьшенію казней. Ужасы французской революціи, отъ которыхъ каждое государство хотѣло себя гарантировать, грабежъ армій, военныя опустошенія, деморализація, какъ слѣдствіе этихъ конвульсивныхъ движеній общества,—факты, которые совпадаютъ съ возстановленіемъ смертной казни, и которые произвели увеличеніе преступленій. Такимъ образомъ, изъ совпаденія двухъ явленій: уничтоженія смертной казни и уменьшенія преступленій и наоборотъ, хотя-бы эти совпаденія повторились не разъ, а тысячу разъ, никакимъ образомъ нельзя вывести заключенія, что смертная казнь способствуетъ увеличенію преступленій: на основаніи здравой критики и наблюденія, изъ одновременнаго существованія двухъ фактовъ, нельзя заключить, будто одинъ изъ нихъ есть причина другаго, другой слѣдствіе перваго; для установленія подобнаго отношенія необходимо открыть его въ извѣстномъ дѣйствіи. Но этого-то и не дѣлаютъ тѣ, которые хотятъ взвалить увеличеніе преступленій на смертную казнь. Silvela, 118—128 1).

Смертная казнь не препятствуетъ совершенію убійствъ; слѣдова-

1) Справедливо, говоритъ Щербатовъ, что въ царствованіе Императрицы Елисаветы уменьшились разбои, которые великую опасность всѣмъ жителямъ деревенскимъ наносили. Но онъ отвергаетъ, чтобы это произошло отъ уничтоженія смертной казни. »Ибо странно такое предположеніе учинить, чтобы уменьшеніе страху наказанія за преступленіи болѣе страху приключило оные содѣловать«. Онъ приписываетъ уменьшеніе преступленій слѣдующимъ причинамъ: мирному царствованію, пребыванію войскъ въ государствѣ, легкости отставки дворянъ, которые жили въ деревняхъ и охраняли порядокъ. Чтенія Моск. общ. ист. и древн. 1860 г. кн. 1.

тельно, говорятъ, ее нужно уничтожить и замѣнить каторжными работами. Но если страхъ смертной казни не воздерживаетъ отъ убійствъ, ужели страхъ каторжныхъ работъ можетъ этого достигнуть? Благодаря всемогуществу присяжныхъ, изъ десяти убійцъ восемь избѣгаютъ смертной казни и попадаютъ въ каторжныя работы, и однакожъ убійства совершаются. Слѣдовательно и каторжныя работы не останавливаютъ убійцъ; слѣдовательно и это наказаніе должно уничтожить? А идя далѣе по тому же пути, не слѣдуетъ-ли уничтожить и тюрьмы, и изобрѣсти такое гомеопатическое наказаніе, которое замѣнитъ и эшафотъ и все прочее? Конечно, смертная казнь не останавливаетъ всѣхъ убійцъ, подобно тому какъ медицина не вылѣчиваетъ всѣхъ больныхъ, пожарныя трубы не тушатъ всѣхъ пожаровъ. Но она положительно останавливаетъ многихъ. Кто можетъ сказать, что безъ нея число преступленій не было-бы больше противъ того, которое теперь совершается? Изъ того, что на мѣстѣ и во время совершенія казней совершаются преступленія, — ничего не слѣдуетъ; частные случаи не доказательство. Напрасно думаютъ, что преступники не взвѣшиваютъ получаемыя выгоды отъ преступленій съ наказаніемъ, положеннымъ за оныя. Есть воры, которые, не смотря на то, что ночное время благопріятствуетъ воровству, никогда не воруютъ ночью, потому только, что ночное воровство ведетъ за собою болѣе тяжкое наказаніе 1). Воры-убійцы составляютъ исключеніе по той же причинѣ. Итакъ, страхъ смертной казни есть самый дѣйствительный для противодѣйствія преступленіямъ. Онъ былъ-бы еще дѣйствительнѣе, еслибы присяжные не оказывали снисхожденія и сожалѣнія убійцамъ, еслибы они не находили смягчающихъ обстоятельствъ тамъ, гдѣ разумъ безсиленъ ихъ отыскать. Alph. Carr. Sur la peine de mort. 1864 г. с. 12—17.

Когда-то Монтескьё сказалъ: опытъ убѣждаетъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ мягкія наказанія, умъ гражданъ поражается

1) Въ Arch. Cr.-R. за 1828 г. В. X. упоминается о ворѣ Даміанѣ Гесселѣ, который сознался, что онъ съ боязнію изучалъ Code penal, чтобы не совершить воровства, за которое положена смертная казнь.— При обсужденіи проекта Брауншвейгскаго кодекса, одинъ изъ защитниковъ см. каз. указывалъ на одного убійцу, осужденнаго на смерть, который говорилъ, что онъ бы не совершилъ убійства, еслибы только зналъ, что смерт. казнь существуетъ въ странѣ, и что онъ будетъ осужденъ на смерть. Arch. Cr.-R. 1841 г.

ями въ такой же мѣрѣ, въ какой, въ другихъ странахъ, онъ поражается великими казнями. Въ этихъ словахъ противники смертной казни видятъ подтвержденіе того, что смертная казнь не производитъ устрашительнаго дѣйствія. Но этотъ выводъ не вѣрный. Слова Монтескьё должно понимать въ томъ смыслѣ, что на гражданъ болѣе образованныхъ и болѣе нравственныхъ мягкія наказанія производятъ такое же дѣйствіе, какъ жестокія казни на гражданъ другой страны, отличающихся грубостію и невѣжествомъ. Изъ этого не слѣдуетъ также выводить заключенія, что по принципу—наказанія мягкія производятъ то же самое дѣйствіе какъ строгія, а только то, что систему наказаній должно приводить въ соотвѣтствіе съ состояніемъ просвѣщенія и качествами народа. Допустить противоположное, т. е. принять за абсолютную истину положеніе: мягкія наказанія производятъ то же самое дѣйствіе, что и жестокія, значило-бы поставить себя въ положеніе, слѣдуя этому принципу и смягчая болѣе и болѣе наказанія, довести наказуемость до нуля. Silvela, 148—149.

Утверждать, будто люди не боятся смерти,—значитъ утверждать ложь, возставать противъ природы, заявлять верхъ безсмыслицы. »Войдите, говоритъ Броли, въ первую тюрьму и предложите осужденному на смерть замѣнить казнь его ожидающую всякимъ другимъ наказаніемъ, какъ бы жестоко оно ни было,—вы увидите, какъ вы будете приняты со всѣхъ сторонъ. Съ другой стороны, попытайтесь подъ видомъ человѣколюбія и состраданія послать на казнь человѣка, осужденнаго на вѣчныя каторжныя работы,—общественное негодованіе поднимется противъ этой ужасной ироніи. Самый жаръ, съ которымъ противники смертной казни домагаются ея отмѣны, свидѣтельствуетъ о томъ ужасѣ, который она внушаетъ. И если этотъ ужасъ великъ въ тѣхъ, которымъ она не грозитъ, то крайне смѣшно доказывать, что онъ малъ въ тѣхъ, которымъ она грозитъ«. Поэтому совершенно ложно положеніе Люкаса, что на десять осужденныхъ по крайней мѣрѣ девять не обнаруживаютъ никакого признака страха. Для возстановленія истины слѣдуетъ сказать, что только нѣкоторые осужденные показываютъ презрѣніе къ смерти; всѣ же остальные въ страшную минуту казни обнаруживаютъ бо́льшій или меньшій ужасъ. Человѣкъ боится наказаній; онъ избѣгаетъ нѣкоторыхъ дѣйствій, чтобы не потерять извѣстныхъ благъ. Странно предполагать, что онъ презираетъ самое бо́льшее, самое ужасное изъ всѣхъ, словомъ то, которое

разомъ и навсегда лишаетъ его всѣхъ правъ и всѣхъ благъ, и которое низвергаетъ его, покрытаго безславіемъ, въ страшную и неизвѣстную вѣчность. Silvela, 134—135.

Оцѣнка доводовъ *за* и *противъ* устрашимости смертной казни приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

а) Повидимому, нѣтъ ничего нагляднѣе, проще и очевиднѣе, какъ устрашимость смертной казни. Человѣкъ чувствуетъ ужасъ при одномъ мысленномъ представленіи этого наказанія. Наблюденія надъ осужденными, за немногими исключеніями, также подтверждаютъ, что эта казнь производитъ страхъ и ужасъ на душу человѣка. И однакожъ, эта очевидность похожа на ту, которая удостовѣряетъ насъ, что солнце ходитъ вокругъ земли: первобытная вѣра въ устрашимость смертной казни столько же достовѣрна, какъ убѣжденіе простаго человѣка, что солнце идетъ съ востока на западъ. Съ прошедшаго столѣтія, стали замѣчать, что разнообразные виды смертной казни нисколько не способствуютъ уменьшенію тяжкихъ преступленій; это—первое возникновеніе сомнѣній касательно устрашимости смертной казни. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не усумниться въ силѣ смертной казни, если послѣ столькихъ столѣтій ея примѣненія въ самыхъ ужасныхъ и изысканныхъ формахъ, преступленіе съ своей стороны ничего не потеряло ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи. Но выводъ этотъ въ то время имѣлъ за себя недостаточныя и одностороннія доказательства. Преступленія не уменьшаются, когда преступниковъ караютъ самыми жестокими казнями: но кто поручится, что число ихъ не увеличится, когда отмѣнить эти казни? Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ послѣдующими перемѣнами въ области уголовнаго законодательства. Уничтоженіе во всѣхъ европейскихъ кодексахъ квалифицированной смертной казни, отмѣна ея за большую часть преступленій, рѣдкость исполненія смертныхъ приговоровъ, наконецъ полное изгнаніе ея изъ кодексовъ нѣкоторыхъ государствъ,—всѣ эти важныя перемѣны отнюдь не сопровождались ни увеличеніемъ тяжкихъ преступленій, ни уменьшеніемъ общественной и частной безопасности. Такимъ образомъ, къ прежнимъ опытамъ, доказывавшимъ, что смертная казнь въ самыхъ даже жестокихъ формахъ не способствуетъ уменьшенію казней, прибавились новые, подтверждающіе, что отмѣна ея не имѣетъ никакого вліянія на увеличеніе преступленій. Уже въ прошедшемъ столѣтіи, убѣжденіе, что смертная казнь не устрашаетъ, шло рука объ руку съ

возникавшимъ тогда мнѣніемъ о томъ, что количество преступленій не есть случайное явленіе, а результатъ болѣе или менѣе постоянныхъ, болѣе или менѣе неизбѣжныхъ причинъ, скрывающихся какъ въ природѣ человѣка, такъ и въ природѣ обществъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи Кетле, Гери и Вагнеръ самыми неопровержимыми статистическими цифрами подтвердили эту истину, и такимъ образомъ нанесли окончательный ударъ теоріи устрашенія вообще и устрашимости смертной казни въ частности.

б) Эти научные опыты какъ-будто не существуютъ для защитниковъ смертной казни. Одни изъ защитниковъ продолжаютъ отстаивать смертную казнь, ради ея спеціальной устрашимости, единственно потому, что имъ не знакомы ни исторія смертной казни за послѣднія сто лѣтъ, ни статистическія работы новѣйшаго времени. Другіе, болѣе знакомые съ новѣйшими наблюденіями надъ дѣйствіемъ смертной казни, не могутъ не признать ихъ значенія; но по старой вѣрѣ въ силу смертной казни, и по особенному взгляду на уголовную статистику, хотятъ примирить новое съ старымъ, отдѣлываясь такою голословною фразою: если смертная казнь не удерживаетъ отъ преступленій всѣхъ, къ нимъ склонныхъ, то все-таки она удерживаетъ многихъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ. Эта фраза давно пущена въ обращеніе, и сдѣлалась у всѣхъ защитниковъ общимъ мѣстомъ; лѣтъ тридцать тому назадъ, когда Миттермайеръ стоялъ въ противоположномъ лагерѣ, онъ любилъ повторять эту фразу. Защитники смертной казни, которые твердятъ объ устрашимости смертной казни, на основаніи разныхъ проявленій между людьми страха предъ этимъ наказаніемъ, похожи на того человѣка, который, не смотря на научные доводы объ обращеніи земли вокругъ солнца, все-таки твердитъ: не земля, а солнце ходитъ вокругъ земли, меня въ этомъ убѣждаютъ собственные мои глаза.

в) Нѣкоторые противники смертной казни, увлекаясь желаніемъ доказать безполезность этого наказанія, впадаютъ въ крайность: такъ одни приписываютъ ей увеличеніе преступленій; другіе готовы даже доказывать, что смертная казнь вообще не имѣетъ ничего страшнаго, и даже болѣе, что отнятіе жизни, посредствомъ гильотины или веревки, не только безболѣзненно, но сопровождается нѣкоторыми пріятными грезами. Pierquin. с. 1 - 13. Sur la peine de mort et son influence physiologique, статья помѣщ. въ Revue Encyclp. за 1830 г. см. отчетъ о ней въ Arch. Cr.-R. 1832. Первое мнѣніе достаточно основательно

опровергнуто, выше изложенными доводами о происхожденіи преступленій, принадлежащими Силвелѣ, который не замѣчаетъ впрочемъ, что его доводы столько же опровергаютъ его противниковъ, сколько говорятъ и противъ него самого. Метафизическіе же доводы о томъ, что смертная казнь совершенно не страшна, потому что она есть удѣлъ каждаго, и что разные мудрецы считали ее успокоеніемъ, а также физіологическія соображенія о безболѣзненности и даже нѣкоторой пріятности отнятія жизни посредствомъ гильотины или висѣлицы, хотя-бы они въ научномъ отношеніи и были справедливы, противорѣчатъ общему ощущенію, общей настроенности.

г) Защитники смертной казни готовы навязать своимъ противникамъ намѣренное или ненамѣренное стремленіе, доводами противъ дѣйствительности и полезности смертной казни подорвать необходимость и пользу другихъ наказаній. Поводъ къ этому подаютъ отчасти тѣ изъ противниковъ смертной казни, которые, отвергая устрашительность смертной казни, признаютъ однакожъ это качество за другими наказаніями; такимъ образомъ защитникамъ не стоитъ большаго труда, примѣнивъ аргументы своихъ противниковъ противъ смертной казни къ другимъ наказаніямъ, доказывать, что эти аргументы подрываютъ основаніе вообще всѣхъ наказаній. Но дѣло въ томъ, что какъ смертная казнь, такъ, очевидно, и другія наказанія не имѣютъ той устрашительной силы, чтобы удерживать отъ преступленій другихъ; и тѣ противники смертной казни, которые доказываютъ безсиліе страха смертной казни и силу страха другихъ наказаній, сами себѣ противорѣчатъ и подрываютъ силу собственныхъ доводовъ. Но отрицаніе устрашимости наказаній не есть еще отрицаніе вообще наказаній. Наказанія необходимы и полезны, и помимо устрашительной и сдерживающей силы, которую имъ прежде приписывали, но которая при болѣе глубокомъ изученіи дѣла оказалась не существующею: они полезны тѣмъ, что они отнимаютъ возможность у самого преступника дѣлать преступленіе и причинять вредъ обществу; они отнимаютъ или физическую, или нравственную возможность вредить. Если, правда, на дѣлѣ наказанія не всегда способствуютъ возрожденію въ преступникѣ нравственной невозможности дѣлать преступленія, и даже производятъ обратное дѣйствіе, то это зависитъ отъ дурной организаціи тюремъ, а не отъ самаго наказанія. Всѣ стремленія современныхъ обществъ направлены въ дѣлѣ наказаній къ тому, чтобы сдѣлать изъ нихъ орудіе нрав-

ственнаго перерожденія; если эти стремленія не имѣли вполнѣ удачныхъ результатовъ, то это еще не значитъ, чтобы они были не осуществимы.

Изъ изложеннаго слѣдуетъ второе положеніе относительно смертной казни: это наказаніе не только не необходимо для общественной безопасности, но оно и не содѣйствуетъ охраненію жизни отдѣльныхъ гражданъ.

III. *Смертная казнь не только безполезна, но она еще приноситъ положительный вредъ, говорятъ противники.* Совершеніе смертныхъ казней дѣйствуетъ самымъ пагубнымъ образомъ на нравы народа. На людей нѣжной организаціи, одаренныхъ добрыми чувствами и развитымъ умомъ, которые по своей натурѣ не способны къ преступленію, исполненіе смертнаго приговора производитъ болѣзненное, подавляющее впечатлѣніе; оно заставляетъ ихъ страдать; оно возбуждаетъ въ ихъ душѣ чувство ужаса, безконечную жалость и состраданіе къ участи несчастнаго, падшаго человѣка, у котораго отнимается возможность загладить свое преступленіе дѣятельнымъ, а не формальнымъ покаяніемъ. Не рѣдко во время казней можно видѣть слезы сожалѣнія и искреннюю печаль на лицахъ зрителей; нѣкоторые даже падаютъ въ обморокъ. Ducpetiaux. 49, Mittern. § 101). Особенно потрясающее дѣйствіе производятъ казни тогда, когда они совершаются надъ осужденнымъ, впадшимъ въ безчувственное состояніе, или такимъ, который былъ боленъ, и котораго вылечиваютъ для казни, или наконецъ, когда казнятъ того, который до послѣдней минуты утверждаетъ свою невинность. Какъ болѣзненно отзываются казни на нѣкоторыхъ личностяхъ, объ этомъ собрано много фактовъ. Одинъ крестьянинъ, не разъ видѣвшій исполненіе смертныхъ казней, впадаетъ въ сумасшествіе, его начинаетъ преслѣдовать мысль, что онъ будетъ казненъ; ничто не можетъ его разувѣрить, и онъ испытываетъ ужасныя муки, подобно тому, какъ осужденный на смерть. Во время господства революціонныхъ трибуналовъ во Франціи, страхъ до такой степени овладѣлъ однимъ молодымъ человѣкомъ, что онъ потерялъ всякую власть надъ собою: одинъ видъ чиновника до того дѣйствовалъ на него, что

1) Во время разстрѣлянія въ маѣ 1866 г. въ Вологдѣ рядоваго за оскорбленіе начальника, многія женщины рыдали и падали на колѣни. При разстрѣляніи писаря Шабунина 9 авг. 1866 г. нѣкоторыя изъ женщинъ падали въ обморокъ, другія безутѣшно рыдали. С.-петерб. Вѣдом. 1866 г. №№165 и 239.

его рѣчь и его голосъ совершенно измѣнялись; постоянная меланхолія, ослабленіе духа, упадокъ мыслительной способности, непобѣдимая страшливость, стѣсненіе груди и другіе болѣзненые припадки, — таковы были признаки его помѣшательства. Pierquin. Die Todesstrafe, keine Strafe für den Verbrecher. с. 25. Пьеркенъ приводитъ и другіе случаи помѣшательства зрителей, судей, палачей, самихъ осужденныхъ, вызваннаго исполненіемъ смертной казни; с. 25—30; по его же словамъ, подобные случаи собраны и другими психіатрами, какъ-то: Пинелемъ, Эскиролемъ, Матеи, Жорже, Простомъ и мн. друг. с. 26. О вліяніи казней на женщинъ см. у Pierquin, с. 34—58; Schlatter, с. 85—94. Такимъ образомъ смертная казнь въ однихъ вызываетъ хотя и добрыя чувства, но тѣмъ не менѣе не въ свою пользу.

Совершенно инымъ образомъ она дѣйствуетъ на необразованную и тупую или отупѣвшую массу народа; для нея лишеніе человѣка жизни съ соблюденіемъ разныхъ обрядовъ составляетъ зрѣлище, поводъ для развлеченія и болтовни. Напрасно защитники смертной казни воображаютъ, что она на массу имѣетъ вліяніе наставительное, обуздывающее, наводящее на размышленіе. По самымъ достовѣрнымъ наблюденіямъ поведенія массы, выходитъ нѣчто противоположное. Равнодушіе, разговоры о наружности и внѣшнемъ поведеніи осужденнаго, грубыя шутки 1), склонность къ скандалу 2) — вотъ обыкновенное поведеніе

1) Въ 1815 г., во время частыхъ казней во Франціи, народъ съ удовольствіемъ посѣщалъ мѣста казней Во время казней нѣсколькихъ осужденныхъ, одинъ почтенный мужчина столкнулся съ чрезвычайно живою, молодою, одѣтою въ праздничный нарядъ дѣвицею, съ которою онъ прежде встрѣчался. Эта встрѣча его очень поразила, такъ какъ онъ зналъ, что въ числѣ осужденныхъ былъ братъ ея отца. Но воображая, что этого она не знаетъ, онъ рѣшился объ этомъ ей сказать. »Это мнѣ извѣстно, отвѣчала она ему совершенно равнодушно: если есть дурная кровь, нужно ее пустить, тогда будетъ лучше«. Pierquin, с. 34.

2) Въ 1848 г., во время казни проф. Вебстера, нѣкоторые дома, сосѣдніе съ мѣстомъ казни, были оставлены хозяевами, которые не хотѣли быть свидѣтелями казни; на одномъ изъ нихъ была надпись: opposed to capital punishment. Но любопытная толпа нашла доступъ въ запертые и покинутые дома посредствомъ взлома. Богор. II. 359. По случаю одного приговора во Франціи, многіе изъ присутствующихъ въ судѣ, услышавши объ отказѣ двумъ осужденнымъ на смерть въ кассаціонной жалобѣ, говорили: тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ мы посмотримъ на нихъ. Ducpetiaux, с. 35.

массы. Въ Пруссіи цѣлыя толпы праздношатающихся, тотчасъ по совершеніи казни, бросались на мѣстѣ экзекуціи играть въ снѣжки. Berner, 13. Диккенсъ слѣдующимъ образомъ описываетъ поведеніе толпы во время казни въ 1849 г. мужа и жены Маниновъ: »Нечестивое и легкомысленное поведеніе безчисленнаго множества народа представляло такую ужасную сцену, какую едвали человѣкъ можетъ себѣ представить и какую трудно встрѣтить въ какой-нибудь языческой странѣ подъ солнцемъ. Ужасъ висѣлицы и преступленія, которое довело несчастныхъ убійцъ до этой казни, исчезли въ моей душѣ предъ ужаснымъ поведеніемъ, мимикой и разговорами собравшихся зрителей.... Какъ будто имя Христа никогда не было слышно въ этомъ мірѣ, и какъ будто само собою разумѣется, что люди должны гибнуть какъ животныя«. Berner, 12. Иногда казни подаютъ поводъ къ большимъ безпорядкамъ: это особенно случается тогда, когда палачъ сразу не успѣваетъ отрубить голову и жертва подвергается ужаснымъ мукамъ. Annales de l'association international pour le progrès des sciences sociales. Congrès de Gand. liv. I. c. 134 — 135. Berner. 13. Mitterm. 95. То же бываетъ тогда, когда осужденный съ отчаянія вступаетъ въ формальную драку съ палачомъ, и такимъ образомъ будитъ грубые инстинкты зрителей. Когда въ 1848 г. въ Англіи казнили мужа и жену Маниновъ, то мужъ началъ драться съ палачомъ. Въ толпѣ народа послышались ругательства, проклятія и даже угрозы противъ палача и судей. По совершеніи казни, восковыя фигуры казненныхъ, вмѣстѣ съ изображеніями другихъ убійцъ, были выставлены въ заведеніи г-жи Tussand и показывались любопытнымъ за деньги. Богород. II. 357; см. о буйствѣ и безпорядкахъ Ducpetiaux, 89. Roumieu, 255 1).

Но это только внѣшнее, если можно такъ выразиться, отрицательное дѣйствіе казней на зрителей. Внутреннее ихъ дѣйствіе несравненно гибельнѣе. Человѣкъ есть существо склонное къ подражанію. Совершеніе смертныхъ казней вызываетъ въ немъ эту способность, прі-

1) Въ 1865 г. во время казни, въ Сѣверной Америкѣ, Вирца, обвиненнаго въ варварскомъ обращеніи съ плѣнными сѣверянами, повторились отвратительныя сцѣны: двѣ женщины изъ многочисленной толпы, покрывавшей крыши, грозили кулаками умирающему человѣку. Въ толпѣ раздавались крики: »вѣшай подлеца скорѣе«. И когда Вирцъ повисъ, раздались рукоплесканія. Веревка, на которой онъ висѣлъ, была потомъ разрѣзана на куски и брошена; въ толпѣ поднялись шумъ и борьба изъ-за этихъ кусковъ. С.-петерб. Вѣд. 1865 г. № 302.

учаетъ его нагляднымъ примѣромъ къ пролитію крови; естественный ужасъ, врожденное отвращеніе къ пролитію крови мало-по-малу покидаютъ сердце гражданъ, и мѣсто ихъ заступаютъ безчувственность и равнодушіе къ человѣку и человѣческой жизни, жестокосердіе и тупость чувства при видѣ жестокихъ сценъ. Въ эпоху французской революціи гильотина сдѣлалась обыкновеннымъ домашнимъ украшеніемъ. Pierquin, 22. Вольней разсказываетъ, что въ третій годъ французской республики, онъ видѣлъ, во время путешествія по Франціи, дѣтей, забавлявшихся, въ подражаніе тогдашнимъ судамъ, сажаніемъ на колъ котовъ и гильотинированіемъ птицъ. Ducpetiaux, de la mission de la just. hum. c. 40. Silvela, c. 248. Pierquin, 22. То же самое явленіе повторилось въ Нидерландахъ послѣ введенія гильотины. Pierquin, c. 21. Англійскій писатель Филипсъ разсказываетъ, что въ Ньюгетѣ непосредственно послѣ казни, дѣти въ видѣ забавы разыгривали церемонію казни: одинъ мальчикъ игралъ роль осужденнаго, другой роль священника, третій роль шерифа,—и все это каждымъ дѣлалось съ великою радостью. Public. de l'ass. pour abol. de la peine de mort. № 4. c. 19 1). О вредномъ вліяніи казней вообще и преимущественно на дѣтей см. также: у Беранже, De la repression penal. 1855. T. II. c. 237 — 242. Такимъ образомъ школа казней есть школа варварства и ожесточенія нравовъ: вмѣстѣ съ убійствомъ тѣлесной жизни преступника, убивается нравственная жизнь народа, говоритъ Шлаттеръ. Но вліяніе смертныхъ

1) Эд. Озенбрюгенъ, въ своемъ Das Alämannische Strafrecht in deutschen Mittelalter, 1860 г. раскаѕываетъ слѣдующій случай: нѣсколько парней, пасшихъ у лѣса скотъ, учредили изъ себя для забавы уголовный судъ, для того чтобы судить одного изъ своихъ—плохаго парнишку—за то, что онъ напрасно божился и увороваль что-то у своего товарища. Шуточный судъ приговорилъ его къ повѣшенію. Его повѣсили на деревѣ, охвативъ веревкою подъ руки, но въ тоже время ему наложили петлю на шею, такъ впрочемъ, что она не обнимала туго шеи, а только служила для виду. Еще судьи не успѣли вполнѣ исполнить приговоръ, какъ въ трехъ шагахъ отъ нихъ пробѣжалъ заяцъ, за которымъ всѣ они пустились бѣжать, оставивши своего товарища висящимъ на деревѣ. Заяцъ уводилъ судей все дальше и дальше; веревка стала душить подъ сердце висѣвшаго, вслѣдствіе чего онъ сталъ ее растягивать туда и сюда, пока она не лопнула. Висѣвшій попалъ въ петлю, наложенную ему на шею, которая его задушила. c. 147. Во время казни Миллера, одинъ мальчикъ въ виду казни дѣлалъ видъ, что онъ желаетъ быть повѣшеннымъ, для чего дѣлалъ опыты. Publications. № 4. c. 18.

казней не выражается только въ общемъ ожесточеніи нравовъ народа, но является ближайшею и непосредственною причиною, вызывающею новыя тяжкія убійства; пролитіе крови въ видѣ смертной казни развиваетъ манію убійства. Въ подтвержденіе этого психіатрами собрано безчисленное множество самыхъ достовѣрныхъ фактовъ. Одинъ мужчина, будучи свидѣтелемъ какъ толпа спѣшитъ на казнь убійцы, чувствуетъ желаніе сдѣлаться въ свою очередь героемъ подобной сцены, для чего и совершаетъ убійство. Старый солдатъ нѣмецъ, жаждая наслаждаться будущею жизнію, хочетъ быть казненнымъ, для чего убиваетъ маленькую дѣвочку. Ducpetiaul, с. 41. На другой день послѣ казни Маниновъ, одна дѣвка вонзила въ другую ножъ, говоря, что она хочетъ крови изъ ея сердца, хотя-бы ее постигла участь Маниновъ. Богор. II. 359. Въ 1863 г. въ Чатамѣ повѣшенъ былъ убійца Буртонъ (по убѣжденію многихъ одержимый сумасшествіемъ). Спустя нѣсколько недѣль въ томъ же городѣ совершено было убійство невиннаго дитяти: преступникъ повторялъ, что онъ хочетъ быть повѣшеннымъ. Еще яснѣе выразилось деморализующее вліяніе смертной казни въ Ливерпулѣ. Въ 1863 г. два человѣка были казнены за убійство. Въ слѣдующіе ассизы 11 человѣкъ были обвинены въ подобномъ же преступленіи и изъ нихъ четыре были казнены. Казнь привлекла 100,000 зрителей. Послѣ нея въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ совершено одно за другимъ въ три раза болѣе убійствъ. Въ Лондонѣ и его окрестностяхъ, не задолго до казни и непосредственно послѣ казни Миллера, процесъ котораго пріобрѣлъ европейскую извѣстность, совершено было нѣсколько убійствъ и покушеній на это преступленіе. Нѣкоторые убійцы прямо упоминали имя Миллера. За день предъ его казнію, солдатъ Гринсвудъ (Greenswood) пытался убить Маргариту Сюливанъ въ Лондонѣ; во время ареста, на мѣстѣ преступленія, онъ сказалъ полисмену: »еслибы вы не пришли, я бы съ нею покончилъ. Я буду повѣшенъ за нее. Я не надѣюсь болтаться около Миллера за такую женщину, какъ она«. Наканунѣ казни Миллера, Елисавета Бурнсъ перерѣзала горло своему маленькому сыну; она сказала судьѣ: да, я это сдѣлала, я убью всѣхъ, я хочу быть повѣшенною. Вечеромъ въ самый день казни Миллера Жаксонъ убилъ Робертса. Public. de l'assoc. pour. abol. de la peine de mort. № 4. с. 19.

Возраженія защитниковъ смертной казни.—Одни изъ защитниковъ, вѣруя въ устрашительность смертной казни, не хотятъ обращать вни-

манія на вредныя слѣдствія этого наказанія. Для нихъ какъ-будто не существуютъ изложенные факты. Другіе, какъ напр. Силвела, Роское и другіе, признаютъ зловредность ея дѣйствія, но приписываютъ ее тому обстоятельству, что это наказаніе совершается публично; отсюда они выводятъ заключеніе, что съ уничтоженіемъ публичности исчезнетъ вредная его сторона и останется только полезная. Встрѣчая въ своемъ же лагерѣ сильныхъ противниковъ уничтоженія публичности, они, для защиты своего мнѣнія, приводятъ всѣ тѣ факты зловреднаго дѣйствія смертной казни, которыми противники пользуются вообще противъ этого наказанія. Съ другой стороны, возражая этимъ послѣднимъ, они говорятъ, что противники стараются смѣшать смертную казнь съ ея исполненіемъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно нынѣ существуетъ, но что это только уловка, понятная для всякаго. Одно дѣло — наказаніе, другое—его исполненіе. Дѣйствительно, публичное исполненіе производитъ пагубное дѣйствіе, но это обстоятельство тогда бы имѣло важное значеніе, еслибы оно было неразлучно съ этимъ наказаніемъ, и не могло быть устранено непубличностію. Еслибы даже не было средства его устранить, все-таки публичность казней, со всѣми ея важными неудобствами, лучше полнаго уничтоженія смертной казни. Silvela, с. 257. Противники говорятъ, что совершеніе смертныхъ казней внушаетъ скорѣе ужасъ и сожалѣніе, чѣмъ страхъ. Но сожалѣніе и боязнь, ужасъ и страхъ—чувства совмѣстныя. Можно имѣть сожалѣніе къ осужденному и не ощущать удовольствія быть въ свою очередь предметомъ общественнаго сожалѣнія; можно ощущать ужасъ къ казни, подобно тому какъ ощущаютъ ужасъ къ убійству или неизлѣчимой болѣзни, и однакожъ воздерживаться отъ преступленія, запрещеннаго подъ страхомъ наказанія, также какъ избѣгаютъ руки убійцы. Для того чтобы произвесть спасительный страхъ, нужно только выбирать такую форму исполненія, которая бы не представляла отвратительнаго зрѣлища человѣка сильнаго, борющагося съ человѣкомъ доведеннымъ до невозможности защищаться, зрѣлища одного человѣка, овладѣвшаго тѣломъ другаго, и дѣлающаго усиліе исторгнуть изъ него послѣдній вздохъ жизни. Rossi, II. с. 297--298.

Изъ сопоставленія вышеприведенныхъ доводовъ противниковъ смертной казни съ возраженіями на нихъ защитниковъ можно вывести слѣдующія заключенія: а) И тѣ и другіе признаютъ зловредное вліяніе исполненія смертныхъ казней; вся разница между ними въ при-

знаніи большей или меньшей степени зловредности. Но если неопровержимо, что смертная казнь ни одного тяжкаго преступленія не предупредила, если ея защитники признаютъ вредное ея вліяніе на нравственность народа, что же остается за этимъ наказаніемъ такого, чтобы могло говорить за его сохраненіе?

б) Тѣ защитники смертной казни, которые настолько безпристрастны, что не могутъ отвергнуть фактовъ ея вреднаго вліянія на народъ, думаютъ очистить это наказаніе отъ этого вліянія, скрывъ исполненіе его отъ глазъ публики. Но съ допущеніемъ этой мѣры, что остается полезнаго отъ смертной казни для общества? Если стать на точку зрѣнія защитниковъ смертной казни, то-есть допустить, что она устрашаетъ, то естественное дѣло, что главная устрашительная сила ея заключается въ ея публичности, въ ея обстановкѣ, въ томъ, что она прямо и непосредственно дѣйствуетъ на зрителей. Ни одинъ изъ защитниковъ не можетъ съ своей точки зрѣнія отвергнуть того факта, что на человѣка неизмѣримо сильнѣе дѣйствуетъ то, что совершается предъ его глазами, чѣмъ то, о чемъ ему разсказываютъ, что онъ мысленно только себѣ предполагаетъ. Итакъ, очевидно, защитники смертной казни, перенося ея исполненіе въ стѣны тюрьмы, съ своей точки зрѣнія отнимаютъ, хотя и не хотятъ въ томъ признаться, главную силу у этого наказанія; этимъ они подкапываютъ главный фундаментъ своихъ доказательствъ и признаютъ фактически, не сознаваясь въ томъ, несостоятельность смертной казни. Напрасно они силятся доказать, что звонъ колоколовъ, во время исполненія смертной казни, можетъ напоминать народу о казни и производить спасительный страхъ: это ничѣмъ не доказанныя фразы; если, по убѣжденію самыхъ же защитниковъ смертныхъ казней, даже публичное исполненіе ихъ только нѣкоторыхъ, а не всѣхъ, удерживало отъ преступленій, чего же можно ждать отъ казней скрыто-совершаемыхъ?

в) Скрытое исполненіе смертныхъ казней дѣйствительно отнимаетъ у казни значительную долю ея зловреднаго вліянія: но только извѣстную долю, не дѣлая ее однакожъ полезною. Въ замѣнъ этого оно не разлучно съ такими недостатками, которые ему одному свойственны. Уже и публичное исполненіе казней, совершаемое съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ, методически, по всѣмъ правиламъ искусства, представляетъ нѣчто противорѣчащее тѣмъ правиламъ человѣчности, которыхъ повидимому хотѣли-бы въ настоящее время держаться; съ

этой стороны справедливо нѣкоторые считаютъ смертную казнь неизмѣримо ужаснѣе большинства видовъ убійства, которые совершаются въ страсти, въ припадкѣ увлеченія. Но въ публичности есть еще остатокъ той прямоты и рѣшительности, безъ которыхъ никакое общественное учрежденіе не можетъ быть прочно и полезно. Закрытое совершеніе казней лишено и этого послѣдняго качества; оно представляетъ видъ какого-то коварства, нѣчто изысканно жестокое, что можетъ быть исполнено только въ застѣнкѣ, чего нельзя показать добрымъ гражданамъ; поэтому оно еще болѣе противно чувствамъ и убѣжденіямъ мыслящихъ людей. Оно напоминаетъ тѣ средневѣковыя времена, когда нерѣдко прибѣгали къ тайнымъ казнямъ, изъ боязни стать въ противорѣчіе съ общественнымъ мнѣніемъ относительно казнимаго. Поэтому, не безъ основанія, народы, привыкшіе къ гласности общественныхъ дѣлъ, боятся злоупотребленій закрытаго совершенія казней. Допустить одного палача и тюремщика распорядиться съ жизнію осужденнаго, значило-бы отнять у смертной казни даже послѣднюю наружную обстановку наказанія; поэтому, защитники скрытаго совершенія казней требуютъ присутствія при этомъ кровавомъ актѣ извѣстныхъ почтенныхъ лицъ, какъ-то: прокуроровъ, судей, выбранныхъ отъ общества. Тутъ одно изъ двухъ: или законодатель долженъ допустить полную свободу для чиновниковъ и гражданъ отстранять отъ себя подобное назначеніе и такимъ образомъ долженъ наталкиваться и терпѣть постоянный молчаливый протестъ противъ закона, допускающаго смертную казнь; или же, признавъ присутствіе при закрытыхъ казняхъ непремѣнною обязанностію для каждаго назначеннаго или избраннаго, наложить на многихъ чиновниковъ и гражданъ обязанность невыносимую для нихъ и вредную для ихъ физическаго и душевнаго здоровья. Справедливы или нѣтъ упреки, дѣлаемые нашему времени, въ слабодушіи и сантиментальности—это другой вопросъ. Но фактъ несомнѣнный, что даже тѣ, которые произносятъ приговоръ, не всѣ въ состояніи присутствовать при его исполненіи, подобно тому какъ судья не согласится быть исполнителемъ собственнаго приговора. »Вы говорите, говоритъ Дюкпетьё, что законъ (осуждающій на смерть) справедливъ, необходимъ, нравственъ; хорошо. Я васъ спрошу: если вы не имѣете человѣка, который бы казнилъ нарушителей этого закона, согласитесь ли вы сами нанесть роковый ударъ? Предложите судьямъ, привыкшимъ произносить смертные приговоры, сопровождать осужденнаго на гиль-

отину или висѣлицу, опускать ножъ гильотины или привязывать веревку; они отступятся отъ этого съ ужасомъ и негодованіемъ. Отчего? Вѣдь законъ необходимъ, нравственъ, обязателенъ; осужденный вѣдь виноватъ; совѣсть была спокойна произнося приговоръ; откуда же происходитъ то, что она приходитъ въ тревогу, возмущается, когда ей предлагаютъ исполнить собственный приговоръ.« Ducpetiaux, 54.

IV. *Смертная казнь не разлучна съ ошибками, которыхъ человѣкъ не въ силахъ даже сколько-нибудь исправить.*—Не подлежитъ сомнѣнію, что въ прежнее время казни невинныхъ были очень часты. Это происходило главнымъ образомъ отъ того, что способы открытія истины были крайне несовершенны. Пытки, тайна судопроизводства, отсутствіе защитника, наклонность судьи видѣть доказательство въ самыхъ ничтожныхъ признакахъ и злой умыселъ тамъ, гдѣ его не было или нельзя было доказать,—всё это особенно способствовало осужденію на казнь невинныхъ. Число невинно-казненныхъ въ прежнее время было очень велико. Не будь смертной казни, не погибло-бы безвременно безславною смертію столько благородныхъ и честныхъ людей, стоявшихъ за правое дѣло. Французскій криминалистъ XVIII ст. Бриссо Варналь считалъ слѣдующія мѣры способными уменьшить случаи осужденія невинныхъ: смягченіе участи обвиняемаго во время слѣдствія и суда, ограниченіе слишкомъ обширной власти прокуратуры, изгнаніе тайныхъ доносовъ, публичность производства, допущеніе защиты, улучшеніе способовъ доказательствъ. Brissot de Warnalle, Teorie des lois crimin. T. II. с. 303—341. Дѣйствительно, съ преобразованіемъ формъ судопроизводства и узаконеніемъ такимъ образомъ лучшихъ способовъ открытія истины, были устранены почти всѣ временныя причины, которыя способствовали казни невинныхъ и число этихъ жертвъ чрезвычайно уменьшилось. Тѣмъ не менѣе и въ новѣйшее время не проходитъ года, чтобы образованный міръ не узналъ о казни невиннаго въ томъ или другомъ государствѣ. Причина этого заключается не во временныхъ какихъ-нибудь обстоятельствахъ, а въ несовершенствѣ природы человѣка, который не въ состояніи избѣжать ошибокъ 1). Въ самомъ дѣлѣ,

1) Извѣстный математикъ Кондорсэ, въ заключеніи своего Essais sur l'aplication de l'analyse à la probabilité des decisions rendus à la pluralité des suffrages, говоритъ: Точнымъ образомъ доказано, что какія бы предосторожности ни были приняты, не возможно воспрепятствовать, чтобы въ теченіи очень долгаго времени по самой великой вѣроятности не былъ осужденъ хотя одинъ невинный.

въ теоріи современное намъ общество старается повидимому слѣдовать древнему правилу: лучше отпустить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго; въ практикѣ же оно, если иногда и исполняетъ первую половину изрѣченія, то никакъ не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть выполненія второй. Въ прежнее время, вслѣдствіе несовершенства правилъ судопроизводства, посылали на казнь вообще невинныхъ; нынѣ, послѣ улучшенія этихъ правилъ, число послѣднихъ уменьшилось, но за то число казнимыхъ въ состояніи невмѣненія—сумасшедшихъ—очень велико. Хотя психіатрія сдѣлала въ послѣднее время большіе успѣхи, открытія этой науки не всегда и не вездѣ примѣняются въ практикѣ. Иногда это происходитъ отъ незнакомства самихъ врачей съ вновь добытыми истинами этой науки; чаще же отъ подобнаго или большаго незнакомства судей и отъ недовѣрія ихъ къ мнѣніямъ спеціалистовъ. Кромѣ того, въ самой наукѣ психіатріи есть еще много спорнаго: опыты показываютъ, говоритъ Миттермайеръ, что въ совершеніи убійства чрезвычайно трудно отыскать ту неуловимую границу, которая отдѣляетъ преступленіе отъ умопомѣшательства, и что многіе обвиняемые не были-бы осуждены, еслибы надъ ними сдѣлано было болѣе внимательное и болѣе вѣрное наблюденіе. Миттермайеръ, 98. О казни невинныхъ см.: Carmignani, Die Todesstrafe. с. 79—82. Roumieu, с. 149—166. Silvela, с. 157—218. Mitterm. § II. Ducpetiaux, Quest. de la peine de mort, 1865 г. с. 23—24. Annales de l'assoc. intern. pour progrès des scien. sociales, congrès de Gand., prem. livraison. 1864 г. с. 136—138, 146. Allgemeine Deut. Strafrechts-Zeit. 1865 г. Heft. XI. с. 555—560. Уильзъ, Опытъ теоріи косвенныхъ уликъ, изд. Унковскаго. 1864 г. с. 54, 62, 64, 67—68, 81, 89. Особенно много случаевъ казни невинныхъ исчислено въ трехъ послѣднихъ источникахъ.

Возраженія защитниковъ.—Всякое наказаніе, возражаютъ защитники смертной казни, въ большей или меньшей степени есть наказаніе не вознаградимое. Никто не въ силахъ сдѣлать, чтобы не было того, что было. Возвращеніемъ штрафа и доставленіемъ осужденному вознагражденія не уничтожаются тѣ нравственныя и физическія страданія, которыя наказаніемъ были причинены невинному и его семьѣ. Еще труднѣе уничтожить зло, причиненное невинно-осужденному тюремнымъ заключеніемъ, отъ котораго происходятъ физическія болѣзни, нравственное разстройство, не способность къ труду, какъ слѣдствіе долгаго неупотребленія извѣстныхъ способностей. То же должно сказать и объ осталь-

ныхъ наказаніяхъ. — Поэтому, если вознаградимость и отмѣнимость считать абсолютно-необходимыми качествами наказанія, а недостатокъ ихъ признакомъ несправедливости наказанія, то уголовная юстиція была-бы невозможна. Невознаградимость и неотмѣнимость есть принадлежность природы, а не сущности смертной казни, какъ наказанія. Правда, смертная казнь есть наказаніе наиболѣе невознаградимое и невозвратимое, но за то она наиболѣе репрессивна, что̀ составляетъ ея сущность. Съ судомъ присяжныхъ осужденіе на казнь невинныхъ чрезвычайно рѣдко, почти феноменъ; во всякомъ случаѣ оно есть несчастіе, достойное всякаго сожалѣнія. Но съ другой стороны, поставьте на вѣсы невинную кровь, охраняемую существованіемъ смертной казни, и невинную кровь, ею проливаемую,—первая всегда перевѣситъ вторую; такимъ образомъ, сохраненіе этого наказанія болѣе соотвѣтствуетъ чувству человѣколюбія, чѣмъ ея уничтоженіе. Странно почерпать доводы противъ смертной казни изъ ея временныхъ недостатковъ, происходящихъ отъ несовершенства законовъ судопроизводства. Не лучше-ли отыскать средства устранить причины, производящія казни невинныхъ. Silvela, с 157—217. Такъ напримѣръ: не допускать смертныхъ приговоровъ, основанныхъ на косвенныхъ уликахъ; потребовать единогласія присяжныхъ для подобныхъ приговоровъ; не приговаривать къ этой казни, когда даже одинъ голосъ будетъ стоять за невмѣняемость ради сумасшествія. Объ этихъ мѣрахъ см. Arch Cr.-R. 1840 г. с. 608—610: Единогласіе требуется по код. тосканскому 1838 г. ст. 231, ваатландскому 1836 г. ст. 355; большинство $^2/_3$ по код. фрейбургскому 1840 г. ст. 299; запрещеніе приговаривать на основаніи уликъ по код. баварскому 1813 г., старому прусскому, веймарскому, гановерскому. Miller. Die Todesst. § 17. Berner. Abschaffung. с. 39. § 17. стр 145—148.

Изъ сопоставленія доводовъ, выводимыхъ изъ судебныхъ ошибокъ *за* и *противъ* смертной казни, открывается: Главная сила тѣхъ и другихъ заключается не въ нихъ самыхъ только, но въ связи ихъ съ предъидущими доводами. Доказано, что смертная казнь не устрашаетъ и не удерживаетъ отъ преступленій, что для дѣтей, слабоумныхъ и испорченныхъ она служитъ плохимъ примѣромъ, что она деморализируетъ народъ,—тогда казни невинныхъ—новое сильное доказательство противъ смертной казни. И наоборотъ: еслибы до сихъ поръ не была поколеблена полезность смертной казни, еслибы неопровержимыми опытами было доказано, что безъ нея не было-бы возможно правосудіе, сущ-

ствованіе и развитіе обществъ, — казни невинныхъ были-бы меньшимъ зломъ, которое, какъ и многія другія зла, общества обречены терпѣть, для избѣжанія золъ бо́льшихъ. А такъ какъ перевѣсъ доказательствъ на сторонѣ безполезности и ненужности смертной казни, такъ какъ опытомъ доказано, что правосудіе и благоденствіе совершенно возможны и безъ смертной казни, то очевидно, что казни невинныхъ представляютъ новую значительную доказательную силу противъ смертной казни.

V. *Смертная казнь отнимаетъ у преступника возможность исправленія.* — Осужденныхъ относительно исправленія можно раздѣлить на два разряда: одни обнаруживаютъ дѣйствительные признаки раскаянія, другіе же напротивъ упорствуютъ въ преступномъ настроеніи и отвергаютъ существующіе способы примиренія съ Богомъ и людьми. Казнить смертію того, который уже обнаружилъ начатки исправленія, значило-бы лишить жизни человѣка въ будущемъ безвреднаго, отнять у него средство честною и трудолюбивою жизнію загладить свою вину. Для кого нужна смерть такого человѣка? Какой цѣли хотятъ ею достигнуть? По догматамъ религіи, кающійся человѣкъ достоинъ снисхожденія; онъ есть не существо отверженное, а соучастникъ наравнѣ съ прочими всѣхъ благъ, обѣщанныхъ религіею. По правиламъ общежитія, лишеніе жизни повинившагося, раскаявшагося и обнаружившаго добрые порывы человѣка, представляетъ глубоко возмутительное и отталкивающее зрѣлище. Богу оно противно; для людей безполезно и ненужно; осужденному оно приноситъ положительный вредъ, какъ мѣра лишающая его возможности прочно примириться съ божескими и человѣческими установленіями. Оправданія ему ни въ чемъ иномъ не можно найти, какъ только въ животной мести. Столь же мало одобрительна смертная казнь въ отношеніи нераскаянныхъ преступниковъ. Вѣрить въ вѣчныя муки нераскаянныхъ за гробомъ и толкать ихъ туда съ такою поспѣшностію—это верхъ изысканной жестокости. Богъ сказалъ: я не хочу смерти грѣшника, пусть онъ лучше покается и придетъ къ сознанію. Люди какъ-бы спѣшатъ поступать въ обратномъ смыслѣ. Спаситель сказалъ, что объ исправившемся преступникѣ бываетъ больше радости на небѣ, чѣмъ о девяносто девяти не впадавшихъ въ преступленіе. При казняхъ, иногда сотни тысячъ зрителей какъ-будто собираются торжествовать по тому поводу, что имъ удалось лишить небо этой радости и доставить радость инымъ силамъ. Словомъ, казнь нераскаяныхъ преступниковъ есть глубокое противорѣчіе, какое только

можетъ допустить христіанинъ въ своихъ поступкахъ. Защитники смертной казни въ оправданіе ея говорятъ, что есть такіе тяжкіе преступники, какъ наприм. отцеубійцы, которые не способны къ исправленію. Пока тюрьмы служили школой разврата и преступленій, пока съ преступникомъ обращались какъ съ животнымъ, мнѣніе это могло казаться справедливымъ. Но съ новымъ устройствомъ и новою организаціею тюремъ, съ перемѣной обращенія съ осужденнымъ, мнѣніе это потеряло свою силу. Хотя до сихъ поръ не успѣли сдѣлать изъ тюремнаго заключенія вполнѣ надежное средство исправленія, хотя опытъ значительно подорвалъ пылкія надежды на исправимость одиночнаго заключенія, тѣмъ не менѣе, благодаря этому опыту, доказано, что самые тяжкіе преступники способны къ исправленію. По свидѣтельству опытныхъ директоровъ тюремъ, тюремныхъ священниковъ и врачей, такіе преступники даже болѣе и скорѣе доступны къ исправленію, чѣмъ мелкіе плуты и воры. Обыкновенно преступниковъ судятъ по внѣшнему виду ихъ дѣйствій, не обращая вниманія на происхожденіе и причины преступленій. Конечно, иногда причиной преступленія бываетъ полная распущенность и упадокъ нравственности; но не менѣе того большое вліяніе на совершеніе преступленій имѣютъ случай, соблазнъ, стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, возбужденность страстей. Люди, совершающіе преступленіе подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, бываютъ доступны хорошему вліянію и исправленію. Въ доказательство исправимости тяжкихъ преступниковъ собрано много данныхъ. По свидѣтельству Гойера, директора тюрьмы въ Ольденбургѣ, къ концу 1861 г. въ тюрьмѣ находилось 14 женщинъ, осужденныхъ, вмѣсто отмѣненной смертной казни, на пожизненное заключеніе; изъ нихъ только двѣ оставались неисправимы. Изъ 3 отравителей два вели себя безукоризненно и т. п. Другой директоръ тюрьмы, Обермайеръ, говоритъ, что изъ 52 тяжкихъ преступниковъ 41 ведутъ безукоризненную жизнь, 7 представляютъ достаточные виды на улучшеніе, и только относительно 4 можно сказать, что по выходѣ изъ тюрьмы они могутъ возвратиться на прежній путь. Donkersloot, Die Todesstrafe und die Psychologie, с. 56—57. См. также Mitterm. § 12. Schlatter, с. 45—51. Berner, § 24. с. 21—25.

Возраженія защитниковъ.—Въ отвѣтъ на эти доводы, защитники смертной казни говорятъ: Если считать отнятіе жизни у преступника дѣломъ недозволеннымъ, потому что этимъ онъ лишается возможности

раскаяться, то, руководствуясь тѣмъ же принципомъ, не слѣдуетъ допускать отнятія жизни и по другимъ причинамъ, какъ бы они ни были справедливы и основательны. Слѣдуетъ, напримѣръ, запретить стрѣлять въ непріятеля, убивать разбойника, изъ той же боязни лишить ихъ возможности позаботиться о своемъ спасеніи. Человѣкъ не только можетъ быть лишенъ остатка своихъ дней, безъ всякаго вреда для своего спасенія, но онъ самъ можетъ добровольно жертвовать своею собственною жизнію, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ причинъ, и отъ этого его спасеніе не страдаетъ. Будь это иначе, тогда бы всѣ геройскіе подвиги считались-бы безнравственными дѣйствіями, какъ поступки, выражающіе презрѣніе къ спасенію души. Тогда бы человѣкъ, спасающій своего престарѣлаго отца изъ бѣды или огня, съ опасностію собственной жизни, не считался-бы исполнившимъ обязанность нравственности и религіи. Да точно-ли, смертная казнь ставитъ преступника, относительно спасенія души, въ положеніе болѣе опасное, чѣмъ другое наказаніе. Преступникъ, освобожденный отъ смертной казни, вмѣсто того чтобы заботиться объ искупленіи перваго преступленія, часто совершаетъ новыя. Если съ великимъ трудомъ удается произвесть перемѣну въ иномъ преступникѣ, то эта перемѣна бываетъ поверхностна; за глубину и искренность раскаянія трудно поручиться. Осужденные, замѣтивши чего отъ нихъ требуютъ, пріучаются лицемѣрить и обманывать. Это-ли заботы о спасеніи души и исправленіи? Положимъ даже, вы успѣли довести до раскаянія осужденнаго: думаете-ли, что вы больше сдѣлали для его спасенія, чѣмъ тогда, еслибы вы его осудили на смерть. Далеко нѣтъ. Законодатель не убійца, онъ даетъ осужденному время на раскаяніе. И ничто въ такой мѣрѣ не способно произвесть перемѣну благодѣтельную для спасенія души, какъ смертный приговоръ. Что другое въ состояніи вызвать въ немъ заботу о примиреніи съ Богомъ и людьми, какъ не мысль, что чрезъ два-три дня конецъ жизни и онъ долженъ предстать предъ грознымъ судьей. Для примиренія же съ Богомъ достаточно одной минуты; обращеніе осужденнаго есть дѣло благодати, которая въ теченіи времени, оставшагося до исполненія приговора, можетъ произвесть въ душѣ осужденнаго глубокій переворотъ. Если же въ теченіи этого времени осужденный остается не раскаяннымъ и совершенно равнодушнымъ къ дѣлу спасенія своей души, можно-ли какую-либо надежду питать на его исправленіе? Silvela, ch. VIII. c. 263—278. Arch. Cr.-R.

И противники и защитники равно признаютъ исправленіе преступника дѣломъ небезразличнымъ. Только первые придаютъ ему несравненно большую важность, чѣмъ вторые, и поэтому желаютъ, чтобы для исправленія преступника были употреблены всѣ средства, чтобы это исправленіе было дѣятельное и испытанное долговременнымъ опытомъ, не только религіозное, но и житейское, выражающееся въ честной и трудолюбивой жизни. Вторые довольствуются только религіознымъ, моментальнымъ и болѣе или менѣе формальнымъ раскаяніемъ, и не считаютъ нужнымъ употреблять особенныя усилія для исправленія преступника. Защитники смертной казни, относительно исправленія преступника, похожи на того англійскаго пастора, который совѣтовалъ казнить доведеннаго имъ до раскаянія осужденнаго, чтобы отнять у него возможность возвратиться къ прежнимъ мыслямъ. Allgem. Deutsche Strafrechtszeit. 1862 г. № 48. Самое раскаяніе, которымъ довольствуются защитники смертной казни, не можетъ имѣть большаго значенія; осужденные находятся въ такомъ разстройствѣ душевныхъ силъ, что они не въ состояніи поступать сознательно, и будучи объяты ужасомъ и страхомъ, дѣлаютъ все большею частію машинально, полусознательно. Самые способы, которые употребляются для приведенія осужденнаго къ раскаянію, не всегда могутъ быть одобрены. Въ Англіи, по свидѣтельству одного писателя, какъ только дѣлается извѣстнымъ, что осужденный долженъ быть казненъ, духовные различныхъ сектъ спѣшатъ въ тюрьму и начинаютъ мучить осужденнаго; по его же словамъ, приводимые примѣры раскаянія осужденныхъ мало стóятъ довѣрія. Arch. Cr.-R. 1834 г. Сравненіе положенія жертвующаго своею жизнію для благихъ цѣлей съ положеніемъ преступника есть сравненіе натянутое и фальшивое. Жертвующій своею жизнію дѣлаетъ хорошее дѣло и этимъ самымъ заслуживаетъ всепрощеніе, еслибы его совѣсть была обременена какими-нибудь дурными дѣлами. Развѣ въ такомъ нравственномъ положеніи находится преступникъ, когда у него отнимаютъ жизнь посредствомъ казни? Нельзя не замѣтить, что доводы защитниковъ смертной казни относительно раскаянія и исправленія главнымъ образомъ основаны на той же необходимости этого наказанія: необходимость смертной казни, по ихъ мнѣнію, гораздо важнѣе, чѣмъ допускаемая ими необходимость исправленія преступника. Но необходимость смертной казни есть субъективное мнѣніе, которое не подтверждается объективными доказательствами; поэтому необходимость

исправленія получаетъ самостоятельное значеніе и особенную важность,—за что собственно и стоятъ противники смертной казни.

VI. Одно изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ, которое приводятъ въ пользу смертной казни ея защитники,—*это голосъ народа*, *его юридическія убѣжденія*, *его совѣсть*. Въ доказательство того, что народъ признаетъ смертную казнь справедливымъ наказаніемъ, приводятъ разные факты: народная толпа, ждущая казни, раздражается, когда узнаетъ, что преступникъ помилованъ; народъ иногда самъ бралъ на себя роль палача, когда осужденный избѣгалъ казни посредствомъ помилованія; въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ была отмѣнена смертная казнь, народъ въ петиціяхъ требовалъ возстановленія этого наказанія [1]); народъ, присутствуя при казни убійцъ, совершенно убѣжденъ, что эта казнь есть единственное средство удовлетворенія правосудія; даже нѣкоторые изъ преступниковъ осужденныхъ на смерть проникнуты бываютъ мыслію, что имъ остается только одна смерть для искупленія своей вины, и для примиренія съ Богомъ, людьми и своею совѣстію; кровавая казнь необходима для удовлетворенія семейства убитаго, въ противномъ случаѣ обществу грозитъ взрывъ кровавой мести.

Возраженія противниковъ: Раздраженіе толпы, у которой помилованіе отнимаетъ кровавое зрѣлище, есть проявленіе самыхъ грубыхъ инстинктовъ, подчиняться которымъ для законодателя и постыдно и не благоразумно. Убійство самимъ народомъ виновнаго, котораго судъ не считалъ справедливымъ казнить, въ настоящее время есть явленіе очень рѣдкое и притомъ строго преслѣдуемое самымъ закономъ; попытки примѣнять законъ Линча иногда только прорываются въ Сѣверной Америкѣ, какъ остатокъ особенностей прежняго быта, да и тамъ они преслѣдуются и осуждаются. То же самое должно сказать о взрывахъ кровавой мести, которые такъ часты въ Корсикѣ. Говорятъ, что народъ считаетъ смерть единственно-справедливымъ наказаніемъ за убійство. Но во-первыхъ, если это и такъ, то обязанность законодателя смягчать, облагороживать грубыя понятія народа, требующаго удержанія древняго *крови за кровь;* во-вторыхъ, всѣ эти ссылки основаны на поверхностномъ наблюденіи;

1) Въ 1865 г. двѣсти гражданъ г. Ревеля, по поводу убійства Лакнера, подали въ городской совѣтъ прошеніе о томъ, чтобы совѣтъ взялъ на себя ходатайство предъ верховною властію о назначеніи за это убійство смертной казни. С.-петер. Вѣдом. 1865 г. № 302.

ни правительства ни частныя лица, ссылающіяся на эти явленія, не дали себѣ труда ближе изучить воззрѣнія народа. Между тѣмъ, есть факты, которые говорятъ противъ нихъ; въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ смертная казнь была отмѣнена или временно, или навсегда, народъ не роппталъ и не ропщетъ. Не нужно забывать также такихъ явленій, какъ поведеніе флорентійскаго народа, надѣвшаго трауръ, запершаго лавки, окна и двери домовъ въ день казни, и ушедшаго въ церковь молиться Богу. Въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки (въ Пенсильваніи, Массачусетсѣ, Георгіи, Индіанѣ, Огайо, Миссисипи) до такой степени возрасло народное убѣжденіе противъ смертной казни, что законодатель, для цѣлей самаго правосудія, долженъ былъ сдѣлать ему уступку; въ этихъ штатахъ, граждане, призванныхъ къ исполненію обязанности присяжнаго, спрашиваютъ подъ присягой: не принадлежатъ ли они къ противникамъ смертной казни. Когда въ 1832 г. мѣсто казней въ Парижѣ перенесено было съ Гревской площади въ другое людное мѣсто, то многіе жильцы сосѣднихъ съ нимъ домовъ поспѣшили перемѣнить квартиру и собственники домовъ начали искъ противъ сенскаго префекта о вознагражденіи за понесенные ими убытки, такъ какъ дѣйствительно исполненіе казней обезлюдило кварталъ. Наконецъ въ послѣднее столѣтіе во всѣхъ государствахъ присяжные обнаруживаютъ наклонность избавлять обвиняемыхъ отъ смертной казни, или признаніемъ ихъ невинными или допущеніемъ смягчающихъ обстоятельствъ. Ссылаясь на юридическія убѣжденія народа, отчего забываютъ цѣлый классъ людей, которые не одобряютъ этого наказанія, людей, во всякомъ случаѣ имѣющихъ право на большее вниманіе къ ихъ убѣжденіямъ, потому что на ихъ сторонѣ если не сила численная, то сила вѣковаго образованія, знанія, таланта, положенія. Приводятъ въ доказательство народныхъ взглядовъ петиціи, требующія удержанія или возстановленія смертной казни, но забываютъ, что эти петиціи слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ петиціями, миттингами и собраніями въ пользу отмѣны смертной казни. Указаніе на нѣкоторыхъ осужденныхъ къ смерти, покорно признающихъ свою казнь средствомъ примиренія, не имѣетъ никакой доказательной силы. Подобное настроеніе осужденныхъ крайне рѣдко: по свидѣтельству же опыта, господствующее настроеніе осужденныхъ на смерть совершенно не нормальное, крайне болѣзненное, состояніе полнаго угнетенія всѣхъ чувствъ и мыслей одною о предстоящей мучительной казни. Другіе же—хотя и не мно-

гіе—обнаруживаютъ такую глубину испорченности и энергическаго нераскаянія, что до послѣдней минуты не перестаютъ произносить проклятія обществу, а иногда, къ всеобщему смятенію, вступаютъ въ борьбу съ палачомъ. Это-ли виды примиренія съ Богомъ, обществомъ и самимъ собою? Это-ли раскаяніе и искупленіе вины? О ссылкѣ на народныя воззрѣнія см.: Arch. Cr.-R. 1838 г. Миттер. § 14 стр. 111, § 15 стр. 116, 117. Roumieu, с. 255. Berner, с. 10—13. Schlatter, с. 52.

Сопоставляя эти доводы и возраженія противъ нихъ, можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

а) До сихъ поръ въ извѣстной части народа живутъ, хотя и въ обломкахъ, тѣ старо-давнія, первобытныя воззрѣнія на преступленіе и наказаніе, которымъ обязана своимъ происхожденіемъ смертная казнь: по этимъ воззрѣніямъ преступленіе есть личное оскорбленіе, а наказаніе грубая и ничѣмъ несдержанная кровавая месть; позже воззрѣнія эти нѣсколько видоизмѣняются и принимаютъ религіозный оттѣнокъ. По этимъ выдоизмѣненнымъ религіознымъ воззрѣніямъ, за которыми въ сущности скрывались воззрѣнія грубой мести, преступленіе есть оскорбленіе божества, а наказаніе примиреніе съ Богомъ, очищеніе отъ преступленія, искупленіе вины, удовлетвореніе правосудію. Это въ сущности только апотеоза прежнихъ воззрѣній: какъ тамъ, такъ и здѣсь въ преступленіи главное не объективный вредъ, а субъективное оскорбленіе, въ наказаніи не соотвѣтствіе съ тяжестію вины, а удовлетвореніе или чувству человѣческаго мщенія или скрывавшему его понятію божественнаго мщенія.—Господство частнаго мщенія и мщенія за оскорбленное божество, въ видѣ воздаянія *равное за равное*, искупленія вины, умилостивленія, очищенія, собственно прошло. Преобладаніе получали другія воззрѣнія. Но обломки этихъ воззрѣній остаются, въ видѣ тѣхъ явленій, на которыя указываютъ защитники смертной казни, какъ на доказательство необходимости ея. Къ этимъ обломкамъ принадлежатъ: любовь массы къ зрѣлищамъ казни, неудовольствіе ея, когда лишаютъ ее этого зрѣлища, вопреки ея ожиданіямъ, собственная ея расправа съ помилованнымъ и неказненнымъ преступникомъ, вообще весь тотъ цинизмъ ея поведенія, который она проявляетъ въ эту слишкомъ тяжелую минуту общественной жизни. Обломки этихъ народныхъ воззрѣній имѣютъ свою теорію и свою философію. Сюда должно отнесть теоріи тѣхъ новѣйшихъ писателей, которые считаютъ смертную казнь необходимою какъ возмездіе, какъ удовлетвореніе *равное за равное*, какъ

искупленіе вины, или какъ очищеніе нравственнаго зла; сюда же должно отнесть и теорію Канта, который считалъ смертную казнь до того необходимою и до того обязательною для общества, что оно должно сегодня казнить убійцу, еслибы ему завтра предстояло разойтись. Всѣ эти теоріи есть новое исправленное и дополненное изданіе упомянутыхъ старо-давнихъ народныхъ воззрѣній на преступленіе и наказаніе, хотя онѣ скрываютъ свое происхожденіе и даже считаютъ себѣ за стыдъ подобное родство и воображаютъ, что онѣ новѣйшаго происхожденія. Такимъ образомъ защитники смертной казни, ссылающіеся на юридическія воззрѣнія народа, были-бы совершенно правы, еслибы европейскую исторію подвинуть на тысячу лѣтъ назадъ, или еслибы она только началась двигаться туда, откуда она вышла.

б) Особенно страннымъ представляется то, что защитники смертной казни въ этомъ случаѣ опираются на воззрѣнія народныя, не давши себѣ труда понять ихъ сущность. Отъ чего тѣ же защитники не прибѣгаютъ къ воззрѣніямъ народнымъ, для разрѣшенія другихъ первой важности государственныхъ, общественныхъ и научныхъ вопросовъ, напр. вопроса о податяхъ, о поземельной собственности, о кредитѣ, о солнцѣ, землѣ и т. д. Отъ чего напримѣръ они не считаютъ необходимымъ преслѣдовать вѣдьмъ, въ которыхъ народъ такъ еще крѣпко вѣритъ, и которыхъ онъ непрочь преслѣдовать судомъ? Съ воззрѣніями народными необходимо во многихъ случаяхъ соображаться; это не мѣшало бы твердо помнить и нѣкоторымъ защитникамъ смертной казни; но соображаться съ ними безъ разбору, только потому что они народныя — значило бы иногда обречь всѣ успѣхи цивилизаціи на совершенную погибель.

в) Защитникамъ смертной казни, опирающимся на народное воззрѣніе, слѣдовало-бы идти далѣе по этому пути и приводить въ доказательство того, что народъ требуетъ смертной казни, всѣ тѣ грубыя, циническія сцены, которыя случаются во время казней, всѣ шутки, всѣ безнравственныя выходки въ это время толпы, все ея равнодушіе къ нравственой сторонѣ казней и всю ея жадность созерцать грубую, нечеловѣческую ихъ сторону. Вѣдь во всемъ этомъ толпа, если непрямо, то косвенно выражаетъ одобреніе пролитію человѣческой крови. Впрочемъ, если ближе всмотрѣться въ тѣ факты изъ народной жизни, которые они приводятъ за смертную казнь, то они близки и къ только-что приведеннымъ.

Итакъ, смертная казнь не только не содѣйствуетъ общественной безопасности, не только не воздерживаетъ отъ преступленій, но имѣетъ положительно дурныя стороны, которыя чужды всѣмъ другимъ наказаніямъ. Единственныя преимущества ея въ глазахъ народовъ состоятъ въ томъ, что она очень простое, дешевое и неголоволомное наказаніе. Чтобы человѣка держать въ тюрьмѣ, чтобы переломать его порочную натуру и сдѣлать его полезнымъ, или по крайней мѣрѣ безопаснымъ членомъ общества, для этого требуются значительныя издержки, большое терпѣніе и настоящее гражданское мужество, не подчиняющееся вліянію болѣе или менѣе временныхъ тревогъ, а умѣющее переломать душевную опасливость. Тогда какъ смертная казнь, не требуя ни долгаго времени, ни издержекъ, ни особенныхъ трудовъ, однимъ разомъ и навсегда отнимаетъ у преступника возможность вредить, и тѣмъ гарантируетъ эгоизмъ человѣческій отъ мнимыхъ и дѣйствительныхъ опасностей. Защитники смертной казни старательно маскируютъ указанную причину привязанности народовъ къ смертной казни, давая ей болѣе возвышенное объясненіе. Но тѣмъ не менѣе эта причина много способствуетъ сохраненію смертной казни въ числѣ наказаній, что иногда болѣе откровенные защитники ея и высказываютъ; такъ въ 1864 г. въ англійскомъ парламентѣ извѣстный Робукъ отстаивалъ смертную казнь, какъ болѣе дешевое средство поставить преступника въ невозможность вредитъ обществу. На сколько законенъ, одобрителенъ и устойчивъ подобный эгоизмъ—это другой вопросъ.

Настоящая глава есть только рядъ теоретическихъ соображеній; это есть только болѣе или менѣе, медленнѣе или скорѣе осуществимая программа будущаго.—Обратимся теперь къ анализу жизни народовъ, въ исторіи и современности, и посмотримъ, за кого она подаетъ свой голосъ: за защитниковъ или противниковъ смертной казни.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Происхожденіе смертной казни въ первобытное время, въ періодъ господства кровавой мести. Общегосударственная власть беретъ въ свои руки смертную казнь, какъ готовое уже учрежденіе. Всеобщность убійства въ отмщеніе. Періодъ мести есть время максимума смертныхъ казней, а возникновеніе общегосударственной власти сопровождается первыми попытками ограниченія ихъ. Въ періодъ кровавой мести господствовало полное безразличіе относительно вмѣненія: народы казнили смертію какъ за преступленія намѣренныя, такъ и за ненамѣренныя и случайныя. Казнили не только преступника, но и невинную его семью. Возрастъ не останавливалъ казней. Первобытные народы не обращали вниманія на душевныя болѣзни или имѣли о нихъ самое превратное понятіе, и оттого казнили смертію сумасшедшихъ. Смертная казнь постигала какъ большихъ преступниковъ, такъ и тѣхъ, которые были виновны въ мелкихъ правонарушеніяхъ. Общіе выводы.

I. Обыкновенно начинаютъ исторію смертной казни съ того времени, когда государство взяло въ свои руки уголовную юстицію, когда дѣйствія, подлежащія наказанію, были болѣе или менѣе точно обозначены въ законѣ, и когда назначеніе наказаній стало правомъ, исключительно принадлежащимъ общегосударственной власти. Такимъ образомъ, съ одной стороны, первое употребленіе смертной казни приписываютъ общегосударственной власти, съ другой, изъ исторіи этого наказанія исключаютъ весь громадный періодъ кровавой мести, когда обиженный человѣкъ самъ собой или при помощи своей родни

отмщалъ свою обиду или вредъ убійствомъ обидчика. Такая постановка этого вопроса основана скорѣе на формѣ, чѣмъ на содержаніи исторической жизни народовъ. Общегосударственная власть застала уже смертную казнь, какъ готовое и вполнѣ выработанное учрежденіе, въ видѣ кровавой мести, или точнѣе въ видѣ убійства въ отмщеніе. Будучи различны по способу назначенія и по объему, убійство въ видѣ мести и смертная казнь въ видѣ наказанія въ сущности есть одно и то же: и то и другое состоитъ въ лишеніи жизни; и то и другое обрушивается на голову виновнаго, или по крайней мѣрѣ того, котораго считаютъ виновнымъ; если смертная казнь основывается на установленномъ властію законѣ, то убійство въ видѣ мщенія освящается неизмѣнно соблюдаемымъ обычаемъ и считается не только правомъ, но и обязанностію. Первоначально это родство было еще ближе: убійство въ видѣ мести сопровождалось разрушеніемъ и истребленіемъ дома и грабежомъ имущества; очень часто уже въ періодъ государственныхъ наказаній домъ казненнаго былъ или разрушаемъ или сожигаемъ, а конфискація имущества, замѣнившая личный грабежъ, оставалась до конца XVIII стол. Въ періодъ мести убивали вмѣстѣ съ виновнымъ и его родню; остатки этого обычая долго видимъ и въ періодъ государствомъ назначаемой смертной казни. Самая изысканность казней есть созданіе періода мести и только принята и усвоена общегосударственною властію. Итакъ, можно положительно считать невѣрнымъ то мнѣніе, которое приписываетъ усиленіе смертныхъ казней вліянію иноземныхъ законовъ, напр. въ Европѣ вліянію римскаго права, у насъ— византійскаго. Зачѣмъ было общегосударственной власти такъ далеко ходить, когда у нея было то же самое подъ рукой. Съ другой стороны, общегосударственная власть не только не первая стала употреблять смертную казнь, но взявъ въ свои руки выработанное обществомъ учрежденіе, мало-по-малу стала ограничивать примѣненіе этого наказанія; самое первое появленіе общегосударственной власти было вмѣстѣ и нѣкоторымъ ограниченіемъ смертной казни. Ограниченіе это шло крайне медленно, шагъ за шагомъ, и дѣло его до сихъ поръ не кончено.— Итакъ, въ исторіи смертной казни періодъ кровавой мести имѣетъ капитальное значеніе, какъ источникъ смертной казни въ періодъ государственныхъ наказаній, и какъ время максимума этой казни. Безъ знанія періода кровавой мести нѣтъ никакой возможности уразумѣть многія явленія въ исторіи смертной казни государственнаго періода.

До сихъ поръ наука какъ-то странно, или, справедливѣе сказать, тенденціозно относится къ періоду кровавой мести. Одни готовы видѣть въ немъ анормальное явленіе жизни человѣческой. Другіе усиливаются доказывать, что обычаи кровавой мести не были извѣстны нѣкоторымъ народамъ. Иные навязываютъ несвойственныя ему учрежденія позднѣйшаго времени. Большинство же съ особеннымъ усиліемъ старается отгородить непроходимою стѣной этотъ періодъ отъ послѣдующаго, государственнаго періода. Отсюда-то происходитъ безконечный рядъ ошибокъ.

Не подлежитъ нималѣйшему сомнѣнію, что всѣ народы проходили чрезъ этотъ періодъ жизни, такъ какъ образованіе общегосударственной власти есть плодъ долговременной жизни и тяжкихъ усилій—и потому явленіе гораздо позднѣйшаго времени. Исторія сохранила памятники этого состоянія относительно большинства народовъ, какъ-то: евреевъ, грековъ, римлянъ (нѣкоторые впрочемъ отвергаютъ существованіе мести у сихъ послѣднихъ), народовъ германскаго, романскаго и славянскаго племени. Остатки кровавой мести, въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, какъ-то: въ Шотландіи, Ирландіи, Швеціи и Швейцаріи, существовали еще въ XVI и XVII стол. Въ Черногоріи, Албаніи и Корсикѣ они до сихъ поръ удержались. На всемъ земномъ шарѣ существуетъ еще безчисленное множество дикихъ и полудикихъ племенъ, не выработавшихъ себѣ общественности, или племенъ, обладающихъ слабою общегосударственною властію, которыя не имѣютъ уголовнаго права въ другой формѣ, кромѣ кровавой мести со всѣми ея аттрибутами. Если у нѣкоторыхъ народовъ не осталось слѣдовъ кровавой мести, какъ напр. у индусовъ, египтянъ, китайцевъ, то это не служитъ доказательствомъ того, чтобы эти народы никогда не держались обычая кровавой мести; это значитъ только, что до насъ не дошли историческіе памятники того времени, или они не открыты. Итакъ, прежде чѣмъ смертная казнь сдѣлалась учрежденіемъ общегосударственной власти, она у всѣхъ безъ исключенія народовъ существовала въ видѣ убійства въ отмщеніе.

Смертная казнь въ видѣ убійства въ отмщеніе есть общечеловѣческое учрежденіе не только потому, что она практикуется всѣми народами, но и потому, что она глубоко коренится въ извѣстной организаціи племенъ, въ ихъ нравахъ и обычаяхъ. Она у всѣхъ народовъ составляетъ на столько священную обязанность для семьи и рода, на

сколько опредѣленіе наказанія считается непремѣнною обязанностію государства. См. о значеніи этого обычая у разныхъ народовъ: у римлянъ, Rein, Das Cr.-Recht der Römer. с. 38. У грековъ, Pastoret, Hist. de la legislation. VI. 111. VIII. 516. У германцевъ, Wilda, Das Stafrecht der Germanen. с. 555. Jarcke, Handbuch des deuts. Strafrechts. I. с. 19. У славянъ, Иванишевъ, О платѣ за убійство. с. 34. У скандинавовъ и франковъ, Du Boys, Hist. du droit crim. des peuples moder. I. 55. У арабовъ, курдовъ, осетинцевъ, якутовъ, Tissot, Le droit penal. I. с. 211—214. Не мстить, по убѣжденіямъ первобытныхъ народовъ, значитъ измѣнить своей семьѣ, нанесть величайшее оскорбленіе тѣни умершаго, нарушить религіозную обязанность, оказаться существомъ подлымъ. Стрингольмъ, Государ. устр. скандинавовъ, Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1860 г. кн. I. с. 46. Du Boys. Hist. Mod. I. 56. Въ первобытное время обязанность мщенія переходила по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе и была тѣсно связана съ участіемъ въ наслѣдованіи имущества. Rein, с. 39. Иванишевъ, с. 23. Tissot, с. 216. Стрингольмъ, с. 45. Сынъ убитаго лишается наслѣдства, если не мститъ за смерть отца. Мать даетъ пощечину сыну, который сѣлъ за столъ, не отмстивши за смерть брата. ib. Исландскія саги разсказываютъ примѣры многихъ людей, которые изъ Исландіи и Норвегіи преслѣдовали убійцъ до Константинополя, гдѣ наконецъ имъ удавалось отмстить за смерть убитыхъ родичей. Стрингольмъ, с. 47. Подобные примѣры встрѣчаются и у другихъ народовъ. Мщеніе составляетъ удовольствіе боговъ на Олимпѣ и страсть боговъ въ Валгалѣ; оно положительно или отрицательно освящено древними и вообще первобытными религіями; идеалъ божества этихъ религій есть богъ-мститель, карающій смертною казнію малѣйшее отступленіе отъ закона. Въ это-то первобытное время зародились и окрѣпли безпощадныя теоріи наказанія, какъ-то: теорія физическаго возмездія равнымъ за равное, теорія искупленія и очищенія большихъ и малыхъ преступленій только кровію, теорія устрашенія посредствомъ жесточайшихъ мукъ, словомъ всѣ тѣ теоріи, которыя носятъ на себѣ печать произведенія дикаго, мстительнаго и неумѣющаго владѣть собою существа, и которыя были такъ-сказать философскимъ оправданіемъ той расточительности смертныхъ казней, на какую способенъ только первобытный человѣкъ.

II. Первобытные народы, не вышедшіе еще изъ періода кровавой мести, не знаютъ того, что мы называемъ вмѣненіемъ. Они лишаютъ

жизни не того только, который умышленно убилъ, ранилъ, чѣмъ нибудь оскорбилъ, а всякаго, кто сдѣлалъ имъ вредъ, будетъ-ли онъ нанесенъ случайно, неосторожно или умышленно. Такимъ образомъ, въ первобытный періодъ или періодъ мести, смертная казнь, слѣдствіе такого безразличія, примѣнялась въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ; народы еще тогда не додумались до тѣхъ началъ вмѣненія, которыя въ послѣдствіи времени служили и служатъ оплотомъ невинности человѣка. Собственно говоря исторія большею частію записала этотъ фактъ безразличія народовъ, при употребленіи смертной казни, уже тогда, когда обычаи кровавой мести начали разлагаться и уступать мѣсто системѣ государствомъ опредѣляемыхъ наказаній, когда то-есть начинаютъ ясно обрысовываться нынѣ господствующія понятія о вмѣненіи. Но и уцѣлѣвшіе обломки обычаевъ первобытнаго періода, среди законовъ новой формаціи, блистательнымъ образомъ доказываютъ это положеніе.

Въ восточныхъ законодательствахъ особенно ясно видно, что смертная казнь постигла ненамѣренно совершившаго преступленіе. По законамъ Моисея, ненамѣренный убійца (иже аще убіетъ ближняго не вѣдый, всякъ убивый душу не хотяй), чтобы спастись отъ мщенія родственниковъ убитаго, долженъ былъ бѣжать въ одинъ изъ городовъ убѣжища и тамъ оставаться до смерти первосвященника. Такъ, напримѣръ, если у кого-нибудь во время рубки дровъ топоръ соскочитъ съ топорища и убъетъ товарища рубки, то владѣлецъ топора долженъ спѣшить укрыться въ городъ убѣжища, чтобы его не убили родственники убитаго. Если такой и подобный случайный убійца выйдетъ за предѣлы города убѣжища, раньше смерти первосвященника, то встрѣтившійся родственникъ убитаго можетъ убить его безнаказанно (нѣсть повиненъ). Кн. Числъ, XXX. 11—28. Кн. Второз. IV. 5. 42. XIX. 3—10. Очевидно, что эти законы—двухъ формацій: періоду мести принадлежитъ право убійства ненамѣреннаго убійцы, которое въ это время практиковалось безъ всякихъ стѣсненій,—образовавшейся, хотя и неокрѣпшей, власти принадлежитъ ограниченіе этого права и допущеніе его только въ случаѣ удаленія случайнаго убійцы изъ предѣловъ города убѣжища. У евреевъ, уже въ періодъ царей, ненамѣренное нарушеніе или оскорбленіе святыни влекло за собою смерть. 2 кн. Цар. VI. 6 и 7. У египтянъ существовалъ законъ, по которому непроизвольный убійца кота, ибиса и всякаго другаго священнаго животнаго, подлежалъ смертной казни; въ случаѣ подобнаго убійства

остервенѣлый народъ нерѣдко самъ бросался и убивалъ убійцу. Laurent, L'Orient, c. 258. Pastoret, Hist. II. 584. Въ Китаѣ до позднѣйшаго времени казнили смертію ненамѣреннаго убійцу. Berner. Учебникъ, рус. пер. вып. I. с. 104.

Нѣкоторые писатели считаютъ такое безразличіе, при употребленіи смертной казни въ видѣ убійства въ отмщеніе, принадлежностію только восточныхъ народовъ 1). Но это не вѣрно. Безразличіе это, какъ характеристическая черта періода мести, существовало и у народовъ европейскихъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ,—которые наравнѣ съ другими народами переживали этотъ періодъ. Въ Греціи ненамѣренный убійца обыкновенно убѣгалъ отъ преслѣдованія родни убитаго или въ какой-либо храмъ, или подъ покровительство какого-нибудь сильнаго человѣка, или и вовсе оставлялъ отечество. Такъ Теоклименъ, имѣвшій несчастіе убить своего противника, находитъ убѣжище у Телемака. Loiseleur, Les crimes et les peines dans antiquité et dans les temps modernes. c. 24. Геркулесъ за ненамѣренное убійство былъ проданъ на три года въ рабство, причемъ вырученныя деньги отданы были отцу убитаго въ вознагражденіе. Pastoret, Hist. VIII. 36. Эдипъ за ненамѣренное убійство и такое же кровосмѣшеніе долженъ былъ оставить отечество и скитаться, преслѣдуемый гнѣвомъ боговъ. Въ Аѳинахъ нѣкто Атарбъ былъ осужденъ на смертную казнь за то, что нечаянно убилъ воробья, посвященнаго Эскулапу. Henriot, Moeurs juridiques et judiciaires de l'anc. Rome. II. 291. По убѣжденію всѣхъ грековъ, уже въ государствѣнный періодъ, ненамѣренное убійство было больше чѣмъ несчастье. Многіе цари, имѣвшіе несчастье кого-нибудь убить, должны были оставить тронъ и удалиться изъ страны. Pastoret, V. 117. VIII. 36, 192—193, 318 2).

1) Бернеръ говоритъ: »Поэтому на крайнемъ Востокѣ—въ западной Азіи, на субъективную сторону преступленія, на волю не обращается надлежащаго вниманія, потому что субъективность вообще не получила тамъ права гражданства. Востокъ наказываетъ человѣка, основываясь главнымъ образомъ на мѣрѣ причиненнаго имъ внѣшняго вреда, не взвѣшивая при этомъ надлежащимъ образомъ, было-ли дѣяніе неосторожное или совершенно случайное..... Совершенно отличнымъ отъ Востока является предъ нами классическая древность, т. е. міръ греческій и римскій«. Вып. I. с. 104.

1) Бернеръ говоритъ: У грековъ судьба, являющаяся въ видѣ естественнаго возмездія злодѣю, преслѣдуетъ не только умышленныя, *но и случайныя* оскорбленія божескихъ законовъ, подвергая своимъ карамъ даже *невинныхъ потомковъ*. Учебникъ. рус. пер. вып. I. с. 105.

Въ Аѳинахъ учреждены были два суда: одинъ, который судилъ случаи ненамѣреннаго убійства; этотъ судъ произносилъ приговоръ, защищавшій ненамѣреннаго убійцу отъ мщенія родственниковъ убитаго, что, впрочемъ, не избавляло ненамѣреннаго убійцу отъ необходимости идти въ изгнаніе и тамъ оставаться до удовлетворенія семьи убитаго, а по возвращеніи очиститься отъ скверны поступка посредствомъ религіозныхъ обрядовъ. Другой судъ, который доставлялъ защиту отъ мщенія родственниковъ убитаго, когда убійство совершено было въ необходимой оборонѣ и по другимъ законнымъ причинамъ; послѣдній судъ защитилъ Тезея, Ореста и другихъ. Du Boys, Hist. du droit criminel des peup. anc. с. 147. Большинство приведенныхъ законовъ и случаевъ повидимому не относится къ смертной казни въ видѣ мести; но дѣло въ томъ, что это законы второй государственной формаціи; всѣ они направлены къ тому, чтобы ограничить смертную казнь въ видѣ мести за ненамѣренное убійство. Самое удаленіе изъ отечества такого убійцы сначала фактическое, а потомъ и освященное закономъ, было похоже на еврейское удаленіе въ городъ убѣжища и было мѣрою ограниченія не имѣвшаго до тѣхъ поръ предѣловъ убійства въ видѣ мести.

Различали-ли римляне намѣренное отъ ненамѣреннаго преступленія при употребленіи смертной казни въ видѣ убійства въ отмщеніе—на счетъ этого пункта криминалисты не согласны. Люденъ, а также Абеггъ и Генслеръ утверждаютъ, что первоначально римляне не знали различія между умысломъ, виной неосторожной и случаемъ, и что, слѣдовательно, не имѣя понятія о вмѣненіи, убивали какъ за умышленные, такъ и неумышленные поступки. Понятіе о вмѣненіи возникаетъ у нихъ не раньше періода XII таблицъ, и то въ смутномъ и неопредѣленномъ видѣ. Luden, Abhandlungen aus dem gemeinen teutschen Strafrechte. B. I, с. 51—59. Рейнъ утверждаетъ, что римляне имѣли понятіе о Dolus изначала (uralt), но что это понятіе первоначально было мало развито и имѣло подчиненное значеніе, будучи первоначально примѣняемо только къ убійству и поджогамъ, и не имѣя никакого значенія относительно остальныхъ преступленій. Rein, с. 145—148. Наконецъ Кёстлинъ доказываетъ, что понятіе о Dolus и Culpa есть не только первобытное понятіе римлянъ, но что оно имѣло обширный кругъ примѣненія и изначала прилагалось ко всѣмъ преступленіямъ, которыя были наказываемы по священному и общественному праву, не имѣя значенія только для преступленій такъ-называемаго частнаго преслѣдованія.

Köstlin, Mord und Todtschlag. с. 42—59. Взглядъ Рейна и въ особенности Кёстлина обязанъ своимъ происхожденіемъ тому, что оба эти писатели имѣли въ виду позднѣйшіе римскіе законы, начиная съ XII таблицъ. Есть впрочемъ и спеціальная причина происхожденія мнѣнія Кёстлина; этотъ криминалистъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые силятся какъ вообще, такъ и въ частности въ примѣненіи къ отдѣльнымъ народамъ доказать, что понятіе о вмѣненіи есть первобытное. Но мнѣніе обоихъ этихъ писателей не выдерживаетъ критики. Правда, отъ римлянъ мало осталось слѣдовъ безразличія относительно примѣненія смертной казни: по тѣмъ не менѣе и то, что осталось, представляетъ полную доказательную силу. Существованіе у римлянъ частной мести, убѣжищъ и жертвенныхъ очищеній—не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Гдѣ же господствовала частная месть, тамъ, по самой природѣ мести, не было и не могло быть понятія объ умыслѣ, винѣ неосторожной и случаѣ. Убѣжища и жертвенныя очищенія вездѣ являются результатомъ возникновенія этихъ понятій и вмѣстѣ первымъ противодѣйствіемъ прежде господствующему безразличію. Кромѣ того, въ законахъ XII таблицъ, въ законахъ второй формаціи, композиціи, за исключеніемъ намѣреннаго убійства и таковыхъ же поджоговъ, имѣютъ примѣненіе во всѣхъ остальныхъ преступленіяхъ безъ различія совершены-ли они съ намѣреніемъ или безъ намѣренія. Отъ усмотрѣнія обиженнаго зависѣло или наказать въ отмщеніе за эти преступленія, или примириться за извѣстное вознагражденіе. Rein, с. 145—146. За неосторожное и случайное убійство предоставлено было этими законами убійцѣ мириться съ роднею убитаго, посредствомъ уплаты извѣстнаго вознагражденія. Но что же было, если случайный убійца не въ состояніи былъ заплатить выкупа? Онъ или дѣлался рабомъ, то-есть дѣлался вещію, которую господинъ во всякое время могъ уничтожить, или дѣлался неоплатнымъ должникомъ, котораго кредиторъ могъ продать, или, если принимать мнѣніе нѣкоторыхъ писателей, даже разорвать на части. Loiseleur, 58. Даже въ позднѣйшее, вполнѣ историческое время существовали въ Римѣ два обычая: Одинъ, на основаніи котораго намѣренному убійцѣ дозволено было убѣгать изъ Рима и тѣмъ избѣгать заслуженнаго наказанія; обычай этотъ ясно указываетъ на то время, когда господствовало полное безразличіе, такъ что и намѣренный убійца могъ, по обычаю, избѣгать наказанія удаленіемъ съ глазъ родичей убитаго, и ненамѣренный, случайный убійца долженъ былъ, несмотря

на свою невинность, то же самое дѣлать; въ послѣдствіи времени общегосударственная власть своею защитою уничтожила для случайнаго убійцы необходимость этого удаленія, оставивъ въ то же время, какъ обломокъ прежняго безразличія, возможность для намѣреннаго убійцы этимъ воспользоваться. Второй обычай разрѣшалъ сыну умертвить убійцу своего отца, для успокоенія тѣни сего послѣдняго; Rein, с. 28; при этомъ мститель главнымъ образомъ обращалъ вниманіе на успокоеніе тѣни своего отца, а не на то—былъ-ли онъ убитъ умышленно, ненамѣренно, или случайно. У римлянъ долго также держался законъ, по которому поручитель платился головою за осужденнаго къ смерти, но неявившагося. Henriot, II. с. 104.

Болѣе важный и болѣе обильный послѣдствіями споръ идетъ между криминалистами и историками права о томъ: отличали-ли, въ первобытный періодъ своей жизни, народы германскаго племени вину неосторожную и случай отъ злаго умысла, или они вовсе не имѣли понятія о вмѣненіи въ нынѣ господствующемъ смыслѣ, и карали убійствомъ въ видѣ мести безъ различія всякія вредныя дѣйствія. Ярке утверждаетъ, что древніе германцы имѣли систему уголовнаго права, совершенно отличную отъ нынѣшней; сущность ея состояла въ томъ, что преступленіемъ считался только всякій внѣшній очевидный вредъ; причемъ не обращали нималѣйшаго вниманія на волю и нравственную вину причинившаго вредъ. Потерпѣвшій вредъ имѣлъ право или мстить или взять выкупъ; значитъ, еслибы неосторожный убійца былъ не въ состояніи выкупить свою жизнь, то обиженный могъ его убить. У фризовъ въ довольно позднее время существовалъ законъ, по которому тотъ нарушитель мира, который не въ состояніи былъ заплатить вознагражденіе, подлежалъ смертной казни. Jarcke, Handbuch des gemein. deuts. Strafrechts. 1827 г. I. с. 11—12; тамъ же ссылка на Versuch einer Darstellung der Geschichte des Angelsächsischen Rechts Philips'a. 1827 г. с. 102. прим. 307. Что психологическія соображенія, при употребленіи смертной казни въ видѣ убійства въ отмщеніе, были чужды древнимъ германцамъ—это съ большею обстоятельностію, чѣмъ Ярке, доказалъ Рогге. Онъ говоритъ, что у германцевъ за вредъ причиненный свободному не только безъ намѣренія, но даже безъ малѣйшей самой отдаленной со стороны причинившаго неосторожности, платился такой же тяжкій выкупъ, какъ еслибы вредъ нанесенъ былъ съ злымъ намѣреніемъ. Въ доказательство этого онъ приводитъ цѣлый рядъ при-

мѣровъ уголовной отвѣтственности, напр. господина за убійство причиненное кому-нибудь принадлежащимъ ему животнымъ (почти то же самое существовало и у евреевъ), собственника вещи, случайнымъ паденіемъ которой былъ убитъ человѣкъ; эти и подобные примѣры говорятъ объ отвѣтственности, за неестественную смерть, такихъ лицъ, которыя не имѣютъ никакого нравственнаго отношенія къ этой смерти. Правда, онъ говоритъ, что этого рода вредъ отличался отъ дѣйствительнаго нарушенія мира частію тѣмъ, что потерпѣвшій подобный вредъ или родственники убитаго не имѣли права мщенія, если имъ предложенъ былъ выкупъ, частію тѣмъ, что въ этихъ случаяхъ гаурафъ вовсе не получалъ денегъ за нарушеніе мира (Friedensgeld). Но изъ вышеприведенныхъ примѣровъ изъ Ярке видно, что въ случаѣ несостоятельности господина раба или собственника вещи, право мщенія получало силу, считавшій себя обиженнымъ могъ убить несостоятельнаго. Должно притомъ сказать, что отнятіе въ этомъ случаѣ права мщенія въ случаѣ выкупа есть мѣра позднѣйшей формаціи, есть ограниченіе безразличія, установленное общегосударственною властію; потому-то гаурафъ, какъ представитель этой общей власти, и не бралъ въ подобныхъ случаяхъ вознагражденія. Rogge, Uber Das Gerichtswesen der Germanen. Halle. 1820 г. с. 29—37. Противъ того мнѣнія, что древніе германцы, не имѣя понятія о преступленіи какъ нарушеніи права намѣренномъ, казнили смертію всякое вредное дѣйствіе, въ сороковыхъ годахъ съ особенною энергіею возсталъ Вильда, авторъ извѣстнаго сочиненія: Das Strafrecht der Germanen. Halle. 1842 г. Онъ доказывалъ, въ противоположность предъидущимъ писателямъ, что древнее германское право знало не одну систему вражды и выкуповъ (композицій), но и другія руководящія идеи, и между прочимъ идею вмѣненія, которая была въ гораздо большей степени развита, чѣмъ думаютъ. Въ доказательство своей мысли онъ приводитъ слѣдующія соображенія: Взглядъ его противниковъ вытекаетъ изъ непониманія и ложнаго толкованія нѣкоторыхъ законовъ; это общій выводъ изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ источниковъ и отдѣльныхъ мѣстъ. Еслибы древніе германцы совершенно не обращали вниманія на волю, при оцѣнкѣ преступленія, то изъ такого обычая могла-бы развиться не идея права, а только система физическихъ силъ, одна другой противодѣйствующихъ. Защищать такое невниманіе (Nichtberücksichtigung) къ волѣ, значитъ изгонять изъ жизни германцевъ понятіе о правомъ и неправомъ. Къ тому же

нѣтъ ни одного столь грубаго народа, который бы не отличалъ дѣйствій произвольныхъ, исходящихъ отъ человѣка, отъ такихъ, которыя производятся безсознательными силами природы или человѣка, бывшаго только безсознательнымъ орудіемъ. *Если у германцевъ непроизвольное дѣйствіе легко могло обрушиться на голову своего виновника; если оно могло воспламенить къ мнимо-справедливой мести: то это происходило единственно изъ того, что германецъ хотѣлъ свое лицо и свое имущество какъ-бы окружить оградою, которую бы никто не дерзалъ разрушить, которую онъ охранялъ съ нѣкоторою ревностію, позволявшею ему легко находить въ маловажныхъ дѣйствіяхъ нападеніе на свои права, неуваженіе къ себѣ.* Wilda, с. 146—151. 178. 544. См. также: Das Alamannische Strafrecht im deutschen Mittelalter. 1860 г. с. 131, Osenbruggen'а, послѣдователя Вильды.

Мнѣніе Вильды есть патріотическая идеализація стародавней жизни, совершенно отличавшейся всѣмъ отъ современнаго намъ быта; это есть стремленіе отыскать въ первобытной эпохѣ подтвержденіе явленій и понятій позднѣйшаго времени. Въ самомъ сочиненіи Вильды приведено множество такихъ законовъ, которые опровергаютъ его мнѣніе и подтверждаютъ противоположное. Вотъ между прочимъ нѣкоторые изъ этихъ законовъ. Кто не желая, но по какому-либо случаю, ранитъ или убьетъ человѣка, тотъ платитъ законный выкупъ; такъ напр. если какой-либо человѣкъ держитъ въ рукѣ стрѣлу, которая сама собою какъ нибудь случайно убьетъ другаго противъ воли того, который ее держитъ. Le Angl s, X 8. L. Rotharis, с. 389. L. Fris, III. 69. L. Saxon, Tit. XII, § V. Wilda, 547. 558. Добровольно-ли или недобровольно (sponte aut non sponte) совершено убійство, тѣмъ не менѣе выкупъ платится. Ибо чѣмъ мы согрѣшаемъ безсознательно (per inscientiam), то мы исправляемъ съ намѣреніемъ (per industriam corrigimus). Если кто, говорится въ другомъ законѣ, не произвольно, но случайно кому-либо нанесетъ рану, тотъ тѣмъ не менѣе платитъ за рану полное вознагражденіе тому, котораго боль не можетъ быть уменьшена тѣмъ, что рану ему нанесъ случай, а не намѣреніе. Для него самого мало имѣетъ значенія, нанесена-ли обида ему болѣе случаемъ, чѣмъ намѣреніемъ. L. Henrici, I. с 70. § 12. Sunesen, V. 25. Wilda, 553. Эти законы установляютъ равенство вины какъ за намѣренныя такъ и случайныя убійства и раны. Но древній германецъ отвѣчалъ не только за тотъ вредъ, который имъ причиненъ былъ кому-нибудь без-

сознательно, ненамѣренно, случайно, но и за тотъ вредъ, который былъ причиненъ вещію ему принадлежащею, хотя бы въ минуту причиненія вреда онъ находился въ другомъ мѣстѣ, или даже предметомъ совершенно ему чуждымъ. Если какое-нибудь животное, говоритъ законъ рупуаріевъ, причинитъ кому вредъ, то платитъ выкупъ тотъ, кому оно принадлежитъ. L. Rup XLVI. L. Sax. XIII. Wilda, 548. Если кто, говоритъ тотъ же законъ, будетъ убитъ деревомъ или какимъ-нибудь орудіемъ, платы нѣтъ, развѣ кто виновника убійства (auctorem interfectionis) будетъ имѣть въ собственномъ пользованіи, тогда, за исключеніемъ вражды, платится композиція. L. Rup. LXXI. I. L. Angl. XVII. 2. L. Rotharis, c. 330. Wilda, 548. Такъ, по законамъ Сканіи, собственникъ колодца долженъ платить выкупъ, если кто упадетъ въ принадлежащій ему колодецъ и лишится жизни. Rogge, 33. Если два человѣка рубятъ дерево и оно падаетъ и убиваетъ одного изъ нихъ, то оставшійся въ живыхъ платитъ половину выкупа, другая же падаетъ на долю убитаго. Такой же выкупъ платится, если кто лишится жизни при другихъ совмѣстныхъ работахъ, напр. при постройкѣ корабля, при переноскѣ дерева. L. Roth. c. 138. Hacon. Galathingsgesetz. По закону короля Ротара постановлено, что если кто-нибудь найметъ работниковъ, и изъ нихъ одинъ во время работы или утонетъ, или будетъ убитъ молніею, или паденіемъ дерева, то за убитаго нѣтъ права на полученіе платы за убійство (Wehrgeld); Leg. Roth. 152; т. е. наниматель не обязанъ платить эту плату. Рогге справедливо замѣчаетъ, что законъ этотъ не имѣлъ-бы никакого смысла, еслибы за подобное лишеніе жизни прежде не взыскивалась плата за убійство. Rogge, c. 34. Германецъ платилъ Wehrgeld даже за нѣкоторые случаи естественной смерти; такъ напр. мужъ платилъ выкупъ за естественную смерть своей жены, на которую онъ не купилъ у ея отца или опекуна mundium (власть похожая на римскую patria potestas); выкупъ этотъ за смерть жены, а равно и рожденныхъ ею дѣтей, платился отцу жены или другому ея опекуну, такъ какъ-будто онъ убилъ свою жену и дѣтей. L. Roth. c. 187. L. Alem. T. 54. Rogge, 34. Вильда говоритъ: а) Что еслибы германцы не отличали преступленій намѣренныхъ отъ ненамѣренныхъ, то не было-бы въ ихъ законахъ постоянно встрѣчающихся выраженій: »кто не желая, но случайно« (non volens, sed casu faciente, nolens, sed casu, casu faciente nolendo) убьетъ или ранитъ человѣка, или чужое животное. L. Alem. LXXXII. § 6. L. Baiuv. VIII. 8. L. Anglos. X. 8. L. Roth.

с. 389. Wilda, 548. б) Наказанія, опредѣляемыя за преступленія намѣренныя, существенно разнятся отъ тѣхъ, которыя опредѣляются за происшествія случайныя: за первыя назначены плата обиженному за вредъ и обиду, и плата карою за нарушеніе мира, съ предоставленіемъ притомъ обиженному на волю или мстить или принять выкупъ; тогда какъ за вторыя вносилась плата только обиженному, не всегда въ полномъ количествѣ, рѣдко его родичамъ, и никогда не вносилась королю, и наконецъ обиженный лишенъ былъ права мстить. в) Такимъ образомъ только перваго рода плата, т. е за намѣренныя преступленія, имѣла въ собственномъ смыслѣ характеръ уголовнаго наказанія; тогда какъ втораго рода была скорѣе гражданскимъ вознагражденіемъ, чѣмъ уголовнымъ наказаніемъ, и опредѣлялась тамъ, гдѣ не существовало никакой уголовной отвѣтственности. Wilda, 548—550. Дѣйствительно, въ такъ-называемыхъ варварскихъ законахъ начинаютъ отчасти различать намѣренныя отъ ненамѣренныхъ преступленій, но это потому что эти законы, какъ законы второй формаціи, являются результатомъ противодѣйствія безразличію той первобытной эпохи, когда кровавая месть не встрѣчала препонъ. Такъ какъ возникавшая общегосударственная власть была представительницею стремленія положить предѣлы кровавой мести, то она и не брала лично для себя въ этомъ случаѣ той платы, которую она брала за намѣренныя преступленія; но прежде образованія этой власти не могло быть рѣчи о подобной платѣ и за намѣренныя преступленія, которая вся шла только лицамъ обиженнымъ. Странно считать выкупъ, платимый за такія случайныя происшествія, какъ потеря жизни чрезъ паденіе въ колодецъ, гражданскимъ вознагражденіемъ. Притомъ же вознагражденіе это было, по законамъ остъготскимъ и законамъ фризскимъ, такъ же велико, какъ и за причиненіе намѣреннаго вреда. »За всё, говоритъ одинъ фризскій законъ, что произойдетъ случайно, отъ животнаго, во время игры, за спиною—полная плата за убійство (Wehrgeld) и полный выкупъ«. L. Ost. g. XVII. p. 78. Wilda 548. Правда, въ варварскихъ законахъ дошедшихъ до насъ постоянно повторяется, что въ исчисленныхъ случаяхъ причиненія ненамѣреннаго вреда, композиціи опредѣляются безъ права мести, а въ нѣкоторыхъ законахъ исключается въ подобныхъ случаяхъ даже участіе родственниковъ въ полученіи вознагражденія. Но запрещеніе мести въ этихъ случаяхъ не имѣло абсолютнаго значенія, а только относительное, именно: потерпѣвшій вредъ отъ какого-нибудь безвольнаго дѣйствія

не имѣлъ права по своему произволу мстить, или брать выкупъ, какимъ онъ пользовался задѣтый умышленнымъ преступленіемъ, а долженъ былъ брать выкупъ. Но если мнимый обидчикъ не платилъ мнимо-обиженному этого выкупа, или по несостоятельности или по нежеланію и уклончивости, послѣдній, по варварскимъ законамъ о несостоятельныхъ должникахъ, могъ обратить перваго въ рабство; а въ исландскомъ законѣ Gragas прямо говорится, что въ случаѣ неуплаты выкупа за ненамѣренный вредъ въ теченіи 14 дней, послѣдній не считается случайно причиненнымъ; Wilda, 547; т. е. считавшійся обиженнымъ имѣлъ право убить, положимъ, хозяина колодца, который не заплатилъ выкупа за случайное паденіе въ колодецъ какого-нибудь человѣка. Въ Англіи, населеніе которой между прочимъ сложилось и изъ германскихъ племенъ, когда преступленіе не было выкупаемо, право мщенія выступало на сцену, причемъ не различали, было-ли преступленіе совершено съ намѣреніемъ или безъ намѣренія. Tissot, I. 221. А въ Даніи, странѣ населенной однимъ изъ германскихъ племенъ, непроизвольныя преступленія, за исключеніемъ пожаровъ, подлежали наказанію даже въ XVI стол. Ib. I. 282. Запрещеніе вражды за совершенно случайный вредъ есть произведеніе позднѣйшаго времени, времени ограниченія мести: еслибы прежде обычай мстить въ подобныхъ случаяхъ не имѣлъ всеобщаго примѣненія, то не было бы нужды постоянно его запрещать въ законахъ, которые безъ этого не имѣли-бы смысла. Самое существованіе композицій, какъ за намѣренныя, такъ и за ненамѣренныя и даже случайныя преступленія, ясно указываетъ и на всеобщность мести за тѣ и другія: композиціи происхожденія позднѣйшаго, чѣмъ месть; они сдѣлались возможны только съ возникновеніемъ нѣкоторой гражданственности, когда человѣкъ уже владѣлъ вещами, которыми бы онъ могъ дать вознагражденіе, и когда появилась хотя и слабая общая власть. Съ возникновеніемъ и усиленіемъ этой власти, начинается ограниченіе мести и прежде всего за ненамѣренныя и случайныя происшествія: но власть эта была такъ слаба, а безразличіе такъ сильно, что, вводя хотя нѣкоторое относительное различіе въ мести, та же власть допускала почти полное безразличіе относительно композицій; бѣдный человѣкъ, нравственно невиноватый въ случайно-причиненномъ вредѣ другому, всё-таки долженъ былъ платить высокій выкупъ, и, будучи не въ состояніи уплатить его, платился или жизнію или свободою; богатый человѣкъ, виноватый въ злонамѣренномъ преступленіи, легко могъ отплатиться только деньгами.

Что народы первобытные не различаютъ преступленій намѣренныхъ отъ неосторожныхъ и случайныхъ и не имѣютъ никакого понятія о вмѣненіи, а народы, достигшіе даже нѣкоторой степени цивилизаціи, всё это представляютъ себѣ въ смутномъ видѣ,—доказательствомъ этому служатъ бывшіе въ употребленіи у всѣхъ народовъ слѣдствія, суды и смертныя казни надъ животными. Слѣды этой юстиціи сохранились у всѣхъ народовъ, которые славятся своею цивилизаціею. См. у персовъ, евреевъ; Tissot, I. c. 19. Pastoret, Hist. IV. c. 190; у грековъ, Filangieri. V. c. 248; у новѣйшихъ народовъ: у германцевъ, Grimm, Deutsche Rechtsalterthumer. c. 664; у итальянцевъ, Filangieri, V. 248; у французовъ, Agnel. Procés contre les animaux du moyen age. 1858 г. Средневѣковые до насъ дошедшіе процессы надъ животными вполнѣ убѣждаютъ, что народы совершали надъ ними такой же судъ, какъ и надъ людьми, уравнивая послѣднихъ съ первыми, и казня тѣхъ и другихъ за вредныя, а не нравственно преступныя, дѣйствія.

III. Столь же сильнымъ доказательствомъ того, что первобытные народы, при употребленіи смертной казни, не различаютъ случайныхъ и ненамѣренныхъ преступленій отъ злоумышленныхъ, служитъ господствовавшій у всѣхъ народовъ въ періодъ мести обычай убивать въ отмщеніе не только обидчика, но и невинныхъ членовъ его семьи и его рода. Право мести, по своему происхожденію, совершенно тождественно съ правомъ войны: поэтому месть и война въ первобытныя времена подчинялись одинаковымъ обычаямъ. Воевавшіе убивали не только воиновъ враждебнаго лагеря, принимавшихъ непосредственное участіе въ войнѣ, но и гражданъ враждебнаго народа, которые не принимали прямаго участія въ войнѣ; при этомъ не было пощады ни полу, ни возрасту. Подобнымъ же образомъ поступали и мстители, которые направляли свои смертоносные удары на всю семью обидчика. Съ этимъ обычаемъ также тѣсно связанъ другой: обязанность родичей платить за своего члена часть выкупа, для избавленія отъ мести, и право ихъ на полученіе части выкупа со стороны того, который убилъ, ранилъ и вообще обидѣлъ ихъ родича. Обычай убивать въ отмщеніе невинныхъ родичей былъ такъ силенъ, что онъ долго сохранялся, хотя въ обломкахъ, уже во время полнаго образованія общегосударственной власти, и у нѣкоторыхъ народовъ встрѣчается въ очень позднее время, когда повидимому вполнѣ образовалось понятіе вмѣненія. Поэтому до насъ дошли два рода законовъ, по которымъ невинная семья или

родичи обидчика или преступника подлежали смертной казни: одни законы періода исключительнаго господства мести, когда казнили смертною казнію въ видѣ убійства въ отмщеніе невинныхъ родственниковъ за всякія преступленія, совершенныя однимъ изъ членовъ рода; другіе законы періода ограниченія частной мести и полнаго ея уничтоженія, когда государственная власть, доставивъ защиту невиннымъ членамъ семьи относительно всѣхъ частныхъ преступленій, долго сама держалась обычая наказывать ихъ за преступленія государственныя и религіозныя.

Въ древней Персіи дѣти были предаваемы смертной казни не только за то, что участвовали въ преступленіи отца, но единственно за то, что они были его дѣтьми. Такъ Дарій Гистаспъ велѣлъ казнить Интаферна съ его дѣтьми за то, что онъ сдѣлалъ насиліе стражѣ, охранявшей входъ во внутренніе царскіе покои. Pastoret, Hist. IX. 427. Въ указѣ Ассюэра, благопріятномъ для евреевъ, говорится, что царь повелѣваетъ казнить Амана со всѣми его родственниками. Кн. Эсфирь. XVI. 18. Когда открытъ былъ заговоръ сыновей Артаксенса Мемнона, то были казнены не только виновные, но ихъ дѣти и жены, для того чтобы не осталось никакого слѣда отъ столь великаго покушенія. Pastoret, IX. 427. Камбизъ, завладѣвши Египтомъ, велѣлъ, за смерть своихъ герольдовъ, казнить сыновей царскихъ и 2000 ихъ сверстниковъ. Laurent, Orient. 432. Вообще персы казнили всю семью преступника не только за чисто государственныя преступленія, но и за другія, какъ-то: за оставленіе солдатами своихъ знаменъ, и даже за неблагодарность. Pastoret, 428.—Въ законахъ еврейскихъ есть такія постановленія, которыя ясно признаютъ справедливымъ наказаніе невинныхъ дѣтей за преступленія родителей 1); но есть напротивъ другія, которыя отвергаютъ подобную наказуемость 2). Корей, Даѳанъ и Авиронъ были наказаны смертію вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Кн. Числъ. XVI. 27—33. Болѣе подробное вычисленіе изъ еврейской жизни случаевъ наказанія дѣтей за преступленія родителей см. у Pastoret, IV. 400—102. Такую двойственность еврейскаго законодательства легко объяснить тѣмъ, что

1) Кн. Исходъ. XX. 6. Азъ бо есмъ господь Богъ твой, Богъ ревнитель, отдаяй грѣхи отецъ на чада до третьяго и четвертаго рода ненавидящимъ мене. Срав. той же кн. XXXIV. 7.

2) Кн. Втор. XXIV. 16. Да не умрутъ отцы за сыны и сынове да не умрутъ за отцы: кійждо за свой грѣхъ да умретъ. Срав. 4 кн. Цар. XIV. в; 2 кн. Паралип. XXV. 4.

общегосударственная власть уничтожила существовавшую въ періодъ мести наказуемость невинной семьи за общія преступленія, удержавъ ее за преступленія противъ государства и религіи. О наказаніи невинной семьи преступника у вавилонянъ и ассиріянъ см. Pastoret, His. I. 222; у карѳагенянъ, Filangieri, La science de la législ. Paris. 1788 г. V. 55. Арабы-бедуины до сихъ поръ за убійство мстятъ цѣлой семьѣ убійцы; при этомъ они убиваютъ начальника семьи или кого-нибудь другаго дорогаго для семьи, хотя бы онъ былъ совершенно невиненъ. Tissot, I. 211. Того же обычая держатся курды и черкесы. Ib. 214, 215. У японцевъ за два вѣка предъ симъ обычай налагалъ обязанность на нисходящаго мстить за обиду восходящаго на потомкахъ оскорбителя. Du Boys, Hist. dr. crim. peup. moder. I. 16. А за государственныя преступленія тамъ до сихъ поръ каждый отвѣчаетъ за своего сосѣда: семьи и цѣлыя деревни осуждаются на смертную казнь за преступленія одного. Tissot, I. 287. Если губернаторъ провинціи изобличится во взяткахъ, то дается повелѣніе ему, его дѣтямъ и братьямъ, дядямъ и двоюроднымъ братьямъ, распороть себѣ животъ,—что̀ они должны исполнить въ одинъ день и часъ. Ib. Въ Китаѣ и въ наше время смертною казнію караютъ единственно только за родство съ государственнымъ преступникомъ. Чѣмъ ближе родство, тѣмъ тяжелѣе и наказаніе; чѣмъ дальше первое, тѣмъ слабѣе второе. Въ этомъ отношеніи установлены особыя степени родства. Къ первой степени причислены: отецъ, дѣдъ, сыновья, внуки, дяди по отцѣ и ихъ сыновья. Всѣ эти лица, отъ шестнадцати и выше лѣтъ, ка̀къ бы они ни были невинны, въ какомъ бы отдаленіи они ни жили отъ своего родственника во время совершенія имъ преступленія, какими бы физическими—природными или нажитыми—недостатками ни страдали, подлежатъ смертной казни посредствомъ отсѣченія головы. Code pénal de la Chine, trad. du chinois Staunton, en franç. Ren. de Sainte-Croix. Paris. 1812 г. T. II. sect. CCLIV. Ко второй степени причислены всѣ остальные родственники шестнадцати и выше лѣтъ, въ какомъ бы далекомъ по крови и браку родствѣ они не находились; ихъ казнятъ смертію только тогда, когда они жили подъ одною крышею съ преступникомъ въ минуту совершенія преступленія; въ противномъ же случаѣ, ихъ отдаютъ въ рабство высшимъ сановникамъ государства, а равно и родственниковъ обѣихъ степеней не достигшихъ шестнадцати лѣтъ. Sect. CCLV.

Западные народы какъ древніе, такъ и новые держались тѣхъ же

обычаевъ. Греки вмѣстѣ съ государственнымъ преступникомъ предавали смерти и его дѣтей, а иногда пятаго изъ ближайшихъ родственниковъ. Du Boys, Hist. anc. 165. Въ Спартѣ за государственныя преступленія казнили не одного преступника, но его жену, иногда даже друзей. Tissot, I. с. 131. Та же участь постигала семью государственнаго преступника и у тѣхъ грековъ, которые составили македонское царство. Filangieri, V. 55. Когда Филотасъ, сынъ Парменіона, подвергся преслѣдованію какъ заговорщикъ, многіе люди высшихъ чиновъ и главные офицеры арміи, родственники обвиняемаго, боясь примѣненія этого закона, сами себя лишили жизни, или поспѣшно убѣжали въ горы и пустынныя мѣста. Такъ какъ страхъ распространился въ цѣломъ войскѣ, то Александръ Македонскій велѣлъ объявить, что прощаетъ родственниковъ лицъ виновныхъ. Pastoret, VIII. с. 507—508. 1). Уцѣлѣли законы, свидѣтельствующіе о томъ, что римляне также наказывали дѣтей за преступленіе родителей. Нарушители священныхъ законовъ были приносимы въ жертву богамъ вмѣстѣ съ семьею и имуществомъ. Rein, 30. Chassan, Essai sur la symbolique du droit. 195. Въ преступленіяхъ политическихъ цѣлыя семьи погибали за ошибки своихъ отцовъ. Римскіе юристы даже пріискали оправданіе такого обычая: предполагается, они говорили, что дѣти подобны своимъ родителямъ (Filii praesumuntur similes patri); или: можно опасаться, что въ дѣтяхъ повторятся отцовскія преступленія. Henriot, Moeurs juridiques de l'anc. Rome, II. 98, 100. На основаніи того же предположенія о подобіи, за преступленія одного казнили всѣхъ тѣхъ, съ которыми преступникъ жилъ; такъ въ періодъ императорства казнены были въ одномъ случаѣ за убійство господина, совершенное однимъ слугою, всѣ 400 слугъ, жившіе съ нимъ подъ одною крышею. Ib. 101. Не смотря на то, что позднѣе римскіе юристы додумались до той истины, что преступленіе и наказаніе отца не можетъ положить пятна на сына (Crimen vel paena nullam maculam filio infligere potest), старый обычай никогда не умиралъ; подъ конецъ существованія римской имперіи былъ изданъ императорами Аркадіемъ и Гоноріемъ слѣдующій законъ: «Сыновья же его (т. е. госуд. преступника), которымъ по императорской особо данной милости оставляется жизнь (*ибо тѣ*

1) Пасторе приписываетъ Александру Македонскому уничтоженіе въ Греціи наслѣдственности наказаній. О казни невиннаго рода у грековъ см. также у Бернера, вып. I, с. 105.

должны погибнуть отцовскою казнію, отъ которыхъ можно бояться повторенія отцовскаго, т. е. наслѣдственнаго преступленія), отстраняются отъ материнскаго, или дѣдовскаго и всѣхъ остальныхъ родственниковъ наслѣдства; по завѣщанію постороннихъ не имѣютъ права ничего получить; пусть постоянно живутъ въ нуждѣ и бѣдности; пусть отцовское безчестье всюду ихъ сопровождаетъ; да не допускаются они совершенно ни къ какимъ почестямъ, ни къ какимъ таинствамъ; пусть наконецъ они находятся въ такомъ состояніи, чтобы для нихъ, гнусныхъ постоянною нищетою, смерть была утѣшеніемъ, а жизнь казнію. Leg. 5. § 1. Cod. ad leg. Jul. majest. Filangieri, V. 56. Итакъ, по смыслу этого закона, если не казнятся смертію невинные сыновья государственнаго преступника, то единственно только изъ милости, такъ-сказать по исключенію.

Новые европейскіе народы не представляютъ въ этомъ случаѣ исключенія: они также держались обычая убивать не только виновнаго, но и его семью. По закону саксонскому, въ случаѣ неплатежа денежнаго вознагражденія за убійство, мести подвергался не только убійца, но и его сыновья. Учен. Записки Казан. унив. 1864 г. вып. I. Союзъ родственной защиты у древ. герм. и слав. Шпилевскаго, с. 189. По закону зееландскому мститель въ подобномъ случаѣ могъ убить, кромѣ убійцы, трехъ его родственниковъ съ отцовской и трехъ съ материнской стороны. Wilda, 382. Законы острова Готланда предписываютъ убійцѣ, до примиренія съ родственниками убитаго, спасаться бѣгствомъ въ сопровожденіи отца, сына, брата, или, за неимѣніемъ ихъ, другихъ ближайшихъ родственниковъ; здѣсь бѣгство родственниковъ имѣетъ то же значеніе какъ и бѣгство убійцы, т. е. значеніе спасенія отъ мести родственниковъ убитаго. ib 182—184. Въ древней Англіи семейство убитаго изъ высшей породы, по законамъ Ательстана, могло продолжать вражду до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ семействѣ убійцы убито столько личностей, сколько необходимо для того, чтобы ихъ Wehrgeld-ы равнялись Wehrgeld-у убитаго: такъ, когда Wehrgeld убійцы былъ въ 200 шил., а плата за голову убитаго положена была въ 1200 шил., то семья послѣдняго имѣла полное право убить 6 человѣкъ изъ семьи убійцы. Tissot, I. 221. По закону Этельреда Неблагоразумнаго, если въ какомъ-нибудь городѣ будетъ нарушенъ миръ, то жители города сами должны захватить убійцу живаго или мертваго, или его ближайшихъ родственниковъ, »голову за голову«. Шпилевскій, 189. По древнимъ же

англійскимъ законамъ даже колыбельныя дѣти, которыя еще не употребляли никакой пищи, считались какъ-бы совиновниками своего отца, совершившаго воровство; какъ эти дѣти, такъ и всѣ домашніе, знавшіе о воровствѣ, поступали въ рабство. Wilda, 69. Словомъ, убійство въ видѣ мести невинныхъ родственниковъ было также во всеобщемъ употребленіи, въ періодъ варварскаго состоянія европейскихъ народовъ, какъ взысканіе съ тѣхъ же родственниковъ выкупа: одно не разлучно съ другимъ; невинный родъ могъ избавиться отъ мести посредствомъ выкупа, но онъ же могъ погибнуть, если не хотѣлъ, или не могъ заплатить его, или же не успѣлъ склонить обиженную семью на сдѣлку. О господствѣ этого обычая см. во Франціи, Dulaure, Histoire critique de la noblesse. 1790 г. с. 10. Tissot, I. 222; въ Скандинавіи, Стрингольма, Государственное устройство Скандинавіи. с. 43 — 48; въ Германіи, Loiseleur, 108. 149; Шпилевскій, 188—190. 230—232; Tissot, I. 134.

Общегосударственная власть рано стала стремиться къ искорененію обычая карать за обыкновенныя преступленія, кромѣ преступника, его невинную семью. Такъ англосаксонскій законъ Эдмунда объявляетъ врагомъ короля и его друзей и лишаетъ имущества всякаго, кто отмститъ не тому, кто совершилъ убійство, а кому-нибудь другому изъ его рода. Шпилевскій, 188. Въ XIII в. въ Скандинавіи, когда еще во всей силѣ держался обычай убивать лучшаго изъ рода убійцы, хотя бы преступленіе совершено было безъ его вѣдома, желанія и пособія, вооружился, противъ этого, какъ уже противъ беззаконія долго гнѣздившагося, король норвежскій Гаконъ Гаконсонъ. »У многихъ изъ-за такого обычая, говорилъ онъ, погибло много родни. Мы причисляемъ эти дѣйствія къ уголовнымъ преступленіямъ, и всякій, кто станетъ впередъ мстить мимо убійцы кому-нибудь другому за родную кровь, лишается имѣнія и безопасности«. »Никто, говоритъ остготскій законъ, не можетъ мстить другимъ, а не тѣмъ самимъ людямъ, которые совершили убійство, въ противномъ случаѣ нарушается королевскій миръ«. Стрингольмъ, с. 47. Но распространяя понятіе нравственнаго вмѣненія на общія преступленія, и доставляя защиту невиннымъ родственникамъ преступника, общегосударственная власть сама долго держалась гонимаго обычая въ примѣненіи къ государственнымъ преступленіямъ. Англійскій юристъ XIII стол. Брактонъ выразился о дѣтяхъ государственныхъ преступниковъ такъ: »Для нихъ уже будетъ много, если имъ позволить жить«. Loiseleur, 308. Подобно тому какъ римская

юриспруденція находила основаніе для наказуемости невинной семьи, англійская изобрѣла, для оправданія такого варварскаго обычая, свой аргументъ, извѣстный подъ именемъ порчи крови (corruption du sang); этимъ терминомъ она выражала то убѣжденіе, что преступники передаютъ своимъ дѣтямъ кровь въ испорченномъ видѣ, а вмѣстѣ съ испорченною кровію и свою преступность. Еще въ 1817 г. англійскій парламентъ отвергъ билль Ромильи объ уничтоженіи этого остатка первобытнаго варварства, и только въ 1827 г. онъ былъ уничтоженъ. Rossi, I. 45. Во Франціи даже въ XVII и XVIII стол. вмѣстѣ съ государственнымъ преступникомъ подвергалась наказанію и вся его семья: такъ въ 1610 г. родители Равальяка, а въ 1757 г. родители Даміана изгнаны были изъ Франціи, при чемъ имъ было объявлено, что если они возвратятся, *то будутъ повѣшены или задушены.* Desmaze, Supplices, prisons et grace en France. 1866 г. с. 142—143. Наслѣдственность преступленій и наказаній уничтожена была во Франціи закономъ 21 февраля 1790 г. Loiseleur, 338. Въ Пруссіи этотъ обычай удержанъ былъ въ законѣ до новѣйшихъ временъ; на основаніи изданнаго въ 1794 г. Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten, и остававшагося въ дѣйствіи до 1851 г., дѣти государственнаго преступника приговариваются или къ вѣчному изгнанію или къ вѣчному заключенію 1). Всѣ эти наказанія, очевидно, замѣнили смертную казнь только въ позднѣйшее время.

Славяне также убивали невинную родню за преступленія одного. У черногорцевъ до позднѣйшаго времени »многіе падали жертвою за обиду причиненную однимъ«. Шпилевскій, 190; тамъ же объ убійствѣ невиннаго рода у чеховъ. По Русской Правдѣ, разбойникъ выдается вмѣстѣ съ женою и дѣтьми на потокъ и разграбленіе. Троиц. списокъ ст. 5 2). По договору Мстислава Смоленскаго съ Ригою, князь или отдаетъ виновнаго въ холопство вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, или велитъ

1) 2-я часть, тит. XX, отд. 2, § 95. Подобные государственные преступники не только лишаются всего имущества и всей гражданской чести; но вину несчастія должны также несть и ихъ дѣти, если государство, для отвращенія будущихъ опасностей, признаетъ необходимымъ содержать ихъ въ постоянномъ заключеніи, или изгнать.

2) Будетъ ли сталъ па разбои безъ всякоя свады, то за разбойника люди не платятъ, но выдадятъ и всего съ женою і съ дѣтми на потокъ и па разграбленіе.

его »разграбити съ женою и дѣтьми«. Богдановскій, Развитіе понятій о прест. и наказ. въ русск. правѣ. с. 56—60. Лѣтописи наши представляютъ не одинъ примѣръ кары невинныхъ за вину другихъ. Князь Василько за свое ослѣпленіе мстилъ не только виновнику его, но и народу, находившемуся подъ его управленіемъ: »и сотвори мщеніе на людяхъ неповинныхъ«. ib. с. 11. Въ 1284 г. князь Александръ за убійство своего брата Святослава убилъ Олега, убійцу, *и два сына его мала.* Шпилевскій, 190. Но самымъ сильнымъ доказательствомъ существованія въ Россіи этого обычая уже въ довольно позднее время служитъ юстиція Ивана Грознаго. Въ 1561 г. онъ повелѣлъ казнить Марію съ 5-ю сыновьями, за дружбу съ Адашевымъ и колдовство. Братъ Адашева былъ казненъ вмѣстѣ съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ. Карамз. IX. I. с. 11—12; см. также: IX. гл. II. с. 48. 88. Жены казненныхъ въ 1571 г. дворянъ, числомъ 80, были, по приказанію царя, утоплены въ рѣкѣ. IX. гл. II. III. с. 92—97. Онъ казнилъ вмѣстѣ съ мужьями не только женъ и дѣтей, но часто и всѣхъ родственниковъ; такъ казнены были Колычовы, родъ митрополита Филиппа, князья Ярославскіе, Пронскіе, Ушатые, Заболотскіе, родъ Бутурлиныхъ и м. д. с. 96 1). Нѣтъ сомнѣнія, казни Ивана Грознаго невинныхъ семей, какъ вообще его казни, по своимъ размѣрамъ были исключительнаго свойства; но по существу они основывались на стародавнихъ обычаяхъ, которыхъ нѣкогда держались славянскія племена въ примѣненіи ко всѣмъ преступленіямъ. Еще въ XVII стол. преступниковъ ссылали въ Сибирь съ женами и дѣтьми; П. С. Зак. № 772. ук. 10 сент. 1679 г.; иногда даже всю семью съ домочадцами. Богдановскій, с. 81. Все это, конечно, только обломки стародавняго обычая смертной казни невинной семьи. Хотя по Соборному Уложенію семья государственнаго преступника подлежитъ казни только тогда, когда она вѣдала про измѣну своего главы, и такимъ образомъ въ немъ господствуетъ настоящее понятіе о вмѣненіи, тѣмъ не менѣе самая форма этого закона служитъ доказательствомъ того, что прежде держались другаго обычая. »А будетъ которая жена про измѣну мужа своего, или дѣти про измѣну же отца своего не вѣдали, *и ихъ за то не казнити и никакова наказанія имъ не чинити;*

1) Послѣ казни своего двоюроднаго брата, жены его и дѣтей, Иванъ Грозный обратился къ слугамъ своего брата съ слѣдующими словами: »Вотъ трупы моихъ злодѣевъ; *вы служили имъ; но изъ милосердія я дарю вамъ жизнь.* IX. с. 84.

гл. II. ст. 7. Къ чему бы законодателю было говорить, что семья, не вѣдавшая про преступленіе своего главы, не должна быть казнима, еслибы прежде не дѣлалось на практикѣ то, чтò законъ съ этихъ поръ запретилъ. Очевидно, что на статьи 7—10 гл. II Соборнаго Уложенія должно смотрѣть какъ на законъ, которымъ окончательно отмѣнено наказаніе вообще и смертная казнь въ частности за одно родство съ государственнымъ преступникомъ. То же самое значеніе имѣетъ и слѣдующеее мѣсто Кормчей: »да не умрутъ отцы за сыны, не сынове да не умрутъ за отцы, но кождо за свой грѣхъ да умретъ«; законъ Моисеевъ внесенъ въ сборникъ нашихъ церковныхъ законовъ, какъ запрещеніе сохранявшейся въ практикѣ наслѣдственности преступленій и наказаній, и какъ выраженіе взгляда нашего духовенства, воспитаннаго на византійскомъ, болѣе развитомъ, законодательствѣ. См. Шпилевскій, с. 262. Никольскій, о началѣ наслѣдованія, с. 284 1).

IV. У первобытныхъ народовъ смертною казнію въ видѣ убійства въ отмщеніе казнили малолѣтнихъ дѣтей, безъ всякаго вниманія къ ихъ возрасту. Это уже само собою вытекаетъ изъ того общаго безразличія и той необузданности, которыя составляютъ отличительную черту періода исключительнаго господства мести. Лѣтописи переходнаго времени отъ этого періода къ слѣдующему содержатъ безчисленное множество свидѣтельствъ объ истребленіи цѣлыхъ семей; легенда о умерщвленіи малолѣтнихъ дѣтей обидчика, о приготовленіи изъ нихъ пищи и поднесеніи ее обиженному встрѣчается у многихъ народовъ. Самые законы періода ограниченія мести въ значительной степени держатся обычая наказывать малолѣтнихъ дѣтей. Изъ исторіи еврейской извѣстенъ случай наказанія смертію сорока двухъ дѣтей (дѣти малы изыдоша изъ града, и проклятъ я..... и растерзаша отъ нихъ четыредесятъ два от-

1) Законъ, запретивши налагать наказаніе на невинную семью, не могъ запретить обществу смотрѣть на этотъ предметъ прежними глазами. Гордонъ, жившій въ Россіи при Петрѣ 1-мъ, говоритъ: »въ Россіи не такъ, какъ въ другихъ земляхъ, гдѣ наказаніе виновнаго не влечетъ за собою позора для всѣхъ прочихъ членовъ той же фамиліи, не причастныхъ преступленію своего родственника; здѣсь напротивъ считается вѣчнымъ пятномъ для всего рода, если одинъ изъ рода оказывается государственнымъ преступникомъ«. Шпилевскій, с. 266. Въ этомъ извѣстіи одна только неправда—это приписываніе одной Россіи того, чтò существовало даже во время Гордона у всѣхъ западно-европейскихъ народовъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

рочища). 4 кн. Царствъ. XX. 22—25. По законамъ аѳинскимъ, кто осквернитъ храмъ Аполлона, тотъ подлежитъ смертной казни: если это сдѣлаетъ дитя, оно несетъ ту же участь. Tissot, II. 276. Есть извѣстіе, что аѳинскій ареопагъ предалъ смерти дитя за то, что оно выкололо глаза перепелкѣ. ib. У римлянъ было нѣсколько возрастовъ невмѣняемости: до 7 лѣтъ полная невмѣняемость; съ этого возраста до 9, а потомъ до 12 и иногда 14 лѣтъ продолжался періодъ смягченныхъ наказаній. Но возрастъ съ семи лѣтъ не былъ принимаемъ во вниманіе въ случаѣ совершенія тяжкихъ преступленій (crimina atrocissima), и дѣти этого возраста подлежали смертной казни. Theorie du Code pénal, Helie. 1861 г. I. 479. Римская юриспруденція формулировала свой взглядъ на этой предметъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ преступленіяхъ возрастъ никого не извиняетъ (In delictis neminem aetas excusat); злость дополняетъ возрастъ (Malitia supplet aetatem). Henriot, II. 304. По скандинавскимъ законамъ за ударъ или убійство, причиненное малолѣтнимъ ниже 12 лѣтъ, полагается выкупъ, хотя и запрещается мщеніе. Wilda, 641 и 642. Но самое это запрещеніе мести свидѣтельствуетъ, что месть не щадила дѣтей. Законы норвежскіе предписываютъ убійцамъ подобнаго возраста удаляться изъ страны, чтобы уйти съ глазъ родственниковъ убитаго и не воспламенять ихъ мести. ib. Извѣстно, что удаленіе изъ страны у всѣхъ народовъ является вообще мѣрою, ограничивающею убійство въ видѣ отмщенія. Выше было сказано, что въ Англіи даже дѣти въ колыбели дѣлались рабами въ наказаніе за воровство отца; въ Россіи также всѣ дѣти безъ различія возраста поступали въ холопство за вину отца; подобное же уголовное рабство существовало и у другихъ народовъ въ извѣстный періодъ времени, и конечно оно было только замѣною прежняго убійства въ отмщеніе. По китайскимъ законамъ, до сихъ поръ, всѣ родственники государственнаго преступника моложе 16 лѣтъ поступаютъ въ рабство, которое есть только позднѣйшая замѣна смертной казни. Семилѣтній возрастъ оставался въ Англіи до конца XVIII ст. какъ возрастъ, съ котораго виновный за тяжкія преступленія подлежалъ смертной казни: англійская юриспруденція также какъ и римская твердила: malitia supplet aetatem. Смертная казнь дѣйствительно была приводима въ исполненіе, если только присяжные находили, что дитя дѣйствовало съ разумѣніемъ. Pastoret, Des lois pénales. 1790 г. т. II. ч. 3. с. 147. По свидѣтельству Блакстона, еще въ его время были приговорены къ смертной казни за убійство двое

дѣтей, одно девяти лѣтъ, другое 10, и изъ нихъ 10-лѣтнее было дѣйствительно казнено. Rossi, 3 ed. II. c. 24. Съ семилѣтняго возраста виновные подлежали смертной казни также по законамъ византійскимъ, нѣкоторымъ средневѣковымъ нѣмецкимъ (швабское зеркало) и русскимъ XVII ст. Средневѣковые и даже нѣкоторые XVIII в. юристы держались римскаго правила дополненія злостью возраста. Tissot, I. c. 30 — 31. Osenbrüggen въ Das Alamannische Strafrecht, c. 131—134, приводитъ нѣсколько случаевъ смертной казни малолѣтныхъ 11 и 12 лѣтъ за удушеніе въ гнѣвѣ, 13 л. за скотоложство. Съ 1625 по 1630 г. въ епископствѣ Бамбергскомъ, въ числѣ 600 вѣдьмъ, было сожжено 23 дѣвочки семи, восьми, девяти и десяти лѣтъ. Въ Виртембергѣ съ 1627 по 1629 г. сожжено было 16 дѣтей, отъ 8 до 12 лѣтъ. Soldan, Geschichte der Hexenprocesse, c. 383. 387—392. Въ Швеціи въ 1670 г. сожжено было 72 женщины и 15 дѣтей; ib. 230. По свидѣтельству лейпцигскаго профессора Бока, въ княжествѣ Рейсъ съ 1640 по 1652 г. казнено было 1000 волшебницъ, и между ними были дѣти отъ 1-го до 6-ти лѣтъ. И естественно! Если въ близкое къ тому время (въ 1474 г.) въ Швейцаріи обвинили, приговорили къ смерти, и сожгли на кострѣ пѣтуха за колдовство, Em. Agnel, Procés contre les animaux, 1858 г. с. 20, то казнь дѣтей, по законамъ логики, является вполнѣ послѣдовательнымъ дѣйствіемъ. Такимъ образомъ, даже во время полнаго господства общегосударственной власти, возрастъ, не подлежавшій смертной казни, былъ такъ низокъ, что онъ граничилъ или почти граничилъ съ тѣмъ дѣтскимъ возрастомъ, въ которомъ человѣкъ едвали способенъ совершать преступленія. Только въ концѣ XVIII и въ нынѣшнемъ столѣтіи выработанъ былъ болѣе правильный взглядъ на возрастъ и на его значеніе въ дѣлѣ вмѣненія. Изъ нынѣшнихъ уголовныхъ кодексовъ нѣтъ ни одного, который бы назначалъ смертную казнь преступникамъ моложе 16-ти лѣтъ. Многіе изъ европейскихъ кодексовъ простираютъ этотъ возрастъ до 18 лѣтъ, какъ-то кодексы: испанскій, гессенъ-дармштадтскій, Helie, Théorie, I. 481, баденскій, Tissot, I. 302, Пармы и Сициліи, 1819 г. Arch. Cr.-R. 1834 г. стат. Миттерм., цюрихскій, саксонскій 1838 г., голландскій, Arch. Cr.-R. 1840 г. ст. Миттерм., проектъ бельгійскаго уголовнаго кодекса 1854 г. Mitterm. Die Todestr. § 4; иные кодексы отодвигаютъ его до 19 лѣтъ, какъ новѣйшій проектъ португальскаго код. ib.; нѣкоторые до 20 лѣтъ, именно: римскій, Arch. Cr.-R. 1834 г.

стат. Миттерм., австрійскій, Спасовичъ, I. 122; наконецъ иные до 21 г., къ нимъ принадлежатъ: бразильскій, Луизіаны, Helie, I. 481, 482, брауншвейгскій, баварскій 1861 г., Спасовичъ, I. 121, сардинскій 1839 г. Arch. Cr.-R. стат. Миттерм. Словомъ, тогда какъ прежде, при господствѣ нѣкоторыхъ унаслѣдованныхъ отъ періода мести обычаевъ, срокъ вмѣняемаго возраста за смертныя преступленія старались какъ можно болѣе понижать, въ настоящее время мы замѣчаемъ стремленіе въ обратномъ направленіи, къ спеціальному возвышенію этого возраста до полнаго совершеннолѣтія.

V. Сумасшествіе также не останавливало руки мстителя въ періодъ исключительнаго господства мести, которая не встрѣчала себѣ преградъ ни внутри тогдашняго человѣка, ни внѣ его, въ тогдашнемъ обществѣ. Правда, до насъ дошли очень скудныя, прямыя доказательства того, что сумасшедшіе были убиваемы въ отмщеніе, наравнѣ съ людьми въ нормальномъ состояніи; доказательства эти можно назвать допотопными обломками первобытнаго періода, сохранившимися въ законахъ второй и даже третьей формаціи. Тѣмъ не менѣе доказательная ихъ сила очень велика въ пользу высказаннаго мною положенія. Въ Аѳинахъ безумнаго за матеріальное оскорбленіе святыни казнили смертною казнію. Tissot, II. 276. Въ древнѣйшихъ исландскихъ законахъ (Gragas) находится слѣдующее постановленіе: »Если сумасшедшій совершитъ убійство (Todtschlag обыкновенное, не предумышленное), то это убійство только тогда можетъ быть доказано посредствомъ свидѣтеля какъ совершенное въ сумасшествіи и признано таковымъ по судебному приговору, когда виновникъ его уже прежде самъ себѣ нанесъ, или старался нанесть такое поврежденіе, которое могло причинить смерть или тѣлесный вредъ. Если дѣло признано будетъ за поступокъ сумасшедшаго, то виновникъ сохраняетъ даже до приговора свой миръ, въ противномъ же случаѣ постановляется приговоръ надъ нимъ за убійство, совершенно такъ *какъ надъ несумасшедшимъ человѣкомъ*, только съ тѣмъ различіемъ, что можно мириться за подобное дѣло безъ согласія альтинга (народнаго собранія)«. Wilda, 644. Еще нагляднѣе выступаетъ первобытный взглядъ на сумасшедшихъ въ одномъ древненорвежскомъ законѣ. »Если человѣкъ будетъ до того бѣшенъ, что вырвется изъ веревокъ и убьетъ кого-нибудь, то онъ долженъ заплатить полный выкупъ изъ своего имѣнія, сколько его есть. Но если нѣтъ, онъ удаляется, какъ-будто онъ опять дѣлается

здоровъ, изъ страны, пока не заплатитъ за себя выкупа..... Если бѣшенный ранитъ, то наслѣдникъ платитъ изъ его имѣнія выкупъ за рану и издержки леченія; но король не получаетъ ничего. Но только тогда что бы то ни было считается за ненамѣренное убійство или за дѣла совершенныя сумасшедшимъ, когда совершитель вырвался изъ цѣпей, и достовѣрные мужи найдутъ, что онъ дѣйствительно бѣшенный«. Wilda, с. 645. По другому норвежскому закону, кто совершитъ въ бѣшенствѣ отцеубійство, тотъ, какъ и при всякомъ родственномъ убійствѣ, долженъ не только потерять свое наслѣдство, но и удалиться изъ страны, какъ лишенный мира, и никогда обратно не возвращаться. ib. Эти законы принадлежатъ періоду ограниченія мести: но въ нихъ ясно еще обрисовываются взгляды и обычаи первобытнаго періода. Во-первыхъ, сумасшедшій платитъ полный выкупъ, или долженъ уйти изъ страны. Выкупъ вездѣ является замѣною убійства въ отмщеніе и вездѣ онъ указываетъ на прежнее господство послѣдняго; а удаленіе изъ страны было сначала фактическимъ, а потомъ и юридическимъ средствомъ избѣжать убійства въ отмщеніе. Во-вторыхъ, если сумасшедшій совершитъ отцеубійство или другое родственное убійство, то онъ лишается мира, какъ и человѣкъ въ здравомъ умѣ; лишеніе же мира состояло въ томъ, что всякій могъ безнаказанно убить того, у котораго онъ отнятъ; слѣдовательно и во время ограниченія мести всякій могъ убить сумасшедшаго отцеубійцу. Въ-третьихъ, способы доказательства сумасшествія явно указываютъ, что даже законодатель, стремившійся ограничить месть, признавалъ собственно не сумасшествіе само въ себѣ, какъ основаніе невмѣненія, а только нѣкоторые грубые виды его, и притомъ болѣе съ цѣлію полицейскою. Если только тотъ признавался сумасшедшимъ, кто прежде покушался на свою жизнь или наносилъ себѣ рану, или кто вырывался изъ оковъ, то очевидно, что изъ 100 сумасшедшихъ развѣ одинъ могъ удовлетворить этимъ условіямъ и быть признаннымъ за сумасшедшаго, остальные же 99, будучи признаваемы дѣйствовавшими въ здравомъ умѣ, могли быть лишены жизни въ отмщеніе. Болѣе поздніе законодательные памятники представляютъ примѣры наказанія вообще сумасшедшихъ, и въ частности наказанія ихъ смертію. Озенбрюгенъ, въ своемъ сочиненіи Das Alamanische Strafrecht im deutschen Mittelalter, 1860 г. с. 132, собралъ изъ швейцарской уголовной практики XVI стол. нѣсколько характерныхъ примѣровъ наказанія сумасшедшихъ. Такъ въ отчетахъ базельскаго совѣта сохранились слѣдующія поста-

новленія: »изгнать дураковъ«, »безумную женщину и безумнаго мужчину сторожить, связать и выпроводить«, »отъ безумнаго Іогансена, высѣченнаго прутьями, палачу 5 шил.« Въ Шафгаузенѣ въ 1540 г. одна безумная женщина изгнана была изъ города, и палачъ, изгоняя ее въ виду города, хлесталъ ее прутьями и приговаривалъ: *если возвратишься, то будешь утоплена.* Въ 1663 г. въ Парижѣ казненъ былъ Симонъ Моренъ, изъ Нормандіи, сумасшедшій 1). Спустя нѣсколько лѣтъ (въ 1670 г.) во Франціи же былъ сожженъ содержавшійся прежде какъ безумный, нѣкто Францискъ Сарацинъ изъ Каэны, за то, что вошедши въ церковь Богоматери съ шпагою въ рукахъ, опрокинулъ чашу и дароносицу, разбросалъ освященныя жертвы и ударилъ мечомъ служившаго обѣдню священника. Le Chatelet de Paris. Ch. Desmaze. 1863 г. с. 361—362. Ели говоритъ о старомъ французскомъ законодательствѣ такъ: »Относительно преступленій оскорбленія величества не было ни давности, ни извиненія, даже по причинѣ безумія«. Théorie du Code penal, II. с. 68. Такимъ образомъ, сумасшедшій, обвиненный въ оскорбленіи величества, былъ приговариваемъ во Франціи къ четвертованію, какъ и человѣкъ въ здравомъ умѣ. Въ Англіи по закону Генриха VIII сумасшествіе не избавляло отъ смертной казни обвиненнаго въ государственной измѣнѣ. Blackstone, Commentaire sur le code crim. d'Anglett. trad. Coyer, I. 26. Еще юристы XVIII в. считали необходимымъ казнить смертію преступника, впавшаго въ сумасшествіе послѣ осужденія: такъ Руссо-де-ла-Комбъ не считалъ необходимымъ вообще откладывать исполненіе казни надъ впавшимъ въ безуміе, »потому что главная цѣль экзекуціи есть примѣръ«; а Вугланъ ограничивалъ, по той же причинѣ, эту необходимость только государственными преступниками. Helie, Théorie, I. 559. По Литовскому Статуту 1588 г. сумасшествіе не из-

1) Демазъ говоритъ: »Изслѣдованіе умственнаго состоянія осужденныхъ, которое въ наше время занимаетъ столь важное мѣсто въ медицинѣ и въ судебныхъ преніяхъ, мало обращало на себя вниманіе, и трибуналы осуждали такихъ больныхъ, для которыхъ очевидно было мѣсто только въ госпиталѣ; такъ въ 1663 г. былъ казненъ Симонъ Моренъ и многіе другіе, засвидѣтельствовать наслѣдственное или нажитое безуміе которыхъ взяли на себя трудъ сами реэстры парламента и Шателе. Эти акты, вмѣсто того чтобы встрѣтить строгую критику, вызвали знаки одобренія; ихъ превозносили въ пышныхъ выраженіяхъ, какъ подвиги высокаго благочестія и святой справедливости. Les penalités anciennes. 1866 г. с. 204—205.

бавляло отъ смертной казни за совершеніе убійства во второй разъ. Разд. XI. арт. 35. Въ 1671 г. въ Россіи повѣшенъ былъ *умоверженный* самозванецъ Ивашка Клеопинъ. Архивъ ист. и практ. свѣдѣній, Калачова. 1860—61 г. I-я кн. сообщ. С. М. Соловьевъ 1). Въ 1697 г. въ Кунгурѣ былъ приговоренъ къ наказанію кнутомъ Оска Мойсеевъ за то, что въ дракѣ ударилъ Савву Чамовскаго, который отъ этого удара чрезъ нѣсколько дней умеръ; наказаніе было исполнено, не смотря на то, что при изслѣдованіи было обнаружено, что Оска Мойсеевъ »*въ неумѣ, и глухъ и нѣмъ и дураковатъ*«. Лѣтописи занятій Археограф. Коммиссіи. 1862—1863 г. вып. 2-й с. 15—22 2). Въ 1722 г. въ Москвѣ на болотѣ казненъ былъ Левинъ, бывшій офицеръ, а потомъ монахъ, обвиненный въ оскорбленіи величества; онъ во многихъ мѣстахъ, въ церкви и на базарѣ, проповѣдывалъ о пришествіи антихриста и называлъ антихристомъ Петра 1-го. Раскольничія дѣла XVIII в. изд. Есиповымъ с. 7—51. Сумасшествіе Левина не подлежитъ нималѣй-

1) Попъ Кузьма и 18 человѣкъ дворянъ сказали: »Ивашка Клеопинъ умоверженъ, а умовредство ему учинилось тому шестой годъ, началъ забываться въ то время какъ былъ на государевой службѣ: отца своего роднаго и мать хотѣлъ саблею сѣчь, брата своего посѣкъ саблею, иконы божественныя и книги словами безчестилъ, за людьми гонялся, въ лѣсъ бѣгивалъ и говаривалъ, что онъ прощалъ и исцѣлялъ многихъ людей, надъ матерью своею хотѣлъ насильственное дѣло учинить, самъ ножемъ рѣзался, въ огонь бросался и платье на себѣ дралъ. Отецъ самозванца показалъ почти то же.

2) Почтенный нашъ юристъ Муловъ дѣлаетъ слѣдующій комментарій къ этому случаю нашей старинной уголовной практики. »Изъ дѣла видно, что глухонѣмота и дураковатость Мойсеева не имѣли никакого значенія въ глазахъ судей его для смягченія наказанія: онъ былъ пытанъ такъ же, какъ и другія лица, участвовавшія въ дракѣ, дано ему столько же ударовъ на пыткѣ, наконецъ онъ былъ наказанъ наравнѣ съ другими, и въ самомъ рѣшеніи воеводскомъ даже и намёку нѣтъ на исключительное положеніе его, сравнительно съ другими осужденными«. Авторъ далѣе задаетъ себѣ вопросъ: имѣли-ли въ старинномъ нашемъ судопроизводствѣ вліяніе на вмѣняемость вины и мѣру наказанія слѣпота, глухонѣмота и душевныя болѣзни?—и рѣшаетъ его въ отрицательномъ смыслѣ. Если 10 или 15 лѣтъ тому назадъ, говоритъ онъ, одна уголовная палата приговорила къ торговой казни *совершеннаго идіота, который во время самаго наказанія не сознавалъ даже, что надъ нимъ творится, убѣждалъ палача оставить свои шутки, а шутки эти заключались ни болѣе, ни менѣе, какъ въ тяжкихъ ударахъ кнута или плети,* то чего можно было ожидать отъ нашихъ старинныхъ судей 200—300 лѣтъ тому назадъ. с. 19—20.

шему сомнѣнію; самое преступленіе его, за которое онъ былъ казненъ, свидѣтельствуетъ о явномъ его умопомѣшательствѣ; ни одинъ изъ современныхъ, понимающихъ дѣло, судей не задумался-бы отправить его въ сумасшедшій домъ, а не на плаху 1). Но самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что не только первобытные народы, но и народы, достигшіе извѣстной степени образованія, казнятъ сумасшедшихъ, служатъ казни волшебниковъ и колдуновъ. Въ настоящее время научными изслѣдованіями доказано, что люди, которыхъ въ такомъ большомъ количествѣ сожигали на кострахъ, за связь съ діаволомъ, были главнымъ образомъ только существа страдающія нервными болѣзнями, разстройствомъ умственныхъ способностей, или такими болѣзнями, какъ каталепсія; Alfred Maury, La magie et l'astrologie dans l'antiquité et au moyen age. 1864 г. см. въ особенности 2-ю ч. гл. 2. с. 258—342 2). Но если европейскій человѣкъ уже выросъ до такой сте-

1) Вотъ факты, сохранившіеся въ дѣлѣ, которые вполнѣ доказываютъ разстройство умственныхъ способностей Левина: »Въ 1715 г. Левинъ (служившій тогда еще въ военной службѣ) скучалъ, грустилъ и наконецъ впалъ въ меланхолію; къ этому присоединились припадки падучей болѣзни«. »Въ 1719 г. припадки падучей болѣзни усилились такъ у Левина, что его (какъ военнаго) отослали въ Петербургъ для освидѣтельствованія«. Разстроенное воображеніе, усиливающіеся припадки падучей болѣзни, которою онъ началъ страдать еще въ 1712 г., восторженныя выходки противъ Петра, дѣлали Левина (уже вышедшаго въ отставку) нестерпимымъ, тяжелымъ членомъ семейства. Въ своихъ болѣзненныхъ припадкахъ онъ кричалъ: *нынѣ послѣднее время.... пойду на муку и замучусь.* Проходилъ припадокъ, онъ не помнилъ, что говорилъ«. с. 19. »Родные видѣли разстройство его ума, усилившіеся припадки падучей«. с. 20 и 22. »Левинъ говоритъ: мнѣ все это Богъ всенародно велѣлъ сказать; 12 марта 1722 г. во время богослуженія съ Левинымъ случилась падучая. Послѣ припадка онъ говорилъ, что царь антихристъ«.

2) Еще недавно бывшее въ обычаѣ обращеніе съ сумасшедшими ясно указываетъ на то, что прежде ихъ считали существами вмѣняемыми и подлежащими наказанію. Эскироль такъ описываетъ въ десятыхъ годахъ состояніе во Франціи заведеній для умалишенныхъ: Въ 33-хъ заведеніяхъ сумасшедшіе жили съ зараженными венерическими болѣзнями, нищими и преступниками; въ 8 департаментахъ тюрьма была единственнымъ мѣстомъ содержанія помѣшанныхъ; въ 12 *они* занимали смирительные домы вмѣстѣ съ нищими и бродягами. Пища, совершенно одинаковая съ заключенными, состояла изъ хлѣба и воды, постель такая, что многіе могли завидовать цѣпной собакѣ при входѣ. Esquirol, Maladies ment. II. с. 134. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія

пени, чтобы не считать одержимаго галюцинаціями за одержимаго бѣсомъ и не казнить его, если далѣе завѣдомо сумасшедшихъ, по общему правилу, посылаютъ не на эшафотъ, а въ больницу; тѣмъ не менѣе и въ наше время казни сумасшедшихъ довольно обыкновенное явленіе, вслѣдствіе того, что врачи и судьи игнорируютъ новѣйшія открытія психіатріи. См. Ducpetiaux, Миттермайеръ, Смертная казнь. с. 97 —98. Allgemeine Deutsche Strafrechts-Zeitung, 1865 г. XI Heft. с. 558—559.

VI. Кровавая месть не встрѣчаетъ инаго противодѣйствія кромѣ противодѣйствія отдѣльнаго лица, семьи или рода. Кромѣ того, первобытный человѣкъ, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, или лучше сказать по отсутствію ихъ, не въ состояніи отличать важнаго отъ неважнаго; онъ лишенъ способности взвѣшивать, соображать и спеціализировать явленія,—словомъ, способности сколько-нибудь объективно судить о предметахъ. Руководствуясь наконецъ животными инстинктами, онъ цѣнитъ слишкомъ высоко интересы свои, и слишкомъ низко своего оскорбителя 1). Изъ такого общественнаго положенія и

почти-что всѣ врачи душевныхъ болѣзней смотрѣли на эти болѣзни какъ на уклоненіе болѣе или менѣе отъ нравственнаго принципа и признавали сумасшедшихъ способными къ нравственному вмѣненію. Современные вопросы психіатріи Мейера. Заграничный Вѣстн. 1865 г. III. 8. Признавая сумасшедшихъ въ такомъ смыслѣ вмѣняемыми, старая психіатрія обращалась съ ними какъ съ каторжниками или даже хуже. Докторъ Мейеръ замѣчаетъ, что отцы нынѣшней психіатріи приняли прежнюю, какъ *наслѣдіе тюремнаго заключенія или еще худшаго обращенія*, и что способами этой послѣдней (способы эти слѣд.: цѣпи, кожаная куртка, усмирительный стулъ, усмирительная кровать съ ремнями для груди, рукъ и ногъ, усмирительный шкафъ и столбъ, противъ крика и воя автенритова маска и груша, изъ коихъ первая дѣйствовала почти какъ смоляной пластырь, наклеенный на ротъ, послѣдняя какъ затычка внутри его, Гугнерова машина или колесо, запертый въ которое сумасшедшій долженъ былъ стоять совершенно тихо, иначе колесо приходило въ движеніе и заставляло его ходить, рекомендованные Гейнротомъ пощечины и розги, палки и раскаленное желѣзо) было истерзано самымъ изобрѣтательнымъ образомъ сравнительно большее противъ настоящаго количество сумасшедшихъ того времени. ib.

1) Еще Лингуе (Linguet), писатель XVIII стол., замѣтилъ это явленіе: »Смерть, говоритъ онъ, была единственнымъ наказаніемъ, которое они (т. е. первобытные законы) опредѣляли. Они не допускали различія между преступленіемъ и слабостію. Всѣ маловажныя нарушенія выплачивались жизнію«. Théorie des Lois civiles. liv. I. c. 255. »Мщеніе, говоритъ Дюбуа, предоставляло оскорбителя капризу оскорбленнаго,

частнаго состоянія первобытнаго человѣка и происходитъ то, что онъ съ полною необузданностію предается мщенію, и вслѣдствіе того убиваетъ своего обидчика въ отмщеніе какъ за великое преступленіе, такъ и за мелкую вину. Подтвержденіе этого мы находимъ не только въ законахъ и обычаяхъ первобытныхъ народовъ, но и тѣхъ, которые вышли изъ дикаго состоянія и достигли большей или меньшей степени общественности и умственнаго развитія; законы этихъ послѣднихъ народовъ, съ одной стороны, въ видѣ обломковъ указываютъ на то, что у первобытнаго человѣка существовало въ видѣ общаго правила, съ другой—представляютъ доказательство унаслѣдованія многихъ законовъ и обычаевъ высшею относительно степенью цивилизаціи отъ низшей. — По законамъ Моисея смертною казнію карали какъ отступниковъ отъ отечественной религіи, такъ и тѣхъ, которые работали въ субботу, или которые употребляли кислое въ дни опресноковъ. Исходъ, XII. 15. XXXI. 15. 16 1). Левитъ. XXIII. 30. Смертная казнь постигала и намѣреннаго убійцу и того хозяина, который, имѣя бодливаго вола, не держитъ его въ-заперти, когда между тѣмъ волъ, вслѣдствіе такой его небрежности, убьетъ человѣка. Исходъ, XXI. 29 2). Дѣти за неповиновеніе родителямъ и за брань подлежали смертной казни, наравнѣ съ убійцами. Второз. XXI. 19—21 3). Левитъ, XX. 9. Въ Египтѣ какъ убійцу наказывали того, который не подалъ помощи убиваемому человѣку. Pastoret, Hist. 268. Въ Перу у инковъ легкія ошибки и самыя великія преступленія были наказываемы однимъ и тѣмъ же наказаніемъ—смертною казнію, что отчасти до сихъ поръ существуетъ въ Японіи. Tissot, I. У западныхъ народовъ древнихъ и новыхъ мы находимъ то же самое. По законамъ

какъ бы легка ни была нанесенная обида«. Hist. mod. c. 46. »Вслѣдствіе упорной гордости, гов. Вильда, которая вела къ высокомѣрному презрѣнію правъ другаго, германецъ маловажную обиду считалъ тяжкимъ оскорбленіемъ«. с. 185.

1) Всякъ, иже сотворитъ дѣло въ седмый день, смертію да умретъ.

2) Аще же волъ бодливъ будетъ прежде вчерашняго и третьяго дни, и возвѣстятъ господину его и не заключатъ его, и убіетъ мужа или жену: волъ каменіемъ да побіется, *и господинъ его купно да умретъ.*

3) И да рекутъ къ мужемъ града своего: сынъ нашъ сей непокорливъ есть и грубитель и не слушаетъ рѣчи нашея, сластолюбствуя пьянствуетъ: и да побіютъ его мужи града того каменіемъ.... Человѣкъ, иже аще зло речетъ отцу своему или матери своей, смертію да умретъ.

Дракона, къ смертнымъ преступленіямъ причислены или маловажные проступки, или дѣйствія, хотя достойныя порицанія, но тѣмъ не менѣе не подлежащія уголовному наказанію, какъ-то: убійство рабочаго вола, воровство плодовъ, праздность. Tissot, I. 17. Pastoret, Hist. VI. 159. По исторической рутинѣ мы привыкли считать Дракона такимъ законодателемъ, которому по жестокости не было равнаго, и именемъ его клеймимъ всякое варварство и всякое безчеловѣчіе 1). Такой взглядъ должно отнесть къ историческимъ предразсудкамъ. Каждый народъ переживаетъ эпоху драконовскихъ законовъ, и каждый имѣетъ свое драконовское законодательство. Въ лицѣ Дракона, позднѣйшія поколѣнія, у которыхъ народились новые нравы и новые потребности, только съ своей точки зрѣнія заклеймили старое время, созданное прежними поколѣніями. Въ Греціи, не у однихъ аѳинянъ были драконовскіе законы: въ Ѳессаліи казнили смертію и убійцу человѣка и убійцу аиста; Pastoret, Hist. VIII. 426; у эолянъ женщину бросали съ вершины горы, если она осмѣливалась присутствовать при Олимпійскихъ играхъ; ib. 191; Александръ Македонскій, котораго имя любятъ выставлять синонимомъ всего благороднаго, держался обычаевъ, превосходившихъ жестокостію даже драконовскіе законы; такъ онъ распялъ на крестѣ врача, который не могъ спасти ему друга Гефестіона, послалъ на смерть тѣхъ людей, которые отказались кланяться ему, какъ Богу; ib. 505. 512. Та же несоразмѣрность между преступленіями и наказаніями замѣтна и въ законахъ римскихъ историческаго времени. Дѣти за дурное обращеніе съ родителями подлежали смертной казни. Rein, 31. Цицеронъ говоритъ: наши XII таблицъ опредѣляютъ смертную казнь за малыя вещи, считая ее необходимою въ слѣдующемъ случаѣ: если кто пропоетъ или сочинитъ стихъ, чтобы нанесть безчестье и позоръ другому. Cicer. de Rep. IV. c. 10. Luden, Abh. I. 67. Казнь за этотъ поступокъ состояла въ засѣченіи. Loiseleur, 59. На основаніи тѣхъ же законовъ, римляне приносили въ жертву въ видѣ повѣшенія того, который ночью, воровскимъ образомъ, потопчетъ или скоситъ полевые плоды. Luden, I. c. 69; см. о наказаніи

1) Пасторе говоритъ: »когда Дракона спросили, зачѣмъ онъ подвелъ подъ одну наказуемость столь различныя по своей важности дѣйствія, то онъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что нѣтъ наказанія выше смертной казни. Варварство, достойное вѣчнаго проклятія потомства. Потому-то, спустя 25 вѣк. знаютъ и повторяютъ, что законы Дракона писаны кровію«. VI. 159—160.

смертною казнію за малыя вины также у Henriot, II. с. 106—109. Древнѣйшіе германскіе законы предоставляютъ право убійства въ отмщеніе за дѣйствія самой разнообразной важности: за убійство, тяжолыя и легкія раны, нападенія и даже за словесныя обиды. Du Boys, Hist moder. I. 48. 50. »Если мужъ будетъ раненъ, говоритъ исландскій законъ, то онъ можетъ мстить за себя до ближайшаго альтинга; ранившій считается лишеннымъ мира (Friedloser, т. е. такимъ человѣкомъ, котораго можно безнаказанно убить) какъ для него самого (т. е. раненаго) такъ и для всѣхъ тѣхъ, которые его сопровождали въ томъ мѣстѣ, гдѣ случилось происшествіе«. »Мужъ можетъ мстить за ударъ, говоритъ тотъ же законъ, пока остаются слѣды отъ него, также и его сопровождавшіе; могутъ равнымъ образомъ мстить за него и другіе люди до ближайшаго дня, хотя бы ихъ и не было при этомъ«. »Такой ударъ, который не оставляетъ никакихъ слѣдовъ, долженъ быть отмщенъ только на мѣстѣ, но не далѣе«. »За три срамныя слова 1) можно мстить смертію, говоритъ тотъ же законъ; и такъ долго позволяется убійство, какъ за безчестіе женщины; за то и другое до ближайшаго алтинга. Кто произнесъ эти слова, считается лишеннымъ мира для всѣхъ тѣхъ, которые были на мѣстѣ въ свитѣ того, противъ котораго сказаны слова«. »Если кто, говоритъ тотъ же законъ, причинитъ вредъ скотинѣ другаго, тотъ считается на мѣстѣ лишеннымъ мира«. Wilda, с. 160—161. Нужно замѣтить, что эти законы явились уже въ періодъ ограниченія мести; въ нихъ установляются сроки, въ теченіи которыхъ можно мстить; но тѣмъ не менѣе въ нихъ также остается законнымъ убійство въ отмщеніе за словесныя обиды. По шведскимъ законамъ убивали камнями того, который срывалъ колосья съ чужаго поля, и не могъ выкупить этой вины. Du Boys, Hist. du droit crim. moder. II. 619. Подобно тому какъ римляне за оскорбительный стихъ казнили смертію, скандинавы карали убійствомъ въ отмщеніе всякаго, который назоветъ свободнаго человѣка именемъ раба. Стрингольмъ, 79. Отъ первобытнаго человѣка, убивавшаго обидчика за легкую словесную обиду, перешелъ подобный обычай и къ позднѣйшимъ временамъ: въ западной Европѣ до половины XVIII ст. казнили смертію за пасквили. Tissot, I. 306. Desmaze, Penalités anciennes, с. 99. Остатки

1) Слова эти слѣдующія: ragan—презренный трусъ, strothin—проституированный, sorthin—содомитъ. Du Boys, Hist. mod. I. 49.

этой способности воспламеняться маловажными обидами до убійства своего обидчика можно видѣть до сихъ поръ еще въ часто встрѣчающихся дуэляхъ, которыя издавна уже причислены къ преступленіямъ. До позднѣйшаго времени вся Европа держалась унаслѣдованнаго отъ первобытнаго времени обычая казнить смертію за самыя мелкія нарушенія собственности, какъ-то: домашнее воровство, въ Англіи за порчу дерева или животнаго. Только унаслѣдованіемъ отъ первобытныхъ временъ можно объяснить то неразличеніе важныхъ отъ неважныхъ дѣйствій и ту одинаковую наказуемость ихъ посредствомъ смертной казни, которыхъ, относительно преступленій государственныхъ, противъ религіи и нравственности, Европа держалась до конца XVIII и даже до начала нынѣшняго столѣтія.

Итакъ, періодъ мести есть время самаго большаго употребленія смертной казни, потому что первобытный человѣкъ не имѣетъ никакого понятія о вмѣненіи въ нынѣ господствующемъ смыслѣ; слѣдовательно постепенное развитіе понятія о юридическомъ вмѣненіи сопровождалось и постепеннымъ уменьшеніемъ смертныхъ казней.

Первымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ уменьшенія смертныхъ казней является экономическій интересъ, который убѣждаетъ человѣка, что для него выгоднѣе получить за свою обиду и за свои потери матеріальное вознагражденіе, чѣмъ успокоить себя убійствомъ врага. Это первое, хотя и очень слабое, торжество разсудка надъ чувственностію, и вмѣстѣ съ тѣмъ первое, если можно такъ выразиться, стихійное уменьшеніе смертныхъ казней.

Но какъ убійство въ отмщеніе, такъ и матеріальное вознагражденіе сначала служатъ наказаніемъ за всякое преступленіе безъ различія, какъ за намѣренное, такъ неосторожное и случайное. Для водворенія этого различія необходима была нейтральная сила, стоящая внѣ отношеній обиженнаго къ обидчику: такою силою является общегосударственная власть. Она, по свойственной каждому возникающему учрежденію слабости, сначала робко выполняетъ эту задачу, даже сама отчасти подчиняется господствовавшимъ обычаямъ безразличія. Такъ она сначала не прямо запрещаетъ убивать за ненамѣренное и случайное преступленіе, а только доставляетъ средства лицамъ, имѣвшимъ несчастіе нечаянно совершить вредное дѣйствіе, скрыться отъ мести: отсюда берутъ свое

происхожденіе убѣжища, которыя существовали у всѣхъ народовъ въ большемъ или меньшемъ объемѣ; отсюда происходитъ средневѣковое учрежденіе, извѣстное подъ именемъ Божія мира (La paix et la treve de Dieu), по которому въ извѣстные дни запрещена была месть. Далѣе, сама общегосударственная власть первоначально, вмѣсто наказанія, беретъ выкупъ за намѣренныя преступленія, и не препятствуетъ мстителю убивать виновнаго въ подобномъ преступленіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она ясно уже различаетъ эти преступленія отъ ненамѣренныхъ и случайныхъ, тѣмъ, что отказывается отъ матеріальнаго вознагражденія за послѣдняго рода преступленія и начинаетъ рѣшительнѣе запрещать за подобныя дѣйствія убійство въ отмщеніе. Съ этого же времени она мало-по-малу начинаетъ ограждать отъ мести невинную семью, малолѣтныхъ и сумасшедшихъ, совершающихъ преступленія въ состояніи невмѣненія. Борьба общегосударственной власти съ безразличіемъ, за созданіе вмѣненія, идетъ слишкомъ долго и слишкомъ медленно: но каждый ея успѣхъ на этомъ пути сопровождался уменьшеніемъ смертныхъ казней. Такимъ образомъ появленіе и развитіе общегосударственной власти есть начало и продолженіе втораго періода уменьшенія казни.

Такъ какъ общегосударственная власть слагалась изъ тѣхъ же народныхъ элементовъ, которые проникнуты были безразличіемъ, то вслѣдствіе этого она сама не могла долго освободиться вполнѣ отъ этого безразличія: поэтому слѣды его видны въ позднѣйшихъ даже законахъ, нормирующихъ государственныя и религіозныя преступленія, а также въ долго сохранявшемся неумѣніи различать маловажныя проступки отъ тяжкихъ преступленій Исчезновеніе безразличія въ этихъ пунктахъ и третій періодъ уменьшенія смертныхъ казней совершаются уже въ позднѣйшее время, вмѣстѣ съ развитіемъ народовъ и видоизмѣненіемъ общегосударственной власти; — анализъ этихъ явленій составитъ предметъ одной изъ слѣдующихъ главъ.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Значеніе рабства въ исторіи смертной казни. Расточительность смертныхъ казней для рабовъ, по законамъ Индіи, Греціи, Рима во все время его существованія, по законамъ варварскихъ народовъ и временъ феодальныхъ. Рабство не остается безъ вліянія на количество смертныхъ казней въ Россіи; особенность въ этомъ отношеніи законовъ литовско-польскихъ и остзейскихъ. Общіе выводы о вліяніи рабства на смертную казнь. Значеніе абсолютной власти отца семьи въ исторіи смертной казни. Миттермайеръ и другіе криминалисты ошибочно относятъ къ отмѣнѣ смертной казни существованіе въ Римѣ весьма узкой привиллегіи изъятія римскихъ гражданъ отъ смертной казни. Значеніе привиллегій въ исторіи смертной казни. Привиллегіи по законамъ: Индіи, Греціи, Рима, Франціи и Англіи. Историческіе слѣды привиллегій въ Россіи, въ особенности по законамъ литовско-польскимъ. Общіе выводы о вліяніи привиллегій на увеличеніе смертныхъ казней.

Въ то время, когда не существуетъ никакой власти выше семейной и родовой, начальнику семьи или рода принадлежитъ абсолютная власть надъ своими домочадцами, къ которымъ принадлежатъ: рабы, дѣти и жены. Глава семьи или рода имѣетъ въ это время право предавать ихъ смертной казни по своему усмотрѣнію. Съ другой стороны онъ, какъ обладатель верховной власти и какъ лицо могущественное въ экономическомъ отношеніи, пользуется возможностію полной ненаказанности.—Такимъ образомъ въ этой главѣ будетъ изложено значеніе рабства, отцовской власти и привиллегій въ исторіи смертной казни.

1. Господинъ первобытныхъ временъ, имѣя надъ своимъ рабомъ полную власть, примѣняетъ ее безконтрольно и безгранично, потому же самому какъ всякій обиженный въ періодъ мести. Оттого существованіе рабства всегда было дѣятельнымъ факторомъ смертныхъ казней. Это значеніе оно имѣетъ не только въ періодъ безгосударственный,

но въ большей или меньшей степени сохраняетъ его еще долго по образованія общегосударственной власти, въ періодъ начаточнаго развитія и вмѣстѣ слабости. Исторія уголовнаго права всѣхъ на —какъ-то: древнихъ, восточныхъ и западныхъ, многочисленных дикихъ нынѣ живущихъ на земномъ шарѣ племенъ, новыхъ е скихъ въ первобытный періодъ ихъ существованія и еще долг —представляетъ обильныя доказательства того, что господинъ ному своему усмотрѣнію, имѣлъ право казнить смертію сво что, пользуясь этимъ правомъ, онъ примѣнялъ его въ широк мѣрахъ, и что періодъ рабства есть время крайне богатое на ныя казни.

Въ Индіи классъ рабовъ составляли судры. По позднѣйшимъ и скимъ законамъ, каковы законы Ману, положеніе ихъ крайне необе печенное во всѣхъ отношеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ дѣлѣ уголо ной юстиціи. Ихъ считали созданными изъ низшаго матеріала; о раждаются для рабства и на службу браминамъ. Les livres sacrés l'Orient, par Pauthier. Lois de Manou. VIII. 413. 414. Въ іерархіи с ществъ они поставлены послѣ слона и лошади. XII 40—43. Судра н можетъ имѣть поземельной собственности. Неволинъ, Собраніе сочи II. с. 83. Браминъ имѣетъ право завладѣть и тѣмъ, что пріобрѣл судра 1). Судра есть существо нечистое, пораженное божественно справедливостію; при рожденіи онъ получаетъ имя, выражающее о вращеніе и зависимость. L. M. II. 31. Браминамъ запрещается да прикосновеніе къ нимъ. Такой низкій уровень ихъ правъ былъ тѣсн связанъ съ ихъ беззащитностію предъ судомъ. Въ этомъ отношені господинъ былъ неограниченный владыка не только имущества, раба судры, его семьи, но и самой его жизни; онъ могъ убить его, как собственное животное. Юридическій Журн. Салманова, № 4. с. 127 Судра подлежалъ смертной казни или за дѣйствія непреступныя, ил за маловажныя вины, или и за болѣе важныя, но за которыя преступ-ники изъ другихъ классовъ не были казнимы смертію. Судра, вступав-шій въ бракъ съ лицомъ высшей касты, дѣлалъ преступленіе, достой-

1) L. M. VIII. 417. Браминъ, въ случаѣ нужды, можетъ съ пол-нымъ спокойствіемъ совѣсти присвоить имущество судры, своего раба, за что царь не долженъ его наказывать; ибо рабъ не имѣетъ ничего, что бы принадлежало ему въ собственность и не владѣетъ ни чѣмъ, чѣмъ бы господинъ его не могъ завладѣть.

вое смертной казни. Laurent, L'Orient. c. 89. Отъ всякаго преступленія индіецъ могъ очиститься: но чьи губы осквернены прикосновеніемъ судры, кто зараженъ его дыханіемъ и имѣетъ отъ него дѣтей, законъ не опредѣлилъ искупленія. ib. L. M. III. 16. 17. За изученіе Ведъ судра наказывается смертною казнію. Code des lois des ...k, ou Reglement des Brames. 1778 г. с. 297. За то, что судра ...ляетъ частыя безпокойства, брамину, то же самое наказаніе. ib. ...зрбленіе, нанесенное судрою члену высшей касты, постигала его ...ая казнь: ему отрѣзывали языкъ. Если судра оскорбитъ Dwidja (...назывались члены особой корпораціи, носившіе священный поясъ), ...вонзаютъ въ уста раскаленный кинжалъ въ десятъ дюймовъ. Если ...ъ осмѣлится высказать свое мнѣніе брамину относительно его обязанностей, ему вливаютъ кипящее масло въ ротъ и уши. Если судра отказываетъ въ пособіи брамину, онъ совершаетъ преступленіе, равное самому убійству. Юридич. Журн. № 4. с. 130. За скотоложство судра наказывается смертною казнію, тогда какъ браминъ и киштарій платятъ только штрафъ, первый—меньшій, второй—большій. Codes des lois des Gentoux. c. 281. То же самое и за прелюбодѣяніе, съ нѣкоторымъ увеличеніемъ строгости для средняго класса. За похищеніе самаго судры назначается штрафъ; тогда какъ за воровство лошади, коровы, пшеницы или цвѣтовъ брамина или за третье покушеніе на воровство, какое бы то ни было,—смертная казнь или отсѣченіе руки ib. 149 — 150. Такимъ образомъ, тогда какъ самыя тяжкія преступленія въ отношеніи судры считаются маловажными винами, наоборотъ, дѣйствія непреступныя или маловажныя вины со стороны судры причислены къ тяжкимъ смертнымъ преступленіямъ. — Еще ниже цѣнилась жизнь паріевъ, или отверженныхъ кастъ, которые въ полномъ смыслѣ были лишены правъ и исключены изъ общества. Ману повелѣваетъ, чтобы паріи жили внѣ деревень, чтобы они носили одежду мертвыхъ, чтобы ни одинъ человѣкъ, вѣрный своимъ обязанностямъ, не имѣлъ съ ними общенія. L. M. X. 51—53. Законодатель индійскій не предвидитъ преступленій, которыя можно-бы совершить надъ паріемъ; Laurent, l'Orient. c. 91; убить парія—значитъ не болѣе, какъ убить насѣкомое. Неволинъ, II. с. 99. На Малабарѣ есть одно племя (Puliahs), которое живетъ въ лѣсахъ подобно дикимъ звѣрямъ; всякій правовѣрный, встрѣтившій Puliahs'a, можетъ безнаказанно его убить. Laurent, ib. 91. Очевидно, что при такомъ положеніи паріевъ, нѣтъ такого ничтож-

наго дѣйствія въ уголовномъ отношеніи, которое бы не давало повода для казней надъ этими отверженцами; даже болѣе: населеніе Индіи стоитъ въ отношеніи къ нимъ, какъ древній побѣдитель къ побѣжденному, гдѣ еще не замѣтно слѣдовъ какого бы то ни было уголовнаго права, а господствуетъ одна сила. Это есть то состояніе, которое предшествовало юстиціи временъ рабства.

Индійское законодательство, представляющее образцы расточительности смертной казни въ примѣненіи къ рабамъ, есть только типъ, или одно изъ многихъ восточныхъ законодательствъ, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ и сопровождавшихся тѣми же результатами. Если существовала между ними разница, она состояла въ мелочахъ или зависѣла отъ времени, ведущемъ за собою улучшенія. Но въ общемъ у всѣхъ восточныхъ народовъ болѣе или менѣе господствовали одни начала и были одни и тѣ же результаты.

Западно-европейскіе народы, какъ древніе такъ и новые, долго держались тѣхъ же обычаевъ въ отношеніи рабовъ. Изъ древнихъ наибольшею типичностію въ этомъ отношеніи отличаются законодательства спартанское и въ особенности римское.

Въ Греціи, даже въ періодъ образованія государственной власти, рабы находились въ абсолютной зависимости отъ своего господина, который могъ казнить ихъ смертію, по своему усмотрѣнію, по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Du Boys, Hist. droit crim. anc. c. 121. Въ Спартѣ казнили смертію илота за то, что онъ гордо держалъ голову. Loiseleur, c. 45. Сама государственная власть въ Спартѣ не только не защищала раба отъ произвола и мстительности господина, но даже поощряла убійство илотовъ. Эфоры, при вступленіи въ должность, часто объявляли криптію, т. е. тайную войну противъ класса рабовъ. По объявленіи криптіи, молодые спартіаты разсѣевались по деревнямъ, и, скрываясь днемъ въ лѣсу, ночью убивали тѣхъ изъ илотовъ, которыхъ они встрѣчали на пути. Спартіатъ отвѣчалъ предъ закономъ, если онъ не лишалъ, посредствомъ изуродованія, силы тѣхъ рабовъ, которые родились съ крѣпкимъ организмомъ. Ѳукидидъ разсказываетъ, что для веденія одной войны, спартіаты вынуждены были вооружить большое количество илотовъ. По окончаніи войны, они отдѣлили наиболѣе отличившихся въ сраженіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что хотятъ увѣнчать ихъ цвѣтами и дать имъ свободу, и когда успѣли отдѣлить отъ своихъ товарищей и размѣстить ихъ поодиночкѣ, тогда предали ихъ смерти.

Du Boys, Hist. du droit crim. anc. c. 121. Положеніе раба, въ другихъ государствахъ Греціи, было нѣсколько лучше: но и здѣсь рабъ не пользовался правами гражданства. Рабъ не могъ быть свидѣтелемъ противъ своего господина; рабъ подвергался пыткѣ за себя, за господина и постороннихъ, въ дѣлахъ уголовныхъ и даже гражданскихъ. Loiseleur, c. 38. Du Boys, Hist. dr. crim. an. 118. Вслѣдствіе такого безправія вообще, онъ лишенъ былъ общихъ правъ, какими пользовались граждане, въ дѣлахъ уголовныхъ; при производствѣ суда онъ не пользовался общегражданскими гарантіями, ограждающими отъ пристрастія и легкомыслія судей; при опредѣленіи наказаній, для него существовала другая мѣрка, чѣмъ для полноправныхъ гражданъ; за что послѣднихъ штрафовали, или заключали въ тюрьму, или по большей мѣрѣ принуждали оставить отечество, за то рабовъ казнили смертію. Pastoret, Lois pen. II. 3. 48. Loiseleur, 35—37. Даже Платонъ, лучшій и просвѣщеннѣйшій изъ грековъ, жившій притомъ во времена смягченія рабства, не допускалъ равенства наказаній для рабовъ и гражданъ и доказывалъ, что ненамѣренное убійство рабомъ свободнаго равняется по важности намѣренному убійству раба. Pastoret. Мнѣніе Платона показываетъ, какъ низко цѣнилась жизнь раба и какое маловажное преступленіе составляло отнятіе у него жизни.

Ни одинъ народъ древности не выразилъ такъ послѣдовательно и такъ рѣзко въ практикѣ ученіе о томъ, что рабъ есть вещь (res non persona), принадлежащая господину, и что послѣдній имѣетъ надъ нимъ абсолютное право жизни и смерти, какъ выразили это римляне. Римляне серьёзно смотрѣли на рабовъ не такъ какъ на людей, или по крайней мѣрѣ не какъ на людей одной и той же породы. Du Boys, Hist. anc. 455 Loiseleur, 86. Законъ Аквилія говоритъ: тотъ, кто безъ права убьетъ чужаго раба или чужое домашнее животное, платитъ самую высшую цѣну, по которой подобныя животныя или рабы шли въ теченіи года. ib. 84. Такимъ образомъ, рабъ былъ поставленъ закономъ на одну линію съ животнымъ. См. Geib. Geschichte des röm. crim. proces. 83—84. Лично противъ раба не существовало преступленій: все зло, которое ему дѣлали, господинъ принималъ на свой счетъ; за раны же, не имѣвшія важныхъ послѣдствій, господинъ не имѣлъ даже права преслѣдовать другаго. Какъ надъ собственною вещію, господинъ имѣлъ абсолютное право на его трудъ, на пожитки, какія онъ умѣлъ собрать, на то наслѣдство, которое было ему завѣщано, на его жену, на его

дѣтей, наконецъ на его собственную личность, которую онъ могъ, по своему усмотрѣнію, подвергнуть всевозможнымъ мученіямъ, и самой смертной казни. In servum nihil non domino licere (господину все дозволительно дѣлать съ рабомъ)—такъ говорили римляне. Loiseleur, с. 85. И дѣйствительно, бытъ рабовъ и обращеніе съ ними были ужасны.

Такое безправіе римскихъ рабовъ и такое низкое положеніе ихъ въ обществѣ естественно влекло за собою низкую оцѣнку ихъ личности въ дѣлахъ уголовныхъ. Смертная казнь была главнымъ для нихъ наказаніемъ. За что лица другихъ классовъ отплачиваются или штрафомъ, или тюрьмой, за то рабы идутъ на крестъ. Для гражданъ существуетъ общегосударственная власть, которая въ большей или меньшей мѣрѣ ихъ защищаетъ отъ произвола, и которая вноситъ оцѣнку ихъ дѣйствій, болѣе или менѣе по ихъ существу. Для римскихъ рабовъ выше общегосударственной власти стоитъ власть господина, съ абсолютнымъ правомъ жизни и смерти,—и сама общегосударственная власть въ отношеніи къ рабамъ проникнута духомъ ихъ господъ, ободряя ихъ или и сама расточая смертныя казни. Вслѣдствіе этого римское рабство является неизсѣкаемымъ источникомъ смертныхъ казней. Рабовъ въ Римѣ предавали этому наказанію за самыя незначительныя ошибки и пустыя вины. Одинъ господинъ убилъ своего раба за то, что онъ пронзилъ кабана копьемъ, благороднымъ оружіемъ, употребленіе котораго было запрещено рабамъ. Loiseleur, 91. У Ведія Полліона ужиналъ императоръ Августъ. Въ это время одинъ изъ его слугъ разбилъ хрустальную вазу. Полліонъ велѣлъ этого раба схватить и бросить въ садокъ на съѣденіе муренамъ. Такая жестокость возбудила негодованіе Августа, который велѣлъ побить всѣ вазы жестокаго господина и наполнить ими садокъ, въ которомъ мурены питались человѣческимъ мясомъ. Du Boys, Hist. an. 455. Но гнѣвъ Августа не былъ выраженіемъ инаго взгляда на рабовъ, а только вспышкою властелина, которому не понравилось такое безчиніе Полліона въ его присутствіи. Чрезъ нѣсколько дней самъ Августъ велѣлъ распять на крестѣ раба, который уворовалъ, сжарилъ и съѣлъ ученую перепелку императорскихъ палатъ. Горацій говоритъ, верхъ безумія распинать на крестѣ раба, который не сдѣлалъ другаго преступленія, кромѣ того, что слизалъ остатки съ блюда, которое онъ принималъ со стола, или обмокнулъ палецъ въ соусъ. Henrot, 108. Ювеналъ въ одной изъ своихъ сатиръ изображаетъ госпожу, которая безъ всякой причины, по одному капризу, потому что ей такъ

хочется, распинаетъ на крестѣ раба. Loiseleur, 86. Раба подвергали пыткѣ не только тогда, когда его подозрѣвали самого въ преступленіи, но и когда его допрашивали въ качествѣ свидѣтеля, по поводу преступленія его товарищей, или его господина, и даже для того, чтобы получить показаніе въ чисто денежномъ дѣлѣ. Въ случаѣ убійства господина, всѣ его рабы, жившіе съ нимъ подъ одною крышею, подвергались пыткѣ, и за тѣмъ ихъ предавали смертной казни, не отличая виновныхъ отъ невинныхъ. Случалось, что пытали даже рабовъ отца, убитаго. Эти казни сначала совершались по обычаю; въ послѣдствіи они утверждены были сенатскимъ постановленіемъ Силанія, которое относятъ къ временамъ Августа. Римляне думали, что рабъ, съ которымъ они обходятся гораздо хуже, чѣмъ съ животнымъ, жизнь котораго они цѣнятъ ни во что, все-таки обязанъ обнаруживать неограниченную преданность своему господину, защищать его жизнь съ пожертвованіемъ своей. Поэтому, если господина убивали, то предполагалось, что рабъ могъ подать ему помощь, но не хотѣлъ подать,—за что подлежалъ смертной казни. Подъ конецъ республики Римъ наполнился огромнымъ количествомъ рабовъ; нѣкоторые римляне имѣли въ своихъ домахъ до 10 т. рабовъ. Римская юриспруденція понятіе господской крыши распространила на всѣ тѣ мѣста, до которыхъ достигалъ звукъ голоса. Такимъ образомъ законъ объ отвѣтственности рабовъ за неоказаніе (случайное, вслѣдствіе-ли равнодушія, или намѣренное—это все равно) помощи подвергалъ цѣлыя тысячи опасности попасть на крестъ. Исторія записала одинъ случай смертной казни всѣхъ рабовъ, жившихъ подъ одною кровлею. При Неронѣ, префектъ Рима Пардоній Секундусъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ слугъ, который совершилъ это преступленіе изъ ревности. За это преступленіе вмѣстѣ съ нимъ были приговорены къ смертной казни 400 другихъ слугъ, жившихъ во время убійства въ домѣ префекта. Но когда ихъ хотѣли вести на казнь, народъ взволновался и заставилъ опасаться бунта, что побудило сенатъ войти въ разсмотрѣніе этого дѣла. Рѣшеніе готово было склониться на сторону невинныхъ, но юристъ Кассій своею рѣчью содѣйствовалъ противоположному приговору. Онъ указывалъ на общую опасность, на необходимость примѣра, говорилъ, что жизнь всѣхъ патриціевъ въ рукахъ массы рабовъ, притекающихъ со всѣхъ концовъ міра, отличныхъ отъ своихъ господъ по нравамъ, языку и религіи. »Только ужасомъ, говорилъ онъ, можно

подавить это опасное сборище. Говорятъ—невинные погибнуть. Но когда армія обращается въ бѣгство, когда ее подвергають децимаціи (т. е. казнятъ 10-го), жребій падаеть и на храбрыхъ. Есть нѣчто несправедливое во всякомъ великомъ примѣрѣ; но общественная польза вознаграждаетъ зло индивидуальное«. Сенатъ опредѣлилъ казнить всѣхъ 400 рабовъ. Loiseleur, 93. Роды смертныхъ казней для рабовъ были самые разнообразные: каждый господинъ, по собственному вдохновенію, старался изобрѣсть что-нибудь новое. Рабовъ вѣшали, низвергали съ возвышеннаго мѣста, заставляли умирать съ голоду, вводили имъ въ вены ядъ, сожигали медленнымъ огнемъ, разрывали тѣло на куски, и потомъ оставляли ихъ живыми согнивать, бросали на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, чаще же заставляли, для увеселенія публики, сражаться съ дикими звѣрями или убивать другъ друга. Но самый употребительный родъ смертной казни для рабовъ былъ распятіе на крестѣ. Для исполненія этой казни существовалъ особый палачъ, жившій внѣ Рима, и особое мѣсто казни — sestertium. Оно находилось внѣ города и представляло видъ лѣса: такъ были кресты тамъ многочисленны. Рабовъ распинали живыми на крестѣ, чтобы они медленно умирали отъ голода и страданій — и служили бы пищей коршунамъ. Ib. 90—91.

Римская имперія—ужась и бичь аристократовъ—хотѣла установить законы, охраняющіе жизнь раба отъ произвола господина. Въ самомъ обществѣ возникаетъ мысль, что рабъ есть такой же человѣкъ, какъ и господинъ. Распространенію этой истины особенно способствовали послѣдователи стоической философіи. Еще Цицеронъ, подобно Аристотелю, считалъ рабовъ чѣмъ-то среднимъ между животнымъ и человѣкомъ. Но уже Сенека (умер. при Неронѣ) возстаетъ противъ этого предразсудка и рѣшительно утверждаетъ, что существуетъ родство между всѣми людьми. Это убѣжденіе скоро проникаетъ и въ юриспруденцію втораго и третьяго вѣка. Такъ юристъ Флорентинъ считаетъ рабство учрежденіемъ противнымъ природѣ, а Ульпіанъ говоритъ, что по естественному праву всѣ люди равны. Du Boys, Hist. an 642—43. Самъ законодатель испыталъ вліяніе этихъ взглядовъ. Клавдій объявилъ свободными тѣхъ больныхъ рабовъ, которые были оставлены господиномъ на островѣ Эскулапѣ. При Неронѣ, закономъ Петронія запрещено было принуждать рабовъ сражаться со звѣрьми. Адріанъ пытался

изъять рабовъ изъ уголовной подсудности ихъ господъ, и подчинить ихъ общимъ судамъ, которые бы одни могли присуждать къ смертной казни. Антонинъ сдѣлалъ еще болѣе: онъ издалъ законъ, по которому господинъ, убившій своего раба, считается человѣкоубійцей. Loiseleur, 96—97. При Нервѣ сенатскимъ постановленіемъ объявлено было, что тотъ, который сдѣлаетъ своего раба евнухомъ, или по капризу, или изъ корысти, долженъ быть наказанъ. Наказаніе это, по другому сенатскому постановленію, изданному при Траянѣ, состояло въ конфискаціи половины имѣнія. Позже Адріанъ установилъ то же самое наказаніе для тѣхъ, которые приказывали раздавливать ядра рабамъ. Несчастныхъ, которые оставались въ живыхъ, послѣ этой ужасной операціи, было очень много въ Римѣ. Но всѣ эти законы, клонившіеся къ огражденію личности рабовъ, не принесли особенной пользы, потому что они оставались въ бездѣйствіи. Пока рабство существуетъ въ главныхъ своихъ чертахъ, законодатель безсиленъ охранить личность раба отъ произвола господина; онъ поставленъ въ дилемму: или защищать раба отъ произвола господина и подрывать въ существѣ основы рабства, или смотрѣть сквозь пальцы на жестокости господина, не желая подвергать опасности существованіе самаго института. Римскій законодатель былъ въ такомъ положеніи, что онъ не хотѣлъ и не могъ желать уничтоженія рабства. Начиная съ Августа, всѣ императоры издаютъ рядъ законовъ, ограничивающихъ отпущеніе на волю; къ этимъ императорамъ принадлежали, между прочимъ, два лучшіе изъ нихъ—Антонины. Du Boys, Hist. an. 643. Императоръ Гальба, при вступленіи на престолъ, обѣщалъ общее освобожденіе рабовъ, но впослѣдствіи отступилъ предъ опасностями этого дѣла; ibid. 643. Такимъ образомъ римскій законодатель изъ упомянутой дилеммы выбралъ второе положеніе: издавши нѣкоторые законы въ огражденіе раба, но не имѣя намѣренія вовсе уничтожить рабство, онъ долженъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на ежедневное нарушеніе этихъ законовъ. И дѣйствительно, самые важнѣйшіе законы, которыми Адріанъ и Антонинъ отняли право жизни и смерти у господъ надъ рабами, скоро впали въ забвеніе. Du Boys, Histoire du droit crim. anc. 646—647.

Римско-христіанскій законодатель оставилъ рабство на тѣхъ же самыхъ основахъ, на которыхъ оно лежало при предшествующихъ императорахъ. Константинъ и слѣдующіе за нимъ императоры для

смягченія рабства ничего другаго не сдѣлали, кромѣ того, что подтвердили законы языческихъ императоровъ. Такъ, Константинъ возобновилъ слѣдующіе давно-забытые законы: Антонина о томъ, что господинъ не имѣетъ права убивать своего раба; Du Boys, Hist. du droit crim. des peupl. anc. c. 641; законъ Клавдія о томъ, что больной рабъ, оставленный своимъ господиномъ, считается свободнымъ. ib. 648. Но и эти законы имѣли ту же участь, какъ имъ предшествующіе; они впали въ забвеніе по тѣмъ же причинамъ; въ разлагавшемся римскомъ обществѣ господствовала полная дезорганизація, и общественная власть не имѣла ни силъ, ни средствъ охранять новаго духа законы. Самъ римско-христіанскій законодатель смотрѣлъ на рабовъ совершенно прежними глазами: рабы — это подлыя существа, отстой общества, говорилъ онъ. Laurent, Le Christianisme, c. 326. Даже тотъ законъ, которымъ Константинъ отнялъ у господина право жизни и смерти надъ рабомъ, и который, повидимому, служитъ доказательствомъ сильнаго ограниченія власти господина, заключаетъ въ себѣ собственное ничтожество. Законъ этотъ считаетъ убійцей того господина, который преднамѣренно убьетъ своего раба, ударомъ палки, или камня, который нанесетъ смертельную рану, или повѣситъ своего раба, или броситъ его на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, или обожжетъ его тѣло горящими углями. Но этотъ же самый законъ дозволяетъ господину употреблять противъ рабовъ розги, плети, тюрьму, цѣпи, и если рабъ умретъ не въ минуту наказанія отъ ранъ, нанесенныхъ господиномъ, то сей послѣдній не наказывается. ib. 323 — 326. Очевидно, что этою послѣднею частію закона подрывается въ основаніи и первая часть, отнимающая у господина право жизни и смерти надъ рабомъ. Очевидно, что такая расшатанная власть, какъ власть римскихъ императоровъ, съ своими привыкшими къ произволу чиновниками, не въ состояніи была слѣдить за тѣмъ, чтобы отличить: совершено-ли убійство съ разу и непосредственно, или оно было только слѣдствіемъ жестокаго наказанія. Очевидно, что прикрываясь дозволеніемъ наказывать рабовъ до такой степени, что наказанный могъ умереть, лишьбы не подъ плетьми, римскіе господа спокойно продолжали пользоваться властію карать смертью рабовъ. Законъ этотъ тождественъ съ закономъ, существовавшимъ у евреевъ: если господинъ, по закону еврейскому, ударитъ раба палкою, а сей умретъ чрезъ одинъ,

или два дня, то господинъ не судится и не наказывается 1).—Такимъ образомъ, изложенные законы не принесли существенной пользы рабамъ. Всѣ ужасы языческаго рабства повторялись при христіанскихъ императорахъ. Рынки рабовъ оставались по прежнему, и по старинѣ снабжаемы были посредствомъ войны 2). Съ рабами и теперь обращались съ языческою жестокостію. По прежнему, рабы изъ военноплѣнныхъ доставляютъ римлянамъ удовольствіе, сражаясь въ циркѣ. Laurent, Le Christ. c. 326—330 3). До конца римской имперіи оставались въ дѣйствіи законы, на основаніи которыхъ рабъ наказывался смертною казнію за многія преступленія, за которыя преступники изъ высшихъ классовъ подлежали наказаніямъ болѣе мягкимъ. Только существованіемъ рабства можно объяснить и ту вообще расточительность императорскихъ законовъ на смертныя казни, которая можетъ быть поставлена на ряду съ расточительностію феодальныхъ временъ, когда рабство было въ полной силѣ.

Во время нашествія варваровъ, большая часть жителей деревень въ Римской имперіи находилась въ рабствѣ. Завоеваніе не произвело никакой перемѣны въ ихъ положеніи. Къ концу эпохи карловинговъ, классъ свободныхъ людей почти исчезъ; даже исчезли колонаты и литы,

1) Исходъ. XXI. 20. Аще кто ударитъ раба своего, или рабу свою жезломъ, и умретъ отъ руки его, *судомъ да отмстится:* ст. 21. Аще же переживетъ день единъ или два, да не отмстится; *сребро бо его есть.* Такимъ образомъ, законъ еврейскій, столь щедрый на смертную казнь, даже за намѣренное убійство раба не опредѣляетъ смертную казнь, которою онъ караетъ даже хозяина вола, забодавшаго человѣка, а говоритъ только: судомъ да отмстится.

2) Одна побѣда при Стиликонѣ доставила на рынки 200 т. рабовъ. Вслѣдствіе того рынки переполнились и продажная цѣна раба упала съ 25 до одного золотаго. Laurent, Christ. 326.

3) Панегиристы императоровъ первыхъ христіанскихъ, говоритъ Лоранъ, хвалятъ ихъ за то, что они давали народу зрѣлища изъ германцевъ, убивающихъ другъ друга. Симмахъ благодаритъ Θеодосія Великаго за то, что онъ прислалъ плѣнныхъ сарматовъ, для удовольствія марсова народа, т. е. римлянъ. Саксонскіе плѣнники удушили себя, чтобы избѣгнуть стыда сражаться въ амфитеатрѣ; по этому поводу благородный римлянинъ сожалѣетъ, что ихъ смерть уменьшила удовольствіе его согражданъ. Даже въ царствованіе Гонорія, который, говорятъ, уничтожилъ гладіаторскія игры на западѣ, Сильвіанъ рѣзко упрекаетъ христіанъ, которые спѣшили на зрѣлища, гдѣ смерть людей была вкушаема, какъ величайшее удовольствіе. С. 328, 329 и 330.

и вся масса народа образовала классъ рабовъ и близко къ нимъ подходящій классъ maint-mort. Laurent, Les Barbares et le Christianisme, c. 211—213. Bonnemere, Histoire des paysans, 1856 г. I. 33—35. Helie, I. 285. Такимъ образомъ, по объему, рабство варваровъ, завоевавшихъ западную Европу, не уступало рабству римскому.

Положеніе раба варварскихъ народовъ de jure и de facto не было лучше вышеизображеннаго положенія римскаго раба, и при томъ во всѣхъ отношеніяхъ: экономическомъ, общественномъ и уголовномъ. Варварскій рабъ былъ вещь; онъ составлялъ предметъ обыкновенной торговли. Schaeffner, Geschichte der Rechtsverfassung Frankreichs. I. 233. 333. Bonnemere, I. 37. Въ X вѣкѣ въ Европѣ вездѣ существовали рынки, гдѣ ежедневно продавались рабы. Du Boys, Histoire du droit crim. des peuples mod. III. c. 590. Рабъ не могъ имѣть никакой собственности. Онъ былъ даже лишенъ семейныхъ правъ. Bonnemere, I. 31. 53. 55—56. 62. Стрингольмъ, государств. устройство Скандинавіи. с. 77—78. Онъ не могъ ни быть свидѣтелемъ противъ свободнаго, ни носить оружіе, ни подлежать общественному суду. Понятно, что при такомъ экономическомъ и общественномъ положеніи, варварскій рабъ не могъ пользоваться защитою въ уголовной юстиціи. Въ Скандинавіи о всякомъ, кто обращалъ другаго въ рабство, говорили: онъ отнимаетъ у него личный миръ и безопасность. Стрингольмъ, 78. Господинъ имѣлъ полное право убить его за самую малую погрѣшность. Schaeffner, I. 233—234. Laurent, Les Barbares et le Cathol. c. 224. Bonnemere, I. 31. 38. Du Boys, III. 584. 592. 596. Стрингольмъ, 77.

Почти общераспространенное мнѣніе, что феодальное рабство—не похоже на рабство римское. Главное различіе между ними находятъ въ томъ, что первое было мягче втораго. Это мнѣніе основано болѣе на формѣ, чѣмъ на содержаніи явленій. На самомъ же дѣлѣ рабство феодальное отъ десятаго до четырнадцатаго столѣтія, по своему существу, совершенно похоже на рабство римское. Феодальный сеньоръ владѣлъ рабомъ, въ котораго былъ превращенъ почти каждый западноевропейскій поселянинъ, съ конца X и по конецъ XIII в., на правѣ собственности, онъ продавалъ его съ землею и безъ земли, дарилъ, замѣнивалъ; онъ пользовался правомъ собственности по отношенію къ его имуществу и его семьѣ. Существенная между ними разница заключается только въ ихъ исторической судьбѣ: тогда какъ римскому рабству историческія обстоятельства воспрепятствовали развиться въ

свободное состояніе, при всѣхъ богатыхъ задаткахъ къ тому; феодальное рабство, первоначально похожее на римское, мало-по-малу смягчалось, пока наконецъ не перешло въ свободу.

Безправный вездѣ, феодальный рабъ былъ безправенъ и въ дѣлахъ уголовныхъ: сеньоръ имѣлъ абсолютную власть надъ его жизнію. Ничѣмъ неограниченная воля господина была единственнымъ закономъ и мѣриломъ при опредѣленіи наказанія. »Между сеньоромъ и его крестьяниномъ нѣтъ другаго судьи, кромѣ Бога«, говорилъ Петръ де-Фонтенъ, законовѣдъ феодальной юриспруденціи. Указывая на крестьянина, другой благородный сеньоръ говорилъ: »это мой человѣкъ; я имѣю право его сварить, или сжарить«. Дѣйствительно, сеньоръ для подданнаго былъ закономъ, судьей и палачомъ. Всѣ тѣ смертныя казни за маловажныя преступленія, которымъ мы удивляемся въ средневѣковыхъ кодексахъ, отчасти остававшихся въ дѣйствіи до конца XVIII ст., обязаны своимъ происхожденіемъ единственно рабству: такъ, наприм., смертная казнь за домашнее воровство, какъ бы оно ничтожно ни было, за порчу деревъ, и т. п. Самымъ характеристическимъ закономъ временъ феодальныхъ, доказывающимъ какъ низко цѣнилась жизнь тогдашняго крестьянина, служатъ законы объ охотѣ, которые въ главныхъ чертахъ существовали у всѣхъ западно-европейскихъ народовъ. На основаніи этихъ законовъ, право охоты, это естественное право каждаго, составляло привилегію сеньоровъ. Сеньоръ могъ охотиться и заводить для этой цѣли загороди на земляхъ и въ лѣсахъ, состоявшихъ не только въ исключительномъ его пользованіи, но и въ пользованіи его крестьянъ. Между жъ тѣмъ, средневѣковой serf не имѣлъ права убивать дикаго звѣря и дикую птицу даже на земляхъ, состоявшихъ въ его собственномъ пользованіи, хотя бы это необходимо было для того, чтобы оградить свои поля отъ опустошенія, а себя и свое семейство отъ опасности. Такое, само въ себѣ исключительное право сеньоровъ, было охраняемо жестокими уголовными законами. Вильгельмъ завоеватель, разорившій, послѣ покоренія Англіи, шестьдесятъ приходовъ и прогнавшій жителей съ своей осѣдлости, для того только чтобы землю эту превратить въ мѣсто охоты, предписалъ выкалывать глаза всякому, кто убьетъ оленя, кабана или зайца. Подобнымъ же образомъ дѣйствовали и его преемники, а во Франціи короли, ихъ вассалы и даже малые дворяне. Bonnemere, II. 189—190. Въ послѣдствіи времени за нарушеніе дворянской привиллегіи объ охотѣ стали наказывать висѣ-

лицею. Прево Парижа издалъ въ 1368 г. ордонансъ, по которому опредѣлена была смертная казнь тѣмъ, которые ставятъ тенета для голубей. Такимъ образомъ, буквально, жизнь голубя, кролика, зайца, куропатки, цѣнилась неизмѣримо дороже жизни vilain'a. Виновныхъ въ нарушеніи законовъ охоты вѣшали, привязывали живыхъ къ оленямъ и подвергали другимъ видамъ смертной казни. Когда одинъ сеньоръ обвинялъ другаго, что сей убилъ его дичь, обвиняемый сеньоръ полушуточнымъ, полусерьознымъ образомъ извинялся тѣмъ, что онъ ошибся, принявши cerf (оленя) за serf (раба), и имѣя намѣреніе выстрѣлить въ послѣдняго, выстрѣлилъ въ перваго. Французскіе короли Людовикъ XI, Францискъ I, Генрихи I, III и IV, для охраненія дворянской привиллегіи на охоту, издавали новые и подтверждали старые законы, въ которыхъ опредѣлена была смертная казнь тѣмъ поселянамъ, которые осмѣлятся нарушить законы объ охотѣ. О Людовикѣ XI говорили, что въ его время было гораздо простительнѣе убить человѣка, чѣмъ оленя или кабана. Самъ Генрихъ IV, который считается едвали не другомъ народа, подписывалъ смертные приговоры крестьянамъ, виновнымъ въ томъ, что они защищали свои поля противъ дикихъ звѣрей, и запретилъ въ лѣсныхъ мѣстахъ держать собакъ не привязанными или безъ перебитыхъ ногъ, для того чтобы онѣ не распугивали дичи. Смертною казнію карали также и нарушеніе исключительныхъ правъ рыбной ловли. Въ 1494 г. одинъ мужикъ въ Верхней Швабіи поймалъ въ ручьѣ, принадлежавшемъ господину фонъ-Эпштейну, нѣсколько раковъ, за что и былъ казненъ этимъ господиномъ. Исторія крестьянской войны въ Германіи, Циммермана. Вып. I. с. 225. О наказаніи смертною казнію за нарушеніе правъ охоты у всѣхъ европейскихъ народовъ, имѣвшихъ феодальное устройство, см. Du Boys, Histoire du droit crimin. des peuples modernes. II. с. 620. Bonnemere, II. 189—204. Carmignani, Die Todesstrafe, с. 14. Filangieri, V. с. 205. Abegg, Versuch einer Geschichte der Strafgesetzg. und Strafrechts, с. 130. Brissot de Warville, II. с. 65—66 1). При обиліи поводовъ для преданія казни крестьянъ,

1) Согренъ, цитируемый Бонмеромъ въ своемъ Traité du droit de chasse с. 346, говоритъ: »Ордонансы нашихъ королей считали болѣе важнымъ убить звѣря, чѣмъ человѣка (т. е. здѣсь нужно разумѣть крестьянина): за человѣка легко было получить помилованіе, а охота на дикаго звѣря была непростительнымъ преступленіемъ. Въ Даніи было время, говоритъ другой писатель, цитируемый Бонмеромъ, когда

казни были очень часты и многочисленны. Каждый сеньоръ, для удовлетворенія этой потребности, имѣлъ у себя висѣлицу. Этотъ аттрибутъ сеньоральной власти былъ такъ важенъ и такъ существенъ, что число столбовъ и крючковъ на висѣлицахъ выражало ту или другую степень, которую феодалъ занималъ въ іерархической лѣстницѣ. Герцогъ, занимавшій первое мѣсто послѣ короля, могъ выстроить висѣлицу о шести столбахъ, или какъ онъ хотѣлъ. За нимъ слѣдовалъ баронъ, который могъ имѣть висѣлицу только о четырехъ столбахъ; шателенъ только о трехъ; простой сеньоръ de haut justice о двухъ столбахъ, со связями вверху и внизу, внутри и внѣ; господинъ со среднею юстиціею о двухъ столбахъ безъ связей изъ внѣ. Bonnemere, II.

Съ XIV столѣтія во Франціи усилившаяся королевская власть начала ограничивать вообще абсолютную власть сеньоровъ надъ крестьянами и въ частности ихъ произвольную юстицію. Съ этого времени возникаетъ для крестьянина право апеляціи въ королевскіе суды; опредѣляется кругъ дѣлъ, исключительно подсудныхъ королевскимъ судьямъ; сама, наконецъ, сеньоральная юстиція организуется въ нѣкоторую систему, такъ какъ сеньорамъ вмѣняется въ обязанность назначать дѣльныхъ и добросовѣстныхъ людей въ свои суды. Но всѣ эти мѣры, очень хорошія въ своей идеѣ, гораздо меньше ограждаютъ жизнь крестьянина въ уголовномъ отношеніи, чѣмъ можно было предполагать. Вслѣдствіе обычая продавать должности, судебныя мѣста доставались не тѣмъ, которые имѣли всѣ качества хорошихъ судей, а тѣмъ, которые или довольствовались наименьшимъ содержаніемъ, или сами больше платили, а это были голодные и жадные невѣжи, которые думали не о правосудіи, а о наживѣ. Оттого сеньоральные и часто королевскіе судьи (короли также раздавали судебныя должности въ видѣ награды своимъ любимцамъ, а сіи ихъ продавали) мало-чѣмъ отличались отъ сеньоровъ въ отправленіи правосудія; они сдѣлались новыми притѣснителями народа и творили то же самое въ формѣ суда, что̀ сеньоры совершали безъ формальностей, открытою силою. Человѣкъ неимущій, за самыя ничтожныя вины, по

можно было избѣгнуть наказанія за стрѣляніе дичи, доказавши, что стрѣлявшій имѣлъ намѣреніе убить раба. Нравы эти, говоритъ онъ, не были только у народовъ сѣверныхъ: они существовали въ нашихъ странахъ. II. 187. 192.

самымъ неосновательнымъ подозрѣніямъ, платился своимъ тѣломъ и своею жизнію; самый отъявленный преступникъ, убійца, грабитель, обладавшій средствами, легко отплачивался деньгами за свои тяжкія преступленія. Bonnemere, II. c. 170—172. Filangieri, III. 295. Въ это время во всей силѣ держалось еще въ уголовной юстиціи слѣдующее правило: »когда, по приговору суда, крестьянинъ (vilain) лишается жизни, или членовъ своего тѣла, тогда дворянинъ (noble) теряетъ только честь«. Pastoret, II. 3. c. 62. Жадность судьи часто была обстоятельствомъ, которое рѣшало участь беззащитнаго крестьянина, призваннаго къ уголовной отвѣтственности: судья произносилъ надъ нимъ смертный приговоръ, потому что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ осужденія на смерть была конфискація имущества осужденнаго въ пользу судей. Королевскіе судьи постоянно расширяли число судебныхъ дѣлъ, только имъ подсудныхъ (cas royaux). Но сеньоры вѣшали, четвертовали, бросали въ воду тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые приносили аппеляцію въ королевскіе суды. Bonnemere, II. c. 169—170. Притомъ же королевская юстиція развивалась оченъ медленно, и со многими колебаніями, сначала не столько путемъ закона, сколько путемъ практики; еще въ XVI стол. во Франціи количество уголовныхъ крестьянскихъ дѣлъ, подсудныхъ королевскимъ судьямъ, было очень не значительно. Въ Германіи въ XV стол. крестьяне были почти беззащитны противъ своихъ сеньоровъ, или потому, что они лишены были права жаловаться, вслѣдствіе несуществованія общихъ судовъ, или же оттого, что въ судахъ засѣдали судьи дворяне, пропитанные однимъ и тѣмъ же духомъ, какъ и тѣ сеньоры, противъ которыхъ жаловались. Циммерманъ, Вып. I. с. 127 — 128. Потому нельзя заподозрить въ несправедливости слѣдующія относящіяся къ 1654 г. слова Дюлора, автора исторіи Парижа; »Бѣдные жители деревень, безъ защиты, преданные ужасной тиранніи своихъ сеньоровъ, которыхъ жестокость въ деревняхъ равнялась низости при дворѣ, были безнаказанно оскорбляемы, ихъ грабили, сѣкли, изуродовали, убивали и повергали въ самую ужасную зависимость«. Bonnemere, II. 60. Правда, средневѣковой крестьянинъ, превращенный въ раба, начинаетъ съ XIV стол. мало-по-малу завоевывать себѣ свободу, переходя въ города и дѣлаясь горожаниномъ; правда, и въ самыхъ селахъ крестьянинъ иногда на службѣ же сеньора успѣвалъ пріобрѣтать такое экономическое и общественное положеніе, которое дѣлало его свободнымъ; правда наконецъ и то, что число этихъ лицъ съ каждымъ столѣтіемъ болѣе и

болѣе возрастало. Все это, въ связи съ укрѣпленіемъ общегосударственной власти, ограничивало и смягчало власть сеньоровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовало уменьшенію смертныхъ казней. Но не должно забывать, что до конца XVIII ст.—во Франціи до переворота 1789 г. —власть господина надъ крестьяниномъ имѣла еще большой объемъ; отношенія господина къ крестьянину и феодальный взглядъ на сего послѣдняго въ большей или меньшей степени оказываютъ вліяніе на уголовную юстицію. Такимъ образомъ, хотя съ XIV ст. сеньоръ теряетъ de jure неограниченное право жизни и смерти надъ своимъ рабомъ, но de facto зависимое положеніе крѣпостнаго и рѣшительное вліяніе сеньора на уголовную юстицію служатъ обильнымъ источникомъ смертныхъ казней. Взглядъ на крѣпостнаго, какъ на существо низшее, остается въ значительной степени тотъ же: пропитанные этимъ взглядомъ тогдашніе судьи, съ такою же или почти такою легкостію произносили смертные приговоры надъ крѣпостнымъ, съ какою легкостію сеньоръ казнилъ его по своему личному усмотрѣнію. Вполнѣ зависимое экономическое положеніе, тѣ чрезвычайно тяжелыя повинности, которыя крестьяне отбивали въ пользу сеньоровъ, служили неистощимымъ источникомъ столкновеній и тѣмъ или другимъ путемъ доводили крестьянина до смертныхъ казней. Самымъ полновѣснымъ доказательствомъ того, что перемѣна de jure положенія средневѣковаго раба, на положеніе освобожденнаго отъ политической зависимости своего господина батрака, мало способствовала de facto уменьшенію смертныхъ казней, служитъ исторія англійскаго крестьянина. Извѣстно, что въ Англіи съ XIV ст. крестьянинъ становится лично свободенъ; но экономическое и политическое положеніе его нисколько не улучшается. Обезземеленіе крестьянъ, совершившееся вмѣстѣ съ личнымъ ихъ освобожденіемъ, развило въ невѣроятной степени нищенство и бродяжество, изъ котораго англійское законодательство сдѣлало преступленіе, достойное смертной казни. Въ послѣдніе только 14 лѣтъ царствованія Генриха VIII было казнено, на основаніи изданнаго имъ закона, 70,000 англійскихъ бѣдняковъ за бродяжество съ повтореніемъ. 70 тысячъ при общемъ населеніи Англіи въ 4,500,000 душъ! Законы о смертной казни за бродяжество были возобновлены и смертная казнь примѣняема при Эдуардѣ VI Елизаветѣ и Аннѣ; Du Boys, Hist. mod. III. 642—51; въ царствованіе Елизаветы число казненныхъ англійскихъ бѣдняковъ простиралось до 19 т. Gizot, De la peine de mort. c. 21. Во Франціи во XVII стол.

нищенство было развито не менѣе какъ и въ Англіи, — и хотя оно преслѣдовалось не съ такою жестокостію, тѣмъ не менѣе и тамъ встрѣчаются законы, грозящіе смертною казнію бродягамъ. Такъ ордонансомъ 1581 г. предписано было бродягамъ оставить Парижъ и его предмѣстья въ теченіи 24-хъ часовъ, подъ угрозою въ первый разъ наказанія плетьми, во второй повѣшеніемъ и задушеніемъ. Tis. II. 198.

Въ Россіи въ древнее время положеніе раба было какъ и у всѣхъ народовъ. Рабъ составлялъ полную собственность господина, который распоряжался имъ по собственному усмотрѣнію, могъ продать его, подарить, замѣнять и наконецъ убить, не давая въ томъ никому отчета Если господинъ, при поимкѣ своего бѣглаго холопа, застрѣлитъ его, то, по словамъ Русской Правды, »себѣ ему обида, а не платити въ томъ ничего«. 45 ст. по списку кн. Оболенскаго, цитир. Богдановскимъ въ своемъ: Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ, с. 136. Русскій холопъ такъ же, какъ рабъ прочихъ народовъ, имѣлъ значеніе вещи, что̀ видно изъ того, что за убійство его платилась не вира, какъ за свободнаго, а только урокъ, какъ за порчу всякой другой вещи, и притомъ не родственникамъ убитаго, а его господину: »а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть, говорится въ Русской Правдѣ: но оже будетъ безъ вины убіенъ, то за холопъ урокъ платити или за робу«. Неограниченная власть господина надъ холопомъ продолжалась въ Россіи долго, до XVII или по крайней мѣрѣ до XVI столѣтія. Въ уставной Двинской грамотѣ Василія Дмитріевича 1348 г. говорится: если господинъ огрѣшится и убьетъ своего холопа, то не подлежитъ никакому взысканію или наказанію. Холопъ еще по Новгородской судной грамотѣ 1476 г. не могъ явиться обвинителемъ или свидѣтелемъ на судѣ противъ своего господина, что̀ дѣлало его совершенно беззащитнымъ предъ господиномъ. Богдановскій, с. 137. Въ XVI столѣтіи мы не встрѣчаемъ новыхъ законовъ, которыми бы была ограждена жизнь холопа отъ произвола его господина; Судебникъ объ этомъ молчитъ. Если же принять во вниманіе, что отношенія господина къ холопу установились путемъ обычая и до XVI ст. поддерживались такимъ же путемъ, то отсутствіе закона, ограждающаго жизнь холопа, нельзя не признать за признакъ того, что здѣсь не произошло перемѣны. Флетчеръ, писавшій о Россіи временъ Грознаго, говоритъ: »Если кто-нибудь убьетъ своего слугу, то ему за это ничего. Такъ какъ убитый человѣкъ — его холопъ, то онъ имѣетъ право даже на его жизнь«.

La Russie au XVI s. par. Fletcher, trad. Buze. c. 154. Карамзинъ, обозрѣвая состоянiе Россiи въ концѣ XVI в., говоритъ: »Убiйцу собственнаго холопа наказывали денежною пенею.« XI. 142. изд. Ейнерлинга. Опредѣлительно отнимается у господина право жизни и смерти надъ его холопомъ только въ XVII столѣтiи. Уложенiе запрещаетъ господину убивать человѣка, отданнаго ему во временное холопство, гл. X ст. 266, и хотя не ставитъ убiйства этого холопа наравнѣ съ обыкновеннымъ убiйствомъ, но тѣмъ не менѣе и не оставляетъ его вовсе безнаказаннымъ: »а за то смертное убiйство (кабальнаго холопа), что государь укажетъ«, гласитъ ст. 268 гл. X. Въ то время, когда на Руси начинаетъ уменьшаться развитiе холопства, возникаетъ новый видъ рабства, не столь полнаго, какъ холопство, по своимъ формамъ, но за то болѣе обширнаго по своему объему,—это крѣпостная зависимость. Законъ, правда, никогда не предоставлялъ помѣщику надъ своимъ крѣпостнымъ права жизни и смерти, какъ это было въ западной Европѣ. Но тѣмъ не менѣе развитiе крѣпостнаго права не могло остаться безъ влiянiя на количество и примѣняемость смертныхъ казней въ Россiи. Когда человѣкъ теряетъ права, тогда малоразвитое общество, умѣющее цѣнить человѣка только по его положенiю, не можетъ высоко цѣнить его жизнь, тогда члены правящаго общества, не имѣя права лишать крѣпостнаго человѣка жизни по личному своему усмотрѣнiю, все-таки будутъ мало цѣнить жизнь его въ качествѣ судей, при рѣшенiи его участи какъ преступника. А что самъ законъ цѣнилъ гораздо ниже жизнь крѣпостнаго—это не подлежитъ сомнѣнiю. По Уложенiю царя Алек. Мих., если помѣщикъ убьетъ своихъ людей или крестьянъ, пойманныхъ въ разбоѣ, то лишается помѣстья. гл. XXI. ст. 79. А если такое убiйство совершатъ чьи люди или крестьяне, безъ вѣдома своихъ бояръ, то то же уложенiе повелѣваетъ казнить ихъ смертiю безъ всякiя пощады. гл. XXI. ст. 80. За неоказанiе помощи госпожѣ, подвергшейся въ своемъ домѣ нападенiю со стороны постороннихъ лицъ, крѣпостные подлежатъ тяжкому наказанiю; ул. гл. XXII. ст. 16; въ новоуказныхъ статьяхъ подъ 93 ст., въ которой повторяется 16 ст. XXII гл. уложенiя, сдѣлана ссылка на градскiе, греческiе законы, по которымъ рабъ подлежитъ смерти, если онъ не обороняль своего господина; П. С. Зак. № 411. ст. 93. Такимъ образомъ это прибавленiе расширяетъ смыслъ уложенiя и даетъ поводъ толковать законъ такъ, что рабъ

долженъ быть казненъ смертію, хотя бы онъ содѣйствовалъ преступникамъ только бездѣйствіемъ, а не положительнымъ содѣйствіемъ.

Болѣе рѣзкимъ вліяніемъ на смертную казнь отозвалось рабство въ другихъ частяхъ Россіи, долго находившихся подъ властію другихъ государствъ, именно: въ югозападномъ краѣ, бывшемъ подъ властію Польши, и въ губерніяхъ остзейскихъ. Въ томъ и другомъ краѣ дворянство и духовенство пріобрѣли исключительныя, кастическія права, центральная же власть не имѣла силы; отсюда почти полное порабощеніе народа, отсюда происходитъ и удерживается до позднѣйшихъ временъ помѣщиками право жизни и смерти надъ ихъ крестьяниномъ.—Въ части Россіи, управлявшейся литовскимъ правомъ и въ частности Литовскимъ Статутомъ, крѣпостное рабство очень рано даетъ помѣщику право жизни и смерти надъ крестьяниномъ. Такъ изъ жалованной грамоты 1457 г. короля Казимира, данной литовскимъ, русскимъ и жмудскимъ обывателямъ, видно, что уже въ это время помѣщики пользовались правомъ суда надъ своими крестьянами. Это право повторяется какъ дѣйствующее въ Судебникѣ 1468 г., въ Статутѣ 1529 г. и Статутахъ слѣдующихъ редакцій. Власть помѣщичьяго суда была не ограничена, помѣщикъ имѣлъ право жизни и смерти надъ крестьяниномъ. Это право онъ уступалъ своему управляющему, арендатору и всякому другому лицу. Иванишевъ, О древней сельской общинѣ, с. 30. Леонтовичъ, Крестьяне юго-западной Россіи по литов. праву XV и XVI стол. с. 39. Такимъ образомъ, нерѣдко случалось, что право жизни и смерти надъ крестьянами попадало въ руки жаднаго жида-арендатора 1). И такое право оставалось за польскими помѣщиками до 1768 г. Volum. leg.

1) Въ книгѣ гродской луцкой 1573 г. лис. 166 записано: »Панъ Михаилъ Ласко отвѣчалъ: а велѣлъ я его (боярина Ефима) повѣсить, потому что онъ былъ въ то время моимъ крестьяниномъ. Въ той же книгѣ подъ 1593 г. лис. 798 записано: Панъ Золотолипскій, слыша такое добровольное признаніе слуги своего Миша, осудилъ его, предо мною вознымъ, на смертную казнь. Въ 1 т. памятниковъ Кіев. коммиссіи помѣщены три арендныхъ контракта объ отдачѣ князьями Пронскимъ и Сангушкомъ и паномъ Лысаковскимъ своихъ имѣній въ аренду жидамъ, съ правомъ наказывать крестьянъ даже смертію. Отд. 2. с. 66—112. Въ книгѣ гродской кіевской, № 5, подъ 1691 г. л. 216 записанъ смертный приговоръ, произнесенный управляющимъ пана Искритскаго, Орловскимъ надъ крестьяниномъ Ошомки.

VII. стр. 600.—Въ Курляндіи, Эстляндіи и Лифляндіи издавна нѣмецкіе рыцари присвоили себѣ право жизни и смерти надъ своимъ крестьяниномъ. Право это рыцари пріобрѣли вмѣстѣ съ завоеваніемъ страны и полнымъ порабощеніемъ населенія. Когда въ 1561 г. Курляндія и Семигаллія была присоединена къ Польшѣ, то за дворянствомъ были утверждены старыя привиллегіи и между прочимъ низшая и высшая власть надъ жизнію и смертію ихъ крѣпостныхъ. Юридич. Журн. 1861 г. № 7. Законодат. Курляндіи. Въ какомъ размѣрѣ пользовались нѣмецкіе рыцари своимъ правомъ суда, объ этомъ можно составить нѣкоторое понятіе изъ слѣдующаго заявленія лифляндскому ландтагу короля Стефана Баторія: »утѣсненія, коимъ подвергаются лифляндскіе крестьяне, столь жестоки и безчеловѣчны, что во всемъ мірѣ, даже между язычниками и варварами, не встрѣчается ничего подобнаго«. Чтенія Моск. общ. исторіи и древн. 1865 г. кн. 3. Движ. латышей и эстовъ въ Ливоніи. Право жизни и смерти надъ крестьяниномъ остается за остзейскими рыцарями и въ теченіи XVII стол. ib. 111. По присоединеніи Эстляндіи и Лифляндіи къ Россіи, за остзейскими помѣщиками были утверждены ихъ привиллегіи. Еще въ 1739 г. лифляндское дворянство защищало право полной и неограниченной собственности на крестьянина и его собственность: безграничное и ничѣмъ неопредѣленное право исправительныхъ наказаній надъ крестьянами, невмѣшательство мѣстныхъ властей, запрещеніе принимать какія бы то ни было отъ крестьянъ жалобы. ib. 113. Хотя продажа крестьянъ на площадяхъ и расторженіе браковъ были запрещены въ 1765 г.; но еще въ томъ же году дворянство требовало, чтобы дворянинъ, обвиняемый за злоупотребленіе власти, былъ преслѣдуемъ только за расточительность. ib. 114. То-есть, если помѣщикъ, пользуясь своимъ правомъ исправительнаго наказанія, убьетъ своего крестьянина, то онъ считается только расточителемъ, а не убійцей. Понятно, что безправіе остзейскаго крестьянина XVIII в. въ экономическомъ и общественномъ отношеніи, было причиною беззащитности ихъ жизни въ дѣлахъ уголовныхъ, особенно если взять во вниманіе, что судьи, опредѣлявшіе смертную казнь, были тѣ же рыцари, смотрѣвшіе на крестьянина, какъ на существо низшей породы, или даже какъ на имущество.

Итакъ, вся исторія рабства, существовавшаго у всѣхъ народовъ въ болѣе жестокихъ, или въ болѣе мягкихъ формахъ, доказываетъ, что оно имѣло громадное, если не преобладающее, вліяніе на смертную казнь, на объемъ и формы ея примѣненія. Въ этомъ отношеніи нельзя не различать двухъ видовъ рабства. Первый видъ, когда господинъ есть абсолютный, безконтрольный владыка своего раба, когда онъ его предаетъ смерти безъ всякаго суда и права по самому ничтожному поводу, за самыя легкія вины и просто по прихоти. Въ этотъ періодъ рабство бываетъ обильнѣйшимъ источникомъ смертныхъ казней: и если число рабовъ велико и пополняется безпрестанно, если аристократія и жрецы образуютъ плотную касту, количество смертныхъ казней доходитъ до громадныхъ размѣровъ, какъ было напримѣръ въ Римѣ и въ феодольный періодъ. Жизнь раба теряетъ цѣну въ глазахъ того господина, который имѣетъ ихъ нѣсколько тысячъ, или можетъ добыть ихъ войною; такой господинъ, при оцѣнкѣ вины своего слуги, всегда поставитъ потерю стеклянаго сосуда, выстрѣлъ въ кролика, или воровство въ нѣсколько копѣекъ, гораздо выше жизни своего раба, которую при подобномъ столкновеніи онъ не задумается отнять. Рабство во второй формѣ является тогда, когда сложившаяся извѣстнымъ образомъ общегосударственная власть укрѣпляется на столько, что начинаетъ ограничивать безконтрольную и абсолютную власть господина; этотъ видъ смягченнаго рабства называется несвободнымъ или крѣпостнымъ состояніемъ. Въ это время государство беретъ само на себя власть наказывать раба за тяжкія преступленія, оставляя господину право домашняго, дисциплинарнаго наказанія за меньшія вины и незначительные проступки. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этой перемѣной происходитъ уменьшеніе смертныхъ казней, особенно тѣхъ, которыя совершались по самымъ ничтожнымъ поводамъ, или по лютому праву господина. Нѣтъ сомнѣнія также, что въ исторіи развитія уголовнаго права чрезвычайно важна та перемѣна, которая передаетъ право жизни и смерти изъ рукъ одного въ руки какой бы то ни было власти, хотя бы дурно организованной. Но съ другой стороны, ошибочно думать, что съ этой перемѣной, жизнь раба получаетъ одинаковую цѣну съ жизнію полноправнаго гражданина, что рабство въ ограниченномъ видѣ не перестаетъ быть факторомъ смертныхъ казней. Исторія, напротивъ, доказываетъ, что сама общегосударственная власть, берущая въ свои руки уголовную юстицію надъ рабомъ, въ большей или меньшей

степени проникается тѣмъ взглядомъ на рабовъ, котораго держатся отдѣльно ихъ господа. И понятно почему: главные дѣятели въ управленіи и судахъ бываютъ тѣ же самые владѣльцы рабовъ, въ судебной и административной дѣятельности которыхъ отражается ихъ бытовый взглядъ на рабовъ. И въ это время рабъ существо все-таки полубезправное, не имѣющее ни свободы, ни самостоятельной собственности, ни даже независимой семьи; и въ это время онъ считается существомъ полупрезрѣннымъ, склоннымъ къ праздности и бунту, и въ это время между имъ и господиномъ происходятъ безпрестанныя столкновенія, поводъ для казней. Вотъ почему почти у всѣхъ народовъ, съ переходомъ рабства въ эту форму, въ законахъ остается поразительное неравенство наказаній для крѣпостнаго и свободнаго: за что̀ раба вѣшаютъ, за то свободнаго наказываютъ штрафомъ или вовсе не наказываютъ. Почти та же расточительность казней, почти такая же несоразмѣрность ихъ съ виною, остаются и теперь, съ тою только разницею, что судъ совершается по формѣ, и притомъ не самимъ господиномъ. Такъ 70,000 казней, совершенныхъ въ четырнадцать лѣтъ царствованія Генриха VIII, и 19000 въ царствованіе Елисаветы, ничѣмъ инымъ не могутъ быть объяснены, какъ только полурабскимъ, полубезправнымъ положеніемъ тогдашняго англійскаго крестьянина. Если же взять во вниманіе, что въ періодъ развитія рабства, численность гражданъ бываетъ несравненно меньше численности рабовъ, то можно безошибочно сказать, что все то, что̀ такъ ужасаетъ современнаго человѣка въ разсказахъ о казняхъ прежнихъ временъ, должно быть, главнымъ образомъ, приписано прямому или косвенному вліянію рабства во всевозможныхъ его видахъ, и что постепенное смягченіе и изчезновеніе его и развитіе иныхъ экономическихъ условій всегда сопровождается соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ смертныхъ казней.—Гизо, въ своемъ сочиненіи: De la peine de mort en matière politique, 1822 г., очень мѣтко характеризировалъ значеніе крѣпостнаго раба какъ вообще, такъ и предъ уголовнымъ закономъ: »Что такое былъ, говоритъ онъ, крестьянинъ или даже мелкій мѣщанинъ въ тѣ времена, когда съ ними обращались такъ, какъ я только что изобразилъ? Существо жалкое, вполнѣ неизвѣстное, крайне слабое, совершенно изолированное, какъ тотъ тощій кустарникъ, который прозябаетъ среди дубовой рощи. Его взоръ простирался гораздо далѣе, чѣмъ его существованіе; его смерть не имѣла большей важности, чѣмъ его жизнь; несчастія, которыя его постигали, были такъ же неизвѣстны

какъ и онъ самъ. Его судьба ни съ чѣмъ не была связана; ни одинъ человѣкъ, занимавшій какое бы то ни было мѣсто въ обществѣ, не считалъ себя задѣтымъ тѣми несчастіями и тѣми жестокостями, которыя могла терпѣть масса. Для нея существовали отдѣльные законы, особыя казни, которыхъ высшему классу нечего было бояться; осужденіе и казнь сотни возмутившихся крестьянъ могли совершиться, и за тридцать миль отъ того округа, въ которомъ они жили, никто не зналъ объ этомъ, и нація, дѣйствительно вліятельная и дѣйствующая, отъ этого не ощущала сама за себя никакого страха«. с. 24—25.

II. Въ періодъ семейной и родовой жизни народовъ право наказывать дѣтей и отчасти даже женъ за преступленія и проступки, совершаемые въ семейномъ кругу, принадлежитъ начальнику семьи. При отсутствіи общей, нейтральной власти, уголовное право отца семьи бываетъ безгранично; оно простирается даже до отнятія жизни въ видѣ наказанія. Конечно, это право отца надъ дѣтьми, умѣряемое естественнымъ чувствомъ привязанности, никогда не доходило въ своемъ примѣненіи до тѣхъ крайностей, въ которыхъ обнаружилась абсолютная власть господина надъ слугою. Тѣмъ не менѣе, какъ всякое безконтрольное и безграничное право, оно не могло не переходить мѣры, и такимъ образомъ господство этого права должно быть отнесено къ числу причинъ, отъ чего смертныя казни въ то время были очень часты. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ народы переживали эпоху безграничной власти отца семьи надъ своими дѣтьми. По крайней мѣрѣ, относительно большинства народовъ существуютъ положительныя историческія свидѣтельства. См. у евреевъ до Моисея, Pastoret, Hist. III. с. 45; у персовъ, ib. IX. 398.; у грековъ, ib. VI. 408. VIII. 212; Loiseleur, 44; у римлянъ, Geib, Geschichte des römischen Criminalprocesses, 84—86; у кельтовъ, Du Boys, Hist. du droit mod. I. 27; у германцевъ, Koenigswarter, Histoire de l'organisation de la famille en France. 138; Ozanam, Les Germains avant le christianisme, 114; у славянъ, Никольскій, О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, с. 268. Въ какой мѣрѣ право жизни и смерти, принадлежавшее отцу семьи, увеличивало итогъ смертныхъ казней, можно судить по двумъ его проявленіямъ въ жизни человѣчества: по истребленію новорожденныхъ дѣтей, которое было въ обычаѣ у всѣхъ народовъ, и по общеупотребительному нѣкогда обычаю принесенія въ жертву дѣтей. Ко-

нечно, умерщвленіе новорожденныхъ не есть прямое проявленіе уголовной юстиціи въ современномъ смыслѣ слова; но во всякомъ случаѣ оно свидѣтельствуетъ, какъ беззащитна и какъ малоцѣнна была жизнь дѣтей, въ глазахъ начальника семьи, и какія ничтожныя вины со стороны дѣтей могли подавать ему поводъ для того, чтобы покарать ихъ смертію, если онъ умерщвлялъ ихъ и безъ всякой съ ихъ стороны вины. 1) Но принесеніе въ жертву дѣтей гораздо въ большей степени служитъ проявленіемъ уголовной власти начальника семьи; принесеніе вообще человѣческихъ жертвъ главнымъ образомъ практиковалось съ цѣлью умилостивленія божества, разгнѣваннаго за разныя вины. Главными поставщиками для этого были: преступники, рабы, плѣнные и наконецъ дѣти. Разбитые одинъ разъ карѳагеняне принесли въ жертву 500 дѣтей, для искупленія сдѣланнаго ими обмана. Laurent, L'Orient, с. 501. Отъ періода верховной власти главы семьи, послѣ уже образованія общегосударственной власти, оставались обломки, которые даютъ ясное понятіе о томъ, какъ пользовался глава семьи своимъ правомъ наказывать дѣтей. Съ одной стороны, долго еще въ періодъ государственныхъ наказаній, незначительныя вины и даже дѣйствія, хотя вполнѣ въ нравственномъ отношеніи достойныя порицанія, но тѣмъ не менѣе не подлежащія тяжкой уголовной отвѣтственности, наказывались смертною казнію; такъ эта казнь постигала, по законамъ еврейскимъ и персидскимъ, за оскорбленіе родителей и неповиновеніе имъ; Левитъ XX. 9. Второз. XXI. 19—21; Tissot, II. с. 34; по законамъ египетскимъ, за неблагодарность; Pastoret, Les lois penales, II. 3. 50; по законамъ римскимъ, за оскорбленіе; Rein. с. 28; по русскимъ законамъ уже въ довольно позднее время, въ XVII ст. опредѣлено было за оскорбленіе родителей наказаніе кнутомъ, Улож. гл. XXII, ст. 4, которое, очевидно, только замѣнило, прежнее наказаніе, смертную казнь. Такимъ образомъ, хотя абсолютная власть начальника семьи подвергается ограниченію со стороны общегосударственной власти, но слѣды ея величества видны въ изложенныхъ законахъ, которые весьма схожи съ

1) Какъ необузданно дѣйствуетъ безграничная власть отца семьи у первобытныхъ народовъ, можно судить по слѣдующему факту: на островахъ Великаго океана погибаетъ вслѣдствіе этого $^2/_3$ новорожденныхъ. Человѣкъ на островахъ Великаго океана, Гартвига. Отеч. Записки. 1865 г. № 24.

законами о lese-majesté. Съ другой стороны, долго послѣ уничтоженія верховной родительской власти, тяжкія преступленія родителей противъ дѣтей или не наказываются или же за нихъ полагается наказаніе несоразмѣрно слабое. Такъ, по египетскимъ законамъ, отецъ-убійца въ наказаніе долженъ былъ только три дня и три ночи держать въ объятіяхъ трупъ убитаго имъ дитяти; Laurent, L'Orient. с. 441; по китайскимъ законамъ, дѣтоубійство остается безъ наказанія или влечетъ за собою недолговременное содержаніе подъ стражею; Отечест. Зап. 1866 г. 4 кн. с. 225; по русскимъ XVII ст. заключеніе на годъ въ тюрьму; улож. Алек. Мих. гл. XXII. ст. 3. Образованіе общегосударственной власти и усиленіе ея сопровождалось ограниченіемъ верховныхъ правъ отца семьи, пока наконецъ этимъ путемъ не была отнята у него вовсе уголовная власть надъ семьею. Такимъ образомъ, постепенное уничтоженіе этой власти должно признать также за одну изъ причинъ, способствовавшихъ уменьшенію числа смертныхъ казней.

III. Миттермайеръ въ своемъ трактатѣ о смертной казни высказалъ слѣдующее общее положеніе. Взглядъ каждаго народа на смертную казнь находится въ тѣсной связи съ степенью политическаго его развитія. Народъ, достигшій высшей степени развитія, народъ, сознающій достоинство свободы и уважающій нравственную природу человѣка, по чувству чести и независимости стремится къ справедливымъ дѣйствіямъ и сомнѣвается въ состоятельности смертной казни. Напротивъ, у народа, подавленнаго и лишеннаго политической свободы, тираннія считаетъ смертную казнь необходимымъ средствомъ для отвращенія гражданъ отъ преступленій. Этотъ общій выводъ достопочтенный нѣмецкій криминалистъ подтверждаетъ исторіею Рима. Послѣ того, говоритъ онъ, какъ въ Римѣ образовалась республика, и честь *и свободная гражданственность* стали пользоваться высокимъ уваженіемъ, тамъ возникъ взглядъ, что смертная казнь идетъ только для грубыхъ и несвободныхъ людей, но что къ свободнымъ гражданамъ она не должна быть примѣняема. Этому-то взгляду обязаны своимъ происхожденіемъ leges Porciae, которыми уничтожена смертная казнь (за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ), и введены другія болѣе мягкія наказанія. За тѣмъ, по мѣрѣ того какъ честные республиканскіе взгляды угасали и древняя римская добродѣтель падала, по мѣрѣ того *какъ уваженіе къ человѣческому достоинству исчезало*, была возстановляема смертная

казнь. Todesstrafe, с. 5. Общее положеніе Миттермайера совершенно вѣрно, но подтвержденіе его исторіею Рима не выдерживаетъ критики, хотя нужно сказать, что не одинъ Миттермайеръ впалъ въ эту ошибку, а почти всѣ, писавшіе о смертной казни, начиная съ Беккаріи. Восемнадцатый вѣкъ наивно восхищался свободою Рима, и не замѣтилъ того, что эта свобода была основана на ужасномъ рабствѣ. Беккарія, сынъ своего вѣка, первый привелъ примѣръ Рима въ доказательство того, что государства существуютъ и процвѣтаютъ и безъ смертной казни. Съ легкой руки Беккаріи, его мысль и его примѣръ стали повторять почти всѣ позднѣйшіе писатели. См. Lucas, с. 353. Ducpetiaux, с. 62. Samhaber, Die Abschaffung der Todesstrafe, с. 7. Zöpfl, Denkschrift ueber die Rechtsmässigkeit und Zwekmässigkeit der Todesstrafe, с. 23—26. Carriere, Wissenschaft und Leben in Beziehung auf die Todesstrafe, с. 19. и м. др. Между тѣмъ, почти полная отмѣна смертной казни въ Римѣ на самомъ дѣлѣ была только привилегіею, которую успѣла для себя установить горсть людей среди самаго обширнаго государства. Въ то время, какъ нѣкоторая часть гражданъ римскихъ пользовалась изъятіемъ отъ смертной казни, существовали другіе многочисленные классы общества, которые за малыя и большія вины платились жизнію. Поэтому нелѣпо приводить примѣръ Рима въ доказательство того, что государства, достигнувъ извѣстной степени развитія, обходятся и процвѣтаютъ и безъ смертной казни. Это значитъ совершенно извращать смыслъ исторической жизни народовъ. Дѣло въ томъ, что подобная отмѣна смертной казни въ пользу нѣкоторыхъ сословій встрѣчается не у однихъ римлянъ; напротивъ, это есть учрежденіе общечеловѣческое въ томъ смыслѣ, что оно въ большемъ или меньшемъ объемѣ существуетъ у всѣхъ народовъ, стоящихъ на извѣстной степени развитія. И какъ общечеловѣческое явленіе, оно имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи смертной казни, только въ совершенно обратномъ смыслѣ, противъ того, какой привыкли ему до сихъ поръ приписывать. Подобная отмѣна выражаетъ не стремленіе къ справедливой свободѣ, не уваженіе къ человѣческому достоинству, и не время несуществованія смертной казни, а нѣчто совершенно противоположное: это есть время свободы или лучше своеволія немногочисленнаго класса гражданъ и неключимаго рабства остальной массы народа, уваженія къ іерархическимъ отличіямъ и полнаго презрѣнія человѣческаго достоинства, наконецъ это есть самое обильное время смертныхъ казней.

Въ Индіи, гдѣ каста браминовъ пользовалась преобладающимъ положеніемъ въ государствѣ, существовало поразительное неравенство наказаній въ пользу этой касты. Браминъ за оскорбленіе человѣка изъ касты воиновъ платитъ 50 panas штрафу, изъ класса торговаго—25, за судру—12 панасъ. Manou, VIII. 268. Если же судра оскорбитъ Dwidjas (особый разрядъ браминовъ) поносною бранью, то ему отрѣзывается языкъ, VIII. 270, или вонзается въ ротъ раскаленный желѣзный стилетъ, длиною въ 10 дюймовъ. VIII. 271. 272, 280, — 283. За прелюбодѣяніе, по ст. 371 и 372 VIII законовъ Ману, опредѣляется смертная казнь: невѣрная супруга бросается на съѣденіе собакамъ въ мѣстахъ наиболѣе посѣщаемыхъ, а ея сообщникъ сожигается на желѣзной раскаленной кровати, подъ которую постоянно кладутся дрова. Но это наказаніе не для браминовъ,—главнымъ образомъ оно предназначено для судры за плотскія сношенія съ женщиною первыхъ трехъ классовъ, VIII. 374, а для кштарія и вайзія только въ одномъ исключительномъ случаѣ, именно за прелюбодѣяніе съ женою брамина, охраняемой своимъ супругомъ, и при томъ только когда она одарена почтенными качествами, VIII. 377. Браминъ же наказывается: тысячью panas штрафа, если онъ даже насиліемъ достигнетъ плотскаго сношенія съ женою брамина, находящеюся подъ надзоромъ, VIII. 378; во всѣхъ же тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ для прочихъ классовъ назначена смертная казнь, онъ подвергается безславному стриженію, VIII. 379. Убійца брамина, пьющій спиртные напитки, человѣкъ, который украдетъ золото, принадлежащее брамину, тотъ кто осквернитъ ложе своего духовнаго господина, или своего отца, считаются виновными въ тяжкихъ преступленіяхъ, IX. 235. Но только не брамины. Люди другихъ классовъ, совершившіе безъ предумышленія вышеисчисленныя преступленія, должны потерять все свое имущество, подвергнуться клейменію и быть сосланными, или, если они совершили ихъ съ предумышленіемъ, даже быть преданы смерти. IX. 237. 242. За совершеніе этихъ же самыхъ преступленій браминъ, до тѣхъ поръ достойной одобренія по своимъ добрымъ качествамъ, долженъ быть подвергнутъ только средней величины штрафу; если онъ дѣйствовалъ съ предумышленіемъ, быть изгнанъ изъ государства, съ дозволеніемъ ему взять все свое имѣніе и свою семью. IX. 241. При невозможности уплатить штрафъ, лица трехъ слѣдующихъ классовъ платятъ своимъ трудомъ, т. е. поступаютъ въ рабство, браминъ въ подобномъ случаѣ уплачиваетъ штрафъ мало-по-малу. IX.

229. Правда, и лица другихъ классовъ посредствомъ жертвоприношеній, предписанныхъ закономъ, или эксціаціи (expiation), могутъ избавиться отъ клейменія и ссылки, уплативши вмѣстѣ съ тѣмъ только огромный штрафъ. IX. 239. Этимъ способомъ они избавляются отъ анаѳемы и отлученія отъ общества. Ибо съ тѣмъ, кто клейменъ указаннымъ выше способомъ и подвергся отлученію, никто не долженъ ни ѣсть, ни приносить жертвъ, ни учиться, ни вступать въ бракъ; такой человѣкъ бродитъ по землѣ въ жалкомъ состояніи, удаленный отъ всякихъ обязанностей общественныхъ, IX. 238; онъ долженъ быть оставленъ своими родственниками съ отцовской и материнской стороны; онъ не заслуживаетъ ни сострадания, ни уваженія. IX. 239. Но все-таки само это искупленіе, избавляющее отъ подобной анаѳемы, позора, ссылки и даже смертной казни, существуетъ только для богатыхъ, и притомъ учреждено для пользъ тѣхъ же браминовъ, которые почти-что пользуются ненаказанностію. Для искупленія необходимы издержки на жертвоприношеніе, а также и для уплаты большаго штрафа, что̀ доступно только богатымъ. Искупительныя жертвы приносятъ матеріальныя выгоды браминамъ; самые штрафы должны большею частью идти въ руки браминовъ. Ибо Ману говоритъ: »добродѣтельный государь не завладѣваетъ имуществомъ великаго преступника; если же онъ имъ завладѣетъ по страсти, онъ оскверняетъ себя тѣмъ самымъ преступленіемъ. IX. 243. Пусть онъ бросаетъ штрафъ въ воду, пусть онъ принесетъ его Варунѣ (богъ—владыка наказанія), или лучше, пусть онъ отдастъ его *добродѣтельному, напитанному священнымъ писаніемъ, брамину«*: IX. 244. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Ману говоритъ: »пусть царь, отдавши браминамъ всѣ богатства, которыя состоятъ *изъ законныхъ штрафовъ*, когда приблизится его конецъ, оставитъ своему сыну попеченіе о царствѣ и идетъ искать смерти въ сраженіи, или если нѣтъ войны, пусть уморитъ себя голодомъ«. IX. 323. Ману постоянно напоминаетъ, чтобы царь вооружался гнѣвомъ и энергіею противъ преступниковъ, IX. 310, чтобы однихъ, какъ напримѣръ воровъ своей казны и *неповинующихся его повелѣніямъ*, онъ велѣлъ губить разными казнями, IX. 275, другихъ, какъ воровъ со взломомъ, приказывалъ садить на колъ, 276, иныхъ, какъ разрывающихъ плотины, предписывалъ бросать въ воду, 279, золотыхъ дѣлъ мастеровъ за подлогъ разрѣзывать на кусочки, 292 и т. д. Но всѣ эти, повидимому, общія положенія нисколько не касаются преступниковъ изъ браминовъ. »Да остерегается царь убивать

брамина, даже когда бы сей совершилъ всевозможныя преступленія; пусть онъ изгонитъ его (въ этомъ случаѣ) изъ государства, оставивши ему все его имѣніе и не сдѣлавши ему никакого зла. VIII. 380. Нѣтъ въ мірѣ большей несправедливости какъ убійство брамина; поэтому никто да не дерзаетъ даже подумать о томъ, чтобы предать смерти брамина«. 381. Изъ изложенныхъ здѣсь законовъ Ману, я въ правѣ вывести слѣдующія заключенія: Каста браминовъ не только пользовалась изъятіемъ отъ смертной казни за преступленія, но и привилегіею почти полной безпаказанности. Изъятіемъ отъ смертной казни пользовались, за исключеніемъ судръ, за нѣкоторые преступленія и другіе классы, а нѣкоторые богатѣйшіе ихъ члены, во имя жреческихъ интересовъ, могли откупиться отъ нея посредствомъ богатыхъ выкуповъ. А что брамины пользовались почти полною ненаказанностію за преступленія, особенно если послѣднія совершены были въ отношеніи къ лицамъ изъ другихъ классовъ, за это ручается то, что въ рукахъ ихъ сосредоточивалась какъ законодательная, такъ судебная и исполнительная власть; слѣдовательно они вполнѣ пользовались возможностію отнять силу даже и у тѣхъ законовъ, которые такъ несправедливо снисходительны къ преступникамъ изъ ихъ класса.

Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ Индіи, подобныя привилегіи въ пользу жрецовъ существовали во всѣхъ государствахъ съ теократическимъ правленіемъ, какъ-то въ Египтѣ, въ Галліи подъ владычествомъ друидовъ и въ Скандинавіи во время господства жрецовъ Одена. Можно даже думать, что они не были неизвѣстны въ періодъ господства жрецовъ и въ такихъ государствахъ, какъ Греція и Римъ. Нельзя отвергнуть того всемірно-историческаго явленія, что гдѣ только извѣстный классъ народа успѣваетъ пріобрѣсть исключительное и господствующее положеніе въ государствѣ, тамъ непремѣнно, объ руку съ другими привиллегіями, является изъятіе привиллегированныхъ отъ жестокихъ казней, поражающихъ преступниковъ изъ другихъ классовъ. Установленіе человѣческихъ жертвъ можетъ возникнуть только при исключительномъ привиллегированномъ господствѣ жрецовъ и подчиненіи имъ другихъ классовъ. Человѣческія же жертвы приносились въ доисторическій періодъ существованія Греціи и Рима. Въ Галліи друиды и въ Скандинавіи жрецы Одена приносили человѣческія жертвы въ огромныхъ размѣрахъ. Наконецъ изъятіе средневѣковаго западноевропейскаго духовенства отъ смертной казни и другихъ казней—о чемъ будетъ рѣчь ниже

—служитъ подтвержденіемъ этой мысли, особенно если взять во вниманіе, что преобладаніе средневѣковаго духовенства надъ другими классами и подчиненіе послѣднихъ первому никогда не доходили до размѣровъ древнихъ теократій.

Такимъ изъятіемъ отъ смертной казни пользовались, хотя и не въ такой степени и не съ такою исключительностію, господствующіе классы въ старо и ново-европейскихъ государствахъ.

Въ Греціи преступники изъ господствующихъ классовъ легко избѣгали смертной казни. Въ Спартѣ правами полнаго гражданства пользовались только 9 тыс. спартіатовъ; подъ ихъ властію находились не имѣвшіе полныхъ правъ гражданства лакедемонцы и совершенно лишеные правъ илоты. Выше было изложено какъ беззащитна была жизнь илотовъ и съ какою легкостію спартіаты отнимали ее у своихъ рабовъ, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, или просто за непокорность. Du Boys, Hist. an. 126. Эфоры пользовались властью предавать смерти по своему усмотрѣнію. Но эта власть имъ принадлежала только надъ преступниками изъ лаконцевъ и надъ илотами. Du Boys, 117 Когда же дѣло шло о преступленіи спартанца, то судъ надъ нимъ производилъ сенатъ. Сенатъ разсматривалъ дѣло съ большею осторожностію: никогда не произносилъ смертнаго приговора на основаніи простыхъ предположеній, только самыя очевидныя доказательства могли дать основаніе для строгаго рѣшенія. Противъ спартіата свидѣтельство рабовъ не допускалось, ib. 118. Обвиняемый въ преступленіи спартіатъ легко могъ избѣжать смертной казни, удалившись изъ отечества, 126. Вообще уголовная юстиція была очень снисходительна къ спартіатамъ, какъ къ аристократической кастѣ въ государствѣ. Loiseleur, 44. Обвиняемый безъ кредита призванный въ судъ былъ напередъ обреченная на казнь жертва. Du Boys, 117. Въ Аѳинахъ только собственно аѳинянамъ принадлежали полныя права гражданства, подъ ними стояли метеки, пользовавшіеся меньшими правами, и почти безправные рабы. О Солоновыхъ законахъ Анахарсисъ сказалъ, что они подобны паутинѣ, которая захватываетъ маленькихъ мухъ, но которую разрываютъ большія мухи. Pastoret, 11. 3. 48. Въ случаѣ убійства, богатый могъ войти въ сдѣлку съ родственниками убитаго и посредствомъ денегъ избѣжать смерти. Такъ онъ могъ откупиться за прелюбодѣяніе, тогда какъ бѣдный человѣкъ подвергался самымъ ужаснымъ мукамъ. Loiseleur, 35—36. Гражданинъ могъ избѣжать смерти удаленіемъ изъ отечества; если онъ почему нибудь

не пользовался этимъ правомъ, то ему представлялся на выборъ родъ смерти, какъ доказываетъ примѣръ Сократа. Тогда какъ для рабовъ и метековъ существовали изысканныя казни, какъ-то: распятіе на крестѣ, засѣченіе палками, низверженіе въ море или въ особаго рода глубокую пропасть, бока и дно которой были утыканы желѣзными ножами и остроконечными клиньями. Loiseleur, 37. Пытка была обыкновенное процессуальное средство при допросѣ рабовъ: ихъ заставляли посредствомъ пытки дѣлать показанія во всевозможныхъ дѣлахъ: въ гражданскихъ и уголовныхъ, въ дѣлахъ, касавшихся самихъ рабовъ, ихъ господъ и постороннихъ. Гражданъ же подвергали пыткѣ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и то въ болѣе позднее время. Loiseleur, 38. Платонъ говоритъ о своемъ времени: »Обыкновенные воры, когда ихъ схватываютъ на мѣстѣ преступленія, наказываются смертною казнію; ихъ осыпаютъ самыми позорными именами. Смотря по роду воровства ими совершаемаго, ихъ называютъ: святотатцами, похитителями, мошенниками, ворами большихъ дорогъ. Но тиранъ, который дѣлается господиномъ имущества и личности своихъ согражданъ, осыпается похвалами. Его считаютъ счастливымъ человѣкомъ даже тѣ, которыхъ онъ низвелъ въ рабство, а равно и тѣ, которые знаютъ о его злодѣяніяхъ: если порицаютъ несправедливость, то не потому что боятся ее сдѣлать, а потому что боятся пострадать за нее«. Pastoret, II. 4. 80. И тотъ же самый Платонъ, который говорилъ подобнымъ образомъ, все-таки доказывалъ въ другомъ мѣстѣ, что ненамѣренное убійство рабомъ свободнаго равняется по важности намѣренному убійству раба. Это доказываетъ, какъ глубоко греки были проникнуты тою мыслію, что за что раба слѣдуетъ распять на крестѣ, за то свободнаго, особенно богатаго человѣка, можно оштрафовать или не больше какъ изгнать изъ отечества.

Римъ представляетъ еще болѣе рѣзкія черты изъятія отъ смертной казни, которымъ пользовались только высшіе классы. Вся римская исторія есть борьба за привиллегіи съ одной стороны и за уравненіе правъ съ другой, какъ вообще такъ и въ частности въ дѣлахъ уголовныхъ. Сначала только патриціи пользовались изъятіемъ отъ смертной казни, и даже почти полною ненаказанностію. Побѣда плебеевъ увеличила численность гражданъ, которые допущены были къ пользованію этою привиллегіею: законы Валеріевъ и законы Порціевъ отняли у консуловъ и сената власть подвергать смерти римскихъ гражданъ за

преступленіе; одинъ только народъ могъ произносить смертный приговоръ. Ed. Laboulaye, Essai sur les lois criminelles, с. 87—95. 100. Но ошибаются тѣ, которые думають, что эти законы распространялись на всѣхъ гражданъ безъ различія. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Цумпта, низшій классъ римскихъ гражданъ (классъ отличный, конечно, отъ рабовъ) не огражденъ былъ отъ жесточайшаго произвола и подвергался самымъ позорнымъ казнямъ. Въ доказательство этого Цумптъ приводитъ, изъ временъ уравненія правъ плебеевъ съ правами патриціевъ, нѣсколько примѣровъ самой позорной казни посредствомъ засѣченія (отъ которой положительно были изъяты римскіе граждане высшаго класса) весьма даже почтенныхъ лицъ, но принадлежавшихъ къ низшему разряду гражданъ. Das Criminalrecht der römisch. respublik, Zumpt, B. I. Abt. 2. 64—65. Кромѣ того, жизнь провинціала не была ограждена отъ произвола; проконсулы и пропреторы пользовались въ провинціяхъ абсолютною властію и въ томъ числѣ правомъ казнить смертію. Извѣстно, чѣмъ были эти правители для провинцій; едвали исторія можетъ представить другой примѣръ такихъ чиновническихъ грабежей, насилій и преступленій, какіе они совершали въ управляемыхъ ими странахъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ провинціалъ, лицо низшей породы, платился жизнію за большія и малыя преступленія, въ то время какъ проконсульское управленіе естественно вызывало безпрестанные поводы для казней, грабившій и совершавшій всѣ виды преступленій оптиматъ и откупщикъ были спокойны за свою жизнь. Laboulaye, с. 11—15. 87. 163. 173—178. Возникновеніе имперіи сопровождалось нѣкоторымъ уравненіемъ римскихъ гражданъ, и отчасти уничтоженіемъ привиллегій въ томъ отношеніи, что императоры стали казнить римскихъ аристократовъ и богачей по тѣмъ же обычаямъ, которыхъ послѣдніе держались при наказаніи своихъ рабовъ. ib. 316—317. Но императорская юстиція сдѣлала только попытку къ уничтоженію изъятія богатыхъ римскихъ гражданъ отъ смертной казни и уравненія ихъ съ другими. Въ императорскій періодъ высшіе классы подлежали смертной казни только за государственныя преступленія; наказуемость же за другія преступленія оставалась различная во все это время для honestiores и humiliores. Къ honestiores въ это время причислены были: сословія сенаторовъ, всадниковъ, декуріоновъ и духовныхъ. Holtzendorff, Die Deportation, с. 110—112. За что humiliores предаваемы были самымъ изысканнымъ видамъ смертныхъ казней, за то honestiores от-

плачивались только ссылкою, которая была спеціальнымъ и исключительнымъ наказаніемъ привиллегированныхъ. Ib. 111. Такъ одинъ законъ временъ императоровъ гласитъ: «Тѣ, которые совершатъ убійство добровольно и съ злымъ намѣреніемъ, если они пользуются какими-нибудь почестями, должны быть сосланы; лица же низшаго сословія наказываются смертію. Zöpfl, Ueber die Rechtsmässigkeit und Zweckmässigkeit der Todesstrafe, с. 27. Неравенство наказаній и изъятіе высшихъ классовъ отъ смертной казни немногихъ перешло изъ Рима въ Византію, а оттуда, по мнѣнію Гольтцендорфа, отчасти и въ Россію. с. 111.

У новыхъ европейскихъ народовъ мы замѣчаемъ очень рано зачатки привиллегіи изъятія отъ смертной казни нѣкоторыхъ классовъ общества. На ряду съ убійствомъ въ видѣ отмщенія является обычай выкупа вины; очевидно, что выкупиться могъ только тотъ, кто имѣлъ что-нибудь; очевидно также, что кто обладалъ большимъ количествомъ вещей, кто былъ богаче, тотъ имѣлъ и большую возможность откупиться отъ убійства въ видѣ отмщенія. По этой теоріи, богатый человѣкъ былъ вполнѣ гарантированъ отъ смертной казни; рабъ же, который ничего не имѣлъ, былъ беззащитенъ предъ мстителемъ. Такимъ образомъ, уже съ этой стороны богатство укрывало отъ смертной казни, бѣдность, напротивъ, была поводомъ къ ней. Но этого мало: въ тѣ времена жизнь, здоровье, честь и другія блага человѣческія цѣнились не сами по себѣ, а смотря потому кто былъ ихъ носителемъ и такъ-сказать владѣльцемъ; чѣмъ богаче, могущественнѣе и знатнѣе былъ человѣкъ, противъ котораго совершено было преступленіе, тѣмъ большій ему или его семьи платился выкупъ. По закону англо-саксонскаго короля Ательстана установленъ былъ слѣдующій тарифъ на жизнь: жизнь princeps'a оцѣнена была въ 30,000 thrimsae (монета въ 4 пенса, 8 су французскихъ); архіепископа и графа—въ 15000; смерть епископа выкупалась 8000; summus prafectus цѣнился въ 4000; священникъ и танъ (дворянинъ)—въ 2000, и наконецъ простой земледѣлецъ (ceorl), но еще не рабъ, въ 267. Taillandier, Reflexions sur les lois penales de France et d'Anglettere, с. 252. Подобное же разнообразіе цѣнъ на жизнь, смотря по сословію, богатству и положенію лица, было въ обычаѣ у всѣхъ европейскихъ народовъ. Иванишевъ, О платѣ за убійство, с. 9—10. Tissot, с. 248—251. Такимъ образомъ, богатому и знатному легко было откупиться отъ смертной казни не только потому, что онъ имѣлъ чѣмъ откупиться, но и потому, что онъ

меньше платилъ за преступленіе, совершенное противъ лица ниже его стоящаго. Чѣмъ, значитъ, богаче и знатнѣе былъ преступникъ, и чѣмъ бѣднѣе и ниже въ іерархіи стояла жертва преступленія, тѣмъ не возможнѣе была смертная казнь; и наоборотъ: чѣмъ ниже въ іерархіи стоялъ преступникъ, чѣмъ онъ былъ бѣднѣе, а жертва преступленія могущественнѣе и богаче, тѣмъ неизбѣжнѣе была смертная казнь. На этомъ основаніи, по законамъ варварскихъ народовъ, дѣйствовавшимъ съ V по XII стол., преступленія противъ духовныхъ наказывались въ три раза строже, чѣмъ преступленія противъ другихъ лицъ. Tissot, c. 77.—Вотъ происхожденіе привиллегій.

Въ средніе вѣка во всей западной Европѣ два господствовавшіе класса: духовенство и дворянство, пользовались привиллегіею изъятія отъ смертной казни и другихъ мучительныхъ казней—духовенство въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, почти полнымъ изъятіемъ, дворянство—въ меньшихъ размѣрахъ, изъятіемъ во многихъ случаяхъ и за многія преступленія, за которыя лица другихъ классовъ подлежали смертной казни.

Во Франціи духовенство, посредствомъ королевскихъ конституцій, получило право судиться собственнымъ судомъ во всѣхъ дѣлахъ уголовныхъ, не только чисто церковныхъ, но и общихъ. Уже въ VIII столѣт. право это было за нимъ признано. Helie, Traité de l'institution crimin. 1. 263—64. Получивши путемъ уступокъ и снисхожденія отъ свѣтской власти право собственнаго суда, духовенство въ послѣдствіи времени смѣло объявило, что оно свою юрисдикцію получило отъ Бога а не отъ людей, и руководствуясь этимъ общимъ правиломъ, успѣло въ періодъ варварской анархіи, подчинить своей подсудности не только всѣ преступленія, совершаемыя духовными, но многія преступленія, совершаемыя лицами всѣхъ классовъ. Въ концѣ XII ст. обширность духовнаго суда и его громадныя полномочія достигли своего апогея. Helie, 1. 359. Подобно тому какъ нѣкогда римскій гражданинъ, обвиняемый въ преступленіи, могъ остановить теченіе въ провинціи суда словами: я римлянинъ, такъ теперь духовный, по ошибкѣ или по насилію преданный въ руки свѣтскихъ судей, не заботясь о своей защитѣ, говорилъ только: я духовный (je suis clerc). Итакъ, судиться собственнымъ судомъ — это была первая составная часть привиллегіи духовенства. Вторая часть, въ которой заключался и главный смыслъ всей привиллегіи, вытекала изъ этой первой. Церковные судьи, по тому стародавнему церковному правилу, что ecclesia

abhorret sanguinem, никогда не опредѣляли ни смертной казни ни другаго наказанія, соединеннаго съ пролитіемъ крови, какъ бы тяжко преступленіе ни было. Ибо церковь имѣетъ только мечъ духовный, который не убиваетъ, но животворитъ (Ecclesia enim gladium non habet nisi spiritualem, qui non occidit sed vivificat). Оттого самыя тяжкія преступленія, совершаемыя лицами, принадлежащими къ духовенству, не только не влекли за собою смертной казни, обыкновеннаго въ то время наказанія для лицъ низшаго класса даже за малыя вины, но почти оставались не наказанными. Наказанія церковныя были очень легки и не простирались далѣе тюрьмы. ibid. 364. Правда, государи и папы позднѣе не разъ издавали законы, по которымъ духовное лицо, захваченное въ тяжкомъ преступленіи, именно: въ ереси, воровствѣ, клятвопреступленіи, по лишеніи духовнымъ судомъ званія, должно было быть предано свѣтскому суду по обыкновеннымъ законамъ. Но эти законы никогда не были надлежащимъ образомъ выполняемы. Епископы, отказываясь лишать духовнаго званія преступниковъ изъ духовныхъ, какъ бы тяжки ни были ихъ преступленія, подвергали ихъ только церковнымъ наказаніямъ и тюрьмѣ. ibid. 366. Французское, также какъ все западно-европейское духовенство, пользуясь само этою привиллегіею, старалось изъ-за вліянія и выгодъ распространить ее на всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя имѣли какое бы то ни было отношеніе къ церкви. Кромѣ духовенства монашествующаго и духовенства свѣтскаго, привиллегію эту старались распространить на свѣтскихъ братій, на монахинь, братьевъ милосердія, даже на рыцарей мальтійскихъ, чтецовъ, пѣвцовъ, и на всѣхъ тѣхъ, которые живутъ по-духовному (viventes clericaliter), и получили простое постриженіе, хотя бы оно не было соединено ни съ какою духовною обязанностію. ib. 367. Бомануаръ говоритъ, что мошенники и убійцы одѣвались въ духовную одежду и дѣлали одинъ другому постриженіе, чтобы уйти отъ обыкновенной юстиціи. Духовенство не только не негодовало на это, но и старалось воспользоваться подобными продѣлками, для увеличенія своего авторитета. Такъ какъ одни духовные судьи имѣли право опредѣлять: дѣйствительно-ли извѣстное лицо имѣетъ постриженіе, то духовенство, для привлеченія дѣлъ къ своей подсудности, довольствовалось однимъ видимымъ постриженіемъ. Взявши же разъ въ руки дѣло, оно уже не передавало подсудимаго свѣтскому суду, какъ бы ни былъ очевиденъ обманъ; оно или при-

знавало подсудимаго духовнымъ, или же, объявивъ его чуждымъ духовному званію, удерживало его у себя, подвергнувши безсрочному тюремному заключенію, такъ какъ-бы онъ былъ духовный. Въ то время, когда духовенство успѣло пріобрѣсть изъятіе отъ смертной казни, когда самые тяжкіе преступники изъ этого класса пользовались почти-что полною ненаказанностію, когда духовенство изъ собственныхъ выгодъ прикрывало своею привиллегіею убійцъ, воровъ и разбойниковъ и изъ другихъ классовъ, оно было не умолимо къ обвиняемымъ въ vauderie; этимъ именемъ обозначалась не только ересь, но и грѣхи противъ природы (мужеложство и скотоложство), колдовство, празднованіе субботы, поклоненіе діаволу. Loiseleur, 193. Убійство считалось такимъ преступленіемъ, для наказанія котораго были достаточны очень снисходительныя церковныя наказанія. Но когда дѣло касалось ереси, церковные суды, находя свои наказанія не достаточными, предавали еретика въ руки свѣтскихъ судовъ, которые тотчасъ постановляли приговоръ о сожженіи виновнаго. Правда, въ концѣ приговора, которымъ еретикъ предавался въ руки свѣтской власти, всегда помѣщалось приглашеніе свѣтскому судьѣ не предавать виновнаго смерти и даже изувѣченію. Но это приглашеніе было одною формальностью, которою духовенство думало исполнить возникшее въ первыя времена христіанства правило, что церковь гнушается крови; этой формальности не придавали серьёзнаго значенія сами судьи. Испанская инквизиція, по приговорамъ которой было сожжено живыми 34658 чел. и 18049 чел. въ видѣ изображеній, всегда присоединяла къ своимъ приговорамъ это приглашеніе. Но еслибы свѣтскій судья исполнилъ это приглашеніе въ буквальномъ смыслѣ, то онъ подвергся бы отлученію отъ церкви. Helie, I. 373. Loiseleur, 187, 192, 202. Изъятіе духовенства отъ смертной казни оставалось очень долго, не смотря на раннюю борьбу изъ-за этой привиллегіи свѣтской власти. Крѣпнувшая королевская власть первоначально уничтожила эту привиллегію относительно преступленій государственныхъ. За тѣмъ установленіе cas royaux, т. е. такихъ случаевъ, которые только судились королевскими судьями, не смотря на званіе преступника, учрежденіе ордонансомъ 1580 г. общаго или совмѣстнаго суда двухъ юрисдикцій—духовной и свѣтской—въ случаяхъ тяжкихъ преступленій духовнаго, значительно поколебали основаніе привилегіи духовенства. Но во Франціи она окончательно была отмѣнена только во время переворота 1789 г.

Дворянство во Франціи также пользовалось привиллегіею изъятія отъ смертной казни, хотя въ иномъ видѣ и объемѣ. Въ періодъ наибольшаго развитія феодализма, когда королевская власть почти потеряла всякое значеніе, сеньоры не имѣли надъ собою верховной власти и совершали преступленія безнаказанно. Это было время кулачнаго права, время разбоевъ, грабежей и убійствъ, совершаемыхъ сеньорами совершенно безнаказанно; между тѣмъ какъ въ это же время почти весь народъ былъ низведенъ въ рабство и отвѣчалъ жизнію за большое преступленіе, малый проступокъ и даже ничтожную вину. Но и съ теченіемъ времени, когда королевская власть, какъ общая власть, стала крѣпнуть, не была вовсе уничтожена привиллегія дворянства на ненаказанность, или на изъятіе во многихъ случаяхъ отъ смертной казни. Эти изъятія, съ одной стороны, были установляемы въ самыхъ законахъ, изданныхъ королевскою властію, съ другой давались въ видѣ помилованія, или наконецъ доставались дворянамъ вслѣдствіе слабости и испорченности общей власти, которая не имѣла ни силы, ни охоты, ни энергіи наказывать тяжкаго преступника съ вѣсомъ и могуществомъ. »Когда по приговору суда крестьянинъ (vilain) лишается жизни или членовъ своего тѣла, тогда дворянинъ (noble) теряетъ только честь«, таково было общее правило французской юриспруденціи, высказанное устами стараго юриста Луазеля (Loysel). Pastoret, II. 3. 62. Другое правило, ведущее свое начало отъ временъ варварскихъ, по которому: »кто не можетъ заплатить деньгами, платитъ своимъ тѣломъ«, имѣло обширное примѣненіе въ французской юриспруденціи и въ позднѣйшее время. Pastoret, II. 4. 64. Филиппъ Августъ опредѣлилъ: богохульника подвергать штрафу, если онъ дворянинъ, и утопить, если онъ крестьянинъ. ib. II. 4. 86 1). Генрихъ IV ордонансами 1601 г. и 1607 г. опредѣлилъ: за нарушеніе законовъ охоты въ королевскихъ лѣсахъ сеньоровъ и джентльменовъ подвергать штрафу въ 1500 ливровъ, а roturiers штрафу, или при несостоятельности сѣченью розгами до крови, временному изгнанію, ссылкѣ на галеры, вѣчному изгнанію и даже смертной казни въ случаѣ возвращенія. ib. II. 4. 84, 85. За плот-

1) 106 статья Каролины повелѣваетъ богохульника наказывать или тѣлесно, или отнятіемъ жизни, *смотря по состоянію и качеству лицъ.* Боденъ также говоритъ, что нѣмецкій законъ принимаетъ дворянство преступника за обстоятельство смягчающее преступленіе богохульства.

ское сношеніе слуги съ своею госпожею, слугу посылали на смерть, а госпожу прощали 1). ib. II. 4. 48. Домашнее воровство наказывалось смертною казнію; а взятки, кража государственнаго имущества, грабежъ народа, если иногда и навлекали наказаніе, то не строгое. ib. I. ч. II. с. 66, 67; II. ч. 4. с. 79. При опредѣленіи наказанія всегда имѣлось въ виду званіе совершившаго преступленіе и званіе жертвы; такимъ образомъ преступленіе, совершенное двориниомъ надъ крестьяниномъ или духовнымъ надъ свѣтскимъ, наказывалось несравненно снисходительнѣе, чѣмъ преступленіе крестьянина надъ дворяниномъ или свѣтскаго надъ духовнымъ. ib. II. 3. 62. Чѣмъ выше было званіе преступника и ниже жертвы его насилія, тѣмъ меньше и само преступленіе, и наоборотъ. Объ-руку съ этимъ по закону освобожденіемъ дворянъ во многихъ случаяхъ отъ смертной казни, шло фактическое ихъ освобожденіе отъ оной посредствомъ помилованія. До переворота 1789 г. помилованіе составляло, если не исключительно, то въ значительной степени, привиллегію одного дворянства; оно давалось въ такихъ размѣрахъ, что служило нѣкоторымъ образомъ продолженіемъ прежней ненаказанности. Въ царствованіе Людовика XIV, который признается за образецъ абсолютнаго монарха, дворяне за совершеніе тяжкихъ преступленій или оставались совершенно ненаказанными или получали помилованіе. Дюлоръ говоритъ: Царствованія Людовика XIII, Людовика XIV и даже Людовика XV представляютъ длинный рядъ помилованій, данныхъ ворамъ, убійцамъ и зажигателямъ изъ дворянъ. Вездѣ встрѣчаемъ самыя воз-

1) То же самое было и по законамъ Германіи. Въ коментаріи къ 120 статьѣ Каролины говорится: »хотя суды очень смягчаютъ строгость закона противъ прелюбодѣянія, вслѣдствіе трудности изслѣдованія этого преступленія, и вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, которыя требуютъ великой осмотрительности; однакожъ они сохраняютъ въ извѣстныхъ случаяхъ всю строгость предписываемую закономъ, предавая смертной казни слугъ (valets, serviteur ou facteur, domestiques ou metaiers) за прелюбодѣяніе съ госпожами. По 117 ст. Каролины опредѣляется за кровосмѣшеніе смертная казнь. Но къ этой статьѣ въ видѣ толкованія прибавлено слѣдующее замѣчаніе: »Строгость этого закона терпитъ нѣкоторыя исключенія; во-первыхъ во вниманіе къ лицамъ высшаго сословія или состоянія, которыхъ проступки, не оставаясь не наказанными, должны влечь за собою только изгнаніе или конфискацію половины имѣнія«. О вліяніи сословія на мѣру наказанія говорится также въ 119 ст. Каролины, въ кот. опредѣляется смертная казнь за изнасилованіе.

мутительныя преступленія, совершаемыя или покровительствуемыя дворянствомъ. Придворные ходатайствовали, употребляли усилія смягчить черноту преступленія своихъ протеже, и король, уступая гораздо чаще докучливости тѣхъ, которые его окружали, чѣмъ священнымъ принципамъ юстиціи, давалъ lettres de grace, всегда мотивируя заслугами, которыя дѣды преступника оказывали королямъ, его предшественникамъ. Hist. critique de la noblesse, 1790 г. с. 232. см. также: сс. 224, 225, 230, 231. Такъ Гаспаръ, Маркизъ д'Эспиншаль, получилъ помилованіе за разныя убійства, во вниманіе къ заслугамъ своихъ предковъ. Дворянинъ Мореваль, убившій въ 1689 г. двухъ судебныхъ приставовъ (sergents), хотѣвшихъ, по предписанію суда, арестовать его лошадей, получилъ отъ короля помилованіе. Bonnemère, II. 67. Лемонте, авторъ монархическихъ учрежденій Людовика XIV, с. 438, говоритъ: »Бандиты, которыхъ бы мы велѣли прогнать изъ нашихъ переднихъ, пользовались почетною фамиліарностію. Поменары, Шарнасэ, Фалари, преслѣдуемые за отвратительныя преступленія, какъ воровство и поддѣлка фальшивой монеты, были, благодаря своему извѣстному имени и забавному цинизму, допускаемы въ самыя высокія компаніи. Bonnemère, II. 61. Въ 1665 г. былъ посланъ экстраординарный судъ (tribunal des grands jours) во многія провинціи для того, чтобы »остановить безчисленное множество отвратительныхъ злодѣяній, которыя совершались и совершаются безъ всякаго наказанія и отмщенія, по причинѣ знатности и чиновности виновныхъ, которые, съ полною безнаказанностію, угнетаютъ, бьютъ, оскорбляютъ, убиваютъ и дѣлаютъ тысячи вымогательствъ бѣдному народу«. Трибуналу приходилось въ одинъ день произносить по 53 смертныхъ приговора. Но приговоры эти были произнесены надъ отсутствующими (par contumace), и потому они превратились въ одну формальность. Именитые преступники, предъ пріѣздомъ страшнаго суда, успѣли, для избѣжанія кары, удалиться изъ своихъ замковъ: когда же судъ оставилъ ихъ провинцію, они возвратились въ свои помѣстья и принялись за прежнее ремесло преступленій. Bonnemère, II. 62—66. Изложенная выше раздача помилованій была причиной, что писатели юристы XVIII ст., которые занимались изысканіемъ лучшихъ основъ правосудія, возставали, за исключеніемъ очень немногихъ, съ особенною силою противъ самаго права помилованія, которое, въ настоящее время, будучи примѣняемо ко всѣмъ подданнымъ безъ различія, не вызываетъ такихъ рѣзкихъ порицаній. Филанджіери, одинъ изъ очень умѣрен-

ныхъ писателей XVIII в., говоритъ: »Если законъ долженъ осуждать, а государь прощать, законы, вмѣсто того чтобы остановить дѣйствія частнаго насилія, сдѣлаются въ рукахъ какого нибудь притѣснителя всегда надежнымъ средствомъ для угнетенія членовъ общества, которые не умѣютъ получить его милость. Они будутъ предметомъ насмѣшки и презрѣнія для дерзкаго раба, который можетъ безнаказанно нарушать ихъ подъ покровительствомъ какого-нибудь придворнаго или женщины въ кредитѣ. Слѣдовательно, главный интересъ гражданина будетъ состоять не въ томъ, чтобы повиноваться законамъ, но чтобы нравиться монарху. Судья, торгующій правосудіемъ, магистратъ, виновный въ лихоимствѣ и вымогательствахъ, генералъ, приносящій въ жертву своей корысти безопасность и славу своего отечества, министръ, пользующійся своею властію для обогащенія своей семьи и угнетенія своихъ соперниковъ, должны будутъ, для избѣжанія наказанія за свои преступленія, только уступить часть своихъ богатствъ метрессѣ, или другу государя. Строгость закона будетъ поражать только несчастныхъ, которые не могутъ возвыситься надъ нею, множествомъ преступленій. La Science de la legislat. T. V, 254. 1).

1) Восемнадцатаго столѣтія криминалистъ Бриссо-де-Варвиль, авторъ Théorie des lois criminelles, говоритъ: »Тяжесть наказаній падаетъ главнымъ образомъ на народъ: классъ подданныхъ, которыхъ мы называемъ честными людьми, людьми comme il faut, владѣетъ искусствомъ избѣгать наказаній или по крайней мѣрѣ пользоваться ихъ смягченіемъ. Въ наши дни негодуютъ на эти возмутительныя черты, разсѣянныя въ исторіи нашихъ предковъ. Но пусть безпристрастные читатели, говоритъ онъ далѣе, обратятъ свои взоры на нынѣшнія наши правительства и видятъ, не служитъ-ли всегда званіе виновнаго патентомъ на прощеніе и часто даже на ненаказанность. 1. с. 126....... Однакожъ, я не возстаю противъ права помилованія; я возстаю только противъ злоупотребленій, противъ пагубнаго торга, который ведется этимъ правомъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, противъ опасной легкости, съ которою могущественные преступники его получаютъ. с. 210...... Гораздо рѣже можно видѣть преслѣдованіе богатаго лихоимца, чѣмъ простаго вора«. с. 363. Другой публицистъ XVIII в., авторъ сочиненія: Plan de legislation criminelle, 1790 г. говоритъ: Такъ какъ преступленіе безславитъ всѣхъ людей въ равной мѣрѣ, то нужно, чтобы за одно и то же преступленіе было одно и то же наказаніе для всякаго преступника. Поэтому должно уничтожить ненавистныя различія нѣкотоыхъ странъ, гдѣ безчестящія наказанія берегутся только для народа, гдѣ одно и то же преступленіе одного человѣка приводитъ къ колесованію, а другаго въ крѣпкое убѣжище (chateaux de force), гдѣ, для того чтобы уйти

Въ Англіи духовенство въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ пользовалось привиллегіею изъятія за тяжкія преступленія отъ смертной казни. Privillege clerical или benefice du clergé въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, обязана первоначально своимъ происхожденіемъ свѣтской власти; короли, въ вѣка дѣтскаго развитія народовъ, надѣляли духовенство разными льготами и между прочимъ льготою собственнаго суда, что соединено было съ изъятіемъ отъ смертной казни. Когда же духовенство достигло богатства, власти, почестей, когда оно возрасло въ числѣ, тогда, во-первыхъ, оно не замедлило объявить, что всѣмъ, чѣмъ оно пользуется, оно владѣетъ по своему собственному праву, по праву высшей вѣчной природы, по праву божественному; во-вторыхъ, пользуясь собственнымъ могуществомъ и вліяніемъ, оно старалось распространить свою привиллегію на возможно большее число какъ преступленій такъ и лицъ. Такъ оно включило, въ число привиллегированныхъ, даже самые низшіе духовные чины. Commentaire sur le code criminel d'Angleterre par Blackstone, trad. Coyer, T. II. c. 143—44. Въ послѣдствіи времени, при содѣйствіи же церкви и по согласію и распоряженію свѣтскаго законодателя, присвоена была эта привиллегія какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ студентамъ, и наконецъ всякому кто умѣлъ читать, хотя бы онъ не былъ посвященъ въ духовный санъ или не имѣлъ постриженія. Привиллегія эта распространена на свѣтскихъ людей, на основаніи слѣдующей юридической фикціи: умѣніе читать было признакомъ принадлежности къ духовному сословію (пер-

отъ наказанія (что видимъ во Франціи каждый день), нужно быть только именитымъ злодѣемъ. 32. Пасторе говоритъ: Наказываютъ висѣлицею легкое воровство, сдѣланное въ царскомъ домѣ. Награждаютъ публичныхъ грабителей; за лихоимство назначаютъ только денежное наказаніе, и вѣшаютъ того, кто воруетъ фарфоръ въ версальскомъ или тюльерійскомъ замкѣ. Pastoret, P. 3. 193—4. см. также: Voltaire, Prit de la justice. art 2.—Philipon de la Madeleine, писатель XVIII в., такъ говоритъ по этому поводу: »Другой порокъ этого рода наказаній (т. е. смертныхъ казней): тяжесть ихъ падаетъ только на народъ; смертный, котораго фортуна прикрываетъ своимъ крыломъ, почти всегда избѣгаетъ смертной казни. Это есть та ткань паука, о которой говорилъ Анахарсисъ; мушка въ ней погибаетъ, а шмель ее прорываетъ...... Сильный человѣкъ, который не боится болѣе совершать преступленія, имѣетъ въ запасѣ всѣ силы, чтобы уйти отъ наказанія. И чѣмъ страшнѣе наказанія, тѣмъ больше дѣлаютъ усилій, чтобы отъ нихъ скрыться. Друзья, родные, союзники, покровители, креатуры—все приходитъ въ движеніе.... Colinez, Responsio ad quaestionem propositam: An in republica bene ordinata poena mortis admittenda sit? c. 24.

воначально только оно одно и умѣло читать); слѣдовательно, кто читаеть, тотъ долженъ принадлежать къ духовному званію и пользоваться привиллегіею духовенства. ib. 145. Но очевидно, что чрезъ это распространеніе, изъятіе отъ смертной казни досталось на долю самаго богатаго свѣтскаго класса, ибо умѣніе читать въ тѣ времена совсѣмъ не было распространено между низшимъ, рабочимъ народомъ, а было достояніемъ духовенства и дворянства. Итакъ, въ Англіи, въ этой издавна странѣ смертныхъ казней, богатые аристократическіе и дворянскіе роды, изъ которыхъ же набиралось духовенство, пользовались изъятіемъ отъ смертной казни за самыя тяжкія преступленія. И конечно, распространеніе этой привиллегіи на свѣтскихъ людей произошло не потому, что свѣтскіе богатые люди научились читать,—умѣніе читать было только однимъ предлогомъ, — а потому, что духовенство и дворянство англійскіе происходили отъ однихъ и тѣхъ же родовъ и имѣли одинаковые интересы. Послѣ того какъ обвиняемый объявлялъ, что онъ пользуется этою привиллегіею, съ него снимали приговоръ, постановленный въ королевскомъ судѣ, и отсылали къ церковному суду, согласно съ канонами церкви. Судъ церковный производилъ сызнова по каноническимъ правиламъ процесъ, хотя бы преступникъ былъ признанъ виновнымъ свѣтскими присяжными, или самъ сознался въ своей винѣ. Епископъ или его делегатъ сначала заставляли самого преступника клясться въ своей невинности, потомъ клялись двѣнадцать compurgatores въ томъ, что преступникъ говоритъ истину. За тѣмъ выслушивали свидѣтелей подъ присягою, но только свидѣтелей одного обвиняемаго. Наконецъ присяжные изъ духовныхъ произносили приговоръ, по которому обыкновенно преступникъ освобождался. Если преступленіе было слишкомъ очевидно и слишкомъ нагло, то обыкновенно преступника лишали степени и предавали покаянію. ib. II. 147. Объ этой процедурѣ Блакстонъ говоритъ: »Одинъ просвѣщенный судья, въ началѣ послѣдняго столѣтія, замѣчаетъ съ величайшимъ негодованіемъ, что эта форма суда сопряжена съ безмѣрнымъ сплетеніемъ клятвопреступленій и подлоговъ, что во всѣхъ этихъ преступленіяхъ бываютъ соучастниками свидѣтели, соочистители (compurgatores) и присяжные. Преступникъ, самымъ очевиднымъ образомъ, и по собственному своему сознанію, признанный по рѣшенію перваго суда виновнымъ, имѣлъ позволеніе и даже приказаніе клясться въ своей невинности; и добрый епископъ, подъ властію

котораго ежедневно разыгривались эти сцены, не чуждъ былъ упрековъ. Такимъ образомъ преступникъ былъ возстановляемъ, посредствомъ этого очищенія, въ своемъ кредитѣ, въ своей свободѣ, въ своихъ имуществахъ, во всѣхъ правахъ гражданина, и дѣлался особымъ человѣкомъ, бѣлымъ какъ снѣгъ« ib. 148. Для уничтоженія этого зла, статутомъ Елисаветы было установлено: не отсылать пользующагося привиллегіею къ духовному суду, какъ дѣлалось прежде, но, по наложеніи на руку клейма, отпускать его, предоставляя притомъ усмотрѣнію судьи приговаривать къ тюремному заключенію, но не далѣе какъ на годъ. Англійскій законодатель, въ лицѣ королей, съ теченіемъ времени старался положить предѣлы этой привиллегіи, частію тѣмъ, что ограничивалъ ее извѣстными преступленіями или извѣстными лицами, частію тѣмъ, что распространялъ ее для смягченія наказанія на всѣхъ, желающихъ ею воспользоваться. Такъ Эдуардъ III объявилъ, что духовные пользуются этою привиллегіею, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ когда они совершатъ измѣну или фелонію въ отношеніи къ лицу короля. ib. 154. Bentham, Oeuvres, II. c. 112. Когда съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія умѣніе читать сдѣлалось доступнымъ очень многимъ, и когда такимъ обр. число имѣющихъ право на привиллегію духовенства слишкомъ увеличилось, то при Генрихѣ VII изданъ былъ статутъ, которымъ привиллегія оставлена въ полной силѣ только за духовными, за свѣтскими же людьми умѣющими читать съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, именно: они могли воспользоваться ею только одинъ разъ; для избѣжанія обмана, всякій свѣтскій, воспользовавшійся разъ привиллегіею духовенства, подлежалъ клейменію желѣзомъ на лѣвомъ большомъ пальцѣ. Различіе между духовными и свѣтскими на пользованіе этой привиллегіи, уничтоженное Генрихомъ VIII, было возстановлено Эдуардомъ VI, который объявилъ притомъ, что привиллегія перовъ, въ силу ихъ перства, равняется привиллегіи духовныхъ, когда даже они не умѣютъ читать; поэтому они пользуются за совершеніе перваго преступленія полнымъ изъятіемъ отъ свѣтскихъ наказаній, безъ наложенія клейма на руку. Blackstone, II. 145—6. Очевидно, что съ изданіемъ этого закона за перами законодательнымъ образомъ была утверждена та привиллегія, которою они пользовались до тѣхъ поръ при помощи разныхъ тонкихъ юридическихъ толкованій. За тѣмъ эта привиллегія, при Вильгельмѣ и Маріи, была распространена на женщинъ, которымъ предоставлено было право просить объ освобожденіи за нѣкоторыя преступленія отъ смертнаго наказанія. Блакстонъ

говоритъ, что всякая женщина, всякій перъ королевства и всякій гражданинъ, который умѣлъ читать, получали прощеніе за простыя фелоніи, означенныя въ законѣ; преступники же, не умѣвшіе читать, не бывшіе перами, были посылаемы на висѣлицу. II. 150. Наконецъ, статутомъ королевы Анны предоставлено было право просить о привиллегіи духовенства всѣмъ, безъ различія, даже неумѣющимъ читать, въ извѣстныхъ только впрочемъ случаяхъ, ib 150, съ предоставленіемъ судьѣ, по закону Георга I, права, по своему усмотрѣнію, вмѣсто клейменія и плетей, подвергать виновныхъ семилѣтней ссылкѣ. с. 151. Привиллегія духовенства была окончательно отмѣнена только въ 1827 г. Kritische Zeitschrift fur Rechtswiss. und Gesetzg. des Auslandes. B. I. 38. Такимъ образомъ, въ Англіи изъятіе отъ смертной казни существовало въ слѣдующемъ видѣ: Духовенство нѣсколько вѣковъ пользовалось полнымъ изъятіемъ и даже полною ненаказанностію, за исключеніемъ съ Эдуарда III большой измѣны. Аристократія и дворянство также путемъ обычая были изъяты отъ смертной казни, такъ какъ имъ скорѣе всего было доступно умѣніе читать и имъ легче всего было добиться признанія своей принадлежности къ духовенству. Съ Эдуарда VI лорды и перы были и по закону уравнены за первое преступленіе въ привиллегіи съ духовенствомъ. Съ XVI ст. т. е. съ того времени, какъ число умѣющихъ читать увеличилось, начинается стѣсненіе для свѣтскихъ изъятія отъ смертной казни: тогда какъ за духовными оставалось неограниченное изъятіе, свѣтскіе умѣвшіе читать пользовались имъ только одинъ разъ и притомъ подвергались клейменію. Вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ законодательное увеличеніе числа преступленій, въ отношеніи къ которымъ не допускалось это изъятіе. Наконецъ въ XVIII ст. изъятіе отъ смертной казни было распространено на всѣхъ, желающихъ воспользоваться имъ, безъ различія, за нѣкоторыя только впрочемъ преступленія. Итакъ, до самаго уничтоженія этой привиллегіи одно духовенство и перы пользовались полнымъ изъятіемъ отъ смертной казни и даже отъ всякаго наказанія за нѣкоторыя преступленія 1). Лицамъ прочихъ классовъ предоставлено было на волю пользоваться привил-

1) Бриссо-де-Варвиль говоритъ: Ѳома Бекетъ, тотъ, который велѣлъ сжечь свѣтскаго темнаго человѣка, подъ предлогомъ ереси, защищалъ жизнь священника, виновнаго въ убійствѣ, обольщеніи и изнасилованіи. I. с. 126.

легіею духовенства, или оставить ее безъ употребленія; въ послѣднемъ случаѣ судъ приговаривалъ подсудимаго къ смертной казни за самое легкое преступленіе. Богородскій, II. с. 331. Очевидно, что не могло не быть недостатка въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ обвиняемый не пользовался привиллегіею, хотя имѣлъ на это право; и очевидно также, что эти случаи упадали на долю неимущаго человѣка, которому не доступно образованіе, а слѣдовательно и знаніе законовъ, особенно такихъ запутанныхъ какъ англійскіе, и который не въ состояніи нанять для себя защитника.—Криминалисты не разъ останавливались надъ расточительностію англійскихъ законовъ на смертную казнь и старались отыскать причину ея. Юліусъ, извѣстный тюрьмовѣдъ, приписывалъ эту жестокость вліянію нормановъ, перенесшихъ въ завоеванную ими Англію свои варварскіе обычаи. По мнѣнію Миттермайера, она обязана своимъ происхожденіемъ междоусобнымъ войнамъ, политическимъ переворотамъ, перемѣнѣ династій, борьбѣ партій. Нашъ покойный Богородскій объяснялъ это явленіе характеромъ англичанъ, чрезвычайно упорно держащихся старины и дѣлающихъ перемѣны съ величайшею медленностію. с. II. 328. Не гораздо ли будетъ справедливѣе видѣть причину этой жестокости въ устройствѣ англійскаго общества; тѣ классы этого общества, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались управленіе и судъ, будучи избавлены отъ смертной казни, легко расточали ее преступникамъ изъ другихъ классовъ за мелкія вины, потому что сами не боялись когда-нибудь ей подвергнуться. И въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ уничтоженія этой привиллегіи, замѣчается юридическое и фактическое уничтоженіе смертной казни. Уже Блакстонъ жаловался на то, что присяжные, не желая посылать преступника на висѣлицу, давали оправдательный вердиктъ.

Объ изъятіи въ Россіи дворянъ отъ смертной казни Карамзинъ говоритъ: въ XVI в. въ Россіи за что крестьянина или мѣщанина вѣшали, за то сына боярскаго сажали въ темницу, или сѣкли батогами. Т. X, стр. 142. изд. Ейнерл. Флетчеръ, упомянувши о разныхъ родахъ смертныхъ казней, существовавшихъ въ концѣ XVI стол. въ Россіи, прибавляетъ, что все это только для низшаго народа. Если же дворянинъ украдетъ или убьетъ бѣднаго мужика, трудно, чтобы онъ былъ наказанъ или призванъ къ отвѣту..... Если сынъ боярскій или солдатъ-дворянинъ совершитъ воровство, или убійство, онъ иногда подвергается тюремному заключенію, по усмотрѣ-

нію императора. Когда же дѣло очень явно, тогда его можетъ быть накажутъ плетьми. La Bussie au XVI siéc. 154. То же самое, хотя не въ такой степени, подтверждаютъ законодательные памятники, хотя въ нихъ и не было нигдѣ высказано общаго правила объ изъятіи дворянъ отъ смертной казни. По Судебнику, за неправосудіе и лихоимство, бояринъ, окольничій, дворецкій, казначей, кромѣ взысканія въ пользу истца, наказываются по усмотрѣнію государя (а въ пенѣ что государь укажетъ), ст. 3; дьякъ за то же самое подлежитъ или такому же наказанію или тюремному заключенію, ст. 4; подъячій подвергается торговой казни, т. е. наказанію кнутомъ, ст. 5. Крестьяне, по грамотамъ на собственный судъ, за неправосудіе наказываются смертною казнію.... »А начнутъ излюбленные судьи судить по посуламъ, то излюбленныхъ судей казнить смертною казнію«. Ак. Ар. Эксп. Т. I. № 257. Въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича еще болѣе случаевъ такого неравенства. Такъ помѣщикъ за убійство крестьянъ, пойманныхъ имъ на разбоѣ, лишается помѣстья, а крестьянинъ за то же самое лишается жизни. гл. XXI. 279. 80. За мучительное наругательство, т. е. за отнятіе руки, или ноги и другихъ членовъ, помѣщикъ подвергается или лишенію такого же члена, или наказанію кнутомъ; а крестьянинъ смертной казни. гл. XXII. 10, 12. Въ нѣкоторыхъ законахъ XVIII в. замѣчается то же самое. Въ наказѣ губернаторамъ 12 сент. 1728 г. предписывается »вѣшать не описываясь« всѣхъ крестьянъ, пойманныхъ въ нарушеніи карантинныхъ законовъ; о дворянахъ же, виновныхъ въ этомъ нарушеніи, отписывать и ждать указа. № 5333, п. 38. Наконецъ, не должно забывать, что со второй половины XVIII в. дворяне освобождаются совершенно отъ тѣлесныхъ наказаній вообще, и въ частности отъ наказанія кнутомъ, которое хотя не было причислено къ смертной казни, но на самомъ дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ, по свидѣтельству писателя XVIII ст. кн. Щербатова, оканчивалось смертію наказаннаго. Чтенія Общества исторіи и древностей. 1860 г. кн. 1.

Такъ какъ въ другой части Россіи, находившейся подъ властію Польши, дворянство сложилось гораздо болѣе кастическимъ образомъ, чѣмъ въ Восточной Руси, то въ законодательствѣ литовскомъ гораздо рѣзче и объемистѣе опредѣлено было изъятіе дворянъ отъ смертной казни. По Литовскому Статуту 1588 г. шляхтичъ, за убійство простолюдина (конечно ему неподвластнаго), подлежитъ смертной казни только тогда, когда онъ пойманъ на мѣстѣ преступленія,—и притомъ

если обвиненіе будетъ подтверждено присягою истца съ шестью свидѣтелями людей неподозрительныхъ, честныхъ и достойныхъ вѣры, и если, сверхъ того, въ числѣ этихъ свидѣтелей будутъ два шляхтича. При недостаткѣ одного изъ этихъ условій, шляхтичъ или вовсе освобождается отъ всякаго наказанія, или только приговаривается къ уплатѣ головщизны, т. е. штрафа. Далѣе: тогда какъ для обвиненія шляхтича требуются почти-что невозможныя условія, для его оправданія законъ довольствуется сравнительно ничтожною долею этихъ условій. Шляхтичъ могъ очистить себя отъ всякаго обвиненія въ убійствѣ только присягой самъ-третъ, т. е. присягой своей и двухъ свидѣтелей, или шляхтичей или простолюдиновъ безъ различія. Въ это же самое время, простолюдинъ за убійство лица того же самаго званія наказывался смертною казнію, хотя бы онъ не былъ захваченъ на мѣстѣ преступленія; для постановленія приговора достаточно было показанія двухъ свидѣтелей. Если простолюдинъ убивалъ шляхтича, наказаніе увеличивалось нѣсколькими степенями, т. е. онъ подвергался мучительной смертной казни, за убійство же зависимымъ холопомъ своего господина, преступникъ подлежалъ наказанію какъ за измѣну, т. е. четвертованію. Лит. Ст. 1588 г. XII. 1. 2. 3. Лит. Ст. 1566 г. VII. 29 XI. 12. XIV. 25. Ст. 1588 г. XI. 916. 17. 27. 39.—Относительно другаго преступленія, грабежа, существовали подобные же законы. Для обвиненія шляхтича въ этомъ преступленіи необходимо было схватить его на мѣстѣ преступленія; безъ этого условія шляхтичъ не подлежалъ суду и на принесенное обвиненіе не обязанъ былъ оправдываться. И даже болѣе: непойманный на мѣстѣ, онъ можетъ требовать со стороны хлопа, обвинившаго его, уплаты штрафа, какъ за нанесеніе раны. Только послѣ третьяго обвиненія непойманнаго шляхтича въ этомъ преступленіи, судъ приступалъ къ изслѣдованію, а послѣ четвертаго истцу дозволяется присяга самъ-четвертъ. Простолюдины же, хотя и непойманные на этомъ преступленіи, не освобождаются отъ суда и наказанія. Статутъ 1529 г. III. 7—9. Ст. 1566 г. XIV. 7. Ст. 1588 г. XI. 31—32. За нанесеніе шляхтичемъ раны простолюдину, виновный подвергался только платежу штрафа, количество котораго было опредѣляемо по званію обвиненнаго; или же тюремному заключенію, если рана нанесена имъ была шляхтичу. За нанесеніе же раны шляхтичу простолюдиномъ, сей послѣдній лишался руки; если же виновный—зависимый холопъ, то за одно поднятіе руки на своего

господина, у него отнимали руку, за раны же и побои его казнили тяжкою смертію. За оторваніе руки или другаго члена у шляхтича, виновный шляхтичъ подвергался тоже отнятію руки, а виновный простолюдинъ смертной казни. Стат. 1529 г. XI. I. Стат. 1588 г. XII. 3—6. Стат. 1529. III. 14. Стат. 1566 г. XI. 15. Стат. 1588 г. XI. 10—27. Изъ этого обзора литовскихъ законовъ очевидно, что шляхетство было изъято отъ смертной казни, за исключеніемъ очень рѣдкихъ случаевъ. Ибо хотя de jure шляхтичъ подлежалъ смертной казни за убійство даже простолюдина, но de facto развѣ въ очень рѣдкихъ случаяхъ онъ могъ быть приговоренъ къ этому наказанію; потому что, при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, стеченіе тѣхъ многочисленныхъ доказательствъ, которыхъ требовалъ законъ для осужденія, могло произойти развѣ по какому-нибудь рѣдкому случаю. Шляхтичъ оставался не наказаннымъ и за убійство лица изъ своего сословія. Въ Польшѣ до послѣднихъ временъ, общегосударственная власть была такъ слаба и право сильнаго такъ могущественно, какъ это было только въ Европѣ въ періодъ наибольшаго развитія феодализма. Судъ, постановившій приговоръ надъ могущественнымъ шляхтичемъ, не имѣлъ средствъ привести его въ исполненіе; обвиняемый въ уголовномъ преступленіи шляхтичъ, не хотѣвшій подчиниться приговору суда, объявлялся только баннитомъ, т. е. изгнаннымъ. Но и послѣ этого онъ могъ испросить охранительную грамоту у короля, которая дѣлала его безопаснымъ отъ всякаго приговора. Блакстонъ, вслѣдъ за Пуффендорфомъ, говоритъ, что одинъ польскій король нашелъ удобнымъ освободить отъ наказанія за убійство все дворянство посредствомъ декрета, который начинался слѣдующими словами: »Nos, divini juris rigorem moderantes«—Мы по праву божественному смягчая строгость и пр. Т. V. 536.

Изъ изложеннаго о привиллегіяхъ вытекаютъ слѣдующіе выводы: 1) У всѣхъ народовъ, до образованія государствъ, преступленіе является личною обидою для семьи и рода, а наказаніе мщеніемъ. Въ это время нѣтъ и не можетъ быть равенства наказаній. Кто сильнѣе, тотъ вѣрнѣе и жесточе мститъ: кто богаче, тотъ легче можетъ избѣжать кары; тутъ господствуетъ право сильнаго и богатаго, хотя и не возведенное въ законъ. Но и съ развитіемъ государства не исчезаетъ это неравенство. Напротивъ, оно долго сохраняется, формируется и яв-

ляется въ видѣ законовъ. Отсюда у всѣхъ народовъ, 1) въ первый періодъ ихъ государственной жизни, существуетъ два класса: народъ, составляющій большинство, и немногочисленные дворянскіе роды и духовенство, представляющіе меньшинство. Преступленія перваго класса, т. е. большинства, преслѣдуются съ поразительною жестокостію: смертная казнь и изувѣченіе—вотъ наказанія, которымъ большинство подлежитъ по закону. Напротивъ, меньшинство, въ рукахъ котораго сосредоточиваются всѣ роды власти, успѣваетъ путемъ закона или практики установить для себя или полное изъятіе отъ смертной казни и другихъ мучительныхъ казней, родственныхъ съ первою, или же изъятіе въ большинствѣ случаевъ. Помилованіе, снисхожденіе судьи, вслѣдствіе подкупа, или вслѣдствіе кастическаго пристрастія, безсиліе власти привесть въ исполненіе приговоръ надъ могущественнымъ преступникомъ, парализируютъ дѣйствіе тѣхъ малочисленныхъ законовъ, которые грозятъ за извѣстныя преступленія всѣмъ безъ изъятія смертною казнію, и такимъ образомъ дополняютъ закономъ установленное изъятіе.

2) Такое изъятіе меньшинства отъ смертной казни нельзя считать признакомъ уваженія къ человѣческому достоинству, ни даже началомъ уменьшенія смертныхъ казней. Скорѣе это есть проявленіе ненаказанности того меньшинства, которое, будучи само изъято отъ ужасныхъ казней, тѣмъ съ большимъ легкомысліемъ расточаетъ ихъ угнетаемому имъ большинству. Это есть признакъ исключительныхъ правъ и привиллегій, экономическихъ, политическихъ и судебныхъ, немногочисленнаго класса и безправія или полубезправія и угнетенія цѣлой массы народа. При такомъ устройствѣ общества не бóльшая или меньшая тяжесть преступленія составляетъ мѣрило наказанія, а принадлежность къ тому или другому классу: знатность рода, богатство, положеніе въ обществѣ—это обстоятельства, которыя тяжкое преступленіе превращаютъ въ маловажное; напротивъ, бѣдность, недостатокъ правъ, низкое положеніе въ обществѣ—это такія обстоятельства, которыя изъ маловажной вины дѣлаютъ преступленіе, достойное смертной казни. Въ самомъ этомъ устройствѣ лежитъ неизсяка-

1) Въ странахъ низко стоящихъ въ цивилизаціи: въ Монголіи, человѣкъ чиновный за убійство съ предумышленіемъ платитъ большой штрафъ, тогда какъ рабъ, убившій своего господина, разрѣзывается живой на куски. Tissot, 1. 288. Въ Японіи, богатый человѣкъ, вмѣсто того чтобы платить жизнію, платитъ деньгами. ib. 286. Подобное неравенство существуетъ у негровъ на золотомъ берегу. Pastoret, Lois penales. II. 4 48.

емый источникъ смертныхъ казней и противодѣйствіе ихъ уменьшенію: меньшинство считаетъ изъятіе отъ смертной казни своимъ прирожденнымъ правомъ, наградою за добродѣтели; не испытывая само тѣхъ ужасныхъ казней, которыя назначены для народа, оно не въ состояніи оцѣнить ни важности вины, ни всей тяжести казней; какъ въ изъятіи отъ смертной казни оно видитъ принадлежность своей породы, такъ въ смертныхъ казняхъ средство поддержанія своей власти, своихъ привиллегій и угнетенія народа. Словомъ, привиллегія изъятія отъ смертной казни есть лицевая сторона другой оборотной—рабства и крайней расточительности смерныхъ казней: гдѣ есть первое, тамъ должно быть и второе,—и тотъ изслѣдователь никогда не ошибется, который отыскавши въ какомъ-нибудь обществѣ существованіе привиллегіи изъятія, сдѣлаетъ заключеніе о примѣненіи въ этомъ обществѣ смертныхъ казней въ большемъ объемѣ. Такимъ образомъ, господство въ обществѣ привиллегій, вмѣстѣ съ паралельно-существующимъ рабствомъ, есть время крайней расточительности смертныхъ казней.

3) Привиллегія изъятія отъ смертной казни съуживается и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ, по мѣрѣ развитія общегосударственной власти, по мѣрѣ отождествленія этой послѣдней съ понятіемъ общаго блага всего народа. Съ постепеннымъ уничтоженіемъ этой привиллегіи происходитъ прогрессивное уменьшеніе смертныхъ казней, и уголовное право дѣлаетъ новый шагъ по пути развитія. Казни уменьшаются въ томъ отношеніи, что, уравнивая всѣхъ въ наказуемости, законодатель вычеркиваетъ изъ списка преступленій, подлежащихъ смертной казни, тѣ, которыя принадлежатъ къ разряду или маловажныхъ винъ или не такъ важныхъ проступковъ. Самое подчиненіе привиллегированныхъ лицъ общему закону, по которому они ставятся въ разрядъ казнимыхъ смертію за тяжкія преступленія, хотя повидимому должно сопровождаться увеличеніемъ казней, но это увеличеніе совершенно исчезаетъ предъ упомянутымъ уменьшеніемъ для большинства, гораздо большимъ по количеству и качеству. И въ тоже время это подчиненіе одному общему закону составляетъ большой шагъ впередъ и начало для полной отмѣны смертной казни. Ибо только съ уничтоженіемъ привиллегій настаетъ оцѣнка преступленій и опредѣленіе наказаній по существу тѣхъ и другихъ, и такимъ образомъ исчезаютъ какъ философскія такъ и практическія причины, задерживающія постепенное уменьшеніе и даже уничтоженіе смертныхъ казней.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Періодъ наибольшей примѣняемости смертныхъ казней во время господства общегосударственной власти. Цифра и перечень смертныхъ преступленій по законамъ римскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ и русскимъ. Нѣкоторыя статистическія данныя о количествѣ смертныхъ казней въ этотъ періодъ. Спеціальныя причины расточительности смертныхъ казней въ этотъ періодъ. Преступленія государственныя. Религіозныя. Преступленія противъ нравственности. До конца XVIII ст. сохраняется обычай карать смертію маловажныя вины. Недостатки судопроизводства и произволъ судей поддерживаютъ высокую сумму смертныхъ казней.

Хотя образованіе общегосударственной власти, въ самомъ зачаточномъ видѣ, сопровождалось уменьшеніемъ смертныхъ казней—что было разъяснено въ предъидущихъ главахъ—но еще очень долго, послѣ этого событія, сама общегосударственная власть, какъ непосредственная наслѣдница предъидущаго порядка, держалась нѣкоторыхъ началъ, которыя естественно условливали необходимость смертной казни за многія преступленія, и по многимъ поводамъ. Конечно, начавшееся съ прошедшаго столѣтія рѣшительное ограниченіе смертной казни совершено было тою же общегосударственною властію, которою производится и будетъ произведена и будущая полная отмѣна смертной казни. Но во всякомъ случаѣ, въ періодѣ существованія и развитія этой власти мы замѣчаемъ время, хотя и меньшаго сравнительно прошедшаго, но большаго относительно будущаго примѣненія смертной казни. Такимъ образомъ, предметомъ этой главы будетъ изображеніе максимума смертныхъ казней въ періодъ господства государственной власти. Для выполненія этой задачи, я не буду держаться строго хронологіи, а только приведу нѣкоторыя данныя изъ разныхъ законодательствъ одного и того же порядка, хотя бы и разныхъ временъ.

1. Римское законодательство позднѣйшихъ временъ императорства представляетъ слѣдующія данныя относительно смертной казни.—Смертная казнь посредствомъ сожженія опредѣляется въ 24 случаяхъ наряду съ другими способами казни, какъ-то: повѣшеніемъ, утопленіемъ, бросаніемъ на съѣденіе звѣрямъ, залитіемъ горла расплавленнымъ желѣзомъ. По исчисленію Готофреда, на котораго ссылается Голтцендорфъ, простая смертная казнь посредствомъ отсѣченія головы мечомъ въ кодексѣ Өеодосія встрѣчается въ 80 случаяхъ: исчисленіе это, по замѣчанію почтеннаго берлинскаго профессора, не обнимаетъ всѣхъ случаевъ, потому что подъ словомъ »Capitalstrafe«, которое встрѣчается во многихъ мѣстахъ этого кодекса, должно разумѣть смертную казнь. Holtzendorff, Die Deportation, c. 135.

Въ Каролинѣ, или уголовномъ кодексѣ Карла V, слѣдующія преступленія наказываются смертною казнію: 1) Богохульство, и даже вольныя рѣчи, хотя бы онѣ не содержали ни богохульства, ни прямаго нечестія, если онѣ произнесены въ третій разъ, ст. 106. 2) Лжеприсяга, на основаніи которой былъ казненъ невинный, ст. 107. 3) Нарушеніе клятвы при извѣстныхъ обстоятельствахъ, 108. 4) Волшебство, 109. 5) Пасквили и обидныя сочиненія, 110. 6) Тѣ, которые дѣлаютъ фальшивую монету, или ставятъ на ней знаки, или мѣняютъ, или пріобрѣтаютъ и потомъ сбываютъ, 111. 7) Тѣ, которые предоставляютъ свой домъ для выдѣлки, ib. 8) Поддѣлка печатей, писемъ, контрактовъ, обязательствъ, реэстровъ, 112. 9) Повтореніе поддѣлки и употребленія поддѣльныхъ мѣръ, вѣсовъ и разныхъ товаровъ, 113. 10) Поддѣлка и ложная перестановка граничныхъ знаковъ въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ, 114. 11) Скотоложство. 12) Содомскій грѣхъ: преступленіе мужчины съ мужчиною, женщины съ женщиною, 116. 13) Кровосмѣшеніе, 117. 14) Похищеніе замужней женщины или дѣвицы, хотя бы съ ихъ согласія, 118. 15) Изнасилованіе, 119. 16) Прелюбодѣяніе, 120. 17) Двоебрачіе, 121. 18) Содѣйствіе со стороны мужа проституированію жены или дитяти, 122. 19) Измѣна, 124. 20) Поджогъ дома, лѣса, сѣна и т. п., 125. 21) Воровство на большой дорогѣ, 126. 22) Возмущеніе и бунтъ, 127. 23) Бродяжество въ извѣстныхъ проявленіяхъ, 128. 24) Нѣкотораго вида угрозы, 129. 25) Отравленіе, хотя бы и неудачное, а также приготовленіе и снабженіе яда для этой цѣли. 26) Недонесеніе объ этомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, 130. 27) Дѣтоубійство, 131. 28) Оставленіе дитяти въ какомъ-нибудь мѣстѣ, повлекшее за собою смерть,

132. 29) Изгнаніе плода какъ самою женщиною, такъ и посторонпимъ. 30) Кто сдѣлаетъ безплоднымъ мужчину или женщину, 133. 31) Медикъ причинившій намѣренно смерть леченіемъ, 134. 32) Убійство, хотя бы и въ гнѣвѣ и увлеченіи, 137. 33) Убійство господина и родственное убійство, 137. 34) Убійство въ дракѣ, 148. 35) Воровство со взломомъ, или съ оружіемъ въ рукахъ, какъ бы мала ни была цѣна украденнаго, 159. 36) Воровство выше 5-ти дукатовъ, 160. 37) Простое воровство въ третій разъ ниже 5-ти дукатовъ, 162. 38) Воровство въ полѣ и вообще плодовъ, если оно сопровождалось увеличивающими вину обстоятельствами, 167. 39) Воровство рыбы при извѣстныхъ отягчающихъ вину обстоятельствахъ, 169. 40) Мошенничество, 170. 41) Святотатство въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, 171—174. 42) Пособничество въ совершеніи преступленій, 177. 43) Покушеніе на преступленіе, 178. 44) Содѣйствіе побѣгу изъ тюрьмы преступника, или выпускъ его, 179. Исчисленныя преступленія не обнимаютъ всѣхъ родовъ и всѣхъ видовъ преступленій, за которыя въ XVI, XVII и отчасти XVIII в. опредѣлялась въ Германіи смертная казнь: такъ въ Каролинѣ не упоминается о ересяхъ, о преступленіяхъ противъ разныхъ уставовъ, напр. таможеннаго; о государственныхъ преступленіяхъ, которыхъ считалось въ это время нѣсколько видовъ, въ этомъ кодексѣ говорится очень кратко.

Во Франціи передъ революціей считалось 115 преступленій, за которыя законъ грозилъ смертною казнію. Преступленія эти слѣдующія: 1) Тяжкое богохульство, по деклараціи Людовика XIV, 1666 г. 2) Составленіе сочиненій противъ религіи, по деклараціи Людовика XV, 1757 г. 3) Кто заставляетъ сочинять ихъ, по той же деклар. 4) Печатаніе ихъ, тамъ же. 5) Святотатство (sacrilège), соединенное съ суевѣріемъ и нечестіемъ, по едикту Людов. XIV, 1682 г. ст. 3. 6) Святотатство съ профанаціею священныхъ вещей. 7) Разбитіе и разрушеніе крестовъ и изображеній, по едикту Карла IX, 1561 г. 8) Всякое дѣйствіе, производящее скандалъ и нечестивое возмущеніе, тамъ же. 9) Собраніе еретиковъ съ оружіемъ въ рукахъ, по деклар. 1724 г. ст. 1. 10) Исполненіе протестантскими проповѣдниками своихъ обязанностей, тамъ же, ст. 2. 11) Волшебство и магія, по деклар. 1682 г. 12) Убійство короля, по ордон. Франциска 1-го 1531 г. ст. 1 13) Покушеніе на личность дѣтей королевскихъ, тамъ же. 14) Лиги и ассоціаціи, по ордон. 1562 г. ст. 15, 1563 г. ст. 7 и 9, 1583 г.

15) Противозаконный наборъ войска, тамъ же. 16) Заговоръ, по ордон. 1531 г. ст. 1. 17) Неоткрытіе заговора, по ордон. 1477 и 1534 г. ст. 37. 18) Вступленіе въ переговоры съ непріятелемъ, безъ позволенія начальника арміи, тамъ же, 34. 19) Неизвѣщеніе своего начальства о полученіи письма или извѣстія отъ непріятельскаго государя, или сеньора, тамъ же, 37. 20) Сборъ войскъ безъ позволенія короля по зак. 1615 г. 21) Незаконныя сборища подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, по орд. Генр. III, 1487, и орд. блуасскому ст. 278. 22) Ношеніе оружія, когда носящій не состоитъ въ гарнизонѣ, или на службѣ короля, по ордон. Франц. I. 1546 г. ст. 1. 23) Содѣйствіе тѣмъ, которые носятъ, тамъ же. 24) Дезертирство, ордон. Франц. I, 1534 г. ст. 53. 25) Запасъ оружія для пѣхоты и конницы, орд. Люд. XIII, 1629 г. ст. 172. 26) Покупка безъ позволенія пороху, свинцу, фитилей больше чѣмъ нужно для необходимаго обихода своего дома, тамъ же, ст. 173. 27) Литье безъ позволенія, удерживаніе или имѣніе у себя пушекъ и другихъ орудій какихъ бы то ни было калибровъ, тамъ же, ст. 174. 28) Укрѣпленіе крѣпостей, или овладѣніе тѣми, которыя уже укрѣплены, тамъ же, ст. 176. 29) Поддѣлка монеты, имѣющей курсъ, по орд. Люд. IX, 1262 г. Филип. III, 1273 г., Генр. IV, 1599 г. ст. 21, Людов. XV, декл. 1726 г. ст. I. 30) Содѣйствіе выпуску поддѣланной монеты, или ввозу ея въ королевство, едик. Люд. XV, 1718, декл. 1726 г. ст. 1. 31) Обрѣзываніе экю и другой золотой или серебряной монеты, орд. Франц. I. 1536 г. ст. 6, 1540 г. ст. 61. 32) Покупка этихъ обрѣзковъ, орд. Генр. IV, 1599 г. ст. 21. 33) Несдача монетными работниками монеты по вѣсу и пробѣ, орд. Генриха IV, 1599 г. ст. 4. 34) Получатели и плательщики, которые завѣдомо распространяютъ фальшивыя монеты, орд. Генр. IV, 1599 г. ст. 4, деклар. Люд. XV, 1726 г. ст. 2. 35) Мѣнялы, которые не исполнятъ извѣстныхъ формальностей при покупкѣ золотой и серебряной монеты, орд. орлеанскій ст. 148. 36) Вывозъ изъ королевства золота и серебра больше того количества, которое необходимо для путешествія, декл. Люд. XV, 1726 г. ст. 9. 37) Доставленіе золота и серебра фальшивымъ монетчикамъ, ib. ст. 12. 38) Слесаря, кузнецы и другіе мастера желѣзныхъ издѣлій, которые выдѣлываютъ инструменты и орудія, служащія для монеты, хотя бы употребленіе ихъ было имъ не извѣстно, декл. Люд. XV, 1726 г. ст. 16. 39) Тѣ, которые выдѣлываютъ штемпеля и другія орудія, годные для фабрикаціи монеты, безъ позволенія монетнаго чиновника, тамъ же, ст. 17.

40) Извощики, которые завѣдомо перевозятъ инструменты, служащіе для выдѣлки монеты, не давши знать генеральному прокурору, или интенданту, тамъ же, ст. 18. 41) Сборщики общихъ и частныхъ доходовъ, имѣющіе въ рукахъ своихъ государственныя имущества, если они растратятъ больше 3 тыс. ливровъ, Люд. XIV, 1690 г. 42) Казначеи, сборщики и другіе пристава, которые похищаютъ казенныя деньги или употребляютъ ихъ въ свою пользу, декл. Люд. XIV, 1701 г. 43) Лихоимство при извѣстныхъ обстоятельствахъ. 44) Оскорбленіе судей, судебныхъ чиновниковъ, экзекуторовъ, приставовъ, во время отправленія ими судебныхъ обязанностей, ордон. Moulins ст. 30, и блуасскій ст. 190. 45) Принятіе и скрытіе въ своемъ домѣ осужденнаго на смерть, орд. Франц. II, 1559 г. 46) Взломъ тюремъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. 47) Убійство въ засадѣ, орд. Генр. II, 1547 г. 48) Сопутствіе убійцамъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, ордон. блуас. ст. 190. 49) Одно приготовленіе убить, хотя бы оно не сопровождалось даже никакими послѣдствіями, орд. блуас. ст. 195, орд. 1670 г. тит. 16, ст. 4. 50) Воровство на большой дорогѣ, орд. Фран. I, 1534 г. 51) Воровство со взломомъ, въ домахъ, ib. 52) Домашнее воровство, орд. Люд. IX, 1270 г., декл. Люд. XV, 1724 г. ст. 2. 53) Воровство въ королевскихъ домахъ, какъ бы цѣна украденной вещи ни была ничтожна, декл. Люд. XIV, 1677 г. 54) Воровство въ монетномъ дворѣ, декл. Люд. XV, 1724 г. 55) Воровство въ церкви и сообщничество по этому воровству, ib. 56) Сопутствіе ворамъ, учрежд. Люд. IX, кн. 1, гл. 22. 57) Скрытіе украденныхъ вещей, когда само воровство наказывается смер. казнію, ib. 58) Воровство ночью съ оружіемъ. 59) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ воровство ночное съ лѣстницею. 60) Воровство съ поддѣльными ключами. 61) Воровство морское, смотря по обстоятельствамъ. 62) Изуродованіе себя галерникомъ, декл. Люд. XIV, 1677 г. 63) Отравленіе, послѣдовала-ли отъ того смерть, или нѣтъ, едик. Люд. XIV, 1682 г. ст. 4 и 5. 64) Составленіе и раздача яду для отравленія, ib. 65) Знаніе о просьбѣ или дачѣ яда и недонесеніе генералъ-прокурору или его субституту, смотря по обстоятельствамъ и требованіямъ случая, ib. 66) Дуели, орд. Карла IX, 1566 г., орд. Люд. XIV, 1679 г. ст. 13, ед. Люд. XV, 1723 г. 67) Поджогъ. 68) Отцеубійство. 69) Кровосмѣшеніе въ прямой линіи. 70) Духовное кровосмѣшеніе. 71) Похищеніе, декл. Люд. XIII, 1639 г. ст. 2 и 3. 72) Изнасилованіе, ib. ст. 3. 73) Обольщеніе, смотря по обстоятель-

ствамъ, орд. блуас. ст. 42. 74) Лишеніе свободы дѣвицъ въ силу lettres de cachet, съ тѣмъ чтобы жениться или заставить выйти замужъ, безъ согласія родителей, или опекуновъ, орд. орлеан. ст. 2, орд. блуас. ст. 281. 75) Принужденіе сеньорами своихъ подданныхъ, или другихъ выдавать своихъ дочерей замужъ, орд. блуас. 282. 76) Скрытіе беременности, едик. Генр. II, 1566 г. 77) Изгнаніе плода. 78) Преступленіе противъ природы. 79) Предумышленное насиліе. 80) Злостное банкротство, ед. Генр. IV, 1607 г., орд. Люд. XIV, 1673 г. тит. II, ст. 12. 81) Монополь на пшеницу. 82) Подлогъ въ отправленіи общественной должности, ед. Люд. XIV, 1680 г. 83) Поддѣлка канцелярскихъ бумагъ, печатей, ib. 84) Поддѣлка подписи государственныхъ секретарей, декл. Люд. XIV, 1699 г. 85) Поддѣлка, ложное составленіе, измѣненіе ордонансовъ, или бумагъ королевскаго казначейства и другихъ бумагъ королевскихъ или государственныхъ, декл. Люд. XV, 1720 г. ст. 1. 86) Поддѣлка бумагъ, относящихся до сборщиковъ податей, казначеевъ и т. д. ib. ст. 2. 87) Люди финансовые, какого бы состоянія они ни были, которые поддѣлываютъ квитанціи, отчеты и т. п. Франц. I, ед. 1532 г. ст. 5. 88) Ложное упоминаніе контроля въ актахъ, декл. 1754 г. Люд. XV. 89) Поддѣлка штемпелей откупщиковъ, декл. Люд. XV, 1724 г. 90) Злоупотребленія штемпелями для контромарокъ, выдѣлка ихъ, паяніе и приложеніе къ золотымъ и серебрянымъ работамъ, которыя не были представлены, испытаны и заклеймены въ бюро общинныхъ домовъ, декл. Люд. XV, 1739 г. ст. 1. 91) Ложное свидѣтельство, послѣдствіемъ котораго было осужденіе на смерть невиннаго, орд. Франц. I, 1531 г. 92) Ввозъ табаку, ситцевъ, посредствомъ контрабанды, шайкою не менѣе пяти, съ оружіемъ въ рукахъ, декл. Люд. XV, 1739 г. ст. I. 93) Стачка служителей съ контрабандистами, ib ст. 2 94) Насиліе контрабандистовъ противъ стражи, ib. ст. 3. 95) Если чиновники уличены въ контрабандѣ соли или въ участіи въ контрабандѣ, орд. Люд. XIV, 1680 г., тит. 17, ст. 10. 96) Продажа соли чиновниками, имѣющими надзоръ за амбарами и складами, ib. ст. 11. 97) Контрабанда солью съ оружіемъ и шайкою, въ числѣ пяти, орд. Люд. XIV, декл. 1704. 98) Печатаніе и сбытъ книгъ безъ испрошенія въ установленной формѣ позволенія, орд. Карла IX, 1563 г., декл. Люд. XIII, 1626 г. 99) Хозяинъ, уличенный въ томъ, что онъ отдалъ свой корабль непріятелю, орд. Люд. XIV, 1681 г. кн. 2, тит. 1, ст. 36. 100) Хозяинъ, уличенный въ

томъ, что онъ злонамѣренно посадилъ свой корабль на мель, или способствовалъ его погибели, ib. 101) Матросы или пасажиры, которые произведутъ какую-нибудь смуту при отправленіи на кораблѣ католическаго богослуженія, т. 2, ст. 4. 102) Письмоводитель, который запишетъ въ свой реэстръ что-нибудь противное истинѣ, ib. т. 3, ст. 6. 103) Матросъ, который злонамѣренно способствуетъ погибели судна, ib. т. 4, ст. 7. 104) Лоцманы, виновные въ томъ же преступленіи, ib. кн. 4, т. 3, ст. 18. 105) Матросъ или кто другой, который произведетъ течь напитковъ или порчу хлѣба, ib. кн. 2, тит. 7, ст. 7. 106) Кто способствуетъ течи на кораблѣ, ib. 107) Возбужденіе къ возмущенію, съ цѣлію прекратить путешествіе, ib. 108) Нанесеніе удара начальнику съ оружіемъ въ рукахъ, ib. 109) Арестъ капитаномъ кораблей, принадлежащихъ подданнымъ или союзникамъ, въ то время какъ спущенъ былъ флагъ и представлены фрахтовыя бумаги или полисы, и взятіе какой-нибудь вещи, ib. кн. 3, тит. 9, ст. 13. 110) Потопленіе взятыхъ кораблей, ст. 18. 111) Высадка плѣнниковъ на острова, или отдаленныя берега, чтобы скрыть призъ, ib. 112) Воровство снастей и корабельныхъ снарядовъ, если изъ-за этого случится погибель корабля или смерть человѣка, кн. 4, тит. 1, ст. 16. 113) Зажженіе ночью фальшивыхъ огней на морскихъ берегахъ и опасныхъ мѣстахъ, чтобы привлечь и погубить судно, тит. 9, ст. 45. 114) Покушеніе на жизнь и собственность потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, ib. ст. 2. 115) Солдаты, которые нападаютъ на потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, ib. ст. 30.

Въ Англіи количество преступленій, за которыя законъ угрожалъ смертною казнію, было еще больше. По свидѣтельству Блакстона (1765 г.) въ его время было 160 преступленій, подлежавшихъ безусловно смертной казни, т. е. на эти преступленія не распространялась привиллегія духовенства. Kritische Zeitschrift, B. 1, c. 62. Еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, количество смертныхъ преступленій простиралось, по счету однихъ, до 150; Publications № 4, с. 12; по счету другихъ, до 223; Zeitschrift, 1, с. 62; а по счету третьихъ, до 240; Publications № 1, с. 27; а если принимать исчисленіе нѣмецкаго тюрьмовѣда Юліуса, который свелъ въ одну сумму всю массу смертныхъ случаевъ, встрѣчающихся въ статутахъ, то оно доходитъ до 6789. Zeitschrift, 1, с. 62. Не имѣя возможности передать весь длинный списокъ этихъ преступленій, я укажу на нѣкоторыя, которыя могутъ характеризовать расточительнось прежняго англійскаго законодательства на смертныя казни.

Такъ смертію наказывались: 1) Злонамѣренная порубка или уничтоженіе деревъ. 2) Злонамѣренное увѣчье животныхъ. 3) Всякій, кто найденъ былъ вооруженнымъ въ лѣсу, или на дровосѣкахъ, или въ звѣринцѣ, или на дорогѣ, или при воровствѣ дичи. 4) Воровство выше одного шилинга, если оно совершено въ церкви, часовнѣ, или въ лавкѣ во время ярмарки, или наконецъ въ частномъ домѣ, со взломомъ, или испугомъ живущихъ въ немъ. 5) Каждое мошенничество, совершенное надъ человѣкомъ въ сонномъ состояніи, или бодрственномъ, но такъ, что онъ не могъ замѣтить. 6) Воровство въ лавкѣ въ обыкновенное время 5-ти шилинговъ. 7) Въ жиломъ строеніи въ 40 и больше шилин. 8) Воровство лошадей, скота и овецъ. 9) Воровство писемъ. 10) Воровство на мануфактурахъ льна. 11) Злонамѣренное банкротство. 12) Разрушеніе машинъ. 13) Угрозы на письмѣ. 14) Побѣгъ преступниковъ. 15) Содомскій грѣхъ. 16) Скотоложство. Publications № 1, с. 27, № 4, с. 12. Богородскій, II, с. 326—327. Zeitschrift, B. 1, с. 62. 17) Поддѣлка монеты. 18) Содѣйствіе этой поддѣлкѣ. 19) Продажа, покупка и имѣніе у себя инструментовъ для поддѣлки и вывозъ ихъ изъ монетнаго двора. 20) Окрашиваніе и поддѣлка серебряной монеты въ золотую или сообщеніе мѣдной монетѣ вида серебряной. 21) Поддѣлка печатей, штемпелей, банковыхъ билетовъ, всякихъ публичныхъ бумагъ и документовъ. Blackstone, 1, 103.

Въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича содержится 54 вида преступленій, за которыя положена смертная казнь. Въ Воинскомъ Уставѣ это число доходитъ до 100; правда, большая часть изъ нихъ принадлежитъ къ спеціальнымъ военнымъ преступленіямъ, но за то въ этомъ уставѣ нѣтъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ видовъ общихъ преступленій, которые исчислены въ уложеніи. Въ уложеніи смертная казнь положена за продажу, держаніе и употребленіе табаку, XXV, 11; законы Петра грозятъ смертною казнію: за нерадѣніе и медленность въ гоньбѣ почты, указъ 1701 г. № 1882; за срубку одного дуба въ заповѣдныхъ лѣсахъ, указъ 1703 г. № 1950. Число смертныхъ преступленій по Литовскому Статуту третьей редакціи доходитъ до 120, не считая тѣхъ преступленій, которыя подлежали смертной казни по церковнымъ законамъ. Конечно, легко замѣтить изъ приведеннаго перечня смертныхъ преступленій, что очень большія цифры ихъ главнымъ образомъ происходятъ отъ спеціализаціи преступленій и перечисленія самыхъ дробныхъ видовъ и даже отдѣльныхъ случаевъ; между тѣмъ

какъ нынѣшніе кодексы исчисляютъ крупные виды смертныхъ преступленій. Но это обстоятельство не измѣняетъ сущности того положенія, что число этихъ преступленій въ этотъ періодъ было громадно.

Такому количеству смертныхъ преступленій соотвѣтствовала расточительность дѣйствительныхъ казней. Какъ велико было количество дѣйствительныхъ казней въ Германіи въ XVII и даже въ XVIII стол. можно судить по слѣдующимъ фактамъ: Карпцовъ, извѣстный германскій криминалистъ XVII в., который, хотя въ теоріи держался того мнѣнія, что къ смертной казни слѣдуетъ прибѣгать только тогда, когда она необходима, и только за тяжкія преступленія, тѣмъ не менѣе въ качествѣ практическаго юриста, въ теченіи своей судейской карьеры, произнесъ 20,000 смертныхъ приговоровъ. Ed. Hencke, Grundriss einer Geschichte des deuts. peinlichen Rechts, I, Einleitung, c. 27. Въ Мюнхенѣ, до вступленія въ управленіе Максимиліана-Іосифа, въ XVIII ст. каждую субботу совершались казни, и въ одинъ разъ иногда казнили по 5 человѣкъ. Gerichtssaal. 1858. VI Heft. c. 457—458. Съ 1748 по 1776 г. въ одномъ округѣ въ Баваріи, съ населеніемъ въ 174,058 чел., приговорено было къ смертной казни 11,000 чел. C. Aug. Tittmann, Geschichte der deutschen Strafgesetze, c. 87. Во Франціи, во второй даже половинѣ XVIII в., когда сочиненіе Беккаріи уже получило въ этой странѣ такую извѣстность, количество казней было еще очень велико. По свидѣтельству Philipon de Madeleine'a, писателя XVIII в., съ 1760—1770 г. въ одномъ городѣ Ліонѣ было казнено 200 чел., въ тотъ же періодъ времени парламентъ дижонскій казнилъ 36 чел., парламентъ Э—162 чел., гренобльскій—58, сенатъ Шамбери—22 чел., коммиссія, учрежденная въ Валенсіи,—46 чел. Colinez, Responsio ad quaestionem juridicam: An in republica bene ordinata poena mortis admittenda sit? c. 24. Приведенныя цифры изъ уголовной практики Франціи, какъ выражающія практику отдѣльныхъ парламентовъ, только отчасти даютъ понятіе о количествѣ смертныхъ казней, во второй половинѣ XVIII ст. Въ теченіи 4-хъ лѣтъ и одного мѣсяца, т. е. съ 21 сентября 1792 г. по 25 октября 1795 г. революціонные трибуналы во Франціи казнили: по исчисленію Прудомма 18,613 чел., а по исчисленію Кар. Беріа-Сентъ-При, около 16,000 чел. Ch. Berriat Saint Prix, La justice revolutionnaire à Paris, Bordeaux etc. 1861 г. c. 227—229. Англія издавна была классическою страною смертныхъ казней, а городъ Лондонъ получилъ нелестное прозвище *города висѣлицъ*. Фортескью, канцлеръ Генриха IV (корол. съ 1399 по 1413 г.)

и извѣстный старинный юристъ-писатель, увѣряетъ, что въ Англіи въ *одинъ* годъ казнятъ за разбой гораздо болѣе, чѣмъ во Франціи въ семь лѣтъ. Arch. Cr.-R. 1824 г. с. 116. По исчисленію Du Boys, на каждый годъ изъ послѣднихъ 14 лѣтъ царствованія Генриха VIII приходится по 5000 казней за бродяжество; Du Boys, Hist. du droit. crim. mod III, с. 642; если даже, слѣдуя исчисленію Ромильи, разложить 72,000 казней на цѣлое его царствованіе, все-таки на каждый годъ его царствованія съ 1509 по 1547 г. придется по 2000 казней. Arch. Cr.-R. 1824 г. с. 116. На каждый годъ царствованія Елисаветы (съ 1558 по 1603 г.) упадаетъ по 400 казней. ib. с. 117. А по свидѣтельству лорда Галя, писателя 17 стол., въ его время однимъ ассизнымъ судомъ было казнено за-разъ 30 чел. ib. 115. По таблицамъ, изданнымъ Говардомъ, въ Лондонѣ съ 1749 по 1772 г., было приговорено къ смертной казни 1121 чел., изъ нихъ дѣйствительно казнено 678 чел.; въ округѣ Midland, съ 1750 по 1772 г., казнено 106 чел., а въ округѣ Норфолькъ въ тотъ же періодъ 117 чел. По таблицамъ Юліуса, съ 1810 по 1826 г., въ Лондонѣ и принадлежащемъ ему Мильдсекскомъ округѣ, приговорено было къ смертной казни 2755 чел., а въ тотъ же періодъ въ цѣлой Англіи и Валисѣ 15,652 чел. Krit. Zeitschrift für Rechtswis. und Gesetzgeb. des Auslandes. 1829. B. I, с. 63—64. Даже въ 1831 г., въ Англіи съ Валисомъ (безъ Шотландіи и Ирландіи) произнесено было 1601 смертный приговоръ. Миттер. с. 68.

Принято и въ нашей и въ западно-европейской литературѣ удивляться тому, съ какою расточительностію издавна англійское уголовное законодательство и англійская уголовная юстиція опредѣляли смертную казнь. Подобный взглядъ не совсѣмъ основателенъ. Не многія данныя, изложенныя выше, относительно законодательствъ и практики другихъ народовъ, вполнѣ могутъ убѣдить, что и другіе народы въ этомъ отношеніи не отличались или мало чѣмъ отличались отъ англичанъ. Англійское законодательство было только наиболѣе типичнымъ въ опредѣленіи смертной казни и позднѣе другихъ подверглось реформамъ: это-то послѣднее обстоятельство и было причиною, отчего юристы тѣхъ странъ, въ которыхъ произведены были реформы раньше, забывъ прошедшее своего отечества, выставляли англійское законодательство какъ нѣчто выходящее изъ ряда обыкновенныхъ явленій.

II. Въ періодъ государственный, три рода преступленій: противъ государства, противъ религіи и нравственности, карались съ особенною

жестокостію; смертная казнь была единственнымъ наказаніемъ, безъ различія важности и мѣры вины; количество дѣйствительныхъ казней за эти преступленія было громадно; можно положительно сказать, что какъ законы, такъ и практика этого времени по этимъ преступленіямъ представляютъ ту отличительную особенность въ исторіи смертной казни, которою періодъ господства мести отличается отъ государственнаго, и что въ этомъ пунктѣ государственная юстиція долго оставалась неподвижною. Власти свѣтская и духовная, совершившія, вмѣстѣ съ своимъ усиленіемъ, уменьшеніе смертныхъ казней въ вышеуказанномъ направленіи, не могли, вслѣдствіе общественнаго, экономическаго, умственнаго и религіознаго состоянія народовъ, относиться нейтрально къ вышеуказаннымъ тремъ родамъ преступленій.

Объемъ государственныхъ преступленій, подлежавшихъ смертной казни, былъ крайне обширенъ. По китайскимъ законамъ смертною казнію наказывается тотъ, кто не оказалъ почтенія государю; на этомъ основаніи подвергнуты были этому наказанію два придворныхъ чиновника, которые записали въ дневныя придворныя записки происшествія, несогласно съ истиною. Montesquieu, liv. XII, ch. VII. Въ Аѳинахъ существовалъ законъ, грозившій смертною казнію тому, кто предложитъ законъ, не согласный съ общественнымъ интересомъ. Другой законъ предоставлялъ каждому гражданину право убивать подозрѣваемаго въ намѣреніи ниспровергнуть правительство; ораторъ Ликургъ говорилъ, что вообще наказаніе должно слѣдовать за преступленіемъ, но что касается измѣны, то оно должно ей предшествовать. Tissot, II, 166. Въ Римѣ, по закону Суллы, къ оскорбленію величества были причислены и позднѣе обложены смертною казнію слѣдующія дѣйствія: неповиновеніе распоряженію магистрата, или противодѣйствіе исполненію имъ своихъ обязанностей; выведеніе войска изъ провинціи безъ приказанія сената; прощеніе, данное непріятельскому начальнику, взятому на войнѣ, или возвращеніе ему за деньги свободы; неуваженіе къ власти народа при исполненіи какого-нибудь порученія. Въ періодъ императорства отнесены были къ смертнымъ преступленіямъ оскорбительныя слова, знаки, проклятія противъ императора и даже дѣйствія ничего невыражающія, такъ наприм. сѣченіе раба предъ статуею императора, перемѣна одежды предъ его изображеніемъ, ношеніе кольца съ его изображеніемъ въ неприличномъ мѣстѣ. Filangieri, V, c. 8—11. Дѣланіе фальшивой монеты, поддѣлка государственныхъ печатей, а по закону императоровъ Арка-

дія и Гонорія, оскорбленіе министровъ и насиліе противъ нихъ причислены были также къ разряду преступленій противъ величества. Montesquieu, liv. XII, ch. VIII. Tissot, II, c. 170. Blackstone, I, c. 101. Въ новыхъ европейскихъ государствахъ, существовали похожіе законы и обычаи. По законамъ англійскимъ, изданнымъ и дѣйствовавшимъ въ разное время, на ряду съ самыми важными преступленіями, причислены были къ оскорбленію величества слѣдующія дѣйствія: простыя, оскорбительныя, или которыя можно было истолковать въ оскорбительномъ смыслѣ, слова; такъ при Эдуардѣ IV казненъ былъ одинъ лондонскій буржуа, который сказалъ: я хочу сдѣлать моего сына наслѣдникомъ престола, разумѣя подъ престоломъ свой собственный домъ; сочиненія, направленныя противъ правительства; плотское сношеніе съ женою короля, съ старшею его незамужнею дочерью, или съ женою наслѣдника престола; поддѣлка большой государственной печати, частной печати короля, а также поддѣлка монеты. При Генрихѣ VIII списокъ дѣйствій, отнесенныхъ къ оскорбленію величества, увеличенъ былъ причисленіемъ къ нимъ: обрѣзыванія монеты, насильственнаго увода изъ тюрьмы государственнаго преступника, поджога дома съ цѣлію произвесть воровство, похищенія скота въ Валисѣ, проклятія короля въ словахъ или публичныхъ сочиненіяхъ, отказа отречься отъ папизма, покушенія на стыдливость королевы даже въ простыхъ выраженіяхъ. По законамъ Елисаветы, карались смертію, какъ оскорбленіе величества, поддержка папской юрисдикціи въ королевствѣ, несогласіе священника паписта, по возвращеніи въ Англію, признать въ теченіи 3-хъ дней англиканское исповѣданіе; по законамъ Іакова 1, примиреніе съ папою, принятіе отъ него буллы, сношеніе посредствомъ писемъ, посылокъ, выдачи денегъ или другихъ услугъ съ претендентомъ. Blackstone, Commentaire sur le code criminel d'Angleterre, trad. Coyer. 1, ch. VI, c. 82—110. 122. По законамъ французскимъ къ смертнымъ преступленіямъ противъ государства были причислены слѣдующія поступки: составленіе политическихъ ассоціацій и незаконныя сборища подъ какимъ бы то ни было предлогомъ; ношеніе оружія не на службѣ; покупка безъ позволенія правительства пороху, свинцу, фитилей больше, чѣмъ нужно для обихода своего дома; оскорбленіе, нанесенное судьѣ и простому судейскому чиновнику во время исполненія имъ своей обязанности; удаленіе изъ королевства безъ позволенія съ намѣреніемъ не возвращаться; взломъ тюремъ; отказъ платить налогъ. Pastoret, Lois penales, II, ч. 4.

Tissot, II, с. 170. Въ остальныхъ государствахъ Европы существовали законы, проникнутые такимъ же духомъ жестокости. Законы всѣхъ народовъ не только не различали въ государственныхъ преступленіяхъ маловажныхъ винъ отъ тяжкихъ, приготовленія и простаго покушенія отъ совершенія, но повидимому, еслибы возможно было уловить, готовы были карать одну только мимолетную мысль, одно легкомысленное слово, относящееся до главы государства. Одинъ тиранъ Сиракузскій велѣлъ казнить своего подданнаго за то, что онъ видѣлъ во снѣ, будто-бы онъ убилъ этого тирана; судьи въ этомъ снѣ нашли достаточное доказательство того, что онъ этою мыслію былъ занятъ и наяву. Filangieri, V, 23. Нѣкоторые римскіе императоры казнили смертію за простыя слова. ib. Французская юриспруденція держалась того правила, что »въ дѣлахъ оскорбленія величества, намѣреніе совершить преступленіе, хотя бы оно не сопровождалось никакимъ дѣйствіемъ, и хотя бы оно было обнаружено уже тогда, когда его нѣтъ болѣе, наказывается такъ же какъ вполнѣ оконченное преступленіе«. Въ основаніе этого положенія французская юриспруденція приводила слѣдующій римскій законъ: Въ преступленіяхъ laesae majestatis законъ хочетъ казнить такъ же строго намѣреніе, какъ и совершеніе злодѣянія (Eadem severitate voluntatem sceleris, qua effectum in reos laesae majestatis jura punire voluerunt, L. 5. Cod. leg. Jul. majest.). Эти законы не были только пустою угрозою: когда одинъ дворянинъ, на смертномъ одрѣ, сознался, что, въ извѣстную эпоху своей жизни, онъ имѣлъ намѣреніе убить короля Генриха III, священникъ далъ объ этомъ знать генеральному прокурору,—и несчастный былъ казненъ. Въ 1595 г. былъ повѣшенъ одинъ викарій за то, что въ припадкѣ гнѣва сказалъ: найдется еще добрый человѣкъ, какъ братъ Жакъ-Клеманъ, который убьетъ короля Генриха IV, при недостаткѣ же всякаго, онъ сдѣлаетъ это самъ. ib. с. 21—22. Въ Англіи по статуту Ричарда II наказывалось смертною казнію намѣреніе убить короля или лишить его престола, хотя бы оно не сопровождалось никакимъ дѣйствіемъ, хотя бы не принято было для этого никакихъ мѣръ, по которымъ бы можно доказать это гнустное намѣреніе. Генрихъ VIII грозилъ смертію, какъ оскорбителю величества, всякому, кто будетъ предсказывать смерть короля. Вслѣдствіе этого, когда онъ умиралъ, доктора, видѣвшіе положеніе дѣла, боялись говорить, что онъ въ опасности. Во всей Европѣ существовали законы, по которымъ за участіе въ совершеніи государственныхъ преступленій

казнили смертію не только главныхъ виновниковъ, но второстепенныхъ *и самыхъ* отдаленныхъ участниковъ, и даже тѣхъ, которые случайно знали, но, по небрежности или по другимъ, не имѣвшимъ никакого отношенія къ преступленію, причинамъ, не донесли. Въ царствованіе Генриха IV, въ 1603 г. во Франціи былъ казненъ королевскій поваръ за то, что онъ не донесъ о сдѣланномъ ему предложеніи отравить короля, хотя доказано было, что онъ предложеніе это отвергнулъ. Сынъ извѣстнаго историка де-Ту былъ казненъ въ царствованіе Людовика XIII за то, что не донесъ о замыслахъ Сентъ-Марса, отъ которыхъ онъ всѣми средствами старался отвратить своего друга. ib. 25, 26. Въ 1722 г. былъ казненъ въ Москвѣ сумасшедшій Левинъ за то, что называлъ Петра I антихристомъ. Вмѣстѣ съ нимъ казнены были четыре человѣка за недонесеніе о слышанныхъ словахъ и о томъ, что они узнали на исповѣди; изъ нихъ попу Глѣбу Никитину была отрублена голова, не смотря на то, что онъ, услышавши безумныя рѣчи Левина, сказалъ: для чего ты такія слова говоришь? я велю взять тебя твоимъ же крестьянамъ. Есипова, Раскольничьи дѣла XVIII в., с. 21. Отъ смертной казни за недонесеніе во всей Европѣ не были изъяты дѣти противъ родителей и обратно, супруги, ближайшіе родственники и т. п. Малѣйшее подозрѣніе достаточно было для привлеченія къ отвѣтственности; тайнымъ и явнымъ доносамъ данъ былъ широкій просторъ, предоставленіемъ ненаказанности за клевету и обѣщаніемъ награды въ случаѣ подтвержденія доноса; при собираніи доказательствъ не соблюдали общепринятыхъ правилъ опредѣленія достовѣрности: выслушивали самыхъ недостовѣрныхъ свидѣтелей, собирали самыя мало-доказательныя улики, и на основаніи ихъ произносимъ былъ смертный приговоръ. Вслѣдствіе того, что уголовная юстиція держалась всѣхъ этихъ правилъ, количество казней за государственныя преступленія, въ теченіи всего общегосударственнаго періода, было громадно. Персидскій царь Дарій велѣлъ повѣсить 3000 самыхъ знатныхъ вавилонянъ за бунтъ; Камбизъ—2000 египтянъ за убійство его герольдовъ. Laurent, L'Orient, с. 432. 447. Египтяне предаютъ смертной казни 700 чел. за возстаніе. Pastoret, Hist. VIII. 268. Карлъ Великій повѣсилъ разомъ 4500 лучшихъ саксонцевъ за бунтъ. Laurent, Les Barbares, с. 139—140. Иванъ Грозный въ одинъ день казнилъ, какъ государственныхъ преступниковъ, 300 чел. въ Москвѣ; по сказанію лѣтописцевъ, въ Новгородѣ въ теченіи 5-ти и больше недѣль онъ каждый день пре-

давалъ смертной казни посредствомъ утопленія за мнимую измѣну отъ 500 до 1500 чел., а всего, если вѣрить лѣтописцу, казнилъ около 60,000 чел. Карамзинъ, IX, с. 90—94, прим. 294. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, по случаю смутъ изъ-за поддѣлки монеты, въ одинъ день казнено было 150 чел., а всѣхъ въ нѣсколько лѣтъ (въ тѣ годы говоритъ Кошихинъ) 7000 чел. Кошихинъ, с. 82—83. Въ 1698 г. въ Москвѣ Петръ 1-й казнилъ за бунтъ 30 сентября 201 чел., 11 октября 144 чел., 12 окт. 205, 13 числа 141, 17—109, 18—65, 19—106, 21—195 подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ, всего въ одинъ мѣсяцъ 1166 чел. Въ февралѣ 1699 г. казнены были сотни. Соловьевъ, XIV, с. 280—281. 292.

Естественное преобладаніе духовной власти, замѣчаемое у всѣхъ народовъ въ извѣстный періодъ ихъ развитія, сопровождалось увеличеніемъ числа смертныхъ преступленій, къ которымъ отнесены были дѣйствія, получившія названіе преступленій противъ религіи и противъ нравственности. Дѣйствія, которыя не были извѣстны дикому человѣку или не подлежали у него наказанію, теперь съ установленіемъ опредѣленныхъ догматовъ и хранителей ихъ—сословія духовныхъ, дѣлаются тяжкими преступленіями. Такимъ образомъ возникаетъ длинный списокъ преступленій противъ религіи, подлежащихъ смертной казни: ересь, отступничество, безбожіе, богохульство, клятвопреступленіе, оскорбленіе святыни, профанація святыхъ вещей, недостатокъ уваженія къ религіи, къ обрядамъ, служителямъ, волшебство и колдовство,—вотъ списокъ этихъ преступленій почти у всѣхъ народовъ, достигшихъ большей или меньшей государственности.

У евреевъ подлежали смертной казни слѣдующія преступленія противъ религіи: 1) Идолопоклонство, Исходъ, XXII. 20. XXIII. 24, 25; Второзак. IV. 3—26. XIII. 9—16. 2) Нарушеніе святыни, Левитъ, XXII. 10—16; 2 кн. Царствъ, VI. 6 и 7. 3) Богохульство, Лев. XXIV. 4) Произнесеніе имени Божія, ib. 5) Нарушеніе субботы и другихъ праздничныхъ дней, Исходъ, XII. 19. XXX. 15; Лев. XVI. 6—7. 6) Пренебреженіе религіозныхъ обрядовъ, Числъ, IV. 15. XVIII. 3. 4. 30—32. 7) Клятвопреступленіе, Лев. XXIV. 13—14. 8) Волшебство, Исходъ, XXII. 18. Еврейское законодательство можно считать въ этомъ отношеніи типическимъ законодательствомъ среди восточныхъ, развившихся подъ одинаковыми условіями. По крайней мѣрѣ, отрывочные факты, сохранившіеся о другихъ восточныхъ народахъ, это отчасти

подтверждаютъ: такъ у сиріянъ и египтянъ клятвопреступленіе и оскорбленіе святыни, даже ненамѣренное, подлежали смертной казни. Tissot, II, 275. 295.

Смертная казнь была обыкновеннымъ наказаніемъ за религіозныя преступленія и у западно-европейскихъ народовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Такъ у грековъ она полагалась за слѣдующія дѣйствія: 1) оскверненіе храма; 2) открытіе мистерій; 3) матеріальное оскорбленіе святыни не только намѣренное, но и ненамѣренное, совершенное даже дѣтьми и безумными; 4) клятвопреступленіе; 5) распространеніе ученія противнаго господствующей религіи; 6) святотатство; Tissot, II, 276. У римлянъ въ языческое время были причислены къ этимъ преступленіямъ слѣдующія: воровство-святотатство, магія и волшебство, пренебреженіе отвѣтомъ авгура, и распространеніе ученія противнаго господствующей религіи. Tissot, II, 276. Filangieri, IV, 25; V, 238. Rein, 890. Навѣрное можно сказать, что указанныя преступленія далеко не исчерпываютъ всѣхъ дѣйствій, которыя въ языческомъ Римѣ причислены были къ религіознымъ преступленіямъ и наказывались смертною казнію. Въ древнее время, власть жрецовъ въ Римѣ была громадна; они судили даже обыкновенныя преступленія; съ секуляризаціею римской юстиціи, за ними оставленъ былъ судъ надъ чисто-религіозными преступленіями, по священнымъ законамъ, которыхъ они были хранителями, и которые не входили въ свѣтскую юриспруденцію. За то до насъ дошли точныя свѣдѣнія о смертныхъ преступленіяхъ противъ религіи въ христіанскій періодъ римской имперіи. Образцомъ для римскаго законодательства этого времени служило въ этомъ отношеніи Моисеево: оттого первое прониклось тѣмъ же крайне строгимъ и крайне исключительнымъ духомъ, какъ и послѣднее. Такимъ образомъ къ смертнымъ преступленіямъ въ это время принадлежали: 1) богохульство, вмѣстѣ съ призываніемъ имени Божія всуе, Tissot, II, 278. Rein, 896; 2) отступничество, соединенное съ прозелитизмомъ, по законамъ Θеодосія и Валентиніана, Tissot, II, 277. Rein, 895; 3) нѣкоторые виды ереси, Rein, 895; 4) магія и волшебство, по законамъ Константина. Filangieri, V, 239; 5) нарушеніе богослуженія и права церковнаго убѣжища, Rein, 896—897; 6) нѣкоторые виды нарушенія святости гробовъ, ib. 900; 7) святотатство.

Степень развитія новыхъ европейскихъ народовъ, подобная той, на которой находился еврейскій народъ, и одинаковое преобладаніе

духовной власти способствовали тому, что законодательства новыхъ европейскихъ народовъ усвоили положенія еврейскаго и римскаго законодательствъ относительно религіозныхъ преступленій. Въ этомъ отношеніи, во всѣхъ средневѣковыхъ законодательствахъ замѣчается единство; они караютъ смертною казнію, преимущественно въ видѣ сожженія, слѣдующія дѣйствія: 1) Богохульство: во Франціи, Pastoret, Lois pen. II, 4, 120; въ Англіи, Loiseleur, 295; въ Германіи, Code crim. Charles V, ст. 106 1); въ Россіи, Улож. ц. Алек. Михайл. гл. I, ст. 1; въ Швейцаріи, Tissot, II, 291. 2) Ересь: во Франціи, Tissot, II, 280; въ Испаніи и Швейцаріи, ib. 291, Loiseleur, 295; въ Германіи, Henke, II, 84; въ Россіи, ук. 1684 г. № 1102. 3) Оскорбленіе святыни: во Франціи, Desmaze, 135: въ Англіи, Loiseleur, 295; въ Россіи, Дневникъ Берхгольца, ч. 2, с. 287. 4) Отступничество: во Франціи, Tissot, II, 283; въ Англіи, Loiseleur, 295; въ Россіи, ук. 3 іюля 1738 г. № 7612. 5) Прерваніе богослуженія: въ Россіи, улож. ц. Алек. Мих. 1, 2; во Франціи, Pastoret, II, 4, 121; Tissot, II, 294. 6) Волшебство и колдовство. 7) Святотатство: во Франціи, Pastoret, II, 4, 120; въ Англіи, Loiseleur, 295; въ Германіи, Code crim. Charles V, ст. 171—174; въ Россіи, улож. ц. Алек. Мих. XXI, 14. 8) Лжеприсяга: Blackstone, I, с. 150—152. Одни изъ средневѣковыхъ законодательствъ содержатъ болѣе краткія, другія болѣе пространныя постановленія относительно этихъ преступленій: такъ напр. во французкомъ законодательствѣ есть специальныя постановленія о наказаніи смертію виновныхъ въ составленіи и печатаніи сочиненій противныхъ религіи, въ разбитіи и разрушеніи крестовъ и изображеній. Но это различіе въ специализаціи не означаетъ различія въ существѣ: всѣ средневѣковыя законодательства карали смертною казнію одни и тѣ же дѣйствія. Въ нихъ мнѣнія и убѣжденія, несогласныя съ господствующею религіею, поставлены были на одну степень преступности и наказуемости съ поступками, заключающими въ себѣ насиліе противъ чужихъ правъ; галюцинаціи и помѣшательство возведены были на степень тягчайшаго преступленія, какъ lese-majesté divine. Въ это время религіозное разномысліе считалось болѣе тяжкимъ преступленіемъ, чѣмъ дѣланіе фальшивой монеты и даже убійство. Tissot, II,

1) Гр. Соденъ говоритъ: законъ грозитъ за недонесеніе о богохульствѣ тѣмъ же наказаніемъ какъ и за самое преступленіе. В. I, 2, 16. То же по 5 арт. воинскаго устава.

272. По ученію средневѣковыхъ юристовъ-богослововъ, лучше казнить вмѣстѣ съ еретиками и смѣшанныхъ съ ними правовѣрныхъ, чѣмъ допустить первымъ избѣгнуть казни: Богъ самъ легко узнаетъ своихъ. ib. II, 279. Когда-то Моисей предписалъ такъ поступать съ городомъ, въ который проникло поклоненіе инымъ богамъ: »Убивая да убіеши вся живущія въ градѣ томъ убійствомъ меча, проклятіемъ прокляните его и вся яже въ немъ. И вся корысти его собереши на распутія и зажжеши градъ огнемъ и вся корысти его всенародно«. Второз. XIII, 15 и 16. Средневѣковая юриспруденція вполнѣ держалась этого правила: еретикъ былъ нѣкоторымъ образомъ поставленъ внѣ закона; жители страны, гдѣ появлялись еретики, обязаны были преслѣдовать ихъ; въ противномъ случаѣ налагалось запрещеніе на всю страну, въ которой вслѣдствіе того останавливались общественное богослуженіе, отправленіе таинствъ, погребеніе мертвыхъ. Результатомъ этого духа законовъ были: казни альбигойцевъ, еретиковъ, мавровъ и евреевъ въ Испаніи, протестантовъ въ Нидерландахъ и во Франціи. Въ одной Испаніи, по самому умѣренному, и едвали не крайне уменьшенному, исчисленію Лоренте, сожжено было съ 1481 г. по 1783 г. 31,912 чел. живыми, 17,659 въ изображеніяхъ (en effigie). Histoire critique de l'inquisition d'Espagne, trad. Pelicr, IV. 271. 16 февраля 1568 г. святая инквизиція осудила на смерть всѣхъ жителей Нидерландовъ, какъ еретиковъ; только нѣкоторыя лица, поименно означенныя, были исключены изъ числа осужденныхъ; Филиппъ II своею прокламаціею утвердилъ приговоръ инквизиціи и далъ повелѣніе о немедленномъ приведеніи его въ исполненіе, безъ различія пола, возраста и ранга. Motley, Histoire de la fondation de la republique des provinces-unies, trad. Guizot, II, c. 400. Приговоръ этотъ, конечно, не былъ исполненъ въ дѣйствительности, тѣмъ не менѣе суды Карла V казнили, по исчисленію Сарпи, 50,000, а по исчисленію Гуго Гроція 100,000 нидерландцевъ, а суды Филиппа—25,000. Герцогъ Альба въ одномъ письмѣ къ королю спокойно насчитываетъ »до 800 головъ, назначенныхъ на казнь послѣ святой недѣли«. ib. 401. Другое средневѣковое преступленіе—волшебство было преслѣдуемо съ такою же ревностію и служило постояннымъ поводомъ и предлогомъ смертныхъ казней. Въ средніе вѣка существовало всеобщее убѣжденіе, что люди, особенно женщины, могутъ вступать въ непосредственное общеніе съ діаволомъ, на пагубу своимъ ближнимъ. Законы этого времени предписывали сожигать всѣхъ тѣхъ,

которые вызываютъ злыхъ духовъ, совѣтуются съ ними, кормятъ и награждаютъ ихъ, вступаютъ въ плотскія сношенія съ злыми духами, сами одержимы злымъ духомъ или вселяютъ его въ другихъ; равнымъ образомъ, всѣхъ тѣхъ, которые употребляютъ трупъ для обольщенія, заклинаній, волшебства, магіи, которые пользуются дьявольскими чарами, чтобы возбудить къ себѣ любовь, чтобы губить людей и животныхъ. Tissot, II, 285. Явилась цѣлая спеціальная юриспруденція о волшебникахъ, которые подведены были подъ строгую классификацію; установлены были признаки каждаго вида, способы открытія и доказательствъ. ib. Волшебство считалось самымъ тяжкимъ преступленіемъ, неизмѣримо тягчайшимъ чѣмъ убійство, и даже болѣе тяжкимъ, чѣмъ ересь. Louise, De la Sorcellerie et de la Justice criminelle, c. 87. Слѣдствіе и судъ надъ обыкновенными преступниками производились по извѣстнымъ правиламъ, которыхъ болѣе или менѣе строго держались слѣдователи и судьи: но обвиняемые въ волшебствѣ были лишены этой гарантіи; противъ нихъ допускалось свидѣтельство лицъ, не способныхъ къ свидѣтельству, напр. восьмилѣтнихъ дѣтей. ib. 93. Число казненныхъ во всей Европѣ за колдовство громадно: чтобы дать, если не вполнѣ точное, то по крайней мѣрѣ приблизительное понятіе объ этомъ, я приведу нѣкоторыя цифры. — Во Франціи: въ Каркассонѣ съ 1320 по 1350 г. приговорено было къ наказанію 400 вѣдьмъ, изъ нихъ болѣе половины было сожжено; въ тотъ же періодъ времени въ Тулузѣ осуждено было 600 чел., и изъ нихъ двѣ трети погибло на кострѣ; а въ 1357 г. въ одной Каркассонѣ казнено 31 чел. Soldan, Geschichte der Hexenprocesse, c. 184. Николай Реми, судья изъ Нанси, выставлялъ какъ заслугу то, что онъ въ 16 лѣтъ сжегъ 800 вѣдьмъ. Loiseleur, 230. Другой судья, Богуэ (Boguet), хвалился, что въ теченіи своей карьеры онъ сжогъ болѣе 600 служителей діавола. Figuier, Histoire du merveilleux, I. 57. Коммиссары Генриха IV Эспанье и Деланкръ, посланные въ Бордо для истребленія волшебства, въ 4 мѣсяца сожгли 80 чел. ib. c. 67, а за все время своей здѣсь дѣятельности—болѣе 600 чел. Soldan, c. 368.—Въ Италіи въ одномъ округѣ Комо каждый годъ не менѣе 1000 чел. подвергалось преслѣдованію за волшебство и неменѣе 100 чел. (Фигье ошибочно принимаетъ число преслѣдованій за число сожженій, c. 415) было предаваемо пламени. Soldan, c. 328. Въ Савойѣ, въ одномъ городѣ сожжено было въ одинъ годъ 80 чел. Figuier, 52. Но ни одна страна не прославилась такъ своею ревностію въ дѣлѣ

истребленія колдовства, какъ Германія. Съ 1590 по 1600 г. въ Брауншвейгѣ каждый день сжигали отъ 10 до 12 вѣдьмъ и на мѣстѣ казни такъ много стояло обгорѣлыхъ столбовъ, что ихъ можно было принять за небольшой лѣсъ. Soldan, с. 358. Въ окрестностяхъ Трира, въ двадцати деревняхъ сожжено было съ 1587 по 1593 г. 368 лицъ. ib.; по Леки во всемъ округѣ было сожжено въ разное время около 7000 чел. Въ маленькомъ городкѣ Нёрдлингѣ въ четыре года (съ 1590 по 1594 г.) сожжено было 35 чел. Soldan, с. 362. Два земскихъ суда, Бамбергскій и Цейльскій, съ 1625 по 1630 г. казнили за колдовство 900 чел., Soldan, с. 381; епископъ Бамбергскій съ 1650 по 1660 г. сжогъ 600 чел., а епископъ Вюрцбургскій въ тотъ же періодъ времени—900 чел. Hencke, II, 255. Судья вѣдьмъ въ Фульдѣ, Балтазаръ Фоссъ, хвалился, что онъ въ 19 лѣтъ сжогъ 700 чел. обоего пола и надѣется довести число сожженій сверхъ 1000. Wächter, Beiträge zur Geschichte des deutschen Strafrechts, с. 85. Въ городѣ Офенбургѣ въ Брестау съ 1627 по 1630 г. казнено было 60 чел. обвиненныхъ въ колдовствѣ. ib. 84. Въ Линдгеймѣ въ четыре года съ 1661 по 1664 г. сожжена была восемнадцатая часть народонаселенія: изъ 540 жит. погибло на кострѣ 30 чел. Въ Зальцбургѣ въ 1678 г. по случаю скотскаго падежа, въ которомъ обвинили вѣдьмъ, сожгли 97 чел. ib. с. 85—86. Въ графствѣ Нейсе съ 1640 по 1651 г. погибло на кострѣ около 1000 чел. Вообще въ Германіи не было помѣщичьяго имѣнія, не было аббатства, города или мѣстечка съ своею юрисдикціею, гдѣ бы не сожигали вѣдьмъ. Одинъ нѣмецкій помѣщикъ фонъ-Ранцовъ сжогъ въ своемъ помѣстьѣ 18 вѣдьмъ въ одинъ день. По счету, приводимому Вольтеромъ, въ Европѣ сожжено болѣе 100,000 чел. за колдовство. Oeuvres completes. XXIX. с. 295. Другіе утверждаютъ, что въ одной Германіи казнено не менѣе этого числа.

Другой родъ дѣйствій, которыя, съ возникновеніемъ и усиленіемъ духовной власти, причислены были къ тяжкимъ, смертнымъ проступкамъ, составляютъ преступленія противъ нравственности. Правда, возникновеніе этихъ преступленій и установленіе смертной казни за нихъ относится отчасти къ предъидущему періоду, когда глава семейства имѣлъ абсолютную власть надъ своими домочадцами. Но въ этотъ первобытный періодъ, дѣйствія, получившія позднѣе названіе преступленій противъ нравственности, напр. прелюбодѣяніе, обольщеніе, похищеніе женщины, носили другой характеръ, именно: характеръ на-

рушенія верховныхъ правъ главы семейства, и притомъ же кругъ ихъ не былъ обширенъ. Въ періодъ же господства духовной власти, эти дѣйствія получаютъ нѣсколько иной смыслъ: являются нарушеніями общепринятыхъ нравственныхъ правилъ. Такимъ образомъ, къ этимъ преступленіямъ были причислены и обложены смертною казнію какъ дѣйствія преступныя, заключающія въ себѣ насиліе, такъ и поступки, хотя вполнѣ безнравственныя и отвратительныя, но не представляющія посягательства на чужія права: отсюда произошло расширеніе круга этихъ дѣйствій. Всѣ народы смотрѣли на эти преступленія одинаковыми глазами, и поэтому-то такое замѣчательное сходство законовъ въ опредѣленіи какъ преступности, такъ и наказуемости. Вотъ перечень смертныхъ преступленій противъ нравственности: 1) Прелюбодѣяніе: у евреевъ, Лев. XX. 10; у римлянъ, Rein, 914; во Франціи, Desmaze, Supplices, с. 100; въ Германіи, Tillmann, 113; въ западной Россіи по 3-му Литовскому Статуту, XIV разд. 30 арт.; въ Испаніи, Tissot, II, 213. 2) Двоебрачіе: въ Римѣ, 913; въ Англіи, Loiseleur, 303; въ Германіи, Code crim. Charles V, 121. 3) Кровосмѣшеніе: у евреевъ, Левитъ, XVIII. 6—18. XX. 11—21; Второз. XXVIII. 20—23; въ Римѣ, Rein, 913; во Франціи, Tissot, 215; въ Германіи, Code Charles V, 117; въ Россіи, Воинскій Уставъ арт. 173. 4 и 5) Мужеложство и скотоложство: у евреевъ, Исходъ, XXII. 19; Лев. XVIII. 22—29, XX. 13—16; Втор. XXVIII. 21; въ Римѣ, Voltaire, XXIX. 321; во Франціи, Pastoret, II. 4. 129; въ Англіи, Tissot, II. 205; въ Германіи, Carolina, 116; въ Россіи, Кошихинъ, с. 91; Воинскій арт. 166 [1]. 6) Сводничество: въ Римѣ, Tissot, II. 211; во Франціи, ib. 212; въ Женевѣ и въ Испаніи, ib. 212, 213; по 3-му Литовскому Статуту въ случаѣ повторенія, XIV раз. 31 арт. 7) Изнасилованіе. 8) Распутная жизнь женщины, содѣйствіе разврату дочери со стороны родителей, жены со стороны мужа, обольщеніе и т. п.: у евреевъ, Tissot, II. 211; въ Римѣ, Holzendorff, 124; въ Женевѣ, Tissot, 212; въ Испаніи, 213; во Франціи, Pastoret, II. 4. 128; въ Германіи, Carolina, 122.

III. Долго еще въ періодъ господства государственной власти замѣтно вліяніе прежняго безразличія и вслѣдствіе того смертная

1) Въ средніе вѣка уравнено было съ скотоложствомъ плотское сношеніе съ еврейкою, туркинею и вообще невѣрною, потому что эти женщины подобны животнымъ и для нихъ закрытъ путь ко спасенію. Loiseleur, 140.

казнь опредѣляется на ряду съ тяжкими преступленіями, за дѣйствія меньшей важности и даже маловажныя. Такой порядокъ въ Европѣ продолжается почти до конца XVIII стол. Такъ во всей Европѣ воровство въ церкви, какъ бы оно ничтожно ни было, наказывалось смертною казнію. Домашнее воровство или воровство во дворцѣ въ нѣсколько копѣекъ подлежало такой же мучительной казни, какъ и убійство. Pastoret, Lois penales, II. Убійство въ дракѣ наказывалось смертною казнію, такъ же какъ и предумышленное убійство. Скрытіе беременности поставлено было въ наказуемости на ряду съ убійствомъ. Религіозное разномысліе признано было даже болѣе тяжкимъ убійства, одного изъ самыхъ отвратительныхъ преступленій. Грѣхи противъ природы, гнусные въ нравственномъ отношеніи, но не представляющіе нарушенія чужихъ правъ, карались сожженіемъ, казнію болѣе тяжкою, чѣмъ та, которая была положена за изнасилованіе, одно изъ самыхъ тяжкихъ преступленій. Я уже не говорю о такихъ исключительныхъ законахъ, какъ законы объ охотѣ, или какъ англійскіе законы объ опредѣленіи смертной казни за вторженіе въ домъ, за воровство письма, за порчу дерева, или какъ русскій законъ о смертной казни за продажу табаку, за срубку дуба въ заповѣдныхъ лѣсахъ, или какъ французскій законъ о наказаніи корабельнаго секретаря за то, что онъ невѣрно записалъ въ свой журналъ какое-нибудь произшествіе на кораблѣ. Pastoret, II, 4, 132. Во всей Европѣ не отличали въ наказуемости покушенія даже отдаленнаго отъ самого преступленія; особенно въ тяжкихъ преступленіяхъ, каковы государственныя, убійство предумышленное, отцеубійство, отравленіе, поджогъ и т. п. Tissot, I; въ этихъ преступленіяхъ не различали также и степеней участія, и второстепенныхъ виновниковъ и даже далекихъ пособниковъ такъ же наказывали смертною казнію, какъ и главныхъ преступниковъ.

IV. Тогдашніе способы открытія и доказательства преступленій не могли остаться безъ вліянія на примѣняемость смертной казни. Хотя въ этотъ періодъ старательно выработана была система доказательствъ, однакожь она была основана на ложныхъ началахъ; употребленіе пытки еще болѣе способствовало произнесенію легкомысленныхъ смертныхъ приговоровъ: »въ тяжкихъ преступленіяхъ достаточно самыхъ легкихъ уликъ и судья можетъ стать выше закона« (Jn atrocissimis criminibus leviores conjecturae sufficiunt et licet judici jura transgredi) —вотъ одно изъ коренныхъ правилъ юриспруденціи этого времени.

Desmaze, Suplices, c. 203; Pastoret, 1, I, 125; Beccaria, c. 41. Къ числу уликъ причислены были слѣдующія обстоятельства: волненіе обвиняемаго, бѣгство его, молва обвиняющая его въ преступленіи, близость его дома къ мѣсту преступленія, дурная физіономія, низкое (vilain) имя, лживыя показанія, молчаніе. Pastoret, 1, I, 128; Brissot de Warville, II, 154—157. И эти улики служили основаніемъ для произнесенія смертныхъ приговоровъ! Юриспруденція этого времени весьма точно опредѣляла, какія лица не имѣютъ качествъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Но недопущеніе къ свидѣтельскимъ показаніямъ лицъ, не имѣющихъ качествъ достовѣрныхъ свидѣтелей, практиковалось только въ дѣлахъ меньшей важности: когда же преступленіе принадлежало къ разряду тяжкихъ, дѣлали отступленіе отъ этого правила: принимали свидѣтельство лицъ, признанныхъ не способными къ достовѣрному свидѣтельству. Свидѣтель этотъ носилъ техническое имя *необходимаго.* Такимъ образомъ, тогдашняя уголовная юстиція отвергала подозрительныхъ свидѣтелей, когда ихъ показанія могли подвергнуть невиннаго штрафу, и допускала ихъ тогда, когда ихъ показанія служили основаніемъ къ отнятію жизни. Pastoret, I, 1, 125—129.

Современъ господства феодальной юстиціи до конца XVIII ст. длился споръ: принадлежитъ-ли merum imperium только государямъ, или она есть достояніе и судей, облеченныхъ правомъ уголовной юстиціи; другими словами, имѣетъ-ли судья право приговаривать къ смерти только въ силу закона, изданнаго государемъ, или источникъ этого права заключается въ его судейской должности, и вслѣдствіе этого онъ можетъ опредѣлять смертную казнь по своему усмотрѣнію, когда даже нѣтъ закона, опредѣляющаго это наказаніе. Molinier, De la peine de mort, c. 12. Въ XIV ст. Азонъ и Лотаръ держали публичный диспутъ объ этомъ вопросѣ въ Болонскомъ университетѣ, объявивши лошадь призомъ, который долженъ достаться побѣдителю. Императоръ Генрихъ VII, присутствовавшій при этомъ диспутѣ, объявилъ побѣдителемъ Лотара, который утверждалъ, что merum imperium принадлежитъ только государю. Однакожъ юристы не согласились съ этимъ мнѣніемъ и, играя словами, говорили: Лотаръ выигралъ коня (equum), но Азонъ справедливость (aequum). ib. c. 13. Дѣйствительно, судьи долго еще пользовались правомъ, по своему усмотрѣнію, выбирать родъ наказаній, не исключая смертной казни. Смертная казнь за многія преступленія была введена судьями и уже гораздо позднѣе утверждена закономъ.

Къ этимъ преступленіямъ принадлежитъ: большая часть преступленій противъ религіи и нравственности. Такъ по свидѣтельству Кошихина, въ Россіи наказывали смертною казнію за содомскій грѣхъ, хотя до изданія воинскаго устава законъ этого не предписывалъ. По 104 ст. Каролины запрещается судьямъ назначать смертную казнь, когда она не опредѣлена въ законѣ: но въ самомъ же этомъ кодексѣ есть постановленія, которыя уничтожаютъ силу этого мудраго правила. Такъ, въ ст. 117, въ которой говорится о кровосмѣшеніи, наказаніе не опредѣлено, а судьямъ предоставлено право руководствоваться между прочимъ мнѣніями юрисконсультовъ По мнѣнію же тогдашнихъ правовѣдовъ, кровосмѣшеніе считалось смертнымъ преступленіемъ; оттого въ комментаріяхъ къ этой статьѣ въ числѣ наказаній за это преступленіе полагается и смертная казнь, которая на самомъ дѣлѣ была примѣняема. Такимъ же самымъ образомъ были наказываемы смертною казнію: похищеніе женщинъ, прелюбодѣяніе и двоебрачіе, хотя кодексъ Карла V прямо этого и не повелѣваетъ; ст. 118, 120 и 121. Даже въ XVIII стол. и законовѣды и практика отстаивали право судьи назначать смертную казнь, и даже изобрѣтать новыя казни по своему усмотрѣнію въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ законъ этого не предписываетъ, хотя это ученіе и не было принимаемо единогласно. Molinier, с. 15. Tissot, 1, с. 57. Loiseleur, с. 136, 150, 151, 223. Еслибы даже судьи и законовѣды не отстаивали общаго теоретическаго правила о произвольной власти судей, простирающейся до права опредѣлять смертную казнь въ случаяхъ неуказанныхъ закономъ, самая сущность вещей давала судьямъ въ руки подобную власть. Законы были многочисленны, запутаны и лишены единства, слѣдствіе и судъ совершались подъ прикрытіемъ тайны, способы обнаруженія и доказательства были разсчитаны не столько на то, чтобы облегчить обвиняемому законную возможность оправдаться, сколько на то, чтобы его запутать, поддѣть и довести до обвинительнаго приговора. Все это такія обстоятельства, которыя поддерживали произвольные порывы судьи и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли вліяніе на количество смертныхъ казней.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Отрицание справедливости смертной казни является раньше Беккарии. Значение учения Христа Спасителя въ исторіи этого наказанія. Беккарія есть только выразитель народившихся убѣжденій. Частичная отмѣна смертной казни помимо общаго ея отрицанія. Вліяніе экономическихъ интересовъ на отмѣну. Фактическая отмѣна, прежде и независимо отъ общаго отрицанія, за преступленія противъ религіи, нравственности и собственности. Вліяніе на отмѣну смягченія нравовъ и въ частности ученія объ умѣренности наказаній и о равенствѣ предъ закономъ. Полная отмѣна смертной казни въ XVIII ст. въ Тосканѣ и Австріи и попытки къ тому во Франціи. Реакція. Смертная казнь по уголовнымъ кодексамъ, составленнымъ подъ вліяніемъ реакціи: прусскому 1794 г., австрійскому 1802 г. и французскому 1810 г. Разногласіе между закономъ и жизнію въ XIX стол. Практика, вопреки закону, отмѣняетъ смертную казнь за многія преступленія и во многихъ случаяхъ. Значеніе помилованія въ исторіи отмѣны. Отрицаніе необходимости смертной казни за преступленія политическія. Сомнѣнія относительно справедливости ея примѣненія за убійство. Законодатель XIX ст. принужденъ былъ положеніемъ вещей отмѣнять смертную казнь за многіе виды преступленій. Отмѣна и современное положеніе смертной казни въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи, Сѣверной Америкѣ. Общіе выводы.

I. Появленіе сочиненія Беккаріи привыкли считать первымъ протестомъ противъ справедливости и необходимости смертной казни. Но при болѣе внимательномъ изслѣдованіи исторіи уголовныхъ законодательствъ открываются такіе факты, которые доказываютъ, что убѣжденіе въ несправедливости и ненужности этого наказанія обнаружилось въ родѣ человѣческомъ гораздо раньше этого событія. Конечно, такимъ извѣстіямъ, какъ извѣстіе объ отмѣнѣ смертной казни египетскимъ царемъ Сабакономъ, нельзя придавать ровно никакого значенія, какъ

по отрывочности этого явленія, такъ и по недостатку историческаго матеріала для критической оцѣнки его. Эти извѣстія равносильной исторической достовѣрности, какъ тотъ фактъ, что смертная казнь была отмѣнена въ Англіи Альфредомъ Великимъ и Вильгельмомъ Завоевателемъ; Taillandier, с. 231, 236—237; или какъ извѣстія о непримѣненіи смертной казни Венцеславомъ герцогомъ богемскимъ, княжившимъ съ 926 по 936 г.; Allg. deut. Strafrechtzeit. 1865 г. X. с. 505, стат. Арнольда; или какъ сказаніе объ отмѣнѣ смертной казни въ Россіи сыновьями Ярослава; Ducpetiaux, с. 62. Ссылки на всѣ эти факты, а равно любимый примѣръ Рима, *глубоко уважавшаго достоинство человѣческое*, обличаютъ полнѣйшее непониманіе историческихъ событій и ту неразборчивость, съ которою большинство хватается за всякій фактъ, наружностью похожій на искомый, лишьбы доказать любимое положеніе.

Первое важное событіе, имѣющее значеніе въ исторіи смертной казни, есть появленіе христіанства. Іисусъ Христосъ, правда, нигдѣ не высказалъ общаго взгляда на смертную казнь. Изслѣдователь исторіи смертной казни можетъ безъ ущерба для себя пройти молчаніемъ тотъ безконечный споръ между богословами-моралистами, который они, на основаніи болѣе или менѣе тонкихъ, болѣе или менѣе схоластическихъ толкованій разныхъ мѣстъ Ветхаго и Новаго Завѣта, ведутъ о томъ, согласна-ли смертная казнь съ ученіемъ Христовымъ, или несогласна, при чемъ одни рѣшаютъ утвердительно, а другіе отрицательно. Для объективнаго изслѣдованія важно понять не букву, а духъ ученія Христа Спасителя, а равно и то, какъ относились первые христіане къ самому совершенію казней. Ученіе Іисуса Христа проникнуто духомъ любви и снисхожденія къ человѣку; Богъ христіанскій есть Богъ любви и милости, желающій не мести и кары, а исправленія падшаго человѣка, въ противоположность Ветхозавѣтному Богу, который есть Богъ гнѣва и мести. Христосъ—это учитель и защитникъ рабовъ и вообще бѣднаго класса, который въ его время во всемъ мірѣ былъ главнымъ поставщикомъ висѣлицъ, креста и всевозможныхъ казней. Какъ онъ смотрѣлъ на преступника и смертную казнь — видно изъ разсказа о женѣ въ прелюбодѣяніи ятой. Когда книжники и фарисеи привели къ нему эту женщину и спросили его: слѣдуетъ-ли ее побить камнями, какъ велитъ законъ Моисеевъ, онъ отвѣтилъ: пусть броситъ первый камень тотъ, кто чувствуетъ себя безгрѣшнымъ. Это сказаніе содержитъ прозрачное неодобреніе тогдашней юстиціи, такъ обильно

и незря расточавшей смертную казнь; изъ него видно также, что основатель религіи смотрѣлъ на преступника, какъ на существо способное къ исправленію и принятію въ человѣческое общество. Первые христіане въ такомъ смыслѣ и понимали ученіе своего наставника. Смертная казнь возбуждала въ нихъ ужасъ; они никогда не присутствовали при казняхъ преступниковъ, потому что считали для себя оскверненіемъ смотрѣть на это зрѣлище. Molinier, Rapport sur travaux de M. Elerio, 1862 г. 7—11. Тѣ должности, которыя связаны были съ обязанностію судить преступниковъ и произносить смертные приговоры, они считали не совмѣстными съ ученіемъ, которое они исповѣдывали. Réponse par Beccaria sur un écrit intitulé: Notes et observations sur livre des délits et des peines. 401. Berner, Todesstrafe, с. 5. Въ послѣдствіи времени, когда христіанство сдѣлалось господствующею религіею римской имперіи, епископы обыкновенно ходатайствовали у императоровъ объ освобожденіи преступниковъ отъ смертной казни; подобное ходатайство перешло изъ добровольнаго въ обязанность, которую соборы возлагали на епископовъ. Berner, Todesstrafe. Нѣкоторые изъ христіанъ первыхъ вѣковъ простирали свое отвращеніе до того, что отнимали осужденныхъ на смерть преступниковъ изъ рукъ правосудія. Такое нарушеніе дѣйствующихъ законовъ вынудило Ѳеодосія Великаго издать законъ противъ тѣхъ монаховъ, которые любовь къ ближнимъ простираютъ до такой степени, что отнимаютъ преступниковъ изъ рукъ правосудія, потому что они не хотятъ, чтобы кого-нибудь умерщвляли. Réponse par Beccar. 402—3. Отцы церкви первыхъ вѣковъ высказывались въ своихъ сочиненіяхъ противъ смертной казни. Св. Августинъ въ письмѣ къ проконсулу Агриппѣ настаиваетъ на томъ, чтобы виновныхъ не казнить смертію. Въ двухъ другихъ письмахъ къ трибуну Марцелину, по поводу убійствъ католическихъ священниковъ, совершенныхъ нѣкоторыми сектаторами, онъ не требуетъ, чтобы къ послѣднимъ примѣненъ былъ законъ возмездія, который не утѣшаетъ жертвы и унижаетъ судью, но предлагаетъ употребить тюрьму, чтобы привесть виновныхъ отъ преступной энергіи къ какому-нибудь полезному труду, отъ преступленія къ тишинѣ и раскаянію. Molinier, 7, 8, Allg. Deut. Strafr.-Zeit. 1863 г. 122. Подобныхъ убѣжденій былъ и Тертуліанъ. Reponse, Beccaria, 402. До какой степени убѣжденіе первыхъ христіанъ въ несправедливости смертной казни было общее, доказательствомъ этому служитъ церковно-уголовная практика временъ

позднѣйшихъ: уже въ то время когда католическое духовенство сдѣлало смертную казнь обыкновеннымъ наказаніемъ за преступленія противъ религіи и нравственности, оно не переставало все-таки твердить: Ecclesia abhorret sanguinem. Чтобы придать хотя наружный видъ тому, что оно остается вѣрнымъ этому преданію, церковные суды, во-первыхъ, постановивши приговоръ о виновности, сами не приводили его въ исполненіе, а предоставляли это дѣлу свѣтской власти, во-вторыхъ, къ каждому приговору присоединяли ходатайство, имѣвшее теперь значеніе одной пустой формальности, о сохраненіи обвиняемому жизни и цѣлости тѣла.

Хотя и позже христіанская церковь способствовала въ нѣкоторой степени уменьшенію казней, то доставляя убѣжище спасавшимся отъ убійства въ видѣ мести, то ходатайствуя у свѣтской власти о помилованіи, но вообще говоря забытъ былъ общій духъ первыхъ христіанъ. Такимъ образомъ возникшая мысль о несправедливости смертной казни заглохла и не принесла прочныхъ практическихъ результатовъ. Она возникаетъ опять вмѣстѣ съ стремленіемъ на Западѣ возстановить первобытную чистоту ученія Христа Спасителя. Въ XVI ст. религіозный мыслитель Социнъ, ссылаясь на разныя выраженія Іисуса Христа, доказывалъ въ Швейцаріи, Германіи и Польшѣ несправедливость смертной казни и несовмѣстность ея съ христіанствомъ. Prof. Thonisson, Le problème de la peine de mort avant Beccaria, с. 3, помѣщенная въ Bulletins Брюссельской академіи наукъ; см. Allg. deut. Strafrechtszeit. 1863, 2 Heft. с. 83. Въ Англіи въ XVII ст. явились также религіозныя секты, которыя отвергали смертную казнь. Bentham, Oeuvres. Bruxelles. 1840 г. II. с. 24. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ квакеровъ XVII ст. Вилліамъ Пенъ, основатель штата Пенсильваніи, въ 1681 г. въ изданныхъ для основанной имъ колоніи законахъ, оставилъ смертную казнь только за предумышленное убійство. Самое ученіе о неприкосновенности жизни человѣческой, потому что она даръ Божій, первоначально возникло въ нѣдрахъ англійскихъ и американскихъ религіозныхъ сектъ и въ новѣйшее время такъ-сказать только секуляризовано Ливингстономъ и Люкасомъ, которые перенесли его въ литературу вопроса о смертной казни. Что ученіе Социна рано пріобрѣло много приверженцевъ, видно изъ того, что пользовавшійся въ свое время большимъ авторитетомъ нѣмецкій криминалистъ XVII ст. Карпцовъ почелъ необходимымъ въ своей Practica criminalis защищать

смертную казнь противъ ученій анабаптистовъ и новыхъ фотиніанъ. Molinier, 11.

II. Неизмѣримо большую важность въ исторіи смертной казни вообще и въ частности въ исторіи отрицанія ея необходимости имѣютъ тѣ капитальныя перемѣны, которыя возникаютъ, крѣпнутъ и проявляются въ общественномъ, экономическомъ, религіозномъ и умственно-нравственномъ состояніи европейскихъ народовъ. Зарожденіе этихъ перемѣнъ началось не только раньше Беккаріи, но и раньше XVIII стол.; развитіе ихъ шло рука-объ-руку съ постепеннымъ разложеніемъ феодальнаго и теократическаго устройства обществъ и возникновеніемъ новаго міросозерцанія и новыхъ началъ общественности. Эти-то перемѣны имѣли самое рѣшительное, хотя незримое, вліяніе на отрицаніе необходимости смертной казни и на постепенную ея отмѣну. Какъ задолго до капитальныхъ реформъ, произведенныхъ въ XVIII в. во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни, совершались частныя фактическія и законныя перемѣны, такъ задолго до появленія сочиненія Беккаріи началось настроеніе умовъ противъ смертной казни за нѣкоторыя преступленія и фактическая ея отмѣна, или по крайней мѣрѣ уменьшеніе за нѣкоторыя преступленія. Беккарія явился въ значительной степени только выразителемъ и собирателемъ идей, возникшихъ до него и занимавшихъ его современниковъ: его доводы противъ смертной казни есть въ значительной мѣрѣ только логическая аргументація противъ того учрежденія, которое отживаетъ свое время, вмѣстѣ съ паденіемъ тѣхъ формъ жизни и тѣхъ убѣжденій, которыя породили его и дѣлали его необходимымъ.

Матеріальные интересы всегда оказывали великое вліяніе на смягченіе жестокости наказаній. Во времена господства родовой мести, интересъ удерживалъ мстящую руку отъ убійства въ видѣ мести и заставлялъ брать отъ убійцы и обидчика выкупъ. Интересъ убѣдилъ потомъ не убивать, а превращать въ рабовъ тѣхъ преступниковъ, которые не въ состояніи были уплатить выкупъ. Наконецъ, въ періодъ государственныхъ казней и преобладанія смертной казни въ частности, разнообразные экономическіе интересы вліяли на уменьшеніе смертныхъ казней. Когда экономическая жизнь ничтожна, когда у народовъ нѣтъ ни развитаго земледѣлія, ни промышленности, ни торговли, ни мореплаванія и колоній,—тогда человѣкъ, не имѣя нужды въ трудѣ, не находитъ лучшаго средства обезопасить себя отъ преступника, какъ или сдѣлавъ его неспособнымъ къ совершенію новыхъ преступленій

посредствомъ изувѣченія и отнятія членовъ, орудій преступленія, или и вовсе его уничтоживъ отнятіемъ у него жизни. Совершенно иначе поступаетъ человѣкъ, съ тѣхъ поръ какъ экономія его упрочивается и онъ научается цѣнить трудъ, хотя и совершаемый чужими руками. Тогда-то народы приходятъ къ тому убѣжденію, что оставляя неприкосновенными тѣло и жизнь преступника, можно безъ вреда общественному и частному благосостоянію и безопасности, даже извлечь изъ преступника выгоду. Не подлежитъ сомнѣнію, что такія экономическія соображенія имѣли дѣйствіе, уменьшающее у всѣхъ народовъ количество смертныхъ казней. Они же въ новое время двигали европейскіе народы на пути уничтоженія смертной казни. Не входя въ спеціальное изслѣдованіе этого важнаго вопроса, я, для доказательства высказанной мысли, ограничусь нѣкоторыми данными изъ исторіи уголовнаго права Англіи, Франціи и Россіи.

Основаніе колоній заставляло англичанъ искать рабочихъ рукъ. Оттого они довольно рано стали перевозить въ колоніи для работъ тѣхъ изъ своихъ преступниковъ, которыхъ до того они казнили смертію. Первые опыты перевозки преступниковъ въ колоніи относятся къ царствованію Елисаветы; однимъ изъ статутовъ этого царствованія предписано было перевозить за море бродягъ для цѣлей колонизаціи; Holtzendorff, Die Deportation, 164; въ другомъ мѣстѣ было мною указано, что въ Англіи смертная казнь была обыкновеннымъ наказаніемъ для нищихъ и бродягъ. При Іаковѣ 1-мъ, верховный судья Пойгамъ (Poyham), вложившій свой капиталъ въ основаніе колоніи Виргинія, отстаивалъ колонизацію посредствомъ преступниковъ, вопреки мнѣнію извѣстнаго Бекона, и мнѣніе его имѣло рѣшительный перевѣсъ. Впослѣдствіи времени придворные, участвовавшіе съ своими капиталами въ основаніи и развитіи колоній, особенно старались объ увеличеніи числа преступниковъ, назначаемыхъ для ссылки въ колоніи, и искали содѣйствія судей, какъ напр. Джефрейза, ibid. 170, 171. Статутомъ Карла II, судьи уполномочены были за нѣкоторыя преступленія, которыя до тѣхъ поръ подлежали смертной казни, опредѣлять семилѣтнюю ссылку, если они найдутъ умѣстнымъ. ib. 168. До сихъ поръ, впрочемъ, замѣна смертной казни ссылкою не была точно опредѣлена и зависѣла отъ произвола судей. Рѣшительный шагъ къ этой замѣнѣ сдѣланъ былъ при Аннѣ и Георгѣ 1-мъ. Извѣстно, что въ Англіи нѣкоторые классы издавна пользовались привиллегіею изъятія отъ смерт-

ной казни; въ царствованіе Анны (1702—1714) привиллегіею этою дозволено было пользоваться всѣмъ безъ исключенія за нѣкоторыя, впрочемъ, преступленія, за которыя до тѣхъ поръ непривиллегированные подлежали смертной казни, замѣненной съ этихъ поръ заключеніемъ въ рабочій домъ. Статутомъ, изданнымъ въ 1717 г. въ царствованіе Георга 1-го вскорѣ послѣ этого нововведенія, повелѣно было за эти преступленія, вмѣсто клейменія и рабочаго дома, опредѣлять ссылку на семъ лѣтъ въ колоніи. Кромѣ того, за смертныя преступленія, относительно которыхъ привиллегія духовенства не имѣла никакого примѣненія, высшій королевскій судъ могъ именемъ короны и съ выдачею грамоты за большою печатью, дать преступнику помилованіе, подъ условіемъ ссылки въ Америку на четырнадцать лѣтъ или на другой срокъ, съ тѣмъ, чтобы, по прошествіи судьею опредѣленнаго срока, само собою наступало полное помилованіе. Какъ основаніе замѣны смертной казни ссылкою и расширенія сей послѣдней приведена необходимость рабочихъ рукъ для колоній: во многихъ, говорится въ статутѣ, принадлежащихъ его величеству колоніяхъ и поселеніяхъ въ Америкѣ существуетъ большой недостатокъ въ работникахъ, которые бы могли своими работами и прилежаніемъ доставить средство сдѣлать сказанныя колоніи и поселенія приносящими пользу націи. ib. 173—176. Такимъ образомъ первые опыты отмѣны смертной казни въ Англіи были сдѣланы не изъ соображеній человѣколюбія, не изъ желанія установить болѣе соотвѣтствія между преступленіями и наказаніями, а чисто изъ разсчетовъ экономическихъ.—Во Франціи, гребцы на галерныхъ судахъ, изъ которыхъ состоялъ флотъ, набирались изъ преступниковъ. Въ интересѣ правительства было, чтобы суды какъ можно больше преступниковъ приговаривали къ этому наказанію. Кольберъ, который особенно хлопоталъ объ усиленіи французскаго флота, предлагалъ уголовнымъ судамъ приговаривать по возможности преступниковъ, вмѣсто смертной казни, къ ссылкѣ на галеры. Президенты судовъ съ особеннымъ усердіемъ старались исполнять это внушеніе. Loiseleur, 253, 254.—Нѣтъ сомнѣнія, что завоеваніе Сибири, заведеніе флота и предпріятіе правительственныхъ построекъ, какъ-то крѣпостей и т. п., способствовали уменьшенію и почти полной отмѣнѣ смертной казни въ Россіи. Указами 19 ноября 1703 г., 19 января 1704 г. и 5 февраля 1705 г. Петръ 1-й предписалъ, кромѣ убійцъ и мятежниковъ, остальныхъ преступниковъ за смертныя преступленія

не приговаривать къ смертной казни, а наказавши кнутомъ и заклеймивши, ссылать въ каторжную работу навсегда или на извѣстное число лѣтъ. П. С. Зак. 1951, 1957 и 2026. Въ 1714 г. эти законы были отмѣнены; но спустя 30 лѣтъ исполненіе смертныхъ казней было пріостановлено,—и положительно можно сказать, что только пріобрѣтеніе и колонизація Сибири дали возможность превратить эту повидимому временную мѣру въ постоянный законъ имперіи.

Еще въ XVI и XVII стол. возникаетъ въ европейскомъ обществѣ убѣжденіе, что преступленія противъ религіи, по важности и существу, не заслуживаютъ такой жестокой кары, какъ смертная казнь. Тѣ писатели-криминалисты XVIII ст., которые явились выразителями общественныхъ убѣжденій, посредствомъ цѣлой аргументаціи сообщили вышеупомянутому убѣжденію характеръ научной истины. Монтескье, писавшій раньше Беккаріи, причисляетъ къ преступленіямъ противъ религіи только тѣ дѣйствія, которыя содержатъ въ себѣ прямое матеріальное нападеніе на отправленіе богослуженія и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ нарушаютъ спокойствіе и безопасность гражданъ. Поэтому онъ, съ одной стороны, исключаетъ изъ вѣдомства человѣческаго правосудія всѣ дѣйствія непубличныя (actions cachées), хотя бы они и оскорбляли божество, и не считаетъ ихъ преступленіями, потому что все здѣсь происходитъ между человѣкомъ и Богомъ, который знаетъ мѣру и время своего мщенія; съ другой, извѣстныя дѣйствія, задѣвающія религіозные интересы, онъ считаетъ потому наказуемыми, что они содержатъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ себѣ нарушеніе спокойствія и безопасности или гражданъ вообще, или извѣстнаго класса гражданъ, или каждаго въ отдѣльности. За эти преступленія онъ считаетъ достаточными слѣдующія наказанія: лишеніе всѣхъ выгодъ, доставляемыхъ религіею, изгнаніе изъ храмовъ, удаленіе изъ общества вѣрующихъ на время или навсегда. Liv. XII, ch. IV. Это очертаніе круга религіозныхъ преступленій и опредѣленіе той же наказуемости принято Императрицею Екатериною II, въ ея Наказѣ. Ст. 74. Позднѣйшіе криминалисты XVIII в., принявъ ученіе Монтескье объ этомъ предметѣ, спеціализировали его аргументацію. Гр. Соденъ, въ своемъ Geist der deutschen Criminalgesetze, доказываетъ, что единственное основаніе для наказуемости богохульства есть тотъ вредъ, который происходитъ отъ него для общества; съ этой точки зрѣнія, оскорбленіе божества не есть земное преступленіе; оно подлежитъ только божественному суду; человѣкъ безъ оскорбленія бо-

жества не можетъ вмѣшиваться въ его судъ. Гражданскимъ же преступленіемъ оно является настолько, насколько оно нарушаетъ покой государства; а съ этой единственно вѣрной точки зрѣнія оно не является въ томъ тяжкомъ, ужасномъ видѣ, въ которомъ изображаютъ его намъ законы. Вслѣдствіе такихъ соображеній, онъ считаетъ крайне несправедливымъ всякое тяжкое наказаніе за это преступленіе, а тѣмъ болѣе смертную казнь. В. 1. Abt. 2. с. 1 — 18. Бриссо-де-Варвиль, другой криминалистъ XVIII в., выходя изъ того же общераспространеннаго въ то время взгляда на религіозныя преступленія, слѣдующимъ образомъ примѣняетъ его къ преступленію, извѣстному подъ именемъ ереси. Ересь, говоритъ онъ, не можетъ быть соціальнымъ преступленіемъ, ибо въ противномъ случаѣ всѣ люди были-бы одинъ предъ другимъ еретиками и подлежали-бы наказанію: лютеранизмъ есть ересь въ Римѣ, католическая вѣра является ересью въ Лондонѣ. Извѣстный Омаръ есть еретикъ для Испагани, и Али для Константинополя. Нарушеніе общественнаго порядка — вотъ единственная мѣрка для опредѣленія наказаній. Но развѣ ересь или разномысліе производитъ какое-нибудь нарушеніе общественнаго порядка? Для монарха и государства главный интересъ состоитъ въ томъ, чтобы имѣть вѣрныхъ гражданъ, храбрыхъ солдатъ; но кто имѣетъ мнѣнія, отличныя отъ мнѣній короля или націи, развѣ онъ поэтому обладаетъ въ меньшей степени этими качествами? Волшебство, говоритъ онъ далѣе, какъ преступленіе, есть химера; тупоумны тѣ, которые вѣрятъ въ него; преступники тѣ, которые заставляютъ жечь вѣдьмъ. За тѣмъ, признавая наказуемыми, какъ преступленія противъ религіи, простой гражданскій безпорядокъ, могущій произвесть религіозный соблазнъ, публичное оскорбленіе какихъ бы то ни было вѣрованій гражданъ, нарушеніе богослужебныхъ обрядовъ во время ихъ совершенія, онъ, однакожъ, отвергаетъ необходимость за эти дѣйствія тяжкихъ наказаній и въ частности смертной казни. II. 4—16. Тѣ же доводы приводили эти писатели и противъ употребленія смертной казни и за другіе виды преступленій религіозныхъ.—Таковъ былъ взглядъ передовыхъ спеціалистовъ XVIII в. на несправедливость и неумѣстность смертной казни за преступленія противъ религіи. И этотъ взглядъ былъ не произведеніемъ идеалогіи, а порожденіемъ совершившагося факта. Филанджіери, писатель XVIII в., говоритъ, что кровавые законы противъ колдовства, изданные въ вѣка варварства и суевѣрія, не были въ его время от-

мѣнены ни въ одномъ европейскомъ кодексѣ, за исключеніемъ Англіи; но они остаются почти въ бездѣйствіи, благодаря гуманности и умѣренности судей. Уваженіе къ общественному мнѣнію парализируетъ законъ въ столицахъ и въ большихъ городахъ; но въ провинціяхъ, въ селахъ, въ глуши деревень, въ темныхъ и пустынныхъ убѣжищахъ сельскаго человѣка онъ бываетъ причиною ужасныхъ безпорядковъ. Science de la legisl. T. V, 242. Въ то же время, по увѣренію другаго писателя XVIII в. Пасторе, законы противъ богохульства, оскорбленія святыни, клятвъ, ересей, святотатства, почти оставались безъ исполненія; судьи не осмѣливались ихъ примѣнять во всей ихъ полнотѣ и строгости. Pastoret, II. 4. 67. Даже въ Испаніи, классической странѣ сожженія еретиковъ и волшебниковъ, со второй половины XVIII стол. мало-по-малу угасаютъ костры и святая инквизиція ограничивается болѣе мягкими наказаніями. Тогда какъ въ концѣ XV стол. въ годъ сожигали по 2000 еретиковъ, съ 1746 по 1757 г. сожжено было только *десять*, съ 1758 по 1774 г. только *два*, съ 1774 по 1783 г. тоже *два;* а съ этого времени въ Испаніи совершенно прекращаются смертныя казни за религіозныя преступленія, хотя кровавые законы и святая инквизиція остаются до начала XIX стол. Lorente, IV. с. 247. 269—271. Такимъ образомъ не Монтескье, не Беккарія были виновниками прекращенія, или лучше сказать фактической отмѣны смертной казни за преступленія противъ религіи, а видоизмѣненіе религіозныхъ вѣрованій, совершавшееся въ европейскихъ обществахъ; уже источникъ смертныхъ казней за религію началъ совсѣмъ изсякать, когда Монтескье и Беккарія, эти носители и тонкіе толкователи идей своего времени, являются съ своею аргументаціею и наносятъ окончательный ударъ религіозному фанатизму.

Подобнымъ же образомъ, раньше появленія рѣшительнаго отрицанія смертной казни вообще, или по крайней мѣрѣ помимо этого отрицанія, совершается мало-по-малу фактическая отмѣна этого наказанія за преступленія противъ нравственности. И эта постепенная отмѣна также шла паралельно съ видоизмѣненіемъ соотвѣтствующихъ общественныхъ отношеній и взглядовъ на нихъ. Выразители общественнаго мнѣнія, писатели-криминалисты до и послѣ Беккаріи, которые не возставали противъ смертной казни вообще, энергически протестовали противъ примѣненія этого наказанія за преступленія противъ нравственности. Тотъ же Монтескье провозгласилъ, что наказанія

за преступленія противъ нравственности, которыя содержатъ въ себѣ нарушенія общественной безопасности, должны состоять, какъ того требуетъ природа вещей, въ слѣдующемъ: въ лишеніи выгодъ, которыя общество соединяетъ съ чистотою нравовъ, въ штрафахъ, въ стыдѣ, въ принужденіи скрываться, въ публичномъ безславіи, въ изгнаніи изъ города и общества; словомъ, въ наказаніяхъ исправительныхъ, которыя достаточны для подавленія безчинія двухъ половъ. Потому что эти преступленія происходятъ не столько изъ злости, сколько изъ забвенія и презрѣнія къ самому себѣ. L'Esprit des lois, liv. XII. ch. VI. Бриссо-де-Варвиль о прелюбодѣяніи такъ говоритъ: прелюбодѣяніе не есть естественное преступленіе; если оно и приноситъ вредъ обществу, то его трудно преслѣдовать; есть государства, которыя открыто его дозволяютъ, есть другія, которыя его терпятъ, наконецъ есть и такія, гдѣ, не смотря на казни, не смотря на двойную узду со стороны религіи и государства, оно часто совершается. Это преступленіе есть только противъ нравовъ: если нравы чисты, прелюбодѣяніе наказывается безчестіемъ, которое за нимъ слѣдуетъ; если нравы развращены, преступленіе остается ненаказаннымъ, наказаніе будетъ безполезно. Нынѣ, говоритъ онъ далѣе, смягчившіеся нравы не караютъ уже съ такою жестокостію, какъ прежде, этого преступленія, которое трудно доказать, за которое нельзя принести жалобу въ судъ, не покрывши себя насмѣшками. Общество заключило тайный договоръ не преслѣдовать преступленія, надъ которымъ оно привыкло смѣяться. II, с. 236—247. Другой писатель XVIII в. гр. Соденъ, доказавши всю неумѣстность смертной казни за это преступленіе, говоритъ, что криминалисты чувствуютъ до какой степени смертная казнь за это преступленіе противорѣчитъ всѣмъ чувствамъ и всѣмъ основнымъ началамъ справедливости; но вмѣсто того, чтобы возстать противъ этого, вмѣсто того, чтобы открыть глаза законодателю, они только ограничиваются пріисканіемъ смягчающихъ обстоятельствъ. В. III. 22. Такимъ образомъ, по свидѣтельству этихъ двухъ писателей, практика и теорія XVIII в., вопреки законамъ, старались, посредствомъ пріисканія смягчающихъ обстоятельствъ, изъять прелюбодѣяніе изъ разряда смертныхъ преступленій. — Двоебрачіе или многоженство, говоритъ Бриссо-де-Варвиль, являются попеременно то преступными, то добродѣтельными, смотря по свойству климата, правленія и религіи. Полигамія, одобряемая въ Турціи алкораномъ, у евреевъ законами Моисея, пре-

слѣдуется въ странахъ, гдѣ введена христіанская религія. Это преступленіе не есть преступленіе соціальное. II. с. 247. Признавая смертную казнь крайне несправедливымъ и несообразнымъ наказаніемъ за это преступленіе, Соденъ говоритъ: криминалисты стараются посредствомъ пріисканія множества смягчающихъ обстоятельствъ обезсилить несправедливую строгость этого наказанія; еслибы многіе отдѣльные нѣмецкіе законодатели не уничтожили въ новое время смертной казни, за это преступленіе, то онъ бы краснѣлъ за свою націю. В. III. 30—31. Кровосмѣшеніе, по мнѣнію того же писателя, не есть тяжкое преступленіе; если взвѣсить качество этого дѣйствія, легко убѣдиться, что оно не разрушаетъ непосредственно благосостоянія и безопасности обществъ и само по себѣ не содержитъ никакого непосредственнаго оскорбленія для него; смертная казнь за это преступленіе есть наказаніе, совершенно несоотвѣтствующее справедливости. Поэтому многія нѣмецкія законодательства опредѣлительно или молчаливо уничтожили смертную казнь за кровосмѣшеніе. ib 33—41. Что касается содомскаго грѣха и скотоложства, то и Соденъ и Бриссо-де-Варвиль, причисляя ихъ къ самымъ гнуснымъ порокамъ, признаютъ однакожъ смертную казнь въ примѣненіи къ нимъ наказаніемъ крайне жестокимъ и несправедливымъ. Содомія, говоритъ Соденъ, до такой степени противоестественное преступленіе, что большей части людей оно не извѣстно. Законодатель, наказывая это преступленіе и такимъ образомъ дѣлая его общеизвѣстнымъ, болѣе причиняетъ, чѣмъ предупреждаетъ вредъ. Лучше всего, человѣка, который совершитъ содомію, или унизится до скотоложства, удалить изъ общества, отдать въ работу, чтобы тѣмъ удержать его отъ дальнѣйшихъ преступленій и сдѣлать невозможнымъ распространеніе порока. III. 41—46. Монтескье говорилъ, что преступленіе противъ природы въ его время не наказывалось смертною казнію во Франціи. Тюрьма, по его словамъ, была обыкновеннымъ наказаніемъ для тѣхъ, которые изобличены въ этомъ преступленіи, осуждаемомъ во всѣхъ странахъ религіею, моралью и политикою. Brisso-de-Warvil, II. с. 250. Такимъ образомъ, еще законъ грозилъ смертною казнію за преступленія противъ нравственности, а практика давно уже не слѣдовала закону.

Европейское общество XVIII ст., признавъ смертную казнь неумѣстнымъ и несправедливымъ наказаніемъ также и за разные виды воровства, переставало примѣнять ее на практикѣ, хотя прежніе законы не были отмѣнены. Воровство всегда было самымъ частымъ преступ-

ленiемъ и во всѣхъ европейскихъ государствахъ въ большинствѣ случаевъ каралось смертною казнiю. »Наказанiе за воровство со взломомъ, говоритъ Филанджiери, есть смерть; наказанiе за воровство съ оружiемъ на большой дорогѣ есть смерть; наказанiе за воровство святотатство тоже смерть; наказанiе за воровство, совершенное во время пожара или кораблекрушенiя, тоже смерть; наказанiе за воровство простое, въ третiй разъ совершенное, есть смерть; наказанiе за воровство скота тоже смерть. Въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ еще существуютъ законы объ охотѣ, тотъ, кто убьетъ или украдетъ дикаго звѣря въ лѣсу другаго, осуждается на смерть. Смерть, смерть и всегда смерть!« V. с. 205. Такая строгость законовъ падала главнымъ образомъ на бѣдные классы народа, изъ которыхъ выходилъ самый большiй процентъ воровъ 1). Вслѣдствiе перемѣны взгляда на низшие классы, писатели XVIII в. и возстали противъ смертной казни за воровство, какъ наказанiя падавшаго на голову народа, въ то время какъ другiе виды преступленiй противъ собственности, совершителями которыхъ являлись преимущественно лица изъ высшихъ классовъ, какъ напр. казнокрадство, взятки и всякое вымогательство состороны чиновниковъ, были обложены менѣе тяжкими наказанiями и очень слабо преслѣдовались. Независимо отъ этихъ политическихъ соображенiй, писатели XVIII в. признавали смертную казнь несправедливымъ наказанiемъ за воровство, изъ соображенiй относительной важности этого преступленiя. »Если смертная казнь есть самое тяжкое наказанiе, говоритъ Соденъ, то какъ можно опредѣлять его за воровство, когда такъ много другихъ преступленiй, которыхъ нравственная количественность и качественность неизмѣримо больше, которыя для общества неизмѣримо тяжелѣе, и за которыя однакожъ законодатель не находитъ другаго высшаго наказанiя, кромѣ смертной казни. Что станется съ столь необходимою постепенностiю наказанiй, на которой покоится безопасность цѣлаго общества? Если я накажу вора такъ же какъ убiйцу, что можетъ удержать его отъ того, чтобы не убить меня, когда это не повлечетъ для него другаго болѣе тяжкаго наказанiя, а напротивъ еще доставитъ большiя средства

1) Такъ какъ воровство и мошенничество суть преступленiя бѣдныхъ, говоритъ Бриссо-де-Варвиль, такъ какъ три четверти этихъ преступленiй совершаются вслѣдствiе бѣдности, то слѣдуетъ начать съ уничтоженiя бѣдности—какъ причины преступленiя, вмѣсто того чтобы несчастныя жертвы отдавать въ руки палачей.

скрыться отъ преслѣдованія.« II. 211. И эти соображенія, которыя можно встрѣтить у всѣхъ писателей-реформистовъ XVIII в., были только выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Филанджіери, перечисливши вышеприведенные виды воровства, которые карались смертною казнію, говоритъ: »Мягкое, но могущественное вліяніе просвѣщенія и нравовъ не могло еще окончательно уничтожить эти постыдныя остатки древняго варварства. Эти нравы и это просвѣщеніе заставляютъ только молчать эти законы; но они оставляютъ ихъ существовать. Судья безпрестанно принужденъ противодѣйствовать своимъ милосердіемъ тираническому закону, который хочетъ имъ управлять. Приходится прятать истину, приходится вносить измѣну въ приговоры, потому что законы нарушаютъ справедливость. Часто ненаказанность есть единственный исходъ для судьи, потому что наказаніе жестоко.« V. с. 205—206. Блакстонъ (1765 г.) въ своихъ коментаріяхъ говоритъ, что англійскіе присяжные, при рѣшеніи дѣлъ о воровствѣ въ 40 шилинговъ, за которое законъ грозилъ смертною казнію, объявляли, что обвиняемый виновенъ въ воровствѣ 39 шилинговъ, чтобы такимъ образомъ избавить его отъ смертной казни. Publications de l'association pour abol. de la peine de mort. № 4. с. 15. Вольтеръ (1777 г.) говоритъ: въ Англіи не отмѣненъ законъ, который грозитъ смертію за воровство выше 12 су. Но этотъ законъ не исполняется. Обыкновенно или стараются обойти его, или обращаются къ королю съ просьбою о замѣнѣ наказанія. XXIX. с. 272. Въ Пруссіи Фридрихъ Великій 23 іюля 1743 г. издалъ повелѣніе, которымъ отмѣнилъ до тѣхъ поръ существовавшую въ Пруссіи смертную казнь за воровство, исключивъ при этомъ только воровство, соединенное съ убійствомъ. Abegg, Versuch einer Geschichte der Strafgesetzgebung und Strafrechts der Brandenburg-Preussischen Lande, с. 149. Относительно остальной Германіи мы имѣемъ свидѣтельство гр. Содена (1783 г.). Законъ о наказаніи смертною казнію за значительное воровство, по его увѣренію, оставляется лучшею и большею частію судовъ Германіи безъ исполненія, и подъ управленіемъ мудраго и человѣколюбиваго государя не осмѣливаются казнить человѣка за жалкіе пять гульденовъ. Говоря о законѣ и обычаѣ казнить за третье воровство, какъ бы оно ничтожно ни было, онъ утверждаетъ, что этотъ законъ, какъ противный чувству справедливости, стараются обойти, посредствомъ разныхъ уклоненій, толкованій и изобрѣтенія смягчающихъ обстоятельствъ. В. II. с. 203. 209. Вольтеръ увѣряетъ, что въ его время ни одинъ госпо-

динъ не рѣшался обвинить слугу вора, единственно потому, что смертная казнь, по общему убѣжденію, не должна быть опредѣляема за это преступленіе. XXII. с. 271.

Столь же важное значеніе въ исторіи отмѣны смертной казни, независимо отъ прямаго отрицанія этого наказанія, имѣютъ: общее смягченіе нравовъ и распространеніе убѣжденій о равенствѣ всѣхъ людей. Восемнадцатый вѣкъ есть вѣкъ гуманной философіи—и это названіе онъ заслужилъ не за гуманныя фразы, а за то, что общество этого вѣка заявило рѣшительный протестъ противъ унаслѣдованныхъ отъ временъ варварства жестокихъ и кровавыхъ обычаевъ и законовъ и потомъ большую часть ихъ отмѣнило. Вліяніе этой перемѣны нравовъ обнаруживается во всѣхъ сферахъ жизни—и оно-то, хотя незримо, но въ самомъ корнѣ подкапывало почву, на которой держались висѣлицы и эшафоты. Взвѣсить осязательнымъ образомъ всю работу этого вліянія очень трудно, потому что она происходила во всѣхъ отрасляхъ жизни, въ свою очередь имѣвшихъ вліяніе на смягченіе наказаній. Еще прежде Беккаріи, Монтескье, писатель съ глубокимъ уваженіемъ относившійся къ основнымъ элементамъ современной ему общественности, съ поразительною ясностію доказалъ необходимость и важность умѣренныхъ наказаній для хорошо организованныхъ обществъ, и опасность, ненужность и несправедливость жестокихъ и мучительныхъ наказаній. Едвали не онъ первый выяснилъ ту истину, что не жестокія казни, а устраненіе причинъ, способствующихъ совершенію преступленій, составляютъ гарантію личной и общественной безопасности и благосостоянія. Его превосходныя правила впослѣдствіи повторила Императрица Екатерина II въ своемъ Наказѣ. Ст. 63, 67, 81—91. 94—96.—XV глава Беккаріи объ умѣренности наказаній не представляетъ ничего новаго и есть въ сущности повтореніе уже высказаннаго Монтескье. Итакъ, повторяю, общее смягченіе нравовъ и его порожденіе—ученіе юристовъ о необходимости умѣренныхъ наказаній—имѣло громадное вліяніе на частную отмѣну смертной казни. Но помимо общаго вліянія этого ученія можно указать его спеціальные результаты: въ XVIII в. возникло и потомъ перешло въ жизнь ученіе о гнусности и безчеловѣчіи мучительныхъ смертныхъ казней: четвертованія, колесованія, сожженія и т. п. Еще раньше отмѣны квалифицированной смертной казни, она уже примѣнялась только формально. Когда мучительныя казни суще-

ствовали, тогда по крайней мѣрѣ хоть нѣкоторое основаніе было для наказанія мелкаго вора висѣлицею, въ виду того что убійцу колесовали. Съ отмѣною же этихъ казней, эта постепенность наказуемости должна была исчезнуть, и общество, понизивъ наказаніе за убійство и другія тяжкія преступленія установленіемъ простой смертной казни, поставлено было въ необходимость понизить его за другія меньшей важности преступленія отмѣною смертной казни.—Въ IV главѣ я показалъ то могущественое вліяніе, какое сословныя привиллегіи имѣли на удержаніе высокой цифры смертныхъ казней. Общество XVIII в., ратуя вообще противъ экономическаго и общественнаго порабощенія народа немногочисленнымъ классомъ людей и противъ отживавшихъ свой вѣкъ исключительностей и привиллегій въ пользу немногихъ, обратило особенное вниманіе на то, что жестокія казни главнымъ образомъ падаютъ на голову народа, тогда какъ меньшинство во всѣ прежнія времена умѣло гарантировать себѣ ненаказанность или только избавленіе отъ смертной казни, какъ болѣе тяжкаго наказанія. Отсюда родилось ученіе о равенствѣ наказаній для лицъ всѣхъ сословій; это приравненіе было и для высшихъ классовъ къ низшимъ, но еще въ большей степени низшихъ къ высшимъ, что̀, очевидно, должно было сопровождаться смягченіемъ наказаній вообще и въ частности отмѣною смертныхъ казней. Вслѣдствіе перемѣны взглядовъ общества на относительную важность многихъ преступленій, какъ-то противъ религіи, нравственности, противъ собственности, а равно вслѣдствіе рѣшительнаго отрицанія мучительныхъ смертныхъ казней и успѣха идеи равенства предъ закономъ, само собою явилось въ XVIII в. ученіе о постепенной важности преступленій и необходимости соразмѣренія съ нею тяжести наказаній. Писатели-реформисты: Монтескье, Беккарія, Филанджіери, Бриссо-де-Варвиль, Соденъ и многіе другіе, съ особенною энергіею ударяли на этотъ пунктъ, и имъ и ихъ вѣку принадлежитъ честь утвержденія того положенія, которое позднѣе перешло въ жизнь, что если уже примѣнять смертную казнь, то только за самыя тяжкія преступленія.

III. Вотъ то состояніе европейскаго общества и его взглядовъ на смертную казнь, при которомъ Беккарія заявилъ въ своемъ сочиненіи о преступленіяхъ и наказаніяхъ рѣшительный голосъ противъ этого наказанія. Почва была подготовлена, матеріалы существовали, онъ только первый соединилъ въ одно цѣлое и аргументировалъ убѣжденія, бродившія въ умахъ его современниковъ. Доказывая несправедливость

и ненужность смертной казни, Беккарія показалъ себя только послѣдовательнымъ логикомъ и болѣе рѣшительнымъ и глубокимъ мыслителемъ, чѣмъ большинство его современниковъ, которые отвергали необходимость этого наказанія только за многія преступленія. Но и въ этомъ случаѣ онъ въ большей или меньшей степени былъ только истолкователемъ желаній и надеждъ европейскихъ обществъ, чему доказательствомъ служатъ рѣдкое сочувствіе, съ какимъ принята была его книга, современныя ему и послѣдующія отмѣны смертной казни, наконецъ серьёзная, спокойная и неотступная рѣшимость современныхъ намъ обществъ вычеркнуть раньше или позже смертную казнь изъ списка наказаній. Поэтому, когда люди, стоявшіе за старые порядки, стали взводить на него нелѣпое обвиненіе въ томъ, что онъ оспариваетъ у государей право наказывать смертію, онъ имѣлъ полное право сказать, что противники его не понимаютъ ни потребностей времени ни событій, вокругъ ихъ совершающихся. »Противникъ мой, говорилъ онъ, мало знакомъ съ духомъ нынѣ царствующихъ государей. Пусть онъ узнаетъ, какъ далеки они отъ того, чтобы дорожить пагубнымъ правомъ лишать жизни человѣка, что нѣтъ ни одного изъ этихъ государей, который бы не смотрѣлъ на этотъ актъ, какъ на одну изъ самыхъ великихъ непріятностей верховной власти. Пусть онъ узнаетъ, что нынѣшніе государи, будучи далеки отъ того, чтобы ревниво охранять право наказывать смертію, дали-бы великую награду тому, кто открылъ-бы средство обезопасить общественное спокойствіе, неубивая ни одного человѣка. Пусть узнаетъ наконецъ, что всѣ нынѣ царствующіе государи ограничили, сократили и умѣрили употребленіе смертной казни; уголовные архивы всѣхъ націй Европы и свидѣтельство всякаго, кто дѣйствительно жилъ, подтвердятъ эту истину«. Réponse, edit. M. C. D. L. B. 1713 г. с. 396. Такимъ образомъ, самъ Беккарія засвидѣтельствовалъ, что его мысли о смертной казни не принадлежатъ ему одному, а служатъ выраженіемъ желаній современныхъ ему законодателей. Увѣреніе Беккаріи совершенно согласно съ тѣми фактами, которые Карминьяни сообщаетъ относительно отмѣны смертной казни въ Тосканѣ. »Нѣкоторые безъ сомнѣнія думають, говоритъ онъ, что книга Беккаріи служила текстомъ для реформъ уголовнаго права, которыя великій герцогъ Петръ-Леопольдъ совершилъ въ Тосканѣ. Еслибы это было такъ, этотъ государь не ждалъ-бы съ 1765 по 1786 г., чтобы придать реформамъ силу закона. Законодательныя перемѣны, которыя въ такой

высокой степени приносятъ честь правительству великаго герцога Петра-Леопольда, имѣютъ другое происхожденіе и другія побудительныя причины. По счастливому стеченію обстоятельствъ, государственные люди и юристы Тосканы, независимо отъ основныхъ началъ Беккаріи и притомъ задолго до появленія его книги, сошлись въ убѣжденіи, что спокойствіе государства зависитъ отъ достоинства его экономической системы, и что мягкія наказанія, если только они, благодаря хорошему судопроизводству, неизбѣжно слѣдуютъ, доставляютъ достаточную защиту противъ немногихъ преступниковъ, которыхъ не можетъ исправить хорошій законъ. Пагнини, Таванти, Нери, Джіанни, Биффи Толомеи, почти около времени вступленія на престолъ великаго герцога Леопольда, зажгли въ государственной наукѣ яркій свѣтъ, изъ котораго, какъ блестящій лучъ, истекло начало мягкости наказаній. Эти мужи, которымъ, благодаря уже расположенности графа Ришекура, главы регентства, были ввѣрены общественныя должности, умѣли сообщить уму благороднаго, человѣкорасположеннаго государя то направленіе, которое мало-по-малу, путемъ опыта, привело его къ убѣжденію въ безполезности кровавой системы наказаній, которую онъ нашелъ въ Тосканѣ«. Съ другой стороны, по словамъ автора, законъ 1744 г. о доказательствахъ далъ тосканскимъ юристамъ основаніе для противодѣйствія примѣненію смертной казни. Krit. Zeitschrift. 1830 г. B. II. Heft. 3 и 4. Carmignani, Ueber die Schicksale der Todesstrafe in der Gesetzgebung von Toscana, с. 389—390.

Самая отмѣна смертной казни въ нѣкоторыхъ государствахъ, хотя и недолго удержавшаяся, сдѣлалась возможною только вслѣдствіе того, что общество было болѣе или менѣе къ тому подготовлено. Первая по времени общая отмѣна смертной казни сдѣлана была въ Тосканѣ великимъ герцогомъ Леопольдомъ. Государь этотъ приступилъ къ этой рѣшительной мѣрѣ не вдругъ, а только послѣ долгаго опыта. Съ 1765 г., т. е. съ самаго вступленія на престолъ, онъ, не коснувшись самыхъ законовъ, только пріостановилъ исполненіе смертныхъ казней. Такой порядокъ продолжался до 1786 г. Въ теченіи этого времени опытъ собственнаго его управленія убѣдилъ его въ двухъ великихъ истинахъ: а) когда существуютъ причины и поводы къ совершенію преступленій, то страхъ наказаній, какъ бы жестоки они ни были, не достаточенъ для того, чтобы воспрепятствовать ихъ совершенію; б) если страхъ

наказанія замѣнить неизбѣжностію его, то пожизненное заключеніе, хотя наказаніе очень мягкое сравнительно съ смертною казнію, достаточно для того, чтобы воспрепятствовать совершенію тяжкаго преступленія. Въ 1786 г. онъ издалъ законъ, которымъ совершенно отмѣнена была смертная казнь. Обнародованіе закона 30 ноября 1786 г. не было, по словамъ Карминьяни, новостью ни для Тосканы, ни для цѣлой остальной Европы. Этимъ тосканскій законодатель ничего другаго не сдѣлалъ, какъ только то, что̀ дѣлаютъ художники, когда они выставляютъ для публики свои произведенія, только послѣ того, какъ предварительно долгою работою и при помощи всесторонней оцѣнки обезпечатъ ей благопріятный пріемъ. ib. с. 391, 393. — Въ Австріи еще Марія-Терезія 3 января 1776 г. поручила верховному трибуналу изслѣдовать, не слѣдуетъ-ли постепенно уничтожить смертную казнь, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, оставивши ее единственно только за преступленія самыя тяжкія. И дѣйствительно, при Маріи Терезіи смертная казнь замѣняема была пожизненнымъ заключеніемъ въ ямы (cabanons) крѣпости Шпильберга, что̀, впрочемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, въ сущности былъ своего рода особый способъ смертной казни, только болѣе медленный; никто изъ заключенныхъ въ эти ямы не переживалъ далѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Publications de l'associat. pour l'abolit. de la peine de mort. № 3. 56—57. 60. Іосифъ II, тотчасъ по вступленіи на престолъ, 9 марта 1781 г. издалъ тайное повелѣніе всѣмъ судамъ, на основаніи котораго смертные приговоры, постановленные на основаніи законовъ, по объявленіи ихъ преступникамъ, не были приводимы въ исполненіе, но были присылаемы вмѣстѣ съ актами въ высшую судебную инстанцію, которая докладывала императору и ожидала дальнѣйшаго рѣшенія. Новымъ постановленіемъ 22 августа 1783 г. было предписано: смертныхъ приговоровъ не объявлять, но по опредѣленіи, на основаніи дѣйствующихъ законовъ, смертной казни, слѣдственные акты отсылать въ верховный уголовный судъ. Такимъ образомъ съ 1781 г. по 1788 г, хотя закономъ смертная казнь не была отмѣнена, но на самомъ дѣлѣ она не была совершаема, за исключеніемъ одного случая; путемъ помилованія она была замѣняема строгимъ заключеніемъ въ тюрьму. Съ изданіемъ въ 1788 г. уголовнаго кодекса, она была отмѣнена и по закону. Hye-Hlunek, Des Oesterreichischen Strafgesetzes allgemeiner Theil, с. 34. Такимъ образомъ, способъ отмѣны смертной казни въ Австріи тождественъ съ тѣмъ, которымъ она была отмѣнена въ

Тосканѣ.—Попытка отмѣнить смертную казнь во Франціи въ концѣ XVIII стол. встрѣтила гораздо больше препятствій и оказалась менѣе удачною чѣмъ въ двухъ упомянутыхъ странахъ. Это произошло отъ того, что въ Тосканѣ и Австріи дѣло отмѣны было въ рукахъ монарховъ, руководимыхъ мудрыми совѣтниками, тогда какъ во Франціи за это дѣло взялись представительныя собранія, которыя вообще гораздо медленнѣе и съ большими трудностями, вслѣдствіе раздѣленія на партіи, совершаютъ реформы. 21 января 1790 г. учредительное собраніе издало декретъ, которымъ оно провозгласило равенство наказаній для всѣхъ гражданъ, безъ отношенія къ рангу и состоянію обвиняемаго, и уничтожило варварскій обычай, по которому виновность преступника падаетъ пятномъ безславія на невинную его семью. Въ слѣдующемъ году депутатъ Лепелетье-Сенъ-Фаржо внесъ въ собраніе, отъ имени комитета конституціи и уголовнаго законодательства, длинный докладъ о тѣхъ началахъ, которыя должны быть приняты въ основаніе реформы уголовнаго законодательства. Исправленіе преступника посредствомъ наказанія, отмѣна пожизненныхъ наказаній и уничтоженіе смертной казни за всѣ преступленія, кромѣ политическихъ,—вотъ главнѣйшія изъ этихъ началъ. Послѣ долгихъ преній за и противъ отмѣны смертной казни, собраніе однакожъ рѣшилось удержать это наказаніе, но только въ видѣ простаго лишенія жизни, безъ мученій: оставалось выбрать только способъ исполненія казни. Въ началѣ 1792 г. была принята гильотина. Въ 1793 г. Кондорсе внесъ въ конвентъ новое предложеніе отмѣнить смертную казнь, за всѣ преступленія, исключая государственныя; но это предложеніе имѣло ту же участь. Напротивъ, революціонное правительство своими казнями даже напомнило самыя мрачныя времена средневѣковаго деспотизма. Наконецъ, какъ будто утомившись отъ казней, въ IV годъ республики конвентъ издалъ декретъ, въ которомъ сказано было, что »со дня объявленія всеобщаго мира смертная казнь будетъ отмѣнена во всей французской республикѣ«. Но это предположеніе осталось безъ всякихъ послѣдствій, а кровавая революціонная юстиція дала поводъ и слѣдующимъ правительствамъ удерживать смертную казнь за многія преступленія. Loiseleur, с. 338—345.

IV. Ни одно великое открытіе въ области морали и ни одно усовершенствованіе въ жизни человѣческихъ обществъ не совершалось

вдругъ и безъ борьбы: на осуществленіе ихъ тратится всегда много времени и трудовъ; каждое усовершенствованіе сначала имѣетъ за себя самое незначительное число людей избранныхъ, и только послѣ упорной борьбы съ старымъ порядкомъ оно принимается большинствомъ и за тѣмъ дѣлается достояніемъ всѣхъ. Такова исторія отмѣны преслѣдованія вѣдьмъ и еретиковъ, такова судьба уничтоженія пытокъ, изуродованій, тѣлесныхъ наказаній и т. д. Таже исторія повторяется и съ смертною казнію. Выше доказано было, что въ европейскомъ обществѣ XVIII в. образовалось общее, вполнѣ сознательное убѣжденіе въ несправедливости смертной казни за многія преступленія, даже возникло сомнѣніе въ состоятельности этого наказанія вообще; такимъ расположеніемъ умовъ воспользовались съ одной стороны смѣлые мыслители, чтобы доказать безполезность и несправедливость этого наказанія, съ другой—болѣе рѣшительные реформаторы, чтобы на самомъ дѣлѣ отмѣнить его. Но ошибется тотъ, кто, анализируя исторію отмѣны въ XVIII в. смертной казни, оставитъ безъ вниманія старый, еще могущественный тогда строй общества, его глубокіе корни и его собственную философію. Когда явилась книга Беккаріи, на него посыпались самыя тяжкія обвиненія: извѣстный французскій юристъ Жуссъ (Jousse), въ введеніи въ Traité de justice criminalle, 1771 г. говорилъ, что книга Беккаріи содержитъ въ себѣ систему самыхъ опасныхъ новыхъ идей, которыя, будучи приняты, ни къ чему иному не могутъ привести, кромѣ къ ниспроверженію законовъ усвоенныхъ самыми цивилизованными націями, и которыя нанесутъ тяжкій ударъ религіи, правамъ и священнымъ правиламъ управленія. Loiseleur, с. 336. И конечно, Жуссъ, Фашинеи, Вугланъ, въ своихъ нападкахъ на Беккарію, являются только представителями цѣлой многочисленной партіи людей, далеко не раздѣлявшихъ взглядовъ на смертную казнь миланскаго философа. Самая отмѣна смертной казни въ нѣкоторыхъ государствахъ совершилась благодаря абсолютизму, и за тѣмъ достаточно было напора иныхъ обстоятельствъ, чтобы сами реформаторы, въ родѣ Леопольда, поспѣшили возстановить смертную казнь, или въ родѣ Робеспьера, чтобы съ такимъ усердіемъ пользоваться тѣмъ самымъ орудіемъ, которое они не задолго предъ тѣмъ считали негоднымъ. Словомъ, состояніе общества XVIII в., хотя и породившаго ученіе о безполезности и несправедливости смертной казни, было съ другой стороны таково, что реакція становилась неизбѣжною. Французская революція дала поводъ къ этому повороту, ре-

зультатомъ котораго было изданіе новыхъ уголовныхъ кодексовъ, составленныхъ отчасти въ старомъ духѣ. Чтобы дать понятіе объ этомъ поворотѣ въ исторіи смертной казни, я изложу постановленія относительно этого наказанія нѣкоторыхъ кодексовъ.

Въ Пруссіи, послѣ долгихъ законодательныхъ работъ, начавшихся еще при Фридрихѣ II, къ началу 1791 года было совершенно приготовлено для обнародованія уложеніе о наказаніяхъ, составленное въ новомъ духѣ. Но указомъ 1792 г. введеніе его было пріостановлено на неопредѣленное время, а указомъ 1793 г. предписано было передѣлать составленное уложеніе вновь, и при этомъ исключить всѣ новыя постановленія, несогласныя съ прежними законами. Богородскій, 1. с. 31. Это передѣланное уложеніе обнародовано было въ 1794 г. Въ немъ караются смертною казнію слѣдующія преступленія: 1) Государственная измѣна, ст. 93. 2) Соучастники въ этомъ преступленіи и самые отдаленные помощники, 94 и 96. 3) Покушеніе на внѣшнюю безопасность государства, хотя бы оно открыто было до начала исполненія, сообщничество и пособіе въ этомъ преступленіи, 102—105. 4) Содѣйствіе врагамъ въ исполненіи ихъ плановъ, 107, 108, 110, 134. 5) Поджогъ городовъ и магазиновъ, 109. 6) Шпіонство, 111. 7) Выдача иностранной враждебной державѣ лица, находящагося подъ покровительствомъ государства, 147. 8) Освобожденіе изъ тюрьмы государственнаго измѣнника, 163. 9) Убійство совершенное во время бунта, 169, 170 и 172. 10) Оскорбленіе величества, хотя бы оно не сопровождалось опасностью для жизни и свободы государя, 197. 11) Побѣгъ чиновника захватившаго всю или часть казенной суммы, 425. 12) Содѣйствіе въ третій разъ дезертирству, 479. 13) Дуэль, повлекшая смерть одной стороны, 671. 14) Истребленіе плода у женщины, 719. 15) Простое убійство, 806—814. 16) Нѣкоторые случаи смерти причиненной дурнымъ обращеніемъ, 823, 824. 17) Предумышленное убійство, 826, 827. 18) Убійство совершенное шайкою, 839—842. 19) убійство въ дракѣ, 844, 845. 20) Подстрекательство къ убійству, или къ такимъ дѣйствіямъ, которыя могутъ легко причинить смерть, 850. 21) Отравленіе, приготовленіе и доставленіе яду, 857—861. 22) Отнятіе разсудка и причиненіе неизлѣчимой болѣзни посредствомъ яда, 861—864. 23) Убійство простое и предумышленное родителей, дѣтей, братьевъ, сестеръ и нѣкоторыхъ боковыхъ родственниковъ, 873—884. 24) Убійство новорожденнаго, а также оставленіе его безъ пищи

или въ пустомъ мѣстѣ, если отъ этого произойдетъ смерть, и подстрекательство состороны обольстителя, отца и матери, 965—969, 973, 974. 25) Лишеніе жизни изнасилованіемъ, 1056 — 1057. 26) Похищеніе причинившее смерть похищенной, 1099, 1104. 27) Смерть отъ нанесенныхъ ранъ при разбоѣ, 1191. 28) Нанесеніе смертельной раны при разбоѣ, когда жизнь подвергшагося разбою была сохранена какимъ-нибудь особеннымъ случаемъ, 1192. 29) Убійство, совершенное разбойникомъ не съ намѣреніемъ, а въ минуту сопротивленія и защиты, 1194, 1195. 30) Разбой на большой дорогѣ, сопровождавшійся ранами и поврежденіемъ здоровья, 1199—1202. 31) Содѣйствіе, хотя бы въ качествѣ сторожеваго, убійству совершенному шайкою, 1216. 32) Воровство съ насиліемъ, совершенное шайкою; при чемъ казни подлежитъ одинъ начальникъ шайки, 1210. 33) Кто завѣдомо дозволитъ въ своемъ домѣ совершить разбой, или убійство, подлежащіе смертной казни, 1229. 34) Ложное свидѣтельство подкрѣпленное клятвою, повлекшее за собою казнь невиннаго, 1412, 1413. 35) Ложное обвиненіе, на основаніи котораго былъ казненъ невинный, 1433. 36) Уничтоженіе съѣстныхъ припасовъ, бывшее причиною чьей-либо смерти, 1501—1503. 37) Намѣренный поджогъ, подвергшій опасности жизнь одного человѣка или многихъ, или цѣлые города, мѣстечки и деревни, 1511. 38) Поджогъ въ жиломъ мѣстѣ и въ ночное время, во время котораго люди потеряли жизнь или потерпѣли постоянное поврежденіе въ здоровьѣ, хотя бы поджигатель и не имѣлъ умысла на жизнь и здоровье, 1512—1515. 39) Повтореніе какого бы то ни было поджога, 1527, 1528. 40) Поврежденіе водянаго устройства, причинившее наводненіе, 1571. 41) Наводненіе съ цѣлію лишить кого жизни, 1574.

Въ Австріи, скоро послѣ смерти Іосифа II, въ 1794 г. два высшихъ центральныхъ учрежденія, одно управлявшее дѣлами политическими, другое юстиціею, сами отъ себя, опираясь на политическія событія, сдѣлали представленіе молодому императору Францу II, о необходимости возстановить смертную казнь за государственную измѣну. Это представленіе было утверждено императорскимъ патентомъ 2 января 1795 г. Въ 1801 г. члены трехъ высшихъ учрежденій сдѣлали новое представленіе о необходимости опять ввесть смертную казнь за поддѣлку монеты и банковыхъ билетовъ. Но разсмотрѣніе этого предложенія, а равно вопроса о необходимости распространить смертную

казнь и на другія преступленія, именно убійство и нѣкоторые виды поджога, затянулось и за тѣмъ было слито съ разсужденіями объ изданіи общаго уголовнаго кодекса. Изданный въ 1803 г. кодексъ этотъ угрожаетъ смертію за слѣдующія преступленія: 1) Покушеніе на личную безопасность главы государства, 52. 2) Дѣйствія съ цѣлію перемѣнить государственную конституцію или произвесть революцію, ib. 3) Навлеченіе на государство опасности извнѣ и всѣ дѣйствія сюда относящіяся, ib. 4) Простое покушеніе на государственную измѣну, обнимающую вышеизложенные три вида преступленій, хотя бы оно осталось безъ послѣдствій, 53. 5) Возмущеніе, когда для его подавленія наряжается превотальный судъ, 66, 67. 6) Поддѣлка кредитныхъ билетовъ, имѣющихъ цѣну монеты; смертная казнь опредѣляется какъ главному виновнику, такъ и соучастникамъ, 94. 7) Завѣдомое распространеніе этихъ билетовъ, 95. 8) Намѣренное убійство посредствомъ отравленія и другихъ средствъ. 9) Убійство по приказанію. 10) Убійство съ цѣлію завладѣть добромъ другаго. 11) Простое убійство, 118, 119. 12) Убійство, произведенное при разбоѣ, 124. 13) Поджогъ сопровождавшійся смертію, когда поджигатель могъ это предвидѣть, если пожаръ послѣдовалъ послѣ того какъ нѣсколько разъ былъ подкладываемъ огонь, или когда пожаръ произведенъ шайкою съ цѣлію опустошенія, 148.

По французскому кодексу 1810 г. смертной казни подлежали слѣдующія преступленія: 1) Поднятіе оружія противъ отечества, ст. 75. 2) Сношеніе съ иностранною державою съ цѣлію возбудить ее къ войнѣ противъ отечества, 76. 3) Сношеніе съ врагомъ съ цѣлію облегчить ему вступленіе на французскую территорію, или сдать городъ, крѣпость и т. п., или оказать ему помощь людьми, деньгами и т. д. 77 4) Тѣже самыя дѣйствія въ отношеніи союзниковъ Франціи, дѣйствующихъ противъ общаго врага, 79. 5) Выдача чиновникомъ и всякимъ другимъ лицомъ агентамъ непріятеля или иностранной державы тайны переговоровъ, или экспедиціи, 80. 6) Выдача чиновникомъ и всякимъ правительственнымъ агентомъ плановъ крѣпости и т. п. 81. 7) Взятіе посредствомъ подкупа, обмана или насилія этихъ плановъ всякимъ дургимъ лицомъ и выдача ихъ врагу, ст. 82. 8) Скрытіе завѣдомо шпіоновъ, 83. 9) Посягательство или заговоръ на жизнь или лицо императора, 86. 10) Посягательство или заговоръ на жизнь или лицо членовъ императорской фамиліи, 87. 11) Посягательство или заговоръ съ цѣлію

ниспровергнуть правительство, или перемѣнить образъ правленія, или порядокъ престолонаслѣдія, 87. 12) Покушеніе на эти преступленія, хотя бы и не было исполненія, 88. 13) Составленіе заговора, лишь-бы только послѣдовало между двумя или болѣе лицами согласіе на дѣйствіе, хотя бы не было самаго посягательства, 89. 14) Посягательство и заговоръ съ цѣлію возбудить междоусобную войну, опустошеніе, убійства, грабежъ, 91. 15) Наборъ войска или снабженіе его оружіемъ безъ приказанія и разрѣшенія законной власти, 92. 16) Принятіе, безъ права и законныхъ поводовъ, командованія арміею, или частію ея, или флотомъ, и т. п. 93. 17) Противодѣйствіе набору войска лицомъ имѣющимъ власть, если это противодѣйствіе имѣло послѣдствія, 94. 18) Поджогъ и разрушеніе посредствомъ мины зданій и кораблей, принадлежащихъ государству, 96. 19) Составленіе, предводительствованіе вооруженною шайкою, а также участіе и содѣйствіе такимъ шайкамъ, которыя образовались съ цѣлію завладѣть, грабить или раздѣлить государственную и всѣхъ граждань собственность, 96. 20) Соучастіе въ преступленіяхъ, исчисленныхъ подъ № 9, 10, 11, и 14 (ст. 86, 87 и 91), безъ различія степеней участія, 97. 21) Коалиція чиновниковъ или вообще лицъ имѣющихъ власть противъ внутренней безопасности государства, 125. 22) Поддѣлка золотой или серебряной французской монеты, участіе въ выпускѣ или распространеніи или содѣйствіе ввозу, 132. 23) Поддѣлка государственной печати, или употребленіе ея, также бумагъ государственнаго казначейства, штемпелей и банковыхъ билетовъ, 139. 24) Насиліе противъ чиновника, во время исполненія, или по случаю исполненія имъ своей обязанности, если отъ этого насилія послѣдовала въ теченіи 40 дней смерть, 231. 25) Раны, нанесенныя чиновнику, если онѣ принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя носятъ характеръ убійства, 233. 26) Отцеубійство, 302. 27) Предумышленное убійство (assasinat), 303. 28) Отравленіе, 302. 29) Простое убійство (meurtre), если ему предшествовало, его сопровождало и ему послѣдовало другое какое-нибудь злодѣяніе, или преступленіе, 304. 30) Дѣтоубійство, 302. 31) Кастрація, отъ которой въ теченіи 40 дней послѣдовала смерть, 316. 32) Противозаконный арестъ, безъ предписанія власти, въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: 1) если онъ исполненъ былъ въ фальшивыхъ костюмахъ, подъ ложнымъ именемъ и по ложному приказу; 2) если арестованному угрожали смертію; 3) если его подвергали тѣлеснымъ истязаніямъ, 344. 33) Ложное свидѣтельство, ко-

торое повлекло казнь невиннаго, 361. 34) Подкупъ свидѣтелей, которыхъ ложное свидѣтельство повлекло за собою или безсрочныя каторжныя работы или смертную казнь, 365. 35) Воровство, если оно сопровождалось слѣдующими пятью увеличивающими тяжесть преступленія обстоятельствами: 1) если оно учинено ночью; 2) если оно учинено двумя или многими; 3) если виновные или только одинъ изъ нихъ имѣлъ скрытое оружіе; 4) если оно учинено при помощи взлома, влѣзанія, поддѣльныхъ ключей въ жиломъ домѣ, или съ принятіемъ на себя званія чиновника и т. п.; 5) если оно учинено съ насиліемъ или угрозою сдѣлать употребленіе изъ оружія, 381. 36) Поджогъ домовъ, кораблей, магазиновъ, лѣса, посѣвовъ, и т. д. 434. 37) Разрушеніе посредствомъ минъ зданій, кораблей или судовъ, 435. 38) Разрушеніе, или ниспроверженіе какимъ бы то ни было образомъ всего или части зданія, моста, плотины, принадлежащихъ другому, если отъ того послѣдовала чья-либо смерть, 437.

Изложенный перечень смертныхъ преступленій, по кодексамъ прусскому, австрійскому и французскому, какъ наиболѣе типическимъ, можетъ дать понятіе о взглядѣ европейскаго законодателя на смертную казнь, въ концѣ XVIII и началѣ XIX стол. Этотъ перечень въ одномъ убѣждаетъ, что не смотря на господствовавшую въ это время реакцію, смертная казнь навсегда была отмѣнена за два обширные рода преступленій: противъ религіи и противъ нравственности. Кромѣ того, почти всѣ виды воровства были вычеркнуты изъ разряда смертныхъ преступленій; исключеніе допущено только для самаго тяжкаго вида воровства, которое сопровождается насиліемъ, или убійствомъ, или другими отягчающими обстоятельствами; но и это исключеніе встрѣчено было полнымъ неодобреніемъ. Въ этихъ кодексахъ смертная казнь не назначается даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, касающихся государственныхъ преступленій, въ противоположность тому, что дѣлалось до конца XVIII вѣка; къ этимъ случаямъ принадлежитъ: недонесеніе о государственномъ преступленіи,—которое, до реформы, во всѣхъ законодательствахъ наказывалось смертною казнію. А по австрійскому кодексу, смертною казнію не наказывается оскорбленіе величества въ тѣсномъ смыслѣ, ст. 56 и 57. Въ прусскомъ изъ числа смертныхъ преступленій вычеркнута поддѣлка монеты, — преступленіе, которое въ средніе вѣка считалось за lese-majesté; въ австрійскомъ только одинъ

видъ этого преступленія, поддѣлка кредитныхъ билетовъ, карается смертію.

V. Движеніе событій и умовъ противъ смертной казни, проявившееся съ такою силою въ половинѣ прошедшаго столѣтія, задержанное за тѣмъ въ концѣ его и въ первое десятилѣтіе нынѣшняго столѣтія, не замедлило снова обнаружиться уже въ первую четверть нынѣшняго столѣтія, можетъ быть не съ такимъ внѣшнимъ увлеченіемъ, за то несомнѣнно съ большею упругостію и постоянствомъ. Движеніе это идетъ непрерывно чрезъ весь XIX в. и продолжается нынѣ.

Тамъ гдѣ реформа не коснулась уголовнаго законодательства, или гдѣ она и коснулась, но новые кодексы, какъ напр. въ Пруссіи и во Франціи, составлены были подъ вліяніемъ минуты, скоро повторилось замѣченное нами выше явленіе XVIII вѣка: практика, при опредѣленіи смертной казни, была мягче закона, который часто остается безъ дѣйствія или дѣйствуетъ въ слабой степени. И пусть-бы виновниками этого бездѣйствія были присяжные, которыхъ еще такъ недавно выставляли представителями какихъ-то опасныхъ элементовъ. Напротивъ, непримѣненію смертной казни способствуютъ: пострадавшіе отъ преступленія, свидѣтели, адвокаты, судьи, министерство, государи. Publications, № 4, с. 13—17. Mittermaier, Die Todesstrafe, § 9. Allgem. deutsche Strafrechtszeitung, 1865 г. № 11, с. 555—558.

Нигдѣ этотъ разладъ между закономъ и жизнію не обнаружился въ такой степени, нигдѣ практика чаще и больше не отмѣняла закономъ опредѣляемую смертную казнь, какъ въ Англіи, гдѣ уголовное законодательство, оставаясь безъ перемѣнъ до начала XIX столѣтія, заключало въ себѣ болѣе 200 смертныхъ преступленій. Пострадавшіе отъ преступленія, свидѣтели, присяжные, судьи, король,—всѣ, по увѣренію въ 1811 г. Ромильи, соединились въ общемъ нежеланіи, раздѣляемомъ цѣлою націею, не допускать казней за воровство 5-ти шиллинговъ въ лавкѣ и 40 въ домѣ. Въ теченіи пяти лѣтъ (съ 1806 по 1811 г.), изъ 595 виновныхъ въ преступленіяхъ этого рода, только 120 подверглось осужденію, 20 было приговорено къ смертной казни, и только одинъ казненъ. Réflexions sur lois crimin. de France et d'Anglet. Tailandier, appendice. Discours pron. Romilly. с. 263. Чтобы не допустить смертнаго приговора за эти виды воровства, присяжные, вопреки несомнѣнной очевидности, признавали обвиняемыхъ виновными въ воровствѣ въ 39 шилинговъ, хотя бы на самомъ дѣлѣ уворованная

вещь стоила не только 40 шил., но и нѣсколько фунтовъ стерл. ib. с. 266—7. По увѣренію Филипса, позднѣйшаго англійскаго писателя о смертной казни, въ теченіи первыхъ 15-ти лѣтъ нынѣшняго стол. постановлено было присяжными 535 приговоровъ, съ подобнымъ пониженіемъ цѣны уворованной вещи. Publicat. de l'associat. pour abolit. de la peine de mort, 1865 г. № 4, с. 15. Въ 1808 г. и въ 1810 г. Самуилъ Ромильи, при внесеніи въ парламентъ билля объ уничтоженіи смертной казни за воровство льна на мануфактурахъ, объявилъ, что онъ дѣлаетъ это по настоятельной просьбѣ хозяевъ льняныхъ мануфактуръ въ Ирландіи, которые не считаютъ болѣе въ безопасности свою собственность, такъ какъ присяжные, не желая приговаривать къ смертной казни за столь легкую вину, вовсе освобождаютъ обвиняемыхъ отъ наказанія. Число освобожденій отъ наказаній было такъ велико, что Вильбефорсь имѣлъ основаніе сказать въ 1812 г. въ палатѣ депутатовъ, что преступники разсчитываютъ на эту ненаказанность; ib. с. 12. Какъ далеко законъ, во взглядѣ на эти преступленія, расходился съ жизнію, можно видѣть изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ: съ 1802 по 1803 г. было арестовано за воровство 40 шиллинговъ въ жиломъ домѣ и 5 шил. въ лавкѣ 1872 чел., изъ нихъ казненъ только одинъ; съ 1808 по 1816 г. предано суду за тѣже преступленія 1228, приговорено къ смерти 324 и казненъ одинъ. Ducpetiaux, De la justice de répression et particul. de inutilité de la peine de mort 1827 г. с. 6. Законъ, грозившій смертною казнію за поддѣлку монеты, оставался также почти безъ примѣненія. Разные способы были употребляемы для обойденія его. Иногда обвинитель и обвиняемый заключали сдѣлку, по которой обвиняемый обязывался признать себя виновнымъ во владѣніи фальшивымъ документомъ, за что смертная казнь не опредѣлялась, а обвинитель обѣщалъ вмѣсто того покинуть обвиненіе за поддѣлку документа, дѣйствіе подлежавшее смертной казни. Случалось, что невинный обвиняемый заключалъ подобную сдѣлку, изъ боязни быть запутаннымъ и казненнымъ, въ случаѣ обвиненія въ болѣе тяжкомъ преступленіи. Нерѣдко потерпѣвшіе отъ этого преступленія, только бы не допустить смертной казни, вовсе не приносили обвиненія, даже уничтожали фальшивые документы. Присяжные подъ вліяніемъ того же отвращенія чаще признавали виновныхъ въ этомъ преступленіи невинными, при существованіи самыхъ очевидныхъ доказательствъ. Если же случалось, что произносимъ былъ смертный приговоръ, министерство рѣшалось не допускать

исполненіе казней и обыкновенно давало помилованіе 1). Allg. deutsch. Strafrechtszeit. 1865 г. № 11, с. 555. Извѣстно, что смертная казнь за это преступленіе была отмѣнена вслѣдствіе поданной въ парламентъ петиціи; 1000 подписавшихся банкировъ и людей занимающихся торговлею мотивировали свою просьбу между прочимъ тѣмъ, что существованіе смертной казни за это преступленіе ведетъ къ ненаказанности и угрожаетъ опасностію самой собственности. Arch. Cr.-R. 1834 г. с. 16. При рѣшеніи случаевъ дѣтоубійства, насчетъ наказуемости котораго законъ расходился съ общественною совѣстію, присяжные часто произносили вердиктъ о невинности, хотя они были убѣждены въ противномъ, только бы не допустить смертной казни. Когда же въ 1851 г., при рѣшеніи одного подобнаго случая, присяжные, подъ вліяніемъ исполненнаго страсти и піэтизма объясненія судьи Плата (Platt), постановили приговоръ о виновности, и когда приговоренную не хотѣли избавить отъ смертной казни помилованіемъ, то присяжные въ поданной петиціи о помилованіи объявили, что они никогда бы не признали обвиняемую виновною, еслибы имъ хотя на мгновеніе могла придти мысль, что приговоръ будетъ исполненъ. Приговоренная была помилована,—и въ слѣдующемъ году, присяжные, наученные опытомъ, при рѣшеніи подобнаго же случая, признали виновную невинною, не смотря на противоположныя объясненія судьи. Allg. deuts. Str.-r.-zeit. 1865 г. № 11, с. 557. Нерасположеніе присяжныхъ къ смертной казни постоянно возрастало въ Англіи и по отношенію къ другимъ преступленіямъ. Таллакъ, секретарь англійскаго общества содѣйствія уничтоженію смертной казни, разсказываетъ слѣдующій случай: въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій ассизовъ въ Герфортѣ два человѣка были обвинены

1) Одинъ изъ англичанъ, соединяющихъ съ большими теоретическими свѣдѣніями знаніе практики, по имени Гармеръ, въ одной изъ первыхъ коммиссій, наряженныхъ для изслѣдованія состоянія уголовнаго законодательства, сдѣлалъ слѣдующее показаніе: я видѣлъ много приговоровъ, освобождающихъ отъ всякаго наказанія за подлогъ, приговоровъ возбуждавшихъ общее удивленіе, потому что виновность обвиняемаго была очевидна. Старые воры по профессіи знали въ совершенствѣ эти симпатіи присяжныхъ и охотнѣе желали, чтобы ихъ обвиняли въ преступленіи, наказываемомъ смертною казнію, чѣмъ въ другомъ. Я имѣлъ съ ними многочисленныя сношенія и часто слышалъ, какъ они выражали такое желаніе, говоря, что въ этомъ случаѣ для нихъ больше шансовъ не быть наказанными. Publicat. № 4. с. 15.

въ двухъ преступленіяхъ, почти одинаковыхъ и равно очевидныхъ, но разнившихся только наказуемостію, такъ какъ только одно изъ нихъ подлежало смертной казни. Присяжные признали виновнымъ того, которому грозила депортація, и освободили другаго, который долженъ былъ идти на висѣлицу. На упрекъ въ такой несправедливости и непослѣдовательности, одинъ изъ присяжныхъ отвѣчалъ: »довольствовались-ли-бы вы, для того чтобы повѣсить человѣка, тѣми доказательствами, какихъ достаточно для того чтобы послать его въ ссылку?« Другой присяжный, участвовавшій въ произнесеніи приговора, которымъ освобождены отъ всякаго наказанія шесть обвиняемыхъ въ одномъ изъ тяжкихъ преступленій, при существованіи самыхъ очевидныхъ уликъ, отвѣчалъ на упрекъ въ несправедливости: »онъ и его товарищи дѣйствительно признавали улики обвиненія очень основательными; но не находя совершенно полной очевидности, не рѣшились послать на висѣлицу разомъ шесть человѣкъ«. Publicat. № 4. с. 15—16. Подобное же развитіе убѣжденій противъ смертной казни замѣчается во Франціи. Здѣсь приговоры о невинности, при существованіи очевидныхъ доказательствъ, были такъ часты, по нѣкоторымъ преступленіямъ, за которыя положена была смертная казнь, вопреки общему убѣжденію, что для уменьшенія безнаказанности, признано было за лучшее издать въ 1832 г. законъ, по которому присяжнымъ предоставлено право указывать на смягчающія обстоятельства и такимъ образомъ своимъ приговоромъ признавать въ данномъ случаѣ смертную казнь неумѣстною, а преступленіе подлежащимъ другому меньшему наказанію. Законъ этотъ вызвалъ порицаніе нѣкоторыхъ юристовъ (покойный Богородскій, вслѣдъ за нѣкоторыми французскими юристами, сильно нападалъ на этотъ законъ, Т. I, с. 572—586), тѣмъ не менѣе онъ былъ совершенно необходимъ для того, чтобы привести въ нѣкоторое согласіе дѣйствующіе законы о смертной казни съ общественнымъ мнѣніемъ и уменьшить число освобожденій отъ всякаго наказанія при очевидной виновности освобождаемыхъ. Въ 1825 и 1826 гг. на 100 обвиняемыхъ въ поджогѣ, политическихъ преступленіяхъ и поддѣлкѣ монеты, приходилось отъ 67 до 82 освобожденныхъ безъ наказанія. Ducpetiaux, с. 93. Съ 1833 по 1838 г. число приговоровъ съ указаніемъ смягчающихъ обстоятельствъ по преступленіямъ, за которыя положена была смертная казнь, простиралось до 78, а по дѣтоубійству до 93. Богородскій, I, с. 516. То же самое повторилось и въ

другихъ государствахъ. Такъ во многихъ штатахъ Сѣверной Америки, вслѣдствіе отвращенія къ смертной казни, присяжные вовсе освобождали отъ наказанія виновныхъ въ поддѣлкѣ фальшивой монеты. Dupetiaux, с. 82. Въ Пруссіи, гдѣ до 1848 г. не было присяжныхъ, въ теченіи 37-ми лѣтъ, съ 1818 по 1854 г. изъ 124 приговоренныхъ къ смертной казни за дѣтоубійство только 2 было казнено. Миттермайеръ, с. 77. Въ Тосканѣ, послѣ возстановленія смертной казни, у народа навсегда осталось убѣжденіе въ ея несправедливости. Судьи отчасти раздѣляли нерасположеніе народа и старались смягчать законы. Въ 1830 г., когда, послѣ долгаго отсутствія кровавой казни, назначены были двѣ смертныя экзекуціи, народъ самымъ энергическимъ образомъ протестовалъ противъ нихъ: во время казни во Флоренціи, лавки и магазины были закрыты, жители спѣшили въ церковь молиться, оставивъ улицы почти пустыми, вокругъ эшафота стояло очень немного зрителей. Въ другихъ городахъ герцогства произведено было этими казнями такое же дурное впечатлѣніе. Событіе это имѣло вліяніе на послѣдующее законодательство и практику Тосканы. Въ пятидесятыхъ годахъ тосканскій народъ своимъ протестомъ заставилъ правительство отмѣнить исполненіе смертной казни въ одномъ случаѣ.

Изъ сказаннаго очевидно: а) дѣйствовавшіе въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія въ европейскихъ государствахъ уголовные законы, въ дѣлѣ опредѣленія смертныхъ казней, далеко не соотвѣтствовали потребностямъ дѣйствительной жизни; б) жизнь, вопреки законамъ, ставила на-своемъ; она не допускала смертныхъ казней тамъ, гдѣ она считала ихъ излишними. Чтобы нагляднѣе доказать справедливость этихъ положеній, я приведу статистическія цифры, изъ судебной практики важнѣйшихъ государствъ: а) о числѣ обвиненныхъ въ смертныхъ преступленіяхъ; б) о числѣ приговоренныхъ къ смертной казни; в) о числѣ дѣйствительно казненныхъ.

Въ Англіи, съ 1805 по 1816 г. предано было суду за преступленія, подлежавшія смертной казни, 70,984 чел.; изъ нихъ только 5874 было приговорено къ закономъ установленному наказанію и только 823 чел. дѣйствительно казнено. Съ 1817 по 1825 г. предано было за тѣ же преступленія суду 121,217 чел., изъ коихъ только 10,326 были приговорены къ смерти и только 791 чел. казнено. Такимъ образомъ, въ теченіи 21-го года приходился на 12 преданныхъ суду за преступленія, подлежавшія смертной казни, 1 приговоренный къ этой казни, и на 10 или даже 13 пригово-

ренныхъ 1 дѣйствительно казненный. Ducpetiaux, 1827 г. с. 6—7. Въ частности въ 1813 г. было приговорено къ смертной казни 713 чел., казнено 120; въ 1817 г. приговорено 1302 чел., казнено 115; съ этого года по 1823 г. количество смертныхъ приговоровъ колеблется между этимъ числомъ и 968 чел., а за тѣмъ опять подымается и доходитъ въ 1831 г. до 1601; количество казненныхъ ежегодно въ этотъ періодъ, т. е. съ 1817 по 1831 колеблется между 115 (число казней 1817 г.) и 46 (число казней въ 1830 при 1397 осужденныхъ на смерть); въ 1831 г., когда количество смертныхъ приговоровъ достигло maximum'а, казнено 52 чел. Neues Ach. des Criminalrechts. 1834 г. с. 5. Сь 1832 г., т. е. послѣ отмѣны смертныхъ казней за значительное число преступленій, по 1838 г. число смертныхъ приговоровъ колеблется между 931 (въ 1833) и 438 (въ 1837), а число экзекуцій въ первый годъ было 33, а во второй 34. ib. 1836 г. с. 3. Въ 1838 г. сдѣлана была новая отмѣна смертныхъ казней за многія преступленія—и количество смертныхъ приговоровъ вдругъ понижается въ этомъ году до 116, а въ 1839 произнесено ихъ только 54, изъ нихъ приведено въ исполненіе въ первый годъ 6, и во второй 11. ib. 1840 г. с. 445. Въ 1859 постановлено смертныхъ приговоровъ 52, въ 1860 г. 48, изъ нихъ въ первомъ году приведено въ исполненіе 9, а во второй 12. Mittermaier, § 7—9. Съ 1838 года, хотя смертные приговоры постановляются за разныя преступленія, но приводятся въ исполненіе только тѣ, которые постановлены за умышленное и предумышленное убійства. И за это преступленіе, во-первыхъ, не всѣ обвиняемые были приговариваемы къ смертной казни, во-вторыхъ, не всѣ приговоренные были казнимы. Такъ число обвиненныхъ въ этомъ преступленіи съ этого по 1863 г. колеблется между 85 (1843 г.) и 46 чел. (1839 г.), число приговоренныхъ къ смертной казни между 29 (въ 1862 г.) и 11 (въ 1850, 1854 и 1855 г.), и наконецъ число казненныхъ между 16 (въ 1844 г.) и 5 (въ 1838 и 1854 г.) Publications, № 4, 13—14. Такъ шло постепенно въ Англіи уменьшеніе числа смертныхъ приговоровъ и смертныхъ казней. Въ десятилѣтній періодъ отъ 1800 по 1810 было казнено 802 чел., съ 1810 по 1820 казнено 897 чел., съ 1831 по 1840 г. казнено 250, съ 1841 по 1850 г., казнено 107, съ 1850 по 1860—97. Mittermaier, §7—9. Publications, № 4, с. 14. Слѣдовательно, въ первый и во второй періодъ ежегодно казнили отъ 80 до 89 чел., въ третій—среднимъ числомъ по 25 чел., въ четвертый—по 10, въ пятый—менѣе 10 челов.

Во Франціи въ 1825 г. было обвинено въ преступленіяхъ, за которыя положена смертная казнь, 980 чел., а въ 1826 г. 915 чел. Изъ нихъ въ первый годъ было освобождено 491 чел., а въ слѣдующемъ 431, т. е. почти половина. За тѣмъ изъ остальныхъ было приговорено къ смертной казни въ 1825 г. 132 чел., а въ слѣдующемъ 150. Изъ нихъ въ первый годъ было казнено 111 чел., а во второй 110 чел., остальные были помилованы, въ первый годъ 23 чел., во второй 28. Ducpetiaux, 1827 г. с. 11. То-есть, приходилось среднимъ числомъ въ оба года на 8 обвиненныхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ смертную казнь, 1 дѣйствительно казненный. Съ 1832 г., когда изданъ былъ законъ, коимъ предоставлено присяжнымъ право понижать наказаніе, признаніемъ смягчающихъ обстоятельствъ, число приговоровъ, съ признаніемъ этихъ обстоятельствъ по преступленіямъ угрожаемымъ смертною казнію, съ каждымъ годомъ возрастало; такъ съ 1833 по 1838 г. среднимъ числомъ приходилось 78 такихъ приговоровъ на 100. Богородскій, 1, с. 576. Тогда какъ по преступленіямъ, подсуднымъ судамъ исправительнымъ, число ихъ въ этотъ періодъ не было больше 15 на 100. ib. 1, с. 577. Вслѣдствіе этого количество смертныхъ приговоровъ съ этого времени въ значительной степени уменьшалось; такъ въ 1833 г. было постановлено 50, въ 1835 г. 54, въ 1838 г. 44; изъ нихъ было дѣйствительно исполнено въ порядкѣ приведенныхъ лѣтъ 34, 39, 34. Въ пятидесятыхъ годахъ число смертныхъ приговоровъ возрасло: такъ въ 1854 г. постановлено 79, въ 1857 г. 58, за тѣмъ опять понизилось и произнесено въ 1858 г. при 196 обвиненіяхъ въ предумышленномъ убійствѣ 38, а въ 1859 г. при 186 обвиненіяхъ въ томъ же преступленіи— 36; дѣйствительно же казнено по порядку приведенныхъ лѣтъ 34, 32, 23, 21. Mittermaier, §§. 7—9. Съ 1826 по 1852 произнесено было 1668 смертныхъ приговоровъ, изъ нихъ 1065 казнено, т. е. на каждый годъ приходилось по 38 чел. Prof. Thonisson, Quelques mots sur pretendue nécessité de la peine de mort. 1863 г. Publications, № 1. с. 30. Съ 1850 по 1860, изъ 543 осужденныхъ было казнено 269, а 274 помиловано, т. е. на каждый годъ приходится по 27 казней. Ducpetiaux, Question.

Въ Бельгіи относительно числа казней можно различать три періода: Въ первый, съ 1796 по 1814 г., который обнимаетъ и время французскаго господства, количество смертныхъ приговоровъ и смертныхъ казней было очень велико, именно: приговорено 784 чел., казнено 523; въ одномъ 1801 г. было приговорено 90 и казнено 76,

а въ 1803 г. приговорено 86 чел., казнено 60 чел. Visschers, Du prémier essai tenté en Belgique pour abolition de la peine de mort. с. 15, 18. Во второй періодъ, когда Бельгія была подъ властію Голландіи, съ 1814 по 1829 г. изъ 150 приговоренныхъ къ смерти было казнено 47. Mittermaier. Наконецъ въ третій періодъ, когда Бельгія сдѣлалась самостоятельною, съ 1831 по 1860 г. было обвинено въ смертныхъ преступленіяхъ 2970 чел., осуждено на смерть 721 чел., и дѣйствительно казнено только 52 чел. Ducpetiaux, Question de la peine de mort, с. 7. Въ началѣ третьяго періода съ 1830 по 1834 г. въ Бельгіи вовсе не было казней, ни одинъ приговоръ не былъ исполненъ. Казни были возстановлены подъ напоромъ той партіи, которая до сихъ поръ отстаиваетъ существованіе эшафота.

Въ Пруссіи съ 1826 по 1843 г. въ рейнскихъ провинціяхъ изъ 189 приговоренныхъ къ смерти казнено было только 6, а въ остальныхъ провинціяхъ изъ 237 приговоренныхъ казнено было 94. По другому статистическому исчисленію въ періодъ отъ 1818 по 1854 г. приговорено было къ смертной казни 988 чел., изъ коихъ казнено было 286, остальные же помилованы. Съ 1818 по 1850 г. ежегодное число казней колебалось между 10 (въ первые годы) и 5 (въ остальные); причемъ въ 1832, 33, 34 совершено было по 2 казни, въ 1849 г. 3 казни, а въ 1848 г. ни одной. Mittermaier, с. 64 — 65, 77 — 78. Ducpetiaux, Question, с. 9.

Въ Саксоніи съ 1815 по 1838 г. было приговорено къ смертной казни 158 чел. и дѣйствительно казнено только 30. Въ этомъ же періодѣ были многіе годы, въ которые не было ни одной казни, хотя смертные приговоры были постановляемы въ достаточномъ числѣ; такъ не было казней въ 1833 г. при 7 пригов., въ 1834 г. и въ 1836 г. при 5 пригов. въ 1837 г. при 10. Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ были также годы, когда не было совершено смертныхъ казней, хотя приговоры были постановляемы. Такъ не было казней въ 1830, 1831 и 1833 г., хотя въ первый годъ было постановлено 8 смертныхъ приговоровъ, а въ остальные два по 7. Съ 1844 по 1846 г. тоже не было казней; въ 1857 и 1858 гг. не было смертныхъ приговоровъ, въ 1859 г. было два смертныхъ приговора, изъ коихъ ни одинъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Mittermaier, с. 79—80. Въ Баваріи, въ рейнской ея части, нѣсколько лѣтъ сряду также не было казней; въ Ольденбургѣ, до отмѣны, въ теченіи двухъ царствованій, была совершена только одна казнь. ib.

Приведенныя цифры особенно рѣзко выставляютъ на видъ слѣдующіе факты: а) Во всѣхъ европейскихъ государствахъ, разница между количествомъ обвиненій въ смертныхъ преступленіяхъ и количествомъ смертныхъ приговоровъ чрезвычайно велика, и поразительно отличается отъ той разницы, которая существуетъ между количествомъ обвиненій и приговоровъ по преступленіямъ несмертнымъ и въ особенности менѣе тяжкимъ. Эта разница происходитъ отъ того, что лица, участвующія въ отправленіи суда, по антипатіи къ смертной казни или вообще, или въ данномъ случаѣ, не примѣняютъ ее, когда законъ повелѣваетъ примѣнять. б) Разница между количествомъ смертныхъ приговоровъ и количествомъ дѣйствительныхъ казней иногда громадна, вообще же очень значительна. Это происходитъ отъ того, что власть, отъ которой зависитъ приведеніе смертныхъ приговоровъ въ исполненіе, отмѣняетъ его посредствомъ помилованія, вопреки судебному приговору. Оба эти явленія прямо говорятъ за то постоянное стремленіе къ уменьшенію смертныхъ казней, которое съ такою неизмѣнностію обнаруживаетъ жизнь, и за которымъ законъ какъ-бы не въ состояніи угнаться. На вѣсахъ объективнаго изслѣдованія вопроса о смертной казни, эти два пути отмѣны имѣютъ такое же важное значеніе, какъ и главный путь отмѣны посредствомъ закона.

Совершенно въ иномъ свѣтѣ являются оба эти пути отмѣны съ точки зрѣнія современной юстиціи: оба они не разлучны съ большими недостатками и представляютъ въ большей или меньшей степени аномалію. Выше было приведено достаточно данныхъ, доказывающихъ къ чему ведетъ стремленіе людей, участвующихъ въ отправленіи уголовной юстиціи, обойти законъ, несогласный съ требованіями даннаго времени, и какъ законодатель, хотя-нехотя, долженъ былъ, изъ желанія уничтожить отсюда происходящіе безпорядки, отмѣнить смертную казнь за многія преступленія. Анализъ отмѣны смертной казни посредствомъ помилованія вполнѣ убѣждаетъ, что и этотъ путь отмѣны нарушаетъ нормальный ходъ юстиціи и отнимаетъ у нея равномѣрность и непоколебимость.

Альфредъ Дюмондъ, издавшій въ 1865 г. богатые матеріалы о вредномъ дѣйствіи смертной казни, сообщилъ вмѣстѣ съ тѣмъ много свѣдѣній, доказывающихъ насколько помилованіе лишено прочныхъ, правомѣрныхъ основаній. Основанія его перемѣняются съ перемѣною лицъ, дающихъ помилованіе. Пальмерстонъ, въ званіи министра, былъ

расположенъ давать помилованіе, если только существовало какое-нибудь важное сомнѣніе противъ смертнаго приговора, но онъ очень былъ строгъ, если преступленіе было совершено въ пьяномъ видѣ. Онъ далъ помилованіе приговоренному къ смерти за тяжкій видъ убійства, потому что осужденный былъ восьмидесяти-трехлѣтній старикъ. Между тѣмъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, въ 1843 г. лордъ Грагамъ не далъ помилованія 84-лѣтнему старику. Лордъ Грей (долго бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ,—въ Англіи помилованіе главнымъ образомъ зависитъ отъ этого министра) при раздачѣ помилованія позволялъ себѣ руководствоваться политическими отношеніями и временнымъ настроеніемъ, и подъ вліяніемъ того и другаго, или давалъ помилованіе или отказывалъ въ немъ. Иногда въ помилованіи отказывали, когда существовало сильное сомнѣніе въ справедливости смертнаго приговора; въ такомъ случаѣ смертную казнь несъ и невинный, или неподлежавшій вмѣненію. Такъ въ 1831 г., нѣкто Эвенъ, приговоренный къ смертной казни за поджогъ, не смотря на великое сомнѣніе въ его винѣ, не былъ помилованъ; спустя нѣсколько лѣтъ одинъ умирающій на смертномъ одрѣ сознался, что поджогъ совершилъ онъ, а не казненный. Скоро послѣ того былъ приговоренъ также за поджогъ 10-лѣтній юноша, на основаніи обманчивыхъ доказательствъ, и не смотря на выраженное сомнѣніе въ его винѣ главою присяжныхъ и на то, что всѣ присяжные рекомендовали виновнаго какъ достойнаго помилованія, онъ былъ казненъ. Такъ въ 1856 г. Лордъ Грей отказалъ въ помилованіи Бюрнелли, сумасшествіе котораго не подлежало никакому сомнѣнію, какъ доказывали то врачи, на мнѣніе которыхъ не обращено было вниманія. Allgem. Deuts. Strafr.-zeit. 1865 г. № 11, стр. 555, 556, 557, 558, 559, 560. Одинъ преступникъ былъ казненъ, потому что считали необходимымъ сохранить средину, такъ какъ два предъидущихъ были помилованы; такимъ образомъ еслибы одинъ изъ предъидущихъ былъ казненъ, то казненный былъ-бы помилованъ. Publicat. № 4. с. 16. Это очевидно подрываетъ довѣріе къ помилованію и самой юстиціи: народъ приходитъ къ тому убѣжденію, что въ казняхъ участвуетъ произволъ и что назначеніемъ казни хотятъ навесть страхъ. Если же случается, что назначенная казнь совершенно противорѣчитъ народному убѣжденію, то рядомъ съ нею данное помилованіе принимается народомъ за несправедливую поблажку. Года два - три назадъ былъ помилованъ Товлей, приговоренный къ смертной казни за отравленіе невѣсты, и

когда чрезъ нѣсколько дней, не смотря на просьбу 3-хъ тысячнаго населенія о помилованіи, казнили Райта, убившаго въ ссорѣ и въ полупьяномъ видѣ свою невѣрную любовницу, народъ во время казни кричалъ: Товлея, Товлея, требуя новой жертвы во имя кровавой, но логически послѣдовательной юстиціи. ib. 17. Извѣстно, что Райтъ былъ осужденъ на смерть безъ защитника и безъ участія присяжныхъ: до сихъ поръ въ одной Англіи законъ не заботится о томъ, имѣетъ-ли обвиняемый въ тяжкомъ преступленіи защитника или нѣтъ, и иногда оставляетъ его на произволъ судьбы. Существуетъ въ этой странѣ и другой не менѣе достойный порицанія обычай, считающій ненужнымъ приговоръ присяжныхъ, когда обвиняемый сознается въ преступленіи. Эти два законы имѣли рѣшительное вліяніе на судьбу бѣднаго работника Райта, не могшаго по своей бѣдности имѣть защитника и по своему простодушію не знавшаго, какъ гибельно въ Англіи сознаніе, отъ котораго въ другихъ случаяхъ отклоняютъ сами судьи. Всѣ эти обстоятельства дали не совсѣмъ неосновательный поводъ населенію Ламбета (одной части Лондона) утверждать, что Райтъ казненъ, а Товлей избѣжалъ казни единственно потому, что первый былъ бѣдный человѣкъ, а послѣдній состоятельный. Словомъ, эти два случая сдѣлали глубокое впечатлѣніе на народъ англійскій. Когда, въ Ноттигамѣ, спустя нѣкоторое время казнили одного человѣка за убійство своей матери, народъ вторично требовалъ казни Товлея криками: Товлея, Товлея. ib. 17. Что и въ другихъ странахъ помилованіе не чуждо въ большей или меньшей мѣрѣ подобныхъ неудобствъ и недостатковъ—это не подлежитъ сомнѣнію: только въ другихъ странахъ, вслѣдствіе того, что вопросъ о смертной казни разрабатывается болѣе съ теоретической стороны, не собрано подобныхъ доказательныхъ матеріаловъ. Но одна причина должна произвесть и одинаковыя слѣдствія. Поэтому не безъ основанія Миттермайеръ въ 13 § своего сочиненія, обобщая неудобства помилованія, указываетъ на слѣдующіе его недостатки: а) Затруднительное положеніе государя, при рѣшеніи вопроса о помилованіи, вслѣдствіе того, что трудно выбрать изъ многихъ преступниковъ болѣе достойныхъ помилованія; с. 106, 109. б) Вліяніе на дачу помилованія или на отказъ въ немъ окружающихъ государя лицъ, которыя въ одномъ случаѣ способствуютъ оказанію помилованія, въ другомъ—утвержденію смертнаго приговора, указывая на вредное вліяніе снисхожденія и на необходимость произвесть казнію спасительный страхъ на прочихъ; с. 105. в) Ослабленіе уваженія къ правосудію, когда судъ

постановитъ смертный приговоръ, а государь, удостовѣрившись изъ постороннихъ источниковъ, что осужденный невмѣняемъ, даетъ на этомъ основаніи помилованіе; с. 106. г) Разногласіе между опредѣленіемъ казни и дачею помилованія и взглядомъ и убѣжденіями народа, который, сравнивая между собою близкія помилованія и казни, основательно или неосновательно, начинаетъ утверждать, что одинъ былъ помилованъ потому, что взяли въ уваженіе знатность или просьбы вліятельныхъ лицъ, другой же пошелъ на висѣлицу потому, что былъ бѣденъ и за него некому было замолвить слово предъ министромъ и государемъ; с. 108; а такое разногласіе не можетъ не подрывать вѣры въ незыблемость правосудія. д) Вліяніе на оказаніе или на отказъ въ помилованіи случайныхъ обстоятельствъ, какъ-то личности докладчика, уже оказанныхъ прежде помилованій или совершенныхъ казней; стр. 107. е) Наконецъ вліяніе партій въ такихъ странахъ, какъ Сѣверная Америка, гдѣ губернаторъ, связанный съ тою или съ другою партіею, изъ угожденія, очень легко уступаетъ настояніямъ партій; с. 109—110.

Начиная съ Монтескье и Беккаріи, изслѣдователи началъ уголовнаго права указывали на несоотвѣтствіе между количествомъ угрозъ смертною казнью въ законѣ и числомъ дѣйствительно совершенныхъ казней, какъ на доказательство безсилія закона и несостоятельности тѣхъ наказаній, которыми чаще угрожаютъ, чѣмъ приводятъ ихъ въ исполненіе. Отмѣна смертной казни посредствомъ помилованія до сихъ поръ удерживаетъ систему наказаній въ этомъ положеніи. Такимъ образомъ вполнѣ раціональное ученіе Монтескье и Беккаріи: что не жестокое, а вполнѣ неизбѣжное наказаніе имѣетъ дѣйствительную силу, до сихъ поръ остается теоретическою истиною. Поэтому противники смертной казни совершенно справедливо говорятъ: »если смертная казнь необходима,—примѣняйте ее, не дѣлая произвольныхъ и случайныхъ отмѣнъ, подрывающихъ силу закона; если же она безполезна,—на что̀ указываютъ помилованія,—вычеркните ее«.

VI. Подобно тому какъ въ XVIII в. общественное мнѣніе, независимо отъ общаго отрицанія необходимости смертной казни, рѣшительно возставало противъ примѣненія ея за нѣкоторыя преступленія, XIX столѣтіе, вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія общественной и умственной жизни, стало, по совершенно спеціальнымъ причинамъ, находить это наказаніе неумѣстнымъ за нѣкоторые другіе роды и виды преступленій.

Тогда какъ въ XVIII в. самые смѣлые мыслители и самые рѣшительные реформаторы, отвергавшіе необходимость смертной казни за всѣ общія преступленія, всё-таки считали ее необходимою за преступленія политическія: уже въ первой четверти XIX в., послѣ бурныхъ политическихъ событій и на канунѣ ихъ, возникаетъ твердое убѣжденіе въ томъ, что если смертную казнь можно допускать за нѣкоторыя преступленія, то во всякомъ случаѣ не за политическія. Гизо, одинъ изъ консервативнѣйшихъ и партіонныхъ дѣятелей нашего столѣтія, первый съ особенною ясностію и доказательностію развилъ эту истину. Съ тѣхъ поръ она была принята за общепризнанную и стала переходить путемъ закона въ жизнь. Доказательства этой истины, по Гизо, состоятъ въ слѣдующемъ:

Было время, когда въ борьбѣ партій между собою и съ властію, смертная казнь была самымъ обыкновеннымъ оружіемъ, и даже необходимостью побѣдителя: она глубоко коренилась въ нравахъ и въ общественномъ устройствѣ. Въ прежнее время смертная казнь, какъ кара за политическія преступленія, имѣла свое матеріальное дѣйствіе. Политика находилась въ рукахъ немногочисленной аристократіи, которая составляла заговоры; общественная сила была ничтожна, силы частныя велики и въ броженіи; центральная власть, безъ администраціи, безъ полиціи, даже лишенная первыхъ правъ верховной власти, состояла въ личныхъ средствахъ монарха. При такомъ положеніи общества, назначеніе смертной казни состояло въ томъ, чтобы дополнять недостатокъ средствъ власти; правительство, казнивши нѣкоторыхъ, дѣйствительно уничтожало опасную партію. Откуда происходила нѣкогда опасность для монарха и даже министра? Она происходила отъ ихъ соперниковъ и ихъ конкурентовъ. Въ Англіи домъ Іоркскій оспариваетъ корону у дома Ланкастерскаго, и одинъ изъ этихъ домовъ, достигнувъ желаемаго, истребленіемъ другаго, царствуетъ въ безопасности. Карлъ VII имѣлъ фаворита G·ac'a; конетабль Ричмондъ похищаетъ фаворита, заставляетъ судить его сокращеннымъ порядкомъ, казнитъ его и достигаетъ при королѣ власти, которую онъ обезпечилъ за собою убійствомъ. Кардиналъ Ришелье борется противъ опасностей подобнаго же рода и защищаетъ себя анологическими средствами. Вопросы политическіе имѣютъ центръ тяжести въ личностяхъ. Въ тѣ времена, жестокость законовъ, многочислен-

ность казней, не рѣдко приписывались мудрости правительства, его желанію покровительствовать общество.

Теперь дѣло другое. Могущество оставило личности и фамиліи; оно удалилось отъ очаговъ, гдѣ оно обитало; оно разлилось по цѣлому обществу; оно обращается быстро, едва замѣтно въ каждомъ мѣстѣ, но присуще всюду. Гдѣ нынѣ тѣ враждебности, тѣ личныя честолюбія, которыя бы оспаривали власть прежними способами? Не говоря уже о министрахъ, даже ни одна партія не можетъ дойти до такого безумія, чтобы рѣшиться доставить министерство своимъ предводителямъ посредствомъ убійства предводителей противоположной партіи. Революціи въ Испаніи, въ Партугаліи, Неаполѣ, Піемонтѣ, были-ли плодомъ какого-нибудь спора за престолъ, дѣломъ какого-нибудь одного честолюбца, который желалъ вступить на престолъ? Очевидно нѣтъ. Политическія опасности измѣнили свою природу. Нѣтъ болѣе борьбы между людьми, она идетъ между правительственными системами. Участь министерствъ, даже самыхъ династій, подчиняется не личной участи ихъ противниковъ, но участи той системы, которую они принимаютъ. Нѣкогда человѣческія общества были владѣніемъ, изъ-за котораго шла борьба между владѣтелями; нынѣ они вышли изъ этого состоянія, и только отъ нихъ, или отъ великихъ партій, на которыя они раздѣляются, власть можетъ почерпать, если не свою силу, то по крайней мѣрѣ свои претензіи. Теперь дѣло идетъ не о томъ кто̀ управляетъ, а ка̀къ управляютъ: личности суть не больше, какъ орудія и толкователи общихъ интересовъ, которые, ни въ какомъ случаѣ, не будутъ чувствовать недостатка ни въ толкователяхъ ни въ орудіяхъ. Не ясно-ли, что смертная казнь и безсильна и ненужна противъ такихъ опасностей и такихъ противниковъ? Если она дѣйствуетъ, то въ другомъ духѣ. Въ то время какъ она не разрушаетъ того, что̀ власть хотѣла разрушить, она пугаетъ то, чего послѣдняя не хотѣла пугать. Она поражаетъ несравненно слабѣе и вмѣстѣ гораздо дальше, чѣмъ требуется. Человѣкъ, котораго она поражаетъ, самъ по себѣ ничто; онъ страшенъ только по своимъ связямъ съ извѣстными интересами, съ извѣстными чувствами, въ которыхъ и заключается дѣйствительная опасность. Но желая уничтожить эту опасность, поражаютъ только человѣка, и при томъ такъ, что ударъ чувствуется во всей сферѣ интересовъ, которыхъ онъ служилъ органомъ. Интересы не умираютъ съ его смертію, даже чувствительно не ослабляются; но они принимаютъ на свой счетъ намѣ-

реніе, которое убило ихъ представителя; они говорятъ себѣ, что ихъ бы также убили, еслибы могли, и знаютъ, что этого не могутъ сдѣлать.

Въ прежнее время, въ случаѣ возстанія народа, дѣло улаживали просто. Осуждали, казнили всѣхъ тѣхъ, которые возбуждали безпорядки, или помогали имъ. Все дѣло ограничивалось тѣмъ, что изгоняли все населеніе съ его земли, сожигали двадцать деревень, устилали дороги трупами, повѣшенными на висѣлицахъ, или разорванными членами. Когда подымалась война, она превращалась въ свирѣпую охоту, которая оканчивалась только съ истребленіемъ инсургентовъ. Если считали благоразумнымъ вступать съ возставшими въ договоры, разсыпать обѣщанія,—обѣщанія улетучивались съ минованіемъ опасности. Такъ самъ британскій парламентъ упрашиваетъ Ричарда II не обращать вниманія на мнимыя уступки, и вслѣдствіе этого король даетъ своимъ шерифамъ и своимъ судьямъ самую обширную власть, для того чтобы употреблять жестокости противъ возмутившихся, при возвращеніи ихъ въ графства. И эти жестокости чинились не только во время господства феодальнаго рабства, но и во времена вполнѣ организованной верховной власти, при Генрихѣ VIII, и Елисаветѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что казни совершались съ бо́льшею правильностію. При Людовикѣ XIV разомъ поднялись возстанія въ Бретани, въ Лангедокѣ, въ двадцати другихъ мѣстахъ, здѣсь изъ-за налога, тамъ ради вѣрованій, въ иномъ мѣстѣ противъ эдикта. Посылали войска, умножали казни, изгоняли народонаселеніе. Но безпокойство не разстроило версальскихъ праздниковъ, испуга не замѣтно было въ Парижѣ; общество не замѣчало даже всей пролитой крови, король не зналъ всѣхъ экзекуцій; государство не чувствовало себя компрометированнымъ, власть задѣтою. Причина этого заключалась въ томъ, что между высшими классами и низшимъ народомъ не было никакой связи—и страданія и казни послѣдняго никого не задѣвали и не страшили.

Въ настоящее время какое правительство осмѣлится употребить противъ народа смертную казнь такимъ образомъ, чтобы сдѣлать ее матеріально дѣйствительною; какія законы, какіе министры предпишутъ, дозволятъ воздвигнуть висѣлицы вдоль дорогъ, разстреливать людей сотнями, обезземелить жителей цѣлаго кантона? До этого конечно не допустятъ мягкость нашихъ нравовъ, человѣчность нашихъ законовъ.

Но есть другія болѣе солидныя препятствія къ этому: мягкость и гуманность, которыя покровительствуютъ между нами жизнь, покровительствуются и поддерживаются въ свою очередь болѣе могущественными событіями, которыя ихъ породили. Жизнь человѣческая потому болѣе уважается, что она имѣетъ болѣе силы заставить себя уважать. И это отъ того что въ обществѣ произошла глубокая, коренная перемѣна, состоящая въ нѣкоторой общности интересовъ. Когда люди были одичалы, нѣмы и темны, можно было ихъ уничтожать. Нынѣ мало великихъ господъ, но за то много людей. Нѣтъ никого столь высоко стоящаго, чтобы голосъ низшаго не достигалъ его ушей; никто не силенъ настолько, чтобы опасности слабаго не могли ему угрожать; никто настолько небезвѣстенъ, чтобы несчастіе не могло сообщить нѣкоторое значеніе его судьбѣ; никто настолько не изолированъ, какъ своимъ величіемъ, такъ и своею малостію, чтобы ничего не надѣяться, или ничего не бояться отъ того, что происходитъ вокругъ него. Великія различія ослабляются; общія идеи, чувства и интересы ширятся и взаимно себя укрѣпляютъ. Все стремится къ тому, чтобы внушить гражданамъ, что они подвержены однимъ и тѣмъ же бѣдствіямъ, доступны однимъ и тѣмъ же опасностямъ, что они не могутъ оставаться индеферентны къ своей взаимной участи; въ тоже время все имъ доставляетъ средства взаимнаго общенія и поддержки. Такимъ образомъ, съ одной стороны, гораздо больше отдѣльныхъ лицъ имѣютъ значеніе и силу; съ другой всѣ лица тѣснѣе связаны, отражаются одни въ другихъ, быстро сообщаютъ другъ другу о томъ, что ихъ задѣваетъ и имъ грозитъ, и оказываютъ въ нуждѣ помощь. Нынѣ общественные безпорядки и возстанія внушаютъ гораздо больше безпокойства, потому что это уже не бунты народные, а движенія общественныя. Правительства, при первой неудачѣ силы, тотчасъ прибѣгаютъ къ обѣщаніямъ, уступкамъ, къ перемѣнѣ системы. Прежнія правительства, не подвергаясь серьёзному риску, могли противопоставлять бунтамъ войска и казни, быть нѣсколько лѣтъ въ войнѣ съ тою или другою частію страны. Нынѣ потрясенныя правительства скорѣе думаютъ о реформахъ, чѣмъ о наказаніи. Итакъ, матеріальное дѣйствіе смертной казни въ преступленіяхъ политическихъ ничтожно.

Если разсмотрѣть нравственное ея дѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, то оно оказывается также не менѣе ничтожнымъ. Наказанія производятъ болѣе вліянія по тому нравственному впечатлѣнію, которое они воз-

буждаютъ, чѣмъ по тому ужасу, который они вселяютъ. Законы почерпаютъ силу болѣе въ совѣсти людской, чѣмъ въ людскомъ страхѣ. Порицаніе и общественный стыдъ, неразлучные съ нѣкоторыми поступками, дѣйствуютъ гораздо могущественнѣе на предупрежденіе ихъ, чѣмъ страхъ будущихъ наказаній. Относительно обыкновенныхъ преступленій достовѣрны два факта: одинъ, что дѣйствіе, преступное по закону, дѣйствительно совершилось; другой, что оно дѣйствительно преступно; всѣ согласны въ этомъ; отвращеніе къ этимъ преступленіямъ находится въ сердцахъ всѣхъ. Оттого наказаніе за эти преступленія сопровождается нравственнымъ дѣйствіемъ. Въ преступленіяхъ политическихъ, напротивъ, два вышеприведенные факта или не извѣстны, или сомнительны. Не извѣстно или сомнительно, дѣйствительно-ли поступокъ обвиняемаго принадлежитъ къ разряду тѣхъ дѣйствій, которыя законъ считаетъ преступными; равнымъ образомъ сомнительно и то, что дѣйствіе почитаемое закономъ за преступленіе есть естественно и неизмѣнно преступное. Первая неизвѣстность очевидна; всякій въ настоящее время знаетъ, что въ преступленіяхъ частныхъ, остается искать одного преступника, потому что преступленіе дѣло дознанное; между тѣмъ какъ въ преступленіяхъ политическихъ, какъ напр. въ заговорахъ, въ преступленіяхъ противъ печати, нужно почти всегда отыскивать въ одно время, въ ряду дѣйствій болѣе или менѣе имѣющихъ значеніе, и преступленіе и преступника. Что касается второй неизвѣстности, то она означаетъ не то, чтобы можно общественный порядокъ оставить безъ защиты, а только то, что безнравственность политическихъ преступленій не столь ясна, не столь неизмѣнна, какъ безнравственность обыкновенныхъ преступленій; она постоянно преобразуется или затемняется непостоянствомъ дѣлъ человѣческихъ; она измѣняется, смотря по времени, событіямъ, правамъ и заслугамъ власти; она колеблется каждое мгновеніе, подъ ударами силы, которая претендуетъ формировать ее по своимъ капризамъ, или по своимъ нуждамъ. Едвали въ сферѣ политики можно найти какое-нибудь невинное или заслуживающее уваженія дѣйствіе, которое бы, въ какомъ-нибудь уголкѣ міра или времени, не считалось по закону преступленіемъ. Въ 1793 г. во Франціи президентъ революціоннаго трибунала Engrand d'Alleray допрашивалъ одного старика: »Развѣ вы не знаете закона, который запрещаетъ посылать деньги эмигрантамъ?« »Да, отвѣчалъ старикъ, но я знаю законъ болѣе старый, который повелѣваетъ мнѣ

поддерживать моихъ дѣтей«. Заключающаяся въ этихъ словахъ истина всегда ею останется, вопреки всѣмъ кодексамъ. Преступники обыкновенные: убійцы, грабители, стоятъ въ обществѣ особнякомъ: они не имѣютъ, между честными людьми, ни друзей, ни покровителей; они въ войнѣ съ обществомъ. И когда постигаетъ ихъ наказаніе, это значитъ не одна власть, а и всё общество противъ нихъ вооружается. Совсѣмъ иначе поставлены противники правительства: они принадлежатъ обществу; они находятъ или надѣются найти поддержку; они соединяются съ тою или другою партіею, которой обѣщаютъ помощь. Партія не хочетъ или не можетъ того, во что они вѣруютъ. Нѣтъ нужды, они преувеличиваютъ ея могущество, плохо знаютъ ея намѣренія. Въ каждомъ прохожемъ, подъ каждою кровлею, гдѣ дымится труба, воръ видитъ врага; политическій дѣятель вездѣ воображаетъ союзниковъ, или по крайней мѣрѣ обѣщаетъ себѣ временное покровительство. Вслѣдствіе этого, изъ всѣхъ средствъ, которыми власть располагаетъ для достиженія своихъ цѣлей, менѣе дѣйствительна смертная казнь. Она раздражаетъ противниковъ, сообщаетъ бо́льшую твердость ихъ убѣжденіямъ, вмѣсто того чтобы ихъ измѣнять, разъединяетъ ихъ съ властью гораздо болѣе, чѣмъ было до того. Если даже противники признаютъ, что власть, опредѣляя казни, дѣйствовала въ своемъ правѣ, правительство теряетъ нравственное положеніе, потому что они считаютъ себя стоящими въ состояніи войны съ нею.

Еще важнѣе развитіе въ XIX в. сомнѣній насчетъ справедливости и необходимости смертной казни за нѣкоторые виды убійства и даже вообще за убійство. По наслѣдству отъ временъ господства мести, законодательства государственнаго періода наказывали смертною казнію всѣ виды убійства, за исключеніемъ только совершенно случайныхъ. Такъ въ западной Европѣ еще въ XVIII и даже иногда въ XIX в. казнили смертію за убійство, совершенное нечаянно, въ дракѣ. И это происходило главнымъ образомъ оттого, что прежній человѣкъ сначала совсѣмъ не обращалъ вниманія, а потомъ очень мало, на происхожденіе преступленій: убійство, величайшее преступленіе само по себѣ, совершено,—значитъ совершитель его есть великій преступникъ, какія-бъ тамъ не были обстоятельства, при которыхъ онъ совершилъ, въ какомъ-бы далекомъ отношеніи ни находилась его воля къ совершенному преступленію. На этомъ основаніи, французскій кодексъ 1810 г., допуская извинительныя обстоятельства по отношенію къ убійству

постороннихъ лицъ, не признаетъ ихъ въ примѣненіи къ отцеубійству: въ этомъ случаѣ французскій кодексъ примѣнилъ къ отцеубійству то правило, котораго прежде держались вообще въ отношеніи къ убійству. Для мыслителя XIX ст. преступленіе вообще является уже не безпричиннымъ зломъ, не дѣломъ одной личности преступника, а продуктомъ еще и другихъ факторовъ, которые не зависятъ отъ воли преступника, какъ напр. среды, въ которой онъ возросъ, стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ и т. п. Отсюда-то беретъ свое начало ученіе о смягчающихъ вину обстоятельствахъ, не то прежнее ученіе, которое поименно исчисляло причины смягченія, а новое, не столь правда опредѣлительное, но тѣмъ не менѣе болѣе соотвѣтствующее дѣйствительному разнообразію жизни. Этотъ общій взглядъ на преступленіе и его выводъ,—ученіе о смягчающихъ обстоятельствахъ,— по логикѣ идей и событій, естественно были примѣнены и къ убійству, преступленію, которое, по общему сознанію, превосходитъ своею тяжестью всѣ другія. Вліяніе этого примѣненія обнаружилось какъ въ законодательствѣ, такъ въ практикѣ и наукѣ. Въ нѣкоторыхъ сѣвероамериканскихъ уголовныхъ кодексахъ издавна стали различать убійство предумышленное отъ простаго, съ назначеніемъ казни только за первое. Позже въ Америкѣ пошли далѣе: стали дѣлить и предумышленныя убійства на двѣ степени, угрожая смертною казнію только за тѣ, которыя принадлежатъ къ первой. Въ настоящее время это ученіе принято многими сѣверо-американскими кодексами. Mittermaier, die Todesstrafe, §§ 4 и 17. Въ европейскихъ уголовныхъ кодексахъ это ученіе отразилось въ меньшей степени, но однакожъ вліянія его нельзя не замѣтить. Такъ по закону французскому 1832 г. и по проекту піемонтскаго кодекса 1856 г. предоставлено судьямъ и присяжнымъ находить смягчающія обстоятельства во всѣхъ преступленіяхъ и тѣмъ не допускать въ данномъ случаѣ смертной казни. Въ брауншвейгскомъ уложеніи есть спеціальная статья дозволяющая судьямъ не опредѣлять смертной казни за предумышленное убійство, при стеченіи многихъ смягчающихъ обстоятельствъ. ib. § 4. Тоже самое правило принято въ тосканскомъ кодексѣ 1853 г., во многихъ швейцарскихъ, шведскомъ, въ проектахъ бременскомъ 1861 г. и португальскомъ. ib. Въ практикѣ упомянутый взглядъ на преступленіе отразился кажется еще въ большей степени въ примѣненіи къ убійству. Во Франціи въ 1833 г. изъ 8-ми преступниковъ, признанныхъ виновными въ отцеубійствѣ, только

одинъ приговоренъ къ закономъ установленному наказанію, смертной казни; въ 1834 г. изъ 12-ти тоже 1, въ 1838 г. изъ 11-ти 2;—Богородскій, 1. 679—580; въ 1858 г. отмѣнена смертная казнь, признаніемъ смягчающихъ обстоятельствъ въ 7-ми случаяхъ, въ 1859 г. въ 10 случаяхъ; Mittermaier, § 9. За отравленіе назначена смертная казнь: въ 1833 г. только 2-мъ изъ 20; въ 1834 г. 1-му изъ 7; въ 1838 г. 3-мъ изъ 27; въ 1858 г. она замѣнена въ 30 случаяхъ, въ 1859 г. въ 17; Богородскій, ib. Mittermaier, ib. За предумышленное убійство подвергнуто смертной казни: въ 1833 г. 37 изъ 137; въ 1834 г. 16 изъ 60; въ 1832 г. 27 изъ 110; въ 1858 г. она отмѣнена была въ 91 случаѣ. ib.—Въ Англіи съ 1840 г. смертная казнь въ практикѣ была опредѣляема только за предумышленное убійство и сверхъ того не всѣ смертные приговоры были приводимы въ исполненіе: такъ въ 1859 г. изъ 52-хъ 9; въ 1860 г. изъ 48 только 12. Mittermaier, § 8. Тоже самое и въ германскихъ государствахъ. Въ Австріи съ 1829 по 1841 г. изъ 199, приговоренныхъ къ смертной казни за предумышленное убійство, 161 чел. получили помилованіе; изъ 78 осужденныхъ за убійство супруговъ половина получила помилованіе; въ 1856 г. изъ 59 обвиненныхъ за предумышленное убійство 39 помиловано. ib. Въ Пруссіи съ 1818 по 1854 г. изъ 534 чел. приговоренныхъ къ смертной казни за предумышленное убійство казнено только 249. ib. Такимъ образомъ, практика, помимо закона, являлась невольною выразительницею того умягченнаго взгляда на преступленіе вообще и убійство въ частности, которое мало-по-малу овладѣваетъ умомъ современнаго человѣка. Въ свою очередь наука не преминула обратить вниманіе на то обстоятельство, что какъ законодательства, такъ и практика, опредѣляя за нѣкоторые виды и нѣкоторые случаи убійства, вмѣсто смертной казни, другія болѣе мягкія наказанія, не всегда поступаютъ основательно и справедливо. Хотя вообще говоря есть болѣе и менѣе тяжкіе виды убійства, но провести между ними опредѣленную демаркаціонную линію—дѣло не возможное, не смотря на всѣ попытки. Вслѣдствіе этого происходитъ то, что хорошій законъ въ идеѣ не можетъ быть примѣняемъ на практикѣ согласно съ строгою справедливостію; практика не рѣдко причисляетъ къ болѣе тяжкому виду убійства и казнитъ смертію менѣе тяжкое, и наоборотъ. Примѣненіе помилованія въ этомъ случаѣ еще дальше расходится съ строгими правилами справедливости. Отсюда проистекаютъ тѣ безпрестанные упреки,

которые раздаются въ обществѣ относительно отдѣльныхъ случаевъ смертной казни, когда бы ее, по общему убѣжденію, не слѣдовало примѣнять, и случаевъ помилованія, гдѣ оно по сравненію было не умѣстно. Такимъ образомъ, уголовное правосудіе, въ самомъ высшемъ своемъ проявленіи, представляется обществу не произведеніемъ строгихъ правилъ справедливости, а дѣйствіемъ произвола. Такъ какъ возвратиться къ прежнимъ обычаямъ и стать наказывать смертною казнію всѣ виды убійства совершенно не возможно, вслѣдствіе коренной перемѣны взглядовъ европейскаго общества; такъ какъ, съ другой стороны, слѣдуя нынѣшнимъ болѣе гуманнымъ и по идеѣ болѣе справедливымъ правиламъ, на практикѣ нельзя избѣжать произвола и относительной несправедливости, что подрываетъ вѣру въ уголовную юстицію: то рождается вопросъ: не слѣдуетъ-ли, для избѣжанія такихъ грубыхъ недостатковъ современной практики, отмѣнить смертную казнь за всѣ виды убійства и такимъ образомъ возстановить на практикѣ правомѣрное примѣненіе наказаній? См. объ этомъ: Mittermaier, § 17; Berner, § 7.

VII. Мы видѣли, что и въ XIX ст. жизнь въ дѣлѣ отмѣны смертной казни предупреждала законодателя. Еще по закону опредѣлялась смертная казнь за нѣкоторые виды воровства, за поддѣлку монеты и документовъ, за разнообразные виды поджога, за дѣтоубійство, за болѣе легкіе виды убійства, а практика или совсѣмъ не карала ихъ этимъ наказаніемъ, или только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ; даже иногда болѣе: изъ боязни и отвращенія къ смертной казни, она предпочитала ей полную ненаказанность самаго явнаго преступника. Такимъ образомъ жизнь брала свое и готова была изъ отвращенія къ жестокости закона подорвать его силу, превратить его въ мертвую букву, въ то время какъ она во всѣхъ другихъ случаяхъ оказывала полнѣйшее уваженіе къ нему. Не желая оставить юстицію на произволъ текущихъ событій, а законъ лишеннымъ силы и достоинства, европейскій законодатель XIX ст. долженъ былъ, признавъ совершившійся фактъ, привесть законъ въ согласіе съ жизнію и сдѣланную ею отмѣну смертной казни за нѣкоторые виды преступленій возвести въ законъ. Такъ онъ дѣйствительно и поступилъ.

Нигдѣ законъ, какъ выше было показано, до такой степени не расходился съ жизнію, какъ въ Англіи. Поэтому ни одинъ европейскій законодатель XIX в. не поставленъ былъ обстоятельствами въ такую

необходимость произвесть столько отмѣнъ смертныхъ казней, въ какую поставленъ былъ англійскій. Отмѣна смертной казни въ Англіи начинается съ 1808 г. Въ этомъ году Самуилъ Ромильи, извѣстнѣйшій адвокатъ своего времени, внесъ въ палату депутатовъ биль объ отмѣнѣ смертной казни за воровство-мошенничество въ 12 пенсовъ; палата приняла биль. Taillandier, с. 270. Ободренный этимъ успѣхомъ, Ромильи въ 1810 г. внесъ въ палату три новыхъ биля: объ отмѣнѣ смертной казни за воровство 5 шилинговъ изъ лавки, 40 ш. изъ жилаго дома, за воровство съ судовъ и льна изъ фабрикъ. Но эти били не прошли какъ въ этомъ году, такъ въ 1811, 1813 и 1816 гг., каждый разъ когда онъ ихъ вносилъ. Богородскій, II. 352. Съ этихъ поръ до 1830 г. отмѣна смертной казни была остановлена, за исключеніемъ закона 1820 г., которымъ король Георгъ IV за злостное банкротство назначилъ, вмѣсто смертной казни, ссылку. Taillandier, с. 208. Съ 1830 г., вслѣдствіе петиціи, поданной въ парламентъ за подписомъ 1000 банкировъ изъ разныхъ городовъ, была отмѣнена смертная казнь за поддѣлку банковыхъ билетовъ. Но настоящая эпоха отмѣны смертной казни въ Англіи начинается съ того времени, когда было расширено представительство англійскаго народа и въ парламентъ были допущены въ значительномъ количествѣ депутаты изъ средняго сословія, лучше понимающаго потребности страны. Въ 1832 г. были изданы три очень важныхъ закона: первымъ 23 марта отмѣнена была смертная казнь за поддѣлку монеты, вторымъ 11 іюля за воровство лошадей, скота, овецъ и за воровство въ жиломъ домѣ, третьимъ 16 августа за многіе подлоги. Arch. des Criminalrechts, n. f. 1834 г. стат. Миттер. стр. 18. Въ 1833 г. смертная казнь была уничтожена за насильственное вторженіе въ домъ, въ 1834 г. за возвращеніе изъ ссылки, въ 1835 г. за святотатство и кражу писемъ. N. Arch. Criminalrechts, 1840 г. с. 583. Но какъ еще не достаточны были эти законы видно изъ того, что уничтоживъ смертную казнь за большую часть подлоговъ, они не отмѣнили ее за составленіе духовнаго завѣщанія и другихъ подобныхъ актовъ, за употребленіе этого акта съ знаніемъ, что онъ фальшивый, за поддѣлку довѣренности на полученіе капитала изъ публичнаго банка. Смертная казнь за эти преступленія была уничтожена въ 1837 г., вмѣстѣ съ уничтоженіемъ ея за многія другія преступленія. 17 іюля этого года было издано нѣсколько законовъ, которыми уничтожена была смерт-

30*

ная казнь за большую часть преступленій, подлежавшихъ до тѣхъ поръ этому наказанію. Къ числу этихъ законовъ принадлежать: 1) Законъ объ отмѣнѣ смертной казни: а) если бунтовщики по требованію правительства не разойдутся въ теченіи часа; б) если кто освободитъ насиліемъ обвиняемаго въ убійствѣ съ предумышленіемъ; в) кто будетъ склонять войска къ измѣнѣ; г) кто будетъ принуждать къ присягѣ съ тѣмъ, чтобы обязать къ совершенію убійства и другихъ преступленій, влекущихъ за собою смертную казнь; д) за освобожденіе себя изъ тюрьмы; е) за ввозъ запрещенныхъ товаровъ, съ употребленіемъ при томъ оружія; ж) за выстрѣлъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ въ корабль. Kritische Zeitschr. für Gesetzgebung des Auslandes, B X, 256 — 57. 2) Законъ о преступленіяхъ противъ личности; 3) законъ о воровствѣ въ жиломъ строеніи и вторженіи въ домъ; 4) законъ о разбоѣ; 5) о морскомъ грабежѣ; 6) о зажигательствѣ. На основаніи этихъ послѣднихъ пяти законовъ, указанныя преступленія подлежали смертной казни только въ особенно тяжкихъ видахъ, именно: 1) По закону о преступленіяхъ противъ личности, смертною казнію наказывался тотъ, кто съ намѣреніемъ лишить жизни дастъ другому ядъ, или заставитъ его принять ядъ, или нанесетъ другому раны, тѣлесныя поврежденія опасныя для жизни. 2) По закону о воровствѣ и насильственномъ вторженіи въ домъ, тотъ подлежитъ этому наказанію, кто, при совершеніи воровства, ворвется въ домъ, нападетъ на кого-либо, выстрѣлитъ въ него съ намѣреніемъ убить, или же какимъ нибудь другимъ образомъ нанесетъ ему рану. 3) По закону о разбоѣ оставлена смертная казнь для того, кто, при разбоѣ или послѣ него, пронзитъ ограбленнаго, выстрѣлитъ въ него, или нанесетъ ему рану. 4) По закону о морскомъ грабежѣ она оставлена на тотъ случай, когда грабитель прежде, во время, или послѣ грабежа, нападетъ на людей находящихся на суднѣ, ранитъ съ тѣмъ, чтобы лишить жизни. 5) По закону о зажигательствѣ смертная казнь оставлена: а) за подложеніе подъ жилое строеніе огня въ такое время, когда въ немъ находится какое-либо лицо; б) за поджогъ, или разрушеніе какимъ-либо другимъ образомъ корабля съ цѣлію лишить кого-нибудь жизни или подвергнуть жизнь опасности; в) за подачу ложнаго сигнала или выставку маяка, съ цѣлію подвергнуть опасности корабль или судно; г) употребленіе средствъ съ цѣлію разрушить или погубить корабль, которому угрожаетъ крушеніе. Kritisch. Zeitsch. B. X, 251. Богор. II, 352—53.

Въ 1840 г. въ тотъ самый парламентъ, который тридцать лѣтъ тому назадъ не согласился отмѣнить смертную казнь за ничтожное воровство, внесенъ былъ билль объ отмѣнѣ смертной казни за всѣ вообще преступленія. Билль этотъ внесенъ былъ депутатомъ Эвартомъ, который еще въ 1832 г. началъ съ большимъ успѣхомъ добиваться отмѣны смертной казни за отдѣльныя преступленія и котораго имя съ тѣхъ поръ неразрывно связано съ исторіею отмѣны смертной казни въ Англіи. Послѣ продолжительныхъ преній билль былъ отвергнутъ большинствомъ 160 гол. противъ 90. Тѣмъ не менѣе парламентъ нашелъ нужнымъ еще сократить количество смертныхъ преступленій. Смертная казнь была отмѣнена закономъ 22 іюня 1841 г. еще за слѣдующія преступленія: 1) за скрытіе, или утайку чиновниками англійскаго банка и компаній состоящихъ въ ихъ рукахъ счетовъ, довѣренностей и другихъ бумагъ, также денегъ и другихъ принадлежностей, за тайное приложеніе штемпелей и печатей, за употребленіе вмѣсто золота и серебра другихъ металловъ; 2) за возвращеніе ссыльныхъ изъ колоній; 3) за изнасилованіе во всѣхъ случаяхъ; 4) за разрушеніе церквей и каплицъ; 5) за разрушеніе зданій назначенныхъ для торговли, а также какой-нибудь машины на мануфактурахъ или въ рудникахъ. Послѣ этой отмѣны смертная казнь въ Англіи оставлена за слѣдующія преступленія: 1) за государственную измѣну; 2) предумышленное убійство; 3) за тѣлесныя поврежденія съ намѣреніемъ лишить жизни; 4) за покушеніе на жизнь другаго при вторженіи въ домъ; 5) за разбой сопровождавшійся ранами; 6) за морской разбой съ нанесеніемъ оружіемъ ранъ; 7) за поджогъ жилаго зданія, въ которомъ кто-нибудь находится; 8) за поджогъ корабля или магазина принадлежащаго кораблю; 9) за выставку маяковъ съ намѣреніемъ подвергнуть опасности корабль; 10) за поджогъ, крушеніе или разрушеніе корабля съ намѣреніемъ лишить кого-нибудь жизни; 11) за противоестественное плотское соединеніе. Krit. Zeitschr. B. XV, 267—270.

Со времени внесенія перваго билля о совершенной отмѣнѣ смертной казни Эвартъ не переставалъ дѣйствовать въ парламентѣ въ пользу этого дѣла. Самыми ревностными товарищами его въ этомъ дѣлѣ были Кобденъ и особенно Брайтъ. Такъ Эвартъ возобновлялъ свое предложеніе: въ 1847 г., когда вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внесъ въ парламентъ

нѣсколько прошеній изъ всѣхъ частей государства о полной отмѣнѣ смертной казни; это второе предложеніе его было отвергнуто большинствомъ 81 гол. противъ 41 поданныхъ за отмѣну; въ 1848 г. по случаю произшедшихъ отвратительныхъ сценъ во время и послѣ совершенія казней; предложеніе это было отвергнуто 122 гол. противъ 66 гол.; въ 1849 г. и 1850 г.; первое было отвергнуто большинствомъ 75 гол. противъ 51, второе большинствомъ 46 противъ 40. Kiris. Zeitschrift, B. XXII, 487, 496. XXIII, 203—207. Въ 1861 г. послѣ ревизіи уголовныхъ статутовъ, смертная казнь была оставлена только за государственную измѣну, предумышленное и умышленное убійство и покушеніе на оныя. Publications, № 4, с. 13. Въ 1864 г. Эвартъ, ободряемый высокопоставленными лицами, возобновилъ свое предложеніе въ палатѣ объ отмѣнѣ смертной казни. Вслѣдствіе дебатовъ, вызванныхъ этимъ предложеніемъ, палата учредила коммиссію, которой поручила изслѣдовать »свойство и дѣйствіе законовъ, опредѣляющихъ смертную казнь, также способъ ея примѣненія, и представить донесеніе по вопросу: не желательно-ли измѣнить эти законы«. Въ маѣ 1865 г. коммиссія окончила свои занятія и готова была представить матеріалы; изъ 36 выслушанныхъ ею лицъ, 16 дали мнѣніе болѣе или менѣе за отмѣну смертной казни, а 14 за сохраненіе ея. ib. с. 13. 26. Дальнѣйшая судьба трудовъ коммиссіи мнѣ не извѣстна.

Выше были приведены данныя, доказывающія какъ мало французскій кодексъ 1810 г., по расточительности казней, соотвѣтствовалъ настроенію общества. Поэтому, въ 1832 г., едва только измѣнились обстоятельства, задерживавшія преобразованія, поднялись голоса противъ смертной казни. Хотя предложеніе о полной отмѣнѣ этого наказанія было отвергнуто, но тѣмъ не менѣе изданъ былъ законъ, которымъ отмѣнена была смертная казнь за слѣдующіе виды преступленій: 1) заговоръ несопровождающійся насиліемъ; 2) поддѣлка и выпускъ золотой и серебряной монеты; 3) поддѣлка или употребленіе государственныхъ печатей, серій государственнаго казначейства и банковыхъ билетовъ; 4) многіе случаи поджогъ; смертная казнь оставлена только за поджогъ домовъ, судовъ и вообще зданій, въ которыхъ живутъ люди; 5) убійство соединенное съ другимъ преступленіемъ, когда между дѣломъ и слѣдствіемъ нѣтъ связи; 6) воровство, сопровождающееся пятью увеличивающими вину обстоятельствами; 7) скрытіе уворованныхъ вещей, когда воровство наказывается смертію; 8) арестованіе

совершенное въ фальшивомъ костюмѣ, подъ фальшивымъ именемъ и по фальшивому приказу. Rossi, 1. с. 47. Кромѣ того, тогда же былъ изданъ законъ о смягчающихъ обстоятельствахъ, предоставившій присяжнымъ во всякомъ данномъ случаѣ и за всякое преступленіе замѣнять смертную казнь другимъ наказаніемъ. Въ 1848 г. былъ изданъ чрезвычайно важный законъ объ отмѣнѣ смертной казни за преступленія политическія; этотъ законъ обнимаетъ обширный кругъ преступленій, исчисленныхъ въ настоящей главѣ выше подъ рубриками 1—17. Въ 1853 г., правда, императорское правительство нѣсколько измѣнило этотъ законъ, возстановивъ смертную казнь за посягательство на жизнь императора или членовъ его фамиліи, но сущность его всё-таки осталась таже. Въ 1865 г., при обсужденіи адреса въ законодательномъ собраніи, предложена была поправка объ отмѣнѣ смертной казни. Послѣ краснорѣчивой защиты этой поправки, Жюлемъ Фавромъ она, однакожъ, отвергнута была 203 гол. противъ 26. Publications, № 4, с. 34.

Въ Германіи уголовное законодательство относительно этого предмета оставалось до 1848 г. въ томъ положеніи, въ какомъ мы видѣли его въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Уголовные кодексы, изданные въ тридцатыхъ годахъ, не составляютъ въ этомъ отношеніи успѣха. Важная, хотя недолговѣчная перемѣна вообще, но не оставшаяся безъ вліянія, сдѣлана была въ 1848 г., въ годъ политическаго переворота. Франкфуртское народное собраніе приняло въ число основныхъ правъ нѣмецкаго народа и отмѣну смертной казни, оставивъ ее только въ кодексахъ военномъ и морскомъ. Это постановленіе принято было всѣми нѣмецкими государствами, за исключеніемъ Пруссіи, Австріи, Баваріи и Ганновера, которыя не признавали основныхъ правъ нѣмецкаго народа. Но и другія государства не долго удерживали у себя полную отмѣну этого наказанія, которую они приняли скорѣе подъ напоромъ увлеченія и давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, чѣмъ по глубокому сознанію ея необходимости. Въ 1849 г. въ Германіи повторилось то же самое, что̀ уже разъ случилось въ концѣ прошедшаго столѣтія въ Тосканѣ, Австріи, отчасти въ Пруссіи и Франціи: реакція легко возстановила смертную казнь. Только нѣкоторыя государства, какъ-то: Ольденбургъ, Нассау, Ангальтъ, герцогства Брауншвейгское и Кобургское удержали сдѣланную реформу. Должно впрочемъ сказать, что разъ принятая отмѣна и для другихъ нѣмецкихъ государствъ не

могла пройти безслѣдно. Самое возстановленіе въ нѣкоторыхъ государствахъ совершилось по незначительному большинству голосовъ: такъ въ Виртембергской второй палатѣ подано за смертную казнь 47, противъ 34; въ Дармштадтской 23 за, 21 противъ; въ Веймарской 16 за, 14 противъ. Mittermaier, § 4. Далѣе: по прошествіи первыхъ порывовъ реакціи, нѣкоторыя законодательства опять возвратились къ полной отмѣнѣ; въ 1862 г. она принята была въ великомъ герцогствѣ Саксенъ-Веймарскомъ, въ томъ же году въ герцогствѣ Саксенъ-Мейнингенскомъ; въ 1865 г. Виртембергская палата депутатовъ 56 голосами противъ 26 опредѣлила отмѣнить смертную казнь, не смотря на то, что за сохраненіе ея стоялъ министръ юстиціи. Ducpetiaux, Question. с. 27. Наконецъ, возстановляя смертную казнь вообще, германскія законодательства отмѣнили ее за нѣкоторыя преступленія, за которыя законъ до 1848 г. угрожалъ смертною казнію. По кодексу австрійскому 1852 г. отмѣнена смертная казнь за подделку кредитныхъ билетовъ, участіе въ поддѣлкѣ и распространеніе. § 106—109. По кодексу прусскому 1851 г., число смертныхъ преступленій сокращено въ большомъ объемѣ сравнительно съ преждедѣйствовавшимъ кодексомъ. Такъ смертная казнь отмѣнена: за нѣкоторые виды государственныхъ преступленій, за дуель, убійство въ дракѣ, за лишеніе жизни чрезъ дурное обращеніе, за дѣтоубійство и истребленіе плода, причиненіе поврежденія здоровью посредствомъ яда, за убійство совершенное безъ намѣренія при разбоѣ и содѣйствіе ему, воровство совершенное шайкою и съ насиліемъ, ложное свидѣтельство и обвиненіе, повлекшія за собою смерть невиннаго, за истребленіе припасовъ, за поджогъ и наводненіе, если они не сопровождались смертію; §§ 63, 67, 126, 168, 176, 180, 181, 183, 194, 197, 218, 233, 291; срав. исчисленіе смертныхъ преступленій по кодексу 1794 г. стр. 207—208. Если свести къ общему знаменателю преступленія, угрожаемыя смертію по новѣйшимъ кодексамъ австрійскому и прусскому, то открывается, что они только два рода преступленій караютъ смертною казнію: государственныя и убійство; послѣднее не только тогда, когда оно совершено само по себѣ, но и тогда, когда оно совершено вмѣстѣ съ другими менѣе тяжкими преступленіями: напр. воровствомъ, разбоемъ, поджогомъ, поврежденіемъ желѣзныхъ дорогъ. Того же самаго принципа держится и новый саксонскій кодексъ 1855 г. Berner, § 41, с. 31—32.

Въ другихъ странахъ замѣчается то же самое. Хотя въ Тосканѣ

смертная казнь возстановлена была закономъ 30 іюня 1790 г. за преступленія противъ установленнаго правительства, а закономъ 30 августа 1795 г. за тяжкіе виды убійства, въ томъ числѣ и за дѣтоубійство и изгнаніе плода, однакожъ эти законы до 1808 г. оставались безъ примѣненія. Въ этомъ году введены были французскіе законы и начала дѣйствовать гильотина; но едва только въ 1814 г. французы оставили тосканскую территорію, какъ народъ съ яростію бросился на гильотину и палачей. Палачи едва ушли отъ народной ярости, а гильотина была разрушена и сожжена. Въ 1816 г., подъ вліяніемъ реакціи, изданъ былъ законъ о назначеніи смертной казни за воровство, совершенное съ насиліемъ на дорогѣ; но и этотъ законъ остался безъ примѣненія. Carmignani, с. 397—398, 406, 412, 413. Долговременное или очень рѣдкое примѣненіе смертной казни пріучило тосканцевъ считать смертную казнь наказаніемъ не нужнымъ и не справедливымъ. Когда въ 1830 г. правительство привело въ исполненіе два смертныхъ приговора, народъ своимъ энергическимъ протестомъ заявилъ свое рѣшительное отвращеніе къ смертной казни, вслѣдствіе чего правительство не совершило ни одной экзекуціи до 1847 г. Въ этомъ году смертная казнь вторично была отмѣнена въ Тосканѣ. Возстановленная опять въ 1852 г. она ни разу не была совершена въ дѣйствительности, вслѣдствіе энергическаго протеста со стороны народа. Когда Тоскана вошла въ составъ италіянскаго королевства, законодатель, зная рѣшительныя убѣжденія тосканцевъ, долженъ былъ въ 1860 г. вычеркнуть для нихъ смертную казнь, оставивъ ее для всѣхъ прочихъ частей Италіи. Mittermaier, § 4. Въ Піемонтѣ, который игралъ такую важную роль въ исторіи Италіи, уголовное законодательство въ вопросѣ о смертной казни шло обыкновеннымъ ходомъ. Въ 1839 г., когда еще господствовало общественное настроеніе, установившееся въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, изданъ былъ кодексъ, въ которомъ смертная казнь опредѣляется въ 41 случаѣ. Послѣ переворота 1848 г., изданъ былъ новый кодексъ въ 1859 г., въ которомъ смертная казнь опредѣляется только въ 13 случаяхъ. ib. Въ 1865 г., когда въ италіянскомъ парламентѣ разсматривался вопросъ о необходимости объединенія уголовнаго законодательства для всего королевства, внесенъ былъ проектъ отмѣны смертной казни въ цѣлой Италіи, на томъ основаніи, что она уже отмѣнена въ Тосканѣ и что благіе результаты этой отмѣны не подлежатъ сомнѣнію. Общество италіянское поддерживало

это предложеніе съ замѣчательнымъ единодушіемъ; кажется, не было ни одного города, гдѣ бы болѣе или менѣе многочисленное собраніе жителей не заявило своего мнѣнія противъ смертной казни. Послѣ длинныхъ преній, палата депутатовъ постановила большинствомъ 150 голосовъ противъ 91 отмѣнить это наказаніе, оставивъ его до времени за одно разбойничество. Сенатъ, однакожъ, не присталъ къ этому постановленію, высказавшись за сохраненіе смертной казани 87 голосами противъ 16. Allgem. deut. Strafrechtszeitung, 1866 г. № 1, с. 4 — 15. Но окончательное рѣшеніе вопроса о смертной казни, вмѣстѣ съ вопросомъ о принятіи новаго кодекса, не состоялось ни въ ту, ни въ другую сторону, и было отложено. Въ проектѣ новаго итальянскаго кодекса, представленномъ прежнимъ министромъ юстиціи, опредѣляется смертная казнь только въ 9-ти случаяхъ, которые можно подвесть подъ 2 рода преступленій: политическихъ и убійства. Во второй половинѣ 1866 г. новый италіянскій министръ юстиціи Боргати собирался представить парламенту новый проектъ уголовнаго кодекса, въ которомъ смертная казнь вычеркнута изъ ряда наказаній. С.-петербург. Вѣдомости, 1866 г. № 271. Теперь пишутъ, что юридическая коммиссія, коей поручено пересмотрѣть новый кодексъ, высказалась самымъ рѣшительнымъ образомъ за отмѣну смертной казни. Не извѣстно пока, дѣйствительно-ли на этотъ разъ будетъ отмѣнено въ Италіи это наказаніе, но достовѣрно то, что въ началѣ нынѣшняго года королевскимъ декретомъ смертная казнь отмѣнена за чисто политическія преступленія. ib. 1867 г. № 24, 27.—Въ крошечной республикѣ Санъ-Марино смертная казнь, по опредѣленію законодательнаго собранія 1848 г. и по кодексу 1859 г., отмѣнена. Ducpetiaux, Question de la peine de mort, 1865 г. с. 27

Въ Швейцаріи съ 1848 г. смертная казнь не примѣняется за политическія преступленія. Совершенно отмѣнена она: въ 1848 г. въ Фрейбургѣ и позже въ Невшателѣ. ib. Въ 1866 г. въ Цюрихѣ коммиссія законодательнаго собранія, занимавшаяся составленіемъ проекта новаго уголовнаго кодекса, предложила 9-ю голосами противъ 2-хъ отмѣнить смертную казнь. С.-петерб. Вѣдом. 1866 г. № 19.

Въ проектѣ бельгійскаго уголовнаго кодекса 1861 г. смертная казнь опредѣляется только въ 8-ми случаяхъ, именно: за насиліе противъ короля, ст. 96, насиліе противъ наслѣдника престола, 97, убійство

родителей, 457, отравленіе, 460, за опасные виды грабежа, 555, за убійство совершенное для того, чтобы сдѣлать воровство, 556, за предумышленное убійство, 566, за опасный видъ поджога. За чисто политическія преступленія это наказаніе вовсе не допускается; кромѣ того дозволено, въ случаѣ признанія смягчающихъ обстоятельствъ, замѣнять его другимъ наказаніемъ. Mittermaier, § 4. Въ концѣ 1866 г. палата депутатовъ, при разсмотрѣніи новаго уголовнаго кодекса, подвергла обсужденію и вопросъ о полной отмѣнѣ смертной казни. Послѣ обстоятельныхъ преній, 55 депутатовъ подали свой голосъ за смертную казнь, 43 противъ. Москва, № № 8 и 12-й.

Въ Голландіи въ 1865 г. прежній министръ юстиціи составилъ проектъ новаго уголовнаго кодекса, въ которомъ нѣтъ смертной казни. Publications, № 4, с. 34.

Въ Америкѣ гораздо раньше Европы стали примѣнять смертную казнь только за предумышленное убійство. Въ Пенсильваніи это было утверждено еще закономъ 1794 г. Съ тѣхъ поръ въ разное время эта мѣра была принята и во многихъ другихъ штатахъ. Во многихъ же штатахъ этой республики, по закону, каждаго присяжнаго, призваннаго для разсмотрѣнія уголовнаго случая, подлежащаго смертной казни, спрашиваютъ: признаетъ-ли онъ или отвергаетъ это наказаніе,—и въ послѣднемъ случаѣ его устраняютъ отъ произнесенія вердикта. Этотъ законъ, очевидно, вынужденъ былъ обстоятельствами, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служитъ введеніемъ въ полную отмѣну смертной казни. Можно думать, что законодатели прочихъ штатовъ будутъ поставлены въ туже необходимость, подъ вліяніемъ которой отмѣнена была смертная казнь въ 1847 г. въ Мичигенѣ, въ 1852 г. въ Родъ-Эйландѣ, въ 1854 г. въ Висконсинѣ. Въ 1864 г. президенты перваго и послѣдняго штатовъ заявили, что смертная казнь въ этихъ государствахъ была отмѣнена, между прочимъ, вслѣдствіе того, что не было уже возможности составить судъ присяжныхъ. Publications, № 4, с. 22—23. Кромѣ этихъ трехъ штатовъ, въ Америкѣ смертная казнь еще отмѣнена въ 1865 г. въ Колумбіи. Ducpetiaux, с. 27.

Изложенные въ этой главѣ факты даютъ мнѣ право сдѣлать слѣдующіе выводы:

1. Отмѣна смертной казни въ европейскихъ и американскихъ государствахъ была не самостоятельнымъ явленіемъ, а результатомъ по-

стороннихъ, стоящихъ внѣ области уголовнаго права причинъ и событій. Только коренное, вполнѣ реальное измѣненіе матеріальнаго и умственно-нравственнаго строя обществъ способствовало постепенной отмѣнѣ смертной казни. Оттого, если отмѣна была плодомъ только прекрасныхъ, теоретическихъ соображеній, она долго не держалась.

2. Научное опреверженіе справедливости и состоятельности смертной казни само было произведеніемъ фактическаго, хотя еще незакрѣпленнаго закономъ, переворота, совершившагося внутри европейскихъ обществъ. Если оно шагнуло далѣе жизни, то потому, что мысль человѣческая, получивъ точку опоры въ какомъ-нибудь событіи, всегда, по законамъ логики, проводитъ извѣстное начало до возможныхъ предѣловъ, и, воспользовавшись матеріаломъ созданнымъ жизнію, въ свою очередь является творящею силою; во-вторыхъ, въ данномъ случаѣ, въ примѣненіи къ смертной казни, мысль человѣческая явилась, какъ и всегда является, болѣе чуткою, болѣе проницательною и отгадывающею ходъ будущихъ событій.

3. Ходъ отмѣны смертной казни совершался приливами и отливами. Увлеченное новымъ великимъ открытіемъ: возможности твердой юстиціи безъ смертныхъ казней, общественнаго благосостоянія безъ жестокостей и мученій, европейское общество въ извѣстной своей части думало немедленно осуществить это благородное дѣло. Но приливъ новыхъ событій и напоръ иныхъ дѣятелей уничтожили эти мечты, отбросивъ вопросъ о смертной казни въ противоположную сторону, и притомъ далѣе, чѣмъ требовала сущность дѣла. Подобное явленіе, обнаружившееся въ XVIII в., повторилось въ XIX стол. Но и тогда и теперь жизнь, какъ она есть, подчиняла оба теченія своимъ неизмѣннымъ законамъ, сдерживая слишкомъ смѣлые порывы впередъ, и не позволяя возвращаться далеко назадъ, куда она сама не хотѣла и не могла возвратиться. Однакожъ, въ концѣ концовъ она сама неизмѣнно, хотя медленно и неторопясь, шла впередъ и уже стремится достигнуть того крайняго пункта, отъ котораго она не разъ такъ безжалостно отбрасывала назадъ смѣлыхъ предпринимателей.

4. Ходъ отмѣны смертной казни былъ слѣдующій: въ XVIII в. была она отмѣнена почти вполнѣ за преступленія противъ религіи, противъ нравственности, и за большую часть видовъ преступленій противъ собственности, какъ частной, такъ и общественной. Въ теченіи XIX ст. она отмѣнена была почти за всѣ остальные виды преступ-

леній противъ собственности, оставивъ ихъ только за тѣ виды, которые содержатъ въ себѣ нарушеніе собственности вмѣстѣ съ посягательствомъ на цѣлость личности и общественную безопасность. Нынѣ она остается только за преступленія государственныя въ тѣсномъ смыслѣ и за преступленія противъ жизни человѣка. Но и область этихъ преступленій съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе съуживается для смертной казни.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Способы совершенія смертной казни. Изысканные способы являются раньше образованія государства. Государство ихъ наслѣдуетъ. Принесеніе преступниковъ въ жертву, какъ одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ способовъ казни въ періодъ начальнаго образованія государствъ. Съ паденіемъ теократическаго государства способы совершенія казней разсчитаны на устрашеніе. Главнѣйшіе способы совершенія смертной казни, ихъ изысканность и жестокость и отношеніе къ нимъ общества. Отмѣна изысканныхъ способовъ, какъ результатъ соціальныхъ перемѣнъ. Общіе выводы. Невѣрно мнѣніе, будто должность палача была всегда безславна. Въ безгосударственное время каждому приходилось быть палачомъ. Высокій почетъ, которымъ обязанность палача была окружена въ государственное время. Видоизмѣненіе соціальной и умственно-индивидуальной природы человѣка сопровождалось возникновеніемъ презрѣнія и отвращенія къ обязанности палача. Общіе выводы. Мнѣніе де-Местра о высокомъ значеніи палача для настоящаго времени есть умственный анахронизмъ.

Въ предъидущихъ главахъ я показалъ, какая тѣсная связь существуетъ между соціальнымъ и интеллектуальнымъ состояніемъ общества и извѣстнымъ положеніемъ смертной казни въ системѣ наказаній.

Теперь я перейду къ анализу совершенно повидимому незначительныхъ вопросовъ, соприкасающихся съ главнымъ вопросомъ изслѣдованія, перейду къ формамъ совершенія смертной казни и къ характеру ея исполнителей, чтобы еще болѣе подтвердить мое главное положеніе, что существованіе и отмѣна смертной казни вполнѣ зависятъ отъ степени общественнаго развитія, которое стоитъ внѣ власти человѣка. Я потому обратилъ вниманіе на эти два вопроса, что въ ихъ судьбѣ всего ярче отражается стихійная сила прогресса, съ неудержимымъ могуществомъ уничтожающаго потребность въ смертной казни.

I. Не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ періодъ мести были выработаны главнѣйшія формы исполненія смертныхъ казней: частная месть явилась первою изобрѣтательницею мучительныхъ смертныхъ казней, изобрѣтеніе которыхъ напрасно привыкли приписывать исключительно общегосударственной власти. Повѣшеніе, обезглавленіе, разстрѣляніе, сожженіе, сажаніе на колъ, бросаніе въ воду или съ возвышеннаго мѣста, привязываніе къ конскому хвосту, закапываніе въ землю, разорваніе на части — это такія формы, о которыхъ говоритъ до-историческая народная поэзія: сказки, пѣсни, и которыя въ то же время постоянно встрѣчаются въ періодъ государственный. Хотя нѣкоторые способы совершенія казней существовали почти у всѣхъ народовъ, но нельзя также не замѣтить того соотношенія, какое отчасти существуетъ между формами смертной казни и естественными свойствами страны, населяемой тѣмъ или другимъ народомъ. Такъ въ Греціи, странѣ гористой, было въ обыкновеніи сверженіе преступника съ горы; въ Индіи, гдѣ слонъ принадлежитъ къ домашнимъ животнымъ, было въ употребленіи потоптаніе слонами; въ древней Москвѣ преступниковъ пускали подъ ледъ.

Одинъ изъ древнѣйшихъ способовъ совершенія смертной казни, съ тѣхъ поръ какъ она сдѣлалась общегосударственнымъ наказаніемъ, было принесеніе преступника въ жертву божеству. Жертвоприношеніе преступниковъ современно тому младенческому развитію, когда народы бываютъ убѣждены, что преступленіе есть непосредственное оскорбленіе божества; что въ наказаніи прямо заинтересовано высшее существо; что оставлять ненаказаннымъ преступника значитъ навлекать на общество гнѣвъ его; что божество умилостивляется кровію преступника, пролитою въ его честь, а преступникъ очищается своею смертію отъ содѣяннаго преступленія. Періодъ принесенія въ жертву преступниковъ есть апотеоза грубой мести и щедраго на пролитіе крови варварства и вмѣстѣ съ тѣмъ первое возведеніе въ принципъ, въ высшее начало того, что совершалось только во имя личнаго эгоизма.

Принесеніе преступниковъ въ жертву практиковалось у всѣхъ народовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Не одни, однакожъ, преступники были приносимы въ жертву; для этой цѣли народы употребляли, во-первыхъ, рабовъ и военноплѣнныхъ, которые у народовъ, стоящихъ на низшей степени развитія, считаются виновными и какъ-бы преступниками; во-вторыхъ, людей невинныхъ, преимущественно же дѣтей,

въ томъ убѣжденіи, что кровь невинныхъ умилостивляетъ божество и очищаетъ виновныхъ. Впрочемъ, преступники составляли главную часть жертвенныхъ людей, и можно принять за правило, что гдѣ существовали человѣческія жертвы, тамъ были приносимы въ жертву и преступники. Слѣды существованія человѣческихъ жертвъ встрѣчаются у еврейскаго народа: Авраамъ хочетъ принесть въ жертву своего сына; Іефай дѣйствительно приноситъ свою дочь. По древнему законодательству Индостана, принесеніе въ жертву одного человѣка доставляетъ божеству удовольствіе на 1000 лѣтъ, а трехъ на 3 тыс. Soirées de St.-Petersbourg, J. de Maistre, 1837. II. Sur Sacrifices, 247. Въ послѣдствіи времени жертвы человѣческія выходятъ въ Индіи изъ употребленія и въ позднѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ (Bhagavata Purana) содержится уже угроза адскихъ мукъ за принесеніе человѣческихъ жертвъ. Laurent, L'Orient, 161. Но слѣды ихъ видны въ законахъ Ману: по этимъ законамъ преступникъ, потерпѣвшій смертную казнь, очищается отъ всякаго преступленія: это, если можно такъ выразиться, секуляризированная экспіація. Кромѣ того въ законахъ Ману есть цѣлая глава объ искупленіи разныхъ преступленій посредствомъ жертвоприношеній и другихъ религіозныхъ обрядовъ; гл. XI; здѣсь уже вмѣсто человѣка и преступника приносится въ жертву животное. Какъ остатокъ человѣческихъ жертвъ должно считать обычай, до сихъ поръ еще не уничтоженный, самосожженія женъ на гробахъ мужей: еще въ 1803 г. число такихъ сожженій въ Индостанѣ доходило до 30 тыс. въ годъ. De Maistre, 248.—Въ Финикіи—въ городахъ Тирѣ и Сидонѣ,—а также въ ея колоніяхъ, Карѳагенѣ, принесеніе людей въ жертву практиковалось въ огромныхъ размѣрахъ. De Maistre, 245. Laurent, L'Orient, 475, 501. Movers, Die Phoenizier, 299. Финикіяне способствовали распространенію этого обычая въ Сардиніи, Родосѣ, Критѣ и на всѣхъ почти берегахъ Средиземнаго моря. Laurent, L'Orient, 491. Богатые карѳагенцы, обязанные по обычаю своей страны приносить въ жертву дѣтей, тайно покупали чужихъ дѣтей и приносили ихъ въ жертву, выдавая за своихъ. Агатоклъ разбилъ карѳагенскія войска и сталъ лагеремъ подъ стѣнами города. Суевѣрный ужасъ овладѣлъ осажденными; обвиняя себя въ обманѣ, они рѣшились умилостивить боговъ великимъ жертвоприношеніемъ. Статуя Ваала, накаленная докрасна, приняла въ свои объятія 200 дѣтей, выбранныхъ изъ самыхъ знаменитыхъ фамилій; граждане, навлекшіе на себя обвиненіе, съ своей стороны пред-

ложили въ жертву своихъ дѣтей, число которыхъ простиралось до 300. Laurent, L'Orient, 501. Такимъ образомъ финикіяне и карѳагеняне въ обыкновенное время приносили въ жертву преступниковъ и иностранцевъ, въ тяжкія же минуты народныхъ бѣдствій, которыя посланы были за ихъ вины богами, они старались смягчить гнѣвъ ихъ болѣе дорогими жертвами. Человѣческія жертвы были въ обычаѣ у древнихъ персовъ, египтянъ и у другихъ восточныхъ народовъ, у которыхъ имя жреца и имя палача были синонимы. Laurent, L'Orient, 260, 261, 449. Онѣ были въ употребленіи и у грековъ. Греки приносили въ жертву дѣтей—такъ была принесена въ жертву Ифигенія и многіе другіе; плѣнныхъ и иностранцевъ—такъ Ѳемистоклъ, предъ сраженіемъ при Саламинѣ, принесъ въ жертву трехъ персовъ, частію для умилостивленія боговъ, частію для узнанія судьбы предстоящаго сраженія; и наконецъ, преступниковъ. Ueber den Ursprung der Todesstrafe, von W. Götte, c. 16, 18. De Maistre, 245. Pastoret, Hist. T. V, 397—400; VIII, 170—213. Послѣдняго рода жертвы были въ употребленіи во всей Греціи: по разсказу Страбона на островѣ Левкаѣ ежегодно въ видѣ жертвы одинъ преступникъ былъ низвергаемъ со скалы; то же дѣлалось и на островѣ Родосѣ. Павзаній сохранилъ слѣдующіе случаи принесенія въ Греціи въ жертву преступниковъ: жрица Артемизіи-Трикляріи, поимени Комоито, была принесена въ жертву за плотское сношеніе съ своимъ любовникомъ въ храмѣ своей богини, и кромѣ того жителямъ трехъ городовъ заповѣдано было, для очищенія отъ этого преступленія, ежегодно изъ своей среды приносить въ жертву самую красивую дѣвицу и самаго красиваго юношу. Колмерое принесена была въ жертву Діонису за то, что не хотѣла слушаться жреца. Дельфійскій оракулъ наложилъ на ѳивянъ заповѣдь, принести въ жертву Діонису мальчика за убійство жреца этого бога. Götte, 20, 22. Что жертвоприношеніе преступниковъ было обиденнымъ явленіемъ въ Греціи, доказательствомъ тому служитъ первоначальное значеніе слова анаѳема; по объясненію де-Местра, слово это первоначально означало все, что̀ принесено божеству въ видѣ дара, и вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что̀ предано было его мщенію; De Maistre, II, 239; впослѣдствіи значеніе этого слова измѣнилось.—Существованіе въ Римѣ принесенія преступниковъ въ жертву доказывается значеніемъ слова Supplicium, которое въ старое время означало жертвоприношеніе, а впослѣдствіи наказаніе; Rein, 29; Chassan, Symbolique du droit, 199; такимъ образомъ обозна-

ченіе однимъ именемъ двухъ дѣйствій ясно указываетъ на то, что оба эти дѣйствія первоначально составляли одинъ актъ, или другими словами: въ древнее время смертная казнь въ Римѣ совершалась въ видѣ жертвоприношенія. Въ законахъ римскихъ, дошедшихъ до насъ, сохранились выраженія, которыя прямо указываютъ, что преступникъ былъ въ наказаніе приносимъ въ жертву какому-нибудь богу: sacer alicui deorum, sacer estod, caput Jovi sacratum esset, diris devotus, furiis consignatus—это обыкновенная формула опредѣленія въ позднѣйшее время смертной казни. Родъ жертвоприношенія и способъ его совершенія былъ опредѣляемъ по свойству преступленія. Такъ, кто нарушалъ священные законы, тотъ посвящаемъ былъ вообще богамъ; кто покушался на неприкосновенность личности народнаго трибуна, былъ обрекаемъ въ жертву Юпитеру; кто нарушалъ священную межу, тотъ вмѣстѣ съ волами обрекался Юпитеру, хранителю границъ (Jupiter terminalis); сынъ, поднявшій руку на своихъ родителей, обрекаемъ былъ домашнимъ богамъ; кто опустошалъ жатву другаго, былъ обрекаемъ Церерѣ, покровительницѣ растительнаго царства. По толкованію Вико, Филанджіери, де-Местра, Баланша, Шассана, Рейна, обреченіе богамъ означаетъ дѣйствительное принесеніе въ жертву обреченныхъ. Filangieri, IV, 112—119. De Maisstre, II, 239—243. Chassan, 194. Rein, 33. Когда господство жрецовъ поколебалось и уголовная юстиція перешла въ свѣтскія руки, выраженія древнихъ римскихъ законовъ о посвященіи преступниковъ богамъ долго сохранялись еще въ употребленіи, хотя получили уже другой смыслъ, означая просто преданіе преступника смертной казни. Впрочемъ римляне прибѣгали къ человѣческимъ жертвамъ и во времена историческія. Во время гальскихъ и пуническихъ войнъ, для умилостивленія боговъ, были принесены въ жертву, посредствомъ закопанія живыми въ землю два галла (мужчина и женщина) и два грека (тоже мужчина и женщина). Rein, 34. Діонъ Кассій упоминаетъ о другихъ случаяхъ, а Лактанцій и Тертуліанъ говорятъ, что принесеніе въ жертву людей Юпитеру продолжалось въ Римѣ даже до Константина. Рейнъ хочетъ видѣть въ сказаніяхъ ихъ или иносказательный смыслъ, или только указаніе на существованіе въ позднѣйшія историческія времена человѣческихъ жертвъ въ Римской имперіи, но не въ самомъ Римѣ.—Всѣ нынѣшніе европейскіе народы, въ отдаленныя времена своего существованія, приносили въ жертву преступниковъ. См. у германцевъ: Ozanam, Les Germains avant Christ, c. 90—92, гдѣ приведено много цитатъ первой

руки; Loiseleur, 107; Wilh. Götte, 17. У галловъ и древнихъ бриттовъ—Klimrath, Travaux sur l'Histoire du droit Français, 1843, I, с. 494—196; De Maistre, I, с. 239 и 243; Стрингольмъ, Чтенія Моск. общ. истор. и древност. кн. I, 1860 г. У скандинавовъ — въ Швеціи, Норвегіи, Даніи и Исландіи—Du Boys, Hist. du droit crimin. des peuples mod. ch. II, с. 61—66. У славянъ—Du Boys, 68—71; лѣтопись Нестора Лаврент. списокъ, 1846 г. с. 35. У поляковъ—Baliński, Starożytna Polska, III, с. 16. Обычай принесенія въ жертву преступниковъ въ наибольшемъ употребленіи былъ у галловъ и скандинавовъ; это явленіе объясняется тѣмъ, что у этихъ двухъ народовъ жрецы успѣли сложиться въ очень крѣпкую касту, сосредоточившую въ своихъ рукахъ верховное управленіе страной. Въ Галліи, осужденные друидами за преступленія на смерть были часто сберегаемы въ теченіи многихъ лѣтъ для принесенія впослѣдствіи въ жертву. Для жертвоприношеній употребляли преимущественно преступниковъ, при недостаткѣ ихъ—военноплѣнныхъ, рабовъ, кліентовъ и даже невинныхъ гражданъ; рабы и кліенты были приносимы въ жертву на гробахъ своихъ господъ или патроновъ. Klimrath, I, 196. Принесеніе въ жертву преступниковъ совершалось руками жрецовъ—друидовъ. Иногда они наполняли обреченными статуи боговъ и жгли ихъ, накаляя эти вмѣстилища. De Maistre, II, 243. У скандинавовъ жрецы Одена—Drottnars и Blodgodars—успѣли привести принесеніе человѣческихъ жертвъ въ строгую систему. У нихъ мѣста для судоговоренія находились рядомъ съ мѣстами для жертвоприношеній, и тѣ и другія носили одно названіе. Въ жертву были приносимы преступники, военноплѣнные, рабы, а иногда граждане—изъ нихъ чаще дѣти. Обвиняемый вводился въ кругъ или кольцо суда, и тамъ былъ осуждаемъ на жертвоприношеніе. Вслѣдствіе этого приговора, ему или отсѣкали голову на камнѣ предъ капищемъ, или свергали съ утеса, или бросали въ ручей, или вѣшали въ лѣсу на деревьяхъ. Въ священной рощѣ, близъ Упсалы, каждое дерево было освящено жертвою животною или человѣческою, въ даръ Одену. Еще въ XI ст. во время Адама Бременскаго, въ этой рощѣ насчитывали 72 трупа животныхъ и людей. Подобно тому какъ у римлянъ, у скандинавовъ способъ принесенія въ жертву зависѣлъ отъ того, какое преступленіе было совершено и какому богу посвящена была жертва. Эти жертвоприношенія совершались регулярно; они возобновлялись каждые 9 мѣсяцевъ и продолжались девять дней. Въ каждый изъ этихъ 9-ти дней

приносили въ жертву девять человѣкъ. Чрезъ каждыя 9 лѣтъ возобновлялись торжественныя жертвоприношенія въ великомъ храмѣ Упсалы; во время этихъ религіозныхъ праздниковъ иногда приносили въ жертву 99 человѣкъ, столько же лошадей и пѣтуховъ. Число это хотя велико, но оно ничтожно въ сравненіи съ 20 тыс. человѣческихъ жертвъ, которыя ежегодно были приносимы жрецами въ Мексикѣ, до завоеванія ея европейцами. Принесеніе въ жертву людей и въ частности преступниковъ составляло въ Скандинавіи народный праздникъ, куда стекался весь народъ, являлись короли, вожди народа. Лицо, обреченное въ жертву, было окружено почестями, одаряемо подарками и пышно украшаемо; ему обѣщали счастливую жизнь по смерти. Кровь убитаго въ присутствіи народа собирали въ чашу, обмакивали въ нее кропило и кропили ею сѣдалища боговъ, внутреннія и наружныя стѣны храма и наконецъ народъ. Мясо съѣдалось на пиру, который происходилъ въ передней части храма; почти то же дѣлалось и въ Мексикѣ. Du Boys, ch. II, с. 61—66; Стрингольмъ, Нравы, обычаи древн. скандин. Чтен. ист. и др. 1860 г. кн. I, с. 17—25; De Maistre, II, 243, 244. Въ Мексикѣ, говоритъ де-Местръ, жрецъ открывалъ жертвѣ грудь и спѣшилъ изъ нея вырвать еще совсѣмъ живое сердце. Великій жрецъ выжималъ изъ него кровь такъ, чтобы она текла въ уста идолу, и за тѣмъ всѣ жрецы ѣли жертвенное мясо. II, 245.

Итакъ, первое совершеніе смертной казни, какъ общественнаго наказанія и общепризнанною властію, было въ видѣ принесенія въ жертву преступника. Казнь преступниковъ для народа была и праздникомъ и богослуженіемъ. Древній человѣкъ спѣшилъ присутствовать при ея совершеніи такъ же, какъ нынѣшніе народы спѣшатъ во храмъ для присутствія при богослуженіи. Въ то время пролитіе крови возведено было въ апотеозу: такъ какъ его считали угоднымъ и пріятнымъ божеству, то обогрять руки кровію составляло величайшее благо, котораго удостоивались только избранные—жрецы; человѣкъ же изъ народа считалъ себя счастливымъ, если на него падала хоть одна капля человѣческой крови, или если даже онъ удостоивался присутствовать при умерщвленіи человѣка. Это было время, когда человѣкъ до того былъ грубъ, жестокъ и дѣтски неразвитъ, что ожидалъ себѣ счастья, примиренія съ богомъ, людьми и своею совѣстью, только отъ пролитія крови.

Съ паденіемъ теократіи смертная казнь теряетъ въ значительной

степени прежній свой характеръ—искупленія, очищенія и умилостивленія. Свѣтская государственная власть сообщаетъ ей преимущественно характеръ устрашенія. Оттого способы совершенія этой казни разсчитаны въ это время на то, чтобы навесть ужасъ на зрителей и тѣмъ отклонить отъ совершенія преступленій тѣхъ, которые расположены къ нимъ. Законы этого періода, нося въ себѣ еще слѣды прежняго теократическаго времени, повелѣваютъ казнить преступниковъ главнымъ образомъ для того, чтобы »инымъ неповадно было то дѣлать«. Улож. царя Алекс. Михайл. гл. III, ст. 1, VI, 4, X, 20, 171. Срав. Constitutio Carol. art. 130 и 131: »Zu merer Forcht anderer.« Законы Моисеевы: Втор. гл. XIII, 11, XIX, 19, 20, XXI, 21: »И измите злая отъ васъ самихъ. Да и прочіе услышавше убоятся, и не приложатъ къ тому творити словесе злаго сего отъ васъ«. У римлянъ, осужденный на казнь назывался exemplum. Lucas, 211. Для цѣлей устрашенія, въ это время смертная казнь совершается всенародно, съ извѣстными процессіями, въ центрѣ города, около церквей и дворцовъ, на самыхъ людныхъ площадяхъ. Какъ на Востокѣ, такъ и въ Европѣ самое обыкновенное мѣсто висѣлицъ были городскія ворота, улицы и дороги 1); иногда смертныя казни производимы были на мѣстѣ совершенія преступленій; если

1) У евреевъ смертныя казни совершались при городскихъ воротахъ. О западной Европѣ Гизо говоритъ: во всю длину дорогъ стояли висѣлицы и валялись разорванные члены казненныхъ. De la peine de mort, с. 20, 24, 119. См. также: Bastard d'Eslang, Les parlements, I, 426; Loiseleur, 235, 240. Баршевъ говоритъ: »Не было можно сказать ни одной проѣзжей улицы во всей Европѣ, гдѣ бы въ это время не стояли постоянно висѣлицы. О наказаніяхъ, с. 11.—Въ Москвѣ смертныя казни совершались на лобной площади, прилегавшей къ Кремлю; на этой площади находилось и знаменитое лобное мѣсто, съ котораго не рѣдко цари и патріархи говорили къ народу. Чтенія Моск. Общ. истор. и древн. 1861 г. кн. 1, Снегирева: Лобное мѣсто.—Во время казни стрѣльцовъ въ 1698 г. при въѣздѣ въ каждыя ворота Москвы было воздвигнуто по двѣ двойныхъ висѣлицы, изъ коихъ каждая назначена была для 6 бунтовщиковъ; на этихъ висѣлицахъ казнено было 230 чел. въ одинъ день; чрезъ 10 дней повѣшено было 200 другихъ бунтовщиковъ на бойницахъ кремлевской ограды, а чрезъ 3 дня повѣшено было нѣсколько сотъ на оградѣ называемой Бѣлая стѣна. Корбъ, с. 34, 40 и 42.—Въ Китаѣ до сихъ поръ выставляютъ въ клѣткахъ или безъ клѣтокъ отрубленныя головы преступниковъ, на лобномъ мѣстѣ пеккинскаго сити и при соединеніи многолюдныхъ улицъ. Путешествіе въ Китай, Ренни. Отеч. Зап. 1866 г. 2-я кн. февраль.

же въ другомъ мѣстѣ, въ такомъ случаѣ части казненнаго: руки, ноги, голову нерѣдко посылали для выставки на мѣсто казни. 1) Для привлеченія народа на позорище казней, или звонили въ колокола, какъ напр. въ Испаніи при сожженіи еретиковъ; Loiseleur, 199; въ Россіи въ царствованіе Ивана Грознаго; Снегиревъ, Лобное мѣсто; тоже и въ Германіи; Das gerichtliche Verfahren bei Vollziehung der Todesstrafen, Aug. Tittman, с. 15; или посылали особенныхъ глашатаевъ; или наконецъ трубили въ трубы, какъ напр. во Франціи и въ Россіи преимущественно въ московскій періодъ; Desmaze, le Chatelet de Paris, 351, Pénalités anc. с. 41. Карамзинъ, т. IX, 92—94, 97; Снегиревъ, Лоб. мѣсто. Висѣлицы и эшафоты были прочно устроены и не снимались; этого мало: не снимались тѣла преступниковъ, по цѣлымъ годамъ, чтобы служить постояннымъ напоминаніемъ и тѣмъ отвращатъ народъ отъ преступленій 2). Обречен-

1) Въ 1725 г. коммиссары Арцыбышевъ, Барановъ и Волоцкой, за похищеніе казны и за взятки, были повѣшены въ той волости, въ которой они обирали народъ. Ук. 24 янв. 1725 г. № 4826. Указомъ 20 ноября 1728 г. повелѣно вѣшать подговорщиковъ къ побѣгу въ Литву на тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя они тайно проводили. № 5347. Поджигатели Петровъ и Перфильевъ сожжены въ Петербургѣ на мѣстѣ пожара. Ук. 25 мая 1731 г. № 5761. Самозванецъ Миницкій, называвшій себя царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, былъ сужденъ въ Петербургѣ, а посаженъ на колъ въ с. Ярославцѣ, тогдашней Кіевской губ., на мѣстѣ преступныхъ его дѣйствій. Ук. 11 сентября 1738 г. № 7653. Другой самозванецъ Семиковъ былъ казненъ въ Петербургѣ, а голова его отослана была въ Почепъ, на мѣсто преступленія, и тамъ воткнута на шпицъ каменнаго столба. Чтенія Моск. общ. истор. и древн. 1860 г. кн. 1. Такимъ же самымъ способомъ казненъ и Левинъ.

2) Въ средніе вѣка у каждаго сеньора выстроена была постоянная висѣлица, съ большимъ или меньшимъ количествомъ столбовъ. Кромѣ того почти всегда при каждомъ большомъ городѣ находилась постоянная висѣлица. Такъ въ Парижѣ, между предмѣстьемъ Сен-Мартенскимъ и соборомъ, выстроена была знаменитая висѣлица Монтфоконъ, получившая свое названіе отъ возвышенности, на которой она стояла. Висѣлица эта была цѣлое зданіе. Вотъ какъ описываетъ ее Лакроа: »Висѣлица Монтфоконъ являлась глазамъ зрителя въ видѣ грубой массы отъ 15 до 18 ф. вышины, сложенной изъ дикаго камня, и образующей четвероугольникъ длиною въ 40 футовъ. Верхняя ея часть представляла платформу, на которую вела каменная лѣстница, довольно широкая; входъ въ нее былъ запертъ крѣпкою дверью. На этой платформѣ, въ длину трехъ ея сторонъ возвышались четвероугольные столбы, числомъ 16, высотою отъ 32 до 33 футовъ, сложенные изъ камня толщиною въ футъ. Эти столбы были соединены вдѣланными въ нихъ перекладинами, къ которымъ прикрѣплены были цѣпи, въ $3^1/2$ ф. длиною, пред-

ные на казнь подвергались отъ народа насмѣшкамъ и оскорбленіямъ 1), что не только не было запрещено, но даже было поощряемо, потому что сама власть совершала извѣстные обряды, съ цѣлію оскорбить и насмѣяться надъ осужденнымъ 2). Казни—это были зрѣлища, куда

назначенныя для вѣшанія осужденныхъ. Другой рядъ перекладинъ, предназначенныхъ для того же употребленія какъ и первыя, соединялъ эти столбы посрединѣ. Длинныя лѣстницы доставляли возможность осужденнымъ всходить. Наконецъ центръ этой массы состоялъ изъ погреба, назначеннаго для принятія костей осужденнаго«. Le Moyen Age. III. На этой-то висѣлицѣ постоянно висѣло отъ 50 до 60 высохшихъ, обезображенныхъ, согнившихъ и качаемыхъ вѣтромъ труповъ. Lucas, с. 229. Ducpetiaux, 89. Обычай не снимать труповъ существовалъ у евреевъ, не смотря на запрещеніе Моисея, у римлянъ и германцевъ. Баршевъ, с. 10. Въ Россіи водилось тоже самое: см. о неснятіи труповъ казненныхъ указы 24 января 1725 г. № 4826 и 20 нояб. 1728 г. № 5347. Лобная площадь въ Москвѣ уставлена была рожнами, на которые воткнуты были головы, и висѣлицами, на которыхъ мотались трупы стрѣльцовъ и приверженцевъ Алексѣя Петровича; только въ 1727 г. были сняты эти висѣлицы и столбы,—и тѣла казненныхъ похоронены. См. Лобное мѣсто. Указомъ 10 іюля 1727 г. № 5118 тоже самое повелѣно было сдѣлать съ висѣлицами, колесами, столбами и давними трупами казненныхъ (Монса, Гагарина и многихъ другихъ) въ Петербургѣ.

1) Во Франціи толпа очень часто бросала въ лицо осужденнымъ на казнь яйца, грязь и всякія нечистоты. »Въ глаза преступника можно бросать все, грязь и другія нечистоты (ordure), безъ камней и другихъ вещей, которыя могли-бы ранить«, говоритъ ордонансъ 1347 г. Bastard-d'Estang, I, 422, 423. Равальякъ подвергался всевозможнымъ оскорбленіямъ отъ толпы,—и нужна была военная сила, чтобы довести его живымъ на мѣсто казни. Когда же онъ былъ разчетвертованъ, люди всѣхъ званій бросились съ ножами, шпагами, палками, стали бить, рубить и разрывать члены его на части, влачили ихъ туда и сюда по улицамъ съ такимъ остервененіемъ, отъ котораго ничто не могло ихъ удержать. Histoire de l'echafaud en France, с. 16—17. См. также Ducpetiaux, 1827 г. с. 90.

2) Въ Римѣ, Франціи, Англіи, Германіи и въ Испаніи одинъ изъ употребительнѣйшихъ способовъ доставленія преступниковъ на мѣсто казни былъ влеченіе по землѣ на плетенкѣ. Loiseleur, с. 81. Bastard-d'Estang, I, 425. Bossange, с. 36 и 39. Сверхъ того въ Англіи и Германіи государственныхъ преступниковъ привязывали къ конскому хвосту и такимъ образомъ влекли на мѣсто казни. Bossange, 37. Du Boys, II, 610. Въ иныхъ мѣстахъ Германіи ворамъ, предъ казнію, надѣвали шапку, утыканную перьями, навѣшивали на шею колокольчикъ, увѣнчивали козлиными рогами и лисьимъ хвостомъ. Tillmann, Geschichte, с. 91. Loiseleur, 154. Во всей Европѣ еретиковъ а иногда и другихъ пре-

стекался народъ всѣхъ званій и состояній, отъ послѣдняго изъ черни до высокопоставленныхъ 1). Повторяясь каждый день, и будучи обставлены то смѣшными, то важными церемоніями, зрѣлища эти, несмотря на всѣ свои ужасы, превратились для современнаго имъ общества въ предметъ забавы, развлеченія и удовольствія: такъ въ Римѣ процессъ отдачи обвиненныхъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ и борьба съ ними, а также взаимное убійство осужденныхъ, въ видѣ борьбы, были любимѣйшими зрѣлищами гражданъ; въ Испаніи церемонія сожженія еретиковъ длилась цѣлый день, а самыя торжественныя сожженія ихъ совершались по случаю такихъ важныхъ и радостныхъ государственныхъ событій, какъ вступленіе на престолъ, бракъ

ступниковъ доставляли на мѣсто казни сидящими на ослѣ, лицомъ къ хвосту, одѣтыхъ въ смѣшные костюмы. Desmaze, Penal. an. c. 76.—Думный дьякъ государевъ, говоритъ Карамзинъ, прочитавши имена казнимыхъ въ 1511 г., вызвалъ Висковатова, и прочитавъ его первую вину, ударилъ Висковатова въ голову и продолжалъ: а се вторая меньшая вина твоя, ударивъ его въ другой и третій разъ. IX, 92—94. Когда привели на казнь одного дьяка, Иванъ Грозный, присутствовавшій при этомъ, обратился съ слѣдующими словами къ своимъ палачамъ: »Кто изъ васъ съумѣетъ *разрѣзать этого гуся?* И когда одинъ изъ палачей отрѣзывалъ ноги, руки, голову, онъ постоянно спрашивалъ: »Что, хорошъ гусь?« Fletscher, c. 124. Траханіотова палачъ сначала въ продолженіи часу водилъ по базару съ колодкою на шеѣ, а потомъ отрубилъ ему голову. Путешествіе Олеарія, c. 15. Мертвый бояринъ Иванъ Мих. Милославскій привезенъ былъ въ Преображенское *на свиньяхъ* и гробъ его поставленъ у плахъ измѣнничьихъ. Соловьевъ, XIV, 249. На Востокѣ водили преступниковъ на казнь на уздѣ; иногда продѣвали кольцо сквозь носъ или губы. Laurent, L'Orient, 411—412, 432.

1) Король испанскій участвовалъ въ церемоніи сожженія еретиковъ. Loiseleur, 199—200. Король англійскій въ 1219 г. присутствовалъ при казни портнаго Badly. Bossange, 18. Многіе современные историки свидѣтельствуютъ, что высшее общество Парижа стекалось смотрѣть на казнь Равальяка и Даміена, что дамы лучшаго тона, во всей роскоши убранства, ни на одно мгновеніе не отрывали глазъ отъ жесточайшаго изъ зрѣлищъ (см. ниже описаніе четвертованія). Ducpetiaux, 1827 г. 90. Иванъ Грозный, въ сопровожденіи бояръ, присутствовалъ при всѣхъ казняхъ. Карамзинъ, IX, c. 48—97. Петръ 1-й присутствовалъ при казняхъ стрѣльцовъ, окруженный иностранными послами, боярами, думными дьяками. Корбъ, c. 40, 42. Соловьевъ, XIV, c. 280—281. Въ Дневникѣ Берхгольца, ч. I, c. 106, II, 283, пер. Аммона, не разъ упоминается о присутствіи государя и вельможъ при позднѣйшихъ казняхъ.

королей, рожденіе наслѣдника, достиженіе совершеннолѣтія. Loiseleur, 199. То же самое подтверждается поведеніемъ народа во время казни въ другихъ странахъ. Ducpetiaux, 89. Казни иногда были въ полномъ смыслѣ бойнями; они длились нѣсколько дней, причемъ казнили не единицами, или десятками, а сотнями и тысячами. Въ Китаѣ до сихъ поръ казни совершаются не поодиночкѣ, а разомъ за цѣлый годъ. Въ этотъ періодъ уцѣлѣлъ также обычай временъ частной мести, разрушать, или сожигать домы преступниковъ 1).

Самые способы умерщвленія отличаются изысканностью; вся человѣческая изобрѣтательность была употреблена на то, чтобы сдѣлать казни какъ можно жесточе и продолжительнѣе. Одно описаніе ихъ не можетъ не вызывать содраганія въ человѣкѣ второй половины XIX столѣтія. Чтобы дать понятіе объ изысканности казней, я перечислю наиболѣе употребительные у всѣхъ народовъ способы совершенія смертной казни: 1) *Повѣшеніе.*—Этотъ способъ казни былъ однимъ изъ самыхъ употребительныхъ у всѣхъ народовъ. Баршевъ, О наказаніяхъ, с. 9. Самое повѣшеніе производилось разнообразными способами. Сначала вѣшали на деревьяхъ; впослѣдствіи на столбахъ, на особо устроенныхъ висѣлицахъ, на воротахъ и башняхъ зданій. Особый видъ

1) У евреевъ за поклоненіе чужимъ богамъ отступниковъ убивали, а всё имущество ихъ истребляли огнемъ. Второз. XIII. 15. Во Франціи домы преступниковъ были разрушаемы или сожигаемы за слѣдующія преступленія: за убійство, за государственныя преступленія, за ересь. Desmaze, Penal. an. 40, 41 и 137. Loiseleur, 234. Bastard-d'-Estang, I, 425. Имущество разбойниковъ, по Русской Правдѣ, было предаваемо на потокъ и разграбленіе. Эта форма кары встрѣчается въ Россіи и въ позднѣйшее время. Такъ жители Углича, за убійство Битяговскаго и Качалова, были сосланы въ Пелымъ, а городъ разрушенъ. При Петрѣ 1-мъ въ 1722 г. былъ разрушенъ Предтеченскій монастырь близъ Пензы, въ которомъ жилъ монахъ Левинъ, казненный за государственное преступленіе. Въ указѣ, изданномъ по этому случаю, говорится: Для того въ прошломъ 1722 г. въ томъ Предтеченскомъ монастырѣ явился помянутый злодѣй монахъ Левинъ, котораго ради и донынѣ того монастыря братія содержатся подъ арестомъ въ зѣльномъ гладѣ, а оный злодѣй за лютое свое злодѣйство и казнь лютую воспріялъ, *чего для въ оказію и въ страхъ зла*, *и мѣсто его*, гдѣ онъ гнѣздился, надлежитъ опустошить всеконечно. Раскольничьи Дѣла, Есипова, с. 51. О сожженіи домовъ преступниковъ у скандинавовъ см. Чтен. Общ. ист. и древн. 1860 г. кн. I, с. 60.

повѣшенія, пріобрѣвшій такую историческую извѣстность—это повѣшеніе на крестѣ, головой вверхъ или внизъ. Онъ былъ въ большомъ употребленіи на Востокѣ, въ Греціи и Римѣ для рабовъ. Въ Индіи вѣшали на берегу Ирравади такъ, чтобы приливъ медленно затопилъ осужденнаго. Tissot, 288. Повѣшеніе на крестѣ есть одинъ изъ мучительнѣйшихъ видовъ повѣшенія, потому что смерть происходитъ не вдругъ отъ задушенія, а медленно, вслѣдствіе голода, жажды и различныхъ истязаній. У христіанскихъ народовъ крестъ не употреблялся, по благочестивому воспоминанію о крестной смерти Христа Спасителя. Въ Германіи для отягченія казни преступниковъ, въ особенности изъ евреевъ, вѣшали ихъ вмѣстѣ съ двумя собаками или двумя волками; Tissot, 1, 279; тяжкихъ воровъ украшали предъ вѣшаніемъ смѣшнымъ образомъ; чѣмъ тяжелѣе было воровство, тѣмъ выше воръ былъ вѣшаемъ. Tittmann, Geschichte der Deuts. Strafgcs. 90. Повѣшеніе въ Европѣ считалось болѣе тяжкимъ и болѣе безславнымъ, чѣмъ напримѣръ отсѣченіе головы. Оттого оно было преимущественно казнію, которою карали преступниковъ изъ народа; преступники изъ привиллегированныхъ классовъ были казнимы посредствомъ отсѣченія головы. Женщины вмѣсто повѣшенія были или сожигаемы или утопливаемы. Tissot, 279. Повѣшеніе въ концѣ прошедшаго столѣтія вышло изъ употребленія въ большинствѣ государствъ Европы; въ настоящее время оно употребляется въ Австріи, въ Англіи и Россіи. Баршевъ, с. 11. 2) *Отсѣченіе* головы.—Способъ въ старое время употребительный не менѣе предъидущаго. Отсѣченіе совершается посредствомъ меча, топора и наконецъ машины. Въ западной Европѣ отсѣченіе головы было казнію преимущественно дворянъ. Казнь посредствомъ топора и меча иногда сопровождается мученіями, вслѣдствіе невѣрности удара: бывали случаи, что палачъ дѣлалъ 10 и болѣе ударовъ, пока успѣвалъ отрубить голову. Вслѣдствіе этого, въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи, введена была особая машина, получившая названіе гильотины отъ имени доктора Гильотена, предложившаго ее ввести. Машина эта, хотя рѣдко, была и прежде въ употребленіи въ Италіи, Англіи, Шотландіи и Голландіи. Не смотря на свое превосходство предъ мечомъ и топоромъ, гильотина долго была предметомъ суевѣрнаго страха, какъ орудіе революціонныхъ казней, и только въ послѣднее время ее приняли кромѣ Франціи и въ другихъ государствахъ, именно: въ Саксоніи, Гессенѣ, Баваріи, Баденѣ, Веймарѣ,

Ганноверѣ, Цюрихѣ, Люцернѣ, С. Галленѣ и Шафгаузенѣ. Pfotenhauer, die Todesstrafe, 1863 г. с. 10. 3) *Кипяченіе въ маслѣ, въ винѣ, въ водѣ.*— Этимъ способомъ въ Германіи казнили за отцеубійство, за убійство родственниковъ и господина, за употребленіе фальшивыхъ документовъ и особенно за поддѣлку монеты. Tittmann, Geschichte der Deutsch Strafges. 87. Во Франціи такимъ образомъ казнили за поддѣлку монеты. Desmaze, Pénalités ancien. 36. Въ Россіи Иванъ Грозный кипятилъ въ котлахъ людей, обвиняемыхъ имъ въ измѣнѣ. Карамзинъ, IX, с. 92—97. Казнь эта состояла въ томъ, что осужденнаго садили въ котелъ, налитый водой или другимъ веществомъ, вдѣвали его руки въ кольца котла и ставили послѣдній на огонь; воду въ котлѣ нагрѣвали медленнымъ огнемъ. 4) *Колесованіе.*—Этотъ способъ былъ въ употребленіи еще въ Римѣ временъ императорства; Pastoret, T. 1, ч. 2, 65; въ Германіи онъ рано появляется; во Франціи первоначально былъ введенъ въ употребленіе путемъ обычая, а потомъ утвержденъ закономъ Франциска 1-го; ib. Loiseleur, 151; въ Россіи къ нему прибѣгали въ XVII ст., но онъ входитъ въ частое употребленіе со временъ Петра I-го и получаетъ утвержденіе закономъ съ изданіемъ Воинскаго устава. Способъ колесованія состоялъ въ слѣдующемъ: къ эшафоту привязывали въ горизонтальномъ положеніи андреевскій крестъ, сдѣланный изъ двухъ бревенъ. На каждой изъ вѣтвей этого креста дѣлали двѣ выемки, разстояніемъ одна отъ другой на одинъ футъ. На этомъ крестѣ растягивали преступника такъ, чтобы лицомъ онъ обращенъ былъ къ небу; каждая оконечность его лежала на одной изъ вѣтвей креста, и въ мѣстѣ каждаго сочлененія онъ былъ привязанъ къ кресту. За тѣмъ палачъ, вооруженный желѣзнымъ четвероугольнымъ ломомъ, наноситъ удары въ часть члена между сочлененіемъ, которая какъ разъ лежала надъ выемкою. Этимъ способомъ переламывали кости каждаго члена въ двухъ мѣстахъ. Операція оканчивалась двумя или тремя ударами по животу и переломленіемъ становаго хребта. Разломаннаго такимъ образомъ преступника клали на горизонтально поставленное колесо такъ, чтобы пятки сходились съ заднею частію головы, и оставляли его въ такомъ положеніи умирать. Pastoret, 1, 3, 65. Bossange, 21. Lacroix, Le Moyen Age, 111. Въ Германіи такимъ способомъ казнили убійцъ, совершившихъ преступленіе въ засадѣ, во Франціи кромѣ того воровъ на большихъ дорогахъ. Loiseleur, 150. 5) *Четвертованіе и разрѣзываніе.*—Привязываніе преступника къ конскому хвосту для

разметанія извѣстно было многимъ первобытнымъ народамъ. Pastoret, Hist. VIII, 316. Разрываніе въ клочки встрѣчается у римлянъ временъ императоровъ. Pastoret, 1, 2, 60. Но наибольшую извѣстность у новыхъ европейскихъ народовъ пріобрѣло четвертованіе, бывшее въ употребленіи во Франціи, Англіи, Германіи, Италіи и Россіи; Pastoret, 1, 2, 60, Loiseleur, 147, 149; Воинскій уставъ. Этимъ способомъ казнили за оскорбленіе величества, за покушеніе на жизнь государя и иногда за измѣну. Bastard-d'Estang, 1. 428. Loiseleur, 148. Это была едвали не самая лютая казнь. Преступника, положеннаго спиною на эшафотъ высотою въ три съ половиною дюйма, прикрѣпляли желѣзными оковами, которыя охватывали грудь, шею, нижнюю часть живота и бедра. Цѣпи прикрѣплены были къ эшафоту такъ крѣпко, что привязанное тѣло въ состояніи было противиться усилію лошадей. Далѣе привязывали къ рукѣ преступника орудіе совершенія преступленія и жгли ее сѣрнымъ огнемъ. За тѣмъ клещами рвали мясо въ разныхъ частяхъ тѣла и въ раны лили сплавъ свинцу, масла, смолы и сѣры. Наконецъ каждый членъ пристегивали къ лошади, и сначала заставляли лошадей дѣлать небольшіе порывы впередъ, что причиняло казнимому страшныя мученія, а потомъ заставляли тянуть изъ всѣхъ силъ, причемъ сопротивленіе сухожилій и связокъ было такъ велико, что нужно было разсѣкать связь костей. Тогда каждая лошадь отрывала часть, къ которой она была привязана. Въ заключеніе всѣ части тѣла сносимы были къ туловищу, оставшемуся на эшафотѣ—и все это бросали на зажженный костеръ. Пепелъ преступника пускали по вѣтру. Такъ во Франціи были казнены Равальякъ въ 1610 г. Даміенъ въ 1757 г. и нѣкоторые другіе. Bastard-d'Estang, Les Parlements, 1, 428.—Въ Китаѣ до сихъ поръ остается въ употребленіи казнь, извѣстная въ Европѣ подъ именемъ разрѣзыванія на 10 т. частей, за политическія преступленія, за убійство отца и мужа. Она состоитъ въ слѣдующемъ: Осужденный, совершенно раздѣтый, растягивается и привязывается къ мраморному столу. Палачъ вынимаетъ орудія казни изъ ящика, наполненнаго ножами разнообразной формы и закрытаго покрываломъ. Каждый ножъ, лежащій въ ящикѣ, имѣетъ надпись, которою обозначается его спеціальное употребленіе. Такъ одинъ назначенъ для вырыванія глаза, другой для отрѣзыванія ногтей, третій руки, четвертый для половыхъ органовъ и такъ далѣе; не забыта ни одна часть тѣла. Палачъ беретъ изъ ящика ножъ, какой попадается, и производитъ

ту операцію, которая на немъ написана. Bossange, 24. 6) *Сожженіе.*— Способъ казни одинъ изъ употребительнѣйшихъ у всѣхъ почти народовъ восточныхъ и западныхъ, древнихъ и новыхъ. У евреевъ сожигали за плотскія преступленія; Лев. гл. XX, 14, XXI, 9. Этотъ способъ казни извѣстенъ былъ грекамъ. Tissot, I, 290. Past. Hist. VIII, 120, 319. У римлянъ сожигали за политическія преступленія, при цезаряхъ за поджоги, колдовство, святотатство, отцеубійство и въ нѣкоторыхъ случаяхъ за оскорбленіе величества, словомъ въ 24-хъ случаяхъ. Rein, 914. Holtzendorff, Deport. 135. У всѣхъ новыхъ европейскихъ народовъ сожженіе было казнью спеціально назначенною для еретиковъ и вѣдьмъ, а также за преступленія вообще подсудныя церковнымъ судамъ, какъ напр. богохульство, мужеложство и скотоложство, прелюбодѣяніе и т. п. Loiseleur, 139; Desmaze, Pénalités anc. 137; Henke, Grundriss einer Gesch. deuts. peint. Recht. I, 289; Tissot, I, 280, 281; Линовскій, Изслѣд. угол. прав. 96. Сожженіемъ казнили также поджигателей, какъ-то: въ Римѣ, Past. I, 2, 63, въ Россіи, указ. 1731 г. № 5761, въ Германіи, Loiseleur, 148; а также женщинъ въ замѣнъ повѣшенія; Tissot, I, 279; Loiseleur, 138; или за спеціальныя преступленія, какъ-то: убійство мужа; Desmaze, Penal. ancien. 102. Процессъ этой казни состоялъ въ слѣдующемъ: Осужденнаго привязывали къ висѣлицѣ, напередъ обложенной костромъ, высотою въ 6 футовъ, сложеннымъ изъ хворосту, соломы и дровъ, съ тѣснымъ промежуткомъ для того, чтобы пройти осужденному. Осужденный, одѣтый только въ пропитанную сѣрою рубашку, восходилъ на костеръ, и его привязывали къ висѣлицѣ желѣзными цѣпями. За тѣмъ закладывали костеръ и поджигали со всѣхъ сторонъ. Иногда, для увеличенія мученій, закладывали въ секретныя части тѣла горючія вещества, или жгли на медленномъ огнѣ. Bastard-d'Estang, Les Parlem. I, 427. Du Boys, II, 609. Въ Дневникѣ Берхгольца, ч. II, стр. 283, пер. Аммона, разсказанъ случай сожженія на медленномъ огнѣ, въ царствованіе Петра 1-го, одного раскольника за оскорбленіе святыни. 7) *Закапываніе живымъ въ землю.*—Эта казнь была спеціально назначена для наказанія женщинъ, хотя въ видѣ исключенія ею карали и мужчинъ. Была въ употребленіи въ Греціи. Pastoret, Hist. VIII, 316. Въ Римѣ этимъ способомъ казнили весталокъ за нарушеніе обѣта дѣвства. У новыхъ народовъ закапывали въ землю женщинъ въ томъ случаѣ, когда мужчинъ вѣшали и колесовали: преимущественно же за нарушеніе супружеской вѣрности, за нѣкоторые плотскіе грѣхи, иногда за

убійство вообще; въ Россіи спеціально за убійство мужа; у древнихъ германцевъ, трусовъ погружали въ грязь или топь. Tissot, I, 280. Tittmann, Gesch. 88. Walter, Gesch. Rom. Rech. II, 449. Въ Германіи дѣлали яму подъ висѣлицей: въ эту яму бросали терновникъ, крапиву и горячіе угли и потомъ клали осужденнаго, которому за тѣмъ вбивали колъ въ сердце. Tittmann, Gesch. D. R. 88. По саксонскому праву прелюбодѣя клали въ яму вмѣстѣ съ прелюбодѣйцей. ib. Иногда оставляли отверстіе, чрезъ которое подавали пищу закопанному. Tissot, I, 280. Въ Россіи существовалъ особый способъ закапыванія въ землю женъ за убійство мужей. Осужденную съ завязанными назадъ руками зарывали въ землю до самыхъ плечь и землю вокругъ ней обтаптывали ногами. Зарытой такимъ образомъ не давали ни пить, ни ѣсть, и держали ее въ этомъ положеніи, пока она не умирала. Агонія продолжалась день, два, три, а иногда и до шести. Линовскій, с. 97; Максимовичъ, с. 41. Подобная казнь существовала на Востокѣ съ тѣмъ различіемъ, что тамъ закопаннаго не стерегли, какъ въ Россіи, а оставляли нарочно на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. 8) *Утопленіе.*—Примѣнялось въ Греціи. Pastoret, Hist. VIII, 157. Въ Римѣ отцеубійцъ послѣ публичнаго тѣлеснаго наказанія зашивали въ кожанный мѣшокъ вмѣстѣ съ кошкой, обезьяной и змѣей и бросали въ рѣку. Loiseleur, с. 59—60. Этотъ способъ казни за отцеубійство былъ впослѣдствіи занятъ у римлянъ народами западной Европы. Такъ онъ былъ въ употребленіи у германцевъ и французовъ, принятъ былъ въ Литовскомъ статутѣ, какъ казнь за отцеубійство и мужеубійство, съ тѣмъ различіемъ, что разнообразили животныхъ. Tittmann, 89. Максимовичъ, 41. Tissot, I, 280. Кромѣ этого особеннаго способа, употреблялось обыкновенное утопленіе. Въ Новгородѣ обыкновенно осужденныхъ бросали съ мосту въ Волховъ. До Петра въ Россіи пускали преступника подъ ледъ, для чего осужденныхъ берегли пока рѣки покроются льдомъ. Fletscher, с. 152—154. Въ Англіи и Франціи обыкновенное утопленіе тоже было въ употребленіи. Bastard-d'Estang, I, 427. Tissot, I, 341. 9) *Сдираніе кожи.*—Этотъ способъ казни былъ въ употребленіи въ Германіи, Франціи и Англіи. Tissot, I, 341. 10) *Вытягиваніе кишокъ.*—Казнь извѣстная въ Германіи; этимъ способомъ казнили за воровство земледѣльческихъ орудій и за сдираніе съ деревъ коры. Tissot, I, 281. Въ югозападной Россіи этою казнію, по преданію, казнили за воровство пчелъ. Казнь эта состояла въ томъ, что вытянутую изъ разрѣ-

заннаго живота кишку приколачивали гвоздемъ къ дереву и осужденнаго заставляли ходить вокругъ дерева до тѣхъ поръ, пока онъ не умиралъ. Tittmann, 91. 11) *Сажаніе на колъ и пробитіе коломъ.*— Практиковалось въ Индіи. Tissot, I, 988. Встрѣчается въ Германіи, гдѣ оно было въ обычаѣ, какъ наказаніе за воровство лошадей, изнасилованіе и дѣтоубійство. Въ случаѣ изнасилованія, заостренный дубовый колъ ставили на грудь преступника и вбивали: первые три удара дѣлала жертва преступленія, остальные палачъ. Въ Россіи сажали на колъ государственныхъ преступниковъ: этимъ способомъ Иванъ Грозный казнилъ бояръ; его употребляли при Петрѣ 1-мъ; 1738 г. посажены были на колъ самозванецъ Миницкій и его сообщникъ священникъ Могила. П. С. Зак. № 7653. 12) *Залитіе горла свинцомъ.*—Этимъ способомъ казнили преступниковъ въ Индіи; Tissot, I, 288; въ Римѣ; Holtzendorff, Die Deportation, 135. Въ Россіи, за дѣланіе фальшивой монеты; Улож. Ал. Мих. гл. V, ст. I. Въ Германіи или заливали расплавленнымъ свинцомъ горло, или забивали свинцовыя пробки или пули въ заднія части. Tittmann, 91, 13. *Низверженіе со скалы или возвышеннаго мѣста.*—Казнь эта была въ большомъ употребленіи въ Греціи и Римѣ; Loiseleur, с. 59. Rein, 913; не безъизвѣстна была и въ Германіи; Tissot, I, 280 14) *Удушеніе.*—Употреблялось въ Греціи и Римѣ и обыкновенная казнь въ Испаніи. Walter, Gesch. Rom. R. T. II, 448. Tissot, I, 290. Loiseleur, с. 70. 15) *Отдача на съѣденіе дикимъ звѣрямъ.*— Казнь извѣстная на Востокѣ; пророкъ Даніилъ былъ брошенъ въ яму на съѣденіе львамъ. По законамъ Ману, прелюбодѣйцу бросали на съѣденіе собакамъ. L. Manou, VIII, 137. Подобнымъ же образомъ прелюбодѣевъ казнили въ древней Пруссіи. Abegg, Geschichte der Strafrech. Bran. Preusslande, 1835 г. 107. Казнь эта была въ обычаѣ у грековъ. Pastoret, Hist. VIII, 505. Но самое большее примѣненіе она имѣла въ Римѣ; этимъ способомъ казнили рабовъ, провинціаловъ и вообще лицъ низшаго класса. Walter, Gesch. II, 499. Она также была извѣстна германцамъ и скандинавамъ. Tissot, 281. 16) *Потоптаніе ногами животныхъ.*—Въ Индіи и Македоніи ногами слоновъ или лошадей, въ Германіи лошадей. Tissot, I, 280. Pastoret, Hist. VIII, 505. 17) *Побитіе камнями.*—Обыкновенная казнь у евреевъ; была извѣстна грекамъ, скандинавамъ и германцамъ. Tissot, I, 291. Tittmann, 89. Du Boys, II, 619. Pastoret, Hist. VIII, 157, 504. 18) *Голодная смерть.*—Въ Греціи, для увеличенія страданій, осужденнаго на голодную смерть садили за

богато убранный столъ. Loiseleur, с. 33. Pastoret, Hist. VIII, 506. Казнь эта была извѣстна новымъ народамъ Европы. Tittmann, 88. Bossange, 23. 19) *Отравленіе.*—Довольно часто употребляемая казнь въ Греціи (Сократъ) и въ Римѣ (Сенека). Tissot, I, 291. Она была извѣстна и другимъ народамъ. Иванъ Грозный иногда прибѣгалъ къ этому способу. Карамзинъ, IX, 84. 20) *Засѣченіе.*—Казнь самая употребительная въ Римѣ; какъ позорная, она впослѣдствіи времени была отмѣнена для римскихъ гражданъ. Walter, Geschicht. II, 448. Въ Турціи обыкновенная казнь. Bossange, 22. Въ средніе вѣка часто встрѣчалась у европейскихъ народовъ. ib. До отмѣны кнута и шпицрутеновъ обыкновенная казнь въ Россіи. 21) *Разстрѣляніе.*—Казнь военныхъ: она до сихъ поръ въ цѣлой Европѣ сохраняетъ тотъ же характеръ.—Изчисленные здѣсь способы смертной казни могутъ дать только приблизительное понятіе о тѣхъ изысканныхъ жестокостяхъ, которыми въ это время сопровождалась смертная казнь. Способы эти разнообразились до безконечности: осужденный рѣдко былъ казнимъ однимъ способомъ; существовалъ обычай соединять нѣсколько казней вмѣстѣ. Предъ главной казнію, осужденнаго подвергали ординарной и экстраординарной пыткѣ; онъ долженъ былъ выполнить обрядъ извѣстный подъ пменемъ l'amande honorable; за тѣмъ отсѣкали ему одну или двѣ руки, вырѣзывали языкъ, или рвали распаленными щипцами и желѣзными когтями самыя мясистыя части тѣла; съ вѣшаніемъ соединяли колесованіе и сожженіе; съ сожженіемъ соединяли вскрытіе внутренностей, при чемъ палачъ патрошилъ осужденнаго и копался въ его внутренностяхъ, какъ римскій авгуръ, или анатомъ. Loiseleur, 153, 154, 231. Bastard-d'Estang, I, 424. Du Boys, Hist. Moder. II, 607, 610. Законъ въ это время не опредѣлялъ какимъ способомъ должно казнить за то или другое преступленіе; этотъ вопросъ былъ рѣшаемъ по обычаю и усмотрѣнію судьи. Можно положительно сказать, что всѣ разнообразные способы смертной казни вошли въ обычай, помимо закона, и въ послѣдствіи времени только нѣкоторые изъ нихъ утверждены были закономъ. Но и это утвержденіе нисколько не стѣсняло судью въ выборѣ того или другаго способа. Тяжесть преступленія, поведеніе преступника, повтореніе преступленія, давали ему обычаемъ установленное право отягощать казнь, соединять одинъ способъ съ другимъ, и даже изобрѣтать новые. Loiseleur, 151, 208, 215, 223. Такъ когда въ 1757 году Даміенъ сдѣлалъ покушеніе на жизнь Людовика XV, слѣдователи и судьи обратились ко всѣмъ судамъ Франціи

и просили ихъ сообщить, какіе они употребляютъ способы пытокъ и казней, желая этимъ путемъ узнать наиболѣе жестокія. Cesare Cantc, Beccaria il Diritto penale, 1862 г. с. 16. Что судьи имѣли полный произволъ выбирать и изобрѣтать казни, это видно изъ того, что они опредѣляли не только тѣ казни, о которыхъ говорилось въ законѣ, но и тѣ, которыя тамъ не были указаны. Ни въ одномъ русскомъ законодательномъ памятникѣ не упоминается о сажаніи на колъ и объ утопленіи: между тѣмъ, оба эти способа казней были въ большемъ или меньшемъ употребленіи. Четвертованіе, въ первый разъ упоминаемое въ законахъ Петра, существовало въ Россіи гораздо раньше Петра. Подобныя же явленія повторялись и на Западѣ.

Уже въ XVI и особенно въ XVII стол. начинается реакція противъ непомѣрной и изысканной жестокости смертныхъ казней. Чаще и чаще встрѣчается въ приговорахъ судовъ оговорка (retentum secretum, которая не читалась осужденному), чтобы, предварительно сожженія, или четвертованія, или закапыванія въ землю, осужденный лишенъ былъ жизни. Loiseleur, 241. Пугачовъ предъ четвертованіемъ, по тайному приказу, былъ незамѣтно для публики лишенъ жизни. Чт. Общ. ист. и др. 1860 г. кн. 1: Размышленія о смертной казни, кн. Щербатова. Однѣ изъ изысканныхъ казней, какъ напр. сожженіе, почти выходятъ изъ употребленія, вслѣдствіе того, что, съ перемѣною убѣжденій, перестали казнить за тѣ преступленія, за которыя она полагалась; другія, какъ самыя тяжкія, замѣняются менѣе тяжкими. Даже большинство писателей XVIII в., отстаивавшихъ необходимость смертной казни, требовали, однакожъ, уничтоженія изысканныхъ и безчеловѣчныхъ способовъ казни. Можно положительно сказать, что къ концу XVIII в. эти способы, благодаря одному смягченію нравовъ и перемѣнѣ міросозерцанія, сами собой, безъ участія законодателя, выходятъ изъ употребленія. Но и законодатель также считалъ необходимостію отмѣнить ихъ. Такъ во Франціи, при преобразованіи во время революціи уголовнаго законодательства, отвергнуты были изысканные способы и принято за единственно-законный и дозволительный способъ казни—отсѣченіе головы машиною, предложенною для введенія докторомъ Гильотеномъ; процессъ казни этою машиною, соединяя въ себѣ вѣрность, быстроту и непогрѣшительность, долженъ былъ замѣнить тотъ, который производился невѣрною рукою палача и сопряженъ былъ съ страданіями. Loiseleur, 342. Вскорѣ за тѣмъ по-

слѣдовавшая реакція противъ всякихъ преобразованій отразилась неблагопріятнымъ образомъ и на способахъ совершенія смертной казни. Нѣкоторые изданные въ это время уголовные кодексы, правда, узаконили одинъ только простой способъ казни: такъ австрійскій 1803 г. предписываетъ совершать смертную казнь посредствомъ повѣшенія, ст. II; баварскій 1813 г. ст. 5 и за нимъ ольденбургскій 1814 г. допускаютъ только обезглавленіе. Но за то другіе этого времени кодексы оставили изысканныя казни. Въ уголовномъ кодексѣ Пруссіи 1794 г. кромѣ отсѣченія головы и повѣшенія, приняты колесованіе въ двухъ видахъ, сверху внизъ и снизу вверхъ, въ 14 случаяхъ, и сожженіе. Совершенію смертной казни часто предшествуютъ: тѣлесное наказаніе чрезъ палача и влеченіе преступника на мѣсто казни. Богородскій, 1, с. 34. Въ Code penal французскомъ 1810 г. за отцеубійство и за покушеніе на жизнь императора обыкновенная казнь, посредствомъ отсѣченія головы, усиливается предварительною выставкою къ позорному столбу и отсѣченіемъ у осужденнаго кисти правой руки; ст. 13 и 86. Въ Англіи еще въ 1820 г. оставались въ употребленіи изысканные способы казни, чему служитъ доказательствомъ казнь Тисвульда, котораго обвинили въ государственной измѣнѣ. Въ проектѣ 1827 г. ганноверскаго кодекса предложено было, кромѣ висѣлицы и отсѣченія головы, и колесованіе. Jarke, Handbuch, 1, с. 262. Даже въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія криминалисты считали еще необходимымъ опровергать тѣхъ, которые стояли за изысканныя казни. Баршевъ, О наказаніяхъ.

Не смотря однакожъ на эти колебанія и отступленія на сторону безчеловѣчныхъ казней, не смотря на то, что приверженцы ихъ предсказывали дурныя отъ ихъ уничтоженія послѣдствія, въ родѣ разрушенія раціональнаго соотвѣтствія между преступленіемъ и наказаніемъ, въ родѣ отнятія у смертной казни ея устрашительной силы, Jarke, 1, 261—262, казни эти, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія не только вышли окончательно изъ употребленія на практикѣ, но въ концѣ первой половины нынѣшняго столѣтія совершенно вычеркнуты изъ европейскихъ кодексовъ. Такъ закономъ 28 апрѣля 1832 г. отмѣнено было во Франціи отсѣченіе кисти руки; съ изданіемъ въ 1851 г. новаго кодекса въ Пруссіи, закономъ уничтожены въ этой странѣ колесованіе и сожженіе, которыя давно уже не употреблялись на практикѣ. Въ 1848 г. во Франціи,

въ 1849 г. въ Баваріи отмѣнена даже публичная выставка предъ казнію осужденнаго. Berenger, 1. 218. Stenglein, Sammlung der deuts. Strafgesetzbücher, L. 1, с. 25. Отношеніе самаго общества къ совершенію казней измѣняется. Когда въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Англіи вздумали казнить Тиствульда, обвиненнаго въ государственной измѣнѣ, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ правилъ, предписанныхъ для совершенія мучительной казни, со всѣхъ сторонъ послышались крики ужаса, толпа угрожала смертію палачу, котораго она называла убійцей и заставила прекратить разрѣзываніе трупа на части. Bossange, с. 5º. Ducpetiaux, с. 89. Стоитъ также вспомнить поведеніе тосканскаго народа, который не послѣдовалъ на мѣсто даже простой казни и предоставилъ исполнителямъ совершать ее какъ въ пустынѣ. Недавно въ Парижѣ весь народъ во время одной казни обернулся спиною къ эшафоту. Конечно, нельзя сказать, чтобы толпа и въ наше время не ощущала жаднаго и нечестиваго любопытства къ казнямъ, но отношеніе къ казнямъ истинно образованнаго и гуманнаго класса вполнѣ измѣнилось. Чѣмъ рѣже казни, тѣмъ глубже проникаетъ въ сердце людей этого класса скорбь по поводу этого событія. Люди, занятые вопросомъ о закрытомъ, не публичномъ, совершеніи казней, принуждены рѣшать другой вопросъ: слѣдуетъ-ли обязать извѣстныхъ чиновниковъ непремѣнно присутствовать при казняхъ, или предоставить имъ право отстранять отъ себя эту обязанность, по чувству отвращенія къ этому зрѣлищу. Уголовные политики сами чувствуютъ, что они поставлены въ трудную дилемму: наложить безусловную обязанность присутствія при казняхъ—значитъ создать обязанность совершенно невыносимую въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи для многихъ; предоставить право отстранять отъ себя эту обязанность—значитъ подвергнуть законъ случайностямъ, особенно въ виду того, что количество людей, которые не въ силахъ присутствовать при систематическомъ лишеніи человѣка жизни, болѣе и болѣе увеличивается.

Самое полновѣсное явленіе въ исторіи способовъ совершенія смертной казни—это болѣе и болѣе распространяющееся въ наше время убѣжденіе, что публичное исполненіе смертныхъ казней чрезвычайно вредно, потому что оно пріучаетъ толпу къ кровавымъ зрѣлищамъ, дѣлаетъ ее равнодушною къ пролитію крови, вызываетъ даже жажду крови, и наконецъ подаетъ поводъ къ тѣмъ сценамъ, исполненнымъ цинизма, легкомыслія и иногда буйства, которыя чаще и ча-

ще повторяются при совершеніи казней. Эти соображенія побудили законодательныя собранія многихъ сѣверо-американскихъ штатовъ ввести совершеніе смертныхъ казней вдали отъ глазъ публики, въ стѣнахъ тюрьмы, въ присутствіи немногихъ офиціальныхъ лицъ и представителей общества. Въ настоящее время и въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы принято не публичное, а внутри стѣнъ совершеніе смертной казни; къ этимъ государствамъ принадлежатъ: Пруссія, Виртембергъ, Саксонія, Баденъ, Ганноверъ, Баварія, герцогства Альтенбургъ, вольный городъ Франкфуртъ и швейцарскіе кантоны: С. Галленъ, Шафгаузенъ, Ааргау. Publicat. de l'association pour l'abol. de la peine de mort, № 1, 23. Не разъ въ законодательныхъ палатахъ и и другихъ государствъ, какъ-то: Англіи, Бельгіи, Италіи, были заявляемы и разсматриваемы требованія о совершеніи смертной казни въ закрытомъ помѣщеніи, въ отсутствіи публики. Смерт. казнь, Миттермайера, пер. Саранчова, 140, 142. И если еще въ этихъ и другихъ государствахъ не перенесли совершенія смертной казни въ закрытыя мѣста, тѣмъ не менѣе самая публичность ихъ совершенно утратила прежній энергическій характеръ и прежнюю обстановку и превратилась въ тѣнь прежней. Удаленіе эшафотовъ изъ городовъ въ отдаленныя мѣста, постройка орудій смерти подъ покровомъ ночи, скрытіе дня и часа исполненія казни, совершеніе ея весьма рано, въ то время, когда занимается свѣтъ дневной,—вотъ какова публичность нынѣшнихъ казней. Berenger, 242; Pfotenhauer, 13. Справедливо мнѣніе Беранже, что отъ этихъ предосторожностей къ полному уничтоженію публичности—переходъ легокъ. ib. Для изслѣдованія вопроса о смертной казни вообще, важно не рѣшеніе задачи объ относительной полезности одного изъ двухъ способовъ совершенія ея — публичнаго или закрытаго, а самый фактъ уничтоженія публичности, которая въ прежнее время была признана однимъ изъ главныхъ качествъ этого наказанія и всѣми средствами была поддерживаема и расширяема. Уничтоженіе публичности—это есть полупризнаніе несостоятельности, безполезности и даже вреда смертной казни; этимъ защитники смертной казни, сами того не желая, нанесли рѣшительный ударъ этому учрежденію.

Вотъ выводы, которые я считаю себя въ правѣ сдѣлать относительно способовъ исполненія смертной казни:

1) Изысканные способы совершенія казней предшествовали образованію государства. Они созданы тѣмъ дикимъ человѣкомъ, который

мстилъ самъ за себя, собственными средствами. Принужденный постоянно бороться съ первобытною природою, не обезпеченный въ собственныхъ правахъ, не сознавая и правъ другихъ, онъ, объятый чувствомъ мести, не находилъ ни въ себѣ ни внѣ себя преградъ и былъ неумолимъ въ казняхъ; мучить своего обидчика онъ считалъ для себя не только необходимостью, но и удовлетвореніемъ своей натуры, какъ бы наслажденіемъ. Такимъ образомъ жестокость и изысканность казней дикаго человѣка была полнѣйшимъ выраженіемъ его экономическаго, общественнаго и умственно-нравственнаго состоянія.

2) Государство, первоначально непосредственный преемникъ предъидущаго порядка, наслѣдовало отъ него и готовые способы казней, со всею ихъ жестокостію и изысканностью. Оно привело въ систему и возвело въ принципъ то, что̀ до него практиковалось, только не съ такою правильностью. Организованное въ кастическомъ духѣ, находясь постоянно въ борьбѣ съ враждебными элементами, оно нашло для себя необходимымъ усвоить всѣ существовавшіе до него изысканные способы казней, которые, будучи сосредоточены въ однѣхъ рукахъ, представляли ужасную силу. Самъ человѣкъ, изъ котораго слагалось средневѣковое государство, былъ еще слишкомъ грубъ, мстителенъ и высокомѣренъ съ одной стороны, и необезпеченъ съ другой, т. е. обладалъ тѣми качествами, которыя составляютъ неизсякаемый родникъ жестокостей. Этимъ только и можно объяснять ту виртуозность, съ какою совершаемы были тогда изысканныя казни, и тогдашнее равнодушіе, если не любовь, къ кровавымъ зрѣлищамъ.

3) Перемѣна общественныхъ отношеній, развитіе умственное и нравственное и умягченіе нравовъ сопровождались исчезновеніемъ тѣлъ силъ, которыя творили и поддерживали изысканныя казни. Отсюда всеобщая отмѣна квалифицированной смертной казни, отсюда уничтоженіе прежней ея публичности, и наконецъ чаще и чаще проявляющееся въ обществахъ отвращеніе даже ихъ видѣть.

II. Коренной переворотъ, который совершился въ убѣжденіяхъ народовъ относительно смертной казни, нигдѣ не проявляется въ такомъ ясномъ свѣтѣ, какъ въ исторіи палача. И чѣмъ незамѣтнѣе, чѣмъ независимѣе отъ всякихъ теоретическихъ соображеній и вліянія такъ-называемой интелигенціи происходила перемѣна народныхъ взглядовъ на обязанность и личность палача, тѣмъ сильнѣе она говоритъ о коренной перемѣнѣ взгляда народовъ на смертную казнь.

Румье, въ своемъ сочиненіи о смертной казни, преизобилующемъ риторическою декламаціею, такъ говоритъ о личности палача: »Во всѣ времена палачи были предметомъ всеобщаго омерзѣнія, отъ котораго власть не въ состояніи была ихъ оградить, или лучше она сама всегда избѣгала ихъ нечистаго соприкосновенія, какъ отвратительной проказы. Всеразрушающее время не могло стереть съ нихъ того великаго позора, который ихъ покрываетъ. Въ отдаленные вѣка невѣжества и варварства, когда ихъ ужасная обязанность считалась законною, ужасъ и отвращеніе, ими возбуждаемые, не были меньше нынѣ существующаго«. с. 67—68. Мнѣніе Румье о всеобщемъ позорѣ палачей и объ отвращеніи, которое будто-бы во всѣ времена народы питали къ ихъ обязанности, обличаетъ малое знакомство автора съ жизнію народовъ. Исторія всѣхъ народовъ, напротивъ, свидѣтельствуетъ, что даже въ первое время господства общественной власти, обязанность и личность палача не только не были покрыты позоромъ, напротивъ, пользовались еще столь высокимъ уваженіемъ, что быть палачомъ не гнушались самыя высокопоставленныя въ обществѣ лица.

Въ древнихъ монархіяхъ Азіи исполненіе обязанности палача нерѣдко брали на себя цари. Въ одной надписи царь персидскій Дарій разсказываетъ, какъ онъ казнилъ Фраорта, возмутившагося царя мидійскаго. »Онъ (Фраортъ) былъ взятъ и приведенъ ко мнѣ. Я отрѣзалъ ему носъ, уши, губы и вывелъ его. Я его содержалъ скованнымъ въ моихъ палатахъ. Потомъ я велѣлъ его и сторонниковъ его повѣсить на крестѣ въ Экбатанѣ«. Laurent, L'Orient, 440. Pastoret, IX, 430. На островахъ Тонга предводители племенъ нерѣдко сами исполняютъ обязанность палача. Tissot, II, 554. Въ Морокко цари въ XVIII ст. были сами палачами своихъ подданныхъ. Filangieri, IV, 55. Новѣйшіе путешественники разсказываютъ, что въ государствахъ, лежащихъ на западномъ берегу Африки, до сихъ поръ цари собственноручно исполняютъ обязанность палачей, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ случаяхъ, когда казнь совершается какъ жертва, въ честь бога, или умершихъ предковъ. Но не на одномъ Востокѣ цари исполняли эту обязанность. То же было и въ Европѣ. Телемакъ, сынъ Одиссея царя Итаки, собственноручно повѣсилъ 12 слугъ, обезчестившихъ жилище его отца. Loiseleur, 27. Можно думать, что первоначально и въ новѣйшихъ европейскихъ государствахъ короли не чуждались собственноручно казнить виновныхъ. У Оссіана, остманскій викингъ Миркуръ, взявшій въ плѣнъ дѣ-

тей семинскаго короля, собственноручно собирается ихъ казнить. Чт. Общ. истор. и древн. кн. I, 1860 г. Нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ, Стрингольма, с. 24. Въ Россіи подобные обычаи не были неизвѣстны. Такъ въ 1076 г. въ Новгородѣ князь собственноручно убилъ волхва, волновавшаго народъ противъ епископа. Изяславъ, изгнанный кіевлянами, по возвращеніи »изсѣче тѣхъ, иже высѣкли Всеслава, 70 мужъ, а другія слѣпы, а иныхъ погуби же не испытавъ«. Богдановскій, с. 61. Иванъ Грозный не разъ собственноручно казнилъ тѣхъ, кого онъ считалъ виновными, и принималъ дѣятельное участіе въ большихъ казняхъ. Карамзинъ, III, IX, 92—98. 30-го сентября 1698 г. Петръ В. въ Преображенскомъ собственноручно отрубилъ головы пятерымъ стрѣльцамъ. Соловьевъ, XIV, с. 280.

Чаще обязанность палача исполняли первосвященники и жрецы: въ тѣ времена, когда всѣ народы приносили преступниковъ въ жертву богамъ, обязанность палача была неотъемлемою принадлежностію жреческаго званія. Chassan, Essai sur la Symbolique du Droit, 194. Въ древнихъ монархіяхъ Азіи эта обязанность возложена была на одного изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ двора, который носилъ титулъ grand sacrificator: этотъ титулъ ясно указываетъ на то, что обязанность палача была соединена съ званіемъ великаго жреца. Filangieri, T. IV, ch. VII, p. 55. По возвращеніи съ горы Синай, Моисей повелѣлъ казнить главныхъ виновниковъ поклоненія золотому тельцу· вслѣдствіе этого повелѣнія въ одинъ день руками левитовъ казнено было 3000 чел. Исходъ, XXXII, 26—28. Въ Римѣ понтифексъ-максимусъ даже въ историческія времена собственнолично приводилъ въ исполненіе смертные приговоры: такъ былъ засѣченъ на смерть великимъ понтифексомъ Сантилій (scriba pontificis) за плотское сношеніе съ весталкою. Geib, Geschichte des römischen Criminalprocesses, 1842 г. с. 150. Очевидно, что юстиція великаго понтифекса въ историческое время Рима была только обломкомъ той обширой судебной власти, какою эти верховные жрецы пользовались въ Римѣ въ доисторическое время, когда принесеніе въ жертву преступниковъ практиковалось въ обширныхъ размѣрахъ, и когда слѣдовательно они имѣли частые поводы являться въ качествѣ исполнителей смертныхъ приговоровъ. Въ Галліи, друиды собственными руками умерщвляли того преступника, котораго они приносили въ жертву. Filangieri, IV, 56. De Maistre, Sur Sacrifices, II, 243.

Въ Скандинавіи жрецы Одена и во главѣ ихъ великій жрецъ Упсалы Дротъ, а въ Мексикѣ великій жрецъ, тоже исполняли обязанность палача, принося въ жертву преступниковъ. Кн. I, 1860 г. Чт. ист. и древн. соч. Стрингольма, с. 22, 25. De Maistre, II, 245—246.

Когда власть жрецовъ ослабѣла и юстиція секуляризировалась, обязанность палача перешла къ тѣмъ лицамъ, которыя участвовали въ отправленіи правосудія. У евреевъ смертный приговоръ приводили въ исполненіе слѣдующія лица: царскіе отроки и высшіе военные сановники; обвинитель и свидѣтели; родственники убитаго, иногда же вообще народъ. Левитъ. XXIV. 14. Второз. XIII. 9. XVII. 5—7. XIX. 12—13. 1 Царс. XXII. 16—18. 2 Царс. IV. 12. 3 Царс. II. 28. 4 Царс. X. 19—24. Въ Египтѣ до сихъ поръ судья—кади самъ исполняетъ свой приговоръ. Christliches Bedenken gegen die Todesstrafe, Bartholdi, 1852 г. с. 21. Аристотель причисляетъ палача къ числу греческихъ магистратовъ, чего бы конечно онъ не сдѣлалъ, еслибы въ его время должность палача не пользовалась почетомъ. Filangieri, IV, 56. У Платона, въ его трактатѣ о законахъ, магистраты бросаютъ камни на голову трупа отцеубійцы и такимъ образомъ очищаютъ цѣлое государство. Loiseleur, 34. Въ Римѣ, въ первое время республики, первые магистраты, какъ-то: консулы, трибуны и др. собственнолично исполняли смертные приговоры; такъ трибуны бросили съ тарпейской горы Манлія. Geib, Gesch. 150. Позднѣе обязанность палача исполняли спеціальные чиновники—ликторы и тріумвиры capitales, должности которыхъ нисколько не считались безчестными, ib.; ибо ликторы съ секирою и розгами были неразлучными спутниками консуловъ, а должность тріумвировъ была первою ступенью, чрезъ которую молодой римлянинъ проходилъ, чтобы возвыситься до высшихъ степеней. Loiseleur, 66. Въ новѣйшихъ западно-европейскихъ государствахъ было то же самое. Обязанность палача исполняло само общество или его представители. Въ нѣкоторыхъ странахъ Германіи исполненіе смертнаго приговора возлагалось на самаго молодаго человѣка кантона; въ Stieden'ѣ, на послѣдне-поселившагося въ мѣстѣ суда, въ Франконіи на послѣдне-женившагося. Filangieri, IV, 56. Иногда же обязанность эту исполняли: одинъ изъ судей, самый младшій изъ присяжныхъ, родственникъ убитаго, или убійцы. ib. Du Boys, Histoire du droit crim. mod. II, 659. Michel, Origines du Droit franç. II, 214. Tissot, II, 558. Loiseleur, 118. 119. Götte, 85. Lacroix, III. Даже тогда, когда должность исполнителя

казней сдѣлалась ремесломъ, палачъ пользовался почетомъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи палачи получали дворянскій титулъ и привилегіи; во Франціи они принимали участіе въ религіозно-торжественныхъ процессіяхъ, при чемъ они занимали мѣсто во главѣ шествія; самое названіе ихъ: Maître des hautes oeuvres, указываетъ на то почетное положеніе, которое они занимали въ средневѣковомъ обществѣ. Lacroix, III. Bonnemere, I, 65. Въ Россіи, въ Новгородѣ народъ самъ постановлялъ смертный приговоръ и самъ приводилъ его въ исполненіе. Судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, можно думать, что и въ другихъ областяхъ смертныя казни приводимы были въ исполненіе или руками народа, когда онъ принималъ участіе въ судѣ, или руками чиновниковъ, имѣвшихъ вліяніе на отправленіе юстиціи. Такъ въ XIV стол. два боярина, по повелѣнію княжескому, убиваютъ одного крамольника. Богдановскій, с. 61. При Иванѣ Грозномъ принимали на себя обязанность палача по политическимъ дѣламъ такія лица, какъ князь Черкасскій, Малюта Скуратовъ—любимецъ царскій, князь М. Темгрюковичъ, шуринъ царскій, и т. п. Карамзинъ, Т. IX, 59, 86, 95, 110. Кошихинъ говоритъ: а въ палачи на Москвѣ и въ городѣ ставятся всякаго чину люди, кто похочетъ; с. 90. Извѣстно, какое непосредственное участіе въ казняхъ Петра 1 принимали его приближенные. »Въ Преображенскомъ происходили кровавыя упражненія: здѣсь 17 октября (1698 г.) приближенные царя рубили головы стрѣльцамъ: князь Ромадановскій отсѣкъ четыре головы; Голицинъ, по неумѣнію рубить, увеличилъ муки доставшагося ему несчастнаго; любимецъ Петра *Алексашка* (Меншиковъ) хвалился, что обезглавилъ 20 человѣкъ«. Соловьевъ, XIV, с. 281. Долго въ Россіи сохранялся обычай брать на помощь палачу кого-нибудь изъ зрителей; взятые должны были замѣнять подставки; на спины ихъ вскидывали осужденныхъ къ наказанію кнутомъ. Сначала принятіе на себя зрителемъ обязанности помощника палача было вполнѣ добровольное. Впослѣдствіи времени, когда въ народѣ стали пробуждаться иные инстинкты, начали вербовать для исполненія этой обязанности силою: *ловятся*, сказано въ указѣ, *насильно изъ зрителей подлые разнаго состоянія люди не только солдатами и десятниками, но и палачами, не дѣлая иногда отличія и самаго честнаго состоянія людямъ, хотя и подлымъ.* И вотъ для предупрежденія *происходящихъ отъ этого неустройствъ и обидъ гражданамъ*, (слова указа) 28 апрѣля 1768 г. (№ 13108) изданъ былъ указъ, запрещающій это дѣлать и повелѣ-

вающій брать для исполненія сей должности преступниковъ.—Замѣчательно, что судьи не чуждались брать на свою долю часть движимости казненнаго: во Франціи лошадь, кираса и другое имущество упадало на долю судьи; то, что выше пояса, luissier; шпага, ножъ, и все то, что пониже пояса, доставалось палачу. Michlet, II, 214. Такъ и одежду Христа Спасителя раздѣляли по жребію.

Трудно опредѣлить время, когда народы стали смотрѣть на палача какъ на существо гнусное и безчестное. Одно только можно сказать, что процессъ такой перемѣны начался очень давно, длился очень долго и совершился мало-по-малу, незамѣтно, и что въ настоящее время въ Европѣ перемѣна эта является совершившимся фактомъ, котораго никто не можетъ отрицать. Нынѣ никто не станетъ оспаривать того, что для европейскаго жителя обязанность палача составляетъ предметъ ужаса и отвращенія; а самъ палачъ есть лицо отверженное, одно прикосновеніе къ которому считается оскверненіемъ. Настроеніе настоящаго европейскаго общества таково, что преступникъ гораздо легче можетъ возвратиться въ лоно общества, которое его извергло, и примириться съ нимъ, чѣмъ палачъ. Напрасно законовѣды, замѣчая эту перемѣну, старались разубѣдить народы и поддержать прежнее значеніе палача. Легисты говорили о палачѣ: »Этотъ человѣкъ такъ же священъ, какъ сама юстиція. Когда онъ мучитъ, или предаетъ смерти себѣ подобнаго, онъ не оскорбляетъ Бога и не отвѣчаетъ за убійство, которое совершаетъ. Въ этомъ случаѣ наказанію подвергаетъ себя самъ виновный, отвѣтственность за пролитую кровь беретъ на себя общество«. Loiseleur, с. 271. Нѣкоторые изъ законовѣдовъ думали, что причина отвращенія къ личности палача кроется въ частныхъ качествахъ лицъ, исполняющихъ эту должность, а не въ самой обязанности; смотря на такое отношеніе общества къ палачу, какъ на нѣчто случайное, временное, они искали и временныхъ мѣръ исправленія этого, по ихъ убѣжденію, зла. Такъ Дамгудеръ, одинъ изъ авторитетныхъ юристовъ, считалъ безславіе палачей слѣдствіемъ ихъ пороковъ, злоупотребленій и того дикаго самолюбія и жестокости, которыя они проявляютъ при совершеніи казней, обращаясь съ преступникомъ, швиряя и убивая его такъ, какъ-будто въ ихъ рукахъ не человѣкъ, а животное. Для возстановленія уваженія личности и обязанности палачей во мнѣніи общества, онъ совѣтовалъ выбирать палачей изъ людей добрыхъ, мастеровъ своего дѣла, людей надежныхъ, отважныхъ, вѣжливыхъ, милосердыхъ. Loiseleur, 273. Но ни теори-

тическія убѣжденія, ни практическія мѣры не могли поколебать съ каждымъ вѣкомъ возраставшаго въ обществѣ отвращенія къ обязанности и личности палача, потому что отвращеніе это происходило не отъ частной какой-нибудь причины, какъ напр. отъ личныхъ качествъ палача, а отъ общей глубо-скрытой, коренной перемѣны взглядовъ на смертную казнь. Этой-то коренной перемѣнѣ взглядовъ и слѣдуетъ приписать разнообразные симптомы отвращенія къ личности и обязанности палача. Во Франціи одна дѣвушка за утайку родовъ была приговорена къ повѣшенію. Палачъ, тронутый ея красотою и молодостію, просилъ судей дать ей помилованіе съ тѣмъ, что онъ на ней женится. Судьи согласились, но подсудимая пожелала лучше быть повѣшенной, чѣмъ сдѣлаться женой палача. Loiseleur, с. 275. Торговцы отказываются продавать палачу съѣстные припасы; деньги его внушаютъ народу ужасъ; народъ смотритъ на нихъ какъ на цѣну пролитой крови; онъ вѣритъ, что на каждой монетѣ палача есть кровавое пятно—и если случается получить нѣсколько этихъ проклятыхъ монетъ, онъ бросаетъ ихъ въ сторону, боясь отъ нихъ несчастія; ib. 275. Палачъ не можетъ найти себѣ квартиры—и никакія усилія правительства не въ состояніи заставить жителей дать ему пріютъ. Roumieu, с. 68. Должность палача всегда и вездѣ принадлежала къ самымъ доходнымъ; въ Россіи напр. случалось, что палачъ получалъ по 10 тыс. съ приговореннаго. Но не смотря на это у народовъ до такой степени велико отвращеніе къ обязанности палача, что его не въ состояніи пересилить страсть къ пріобрѣтенію, одна изъ могущественнѣйшихъ страстей человѣческихъ; вслѣдствіе этого правительства находятся въ затрудненіи найти охочаго человѣка въ палачи. Отсюда явилась необходимость возлагать эту обязанность на преступниковъ, давая имъ въ замѣнъ этого помилованіе. Такой обычай существуетъ у насъ въ Россіи. Но замѣчательно, что не смотря на значительныя выгоды, на избавленіе въ прежнее время отъ ужаснаго тѣлеснаго наказанія и каторжныхъ работъ или ссылки, многіе изъ преступниковъ рѣшаются лучше сами подвергнуться тяжкому наказанію, чѣмъ взять на себя исполненіе кровавыхъ обязанностей палача. См. Матеріалы объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, с. 19—20.

Вотъ выводы изъ того, что̀ сказано о палачѣ:

1) Въ періодъ безгосударственный человѣкъ самъ былъ и судьей и палачомъ. Такъ какъ въ то время физическая сила составляла главное достоинство человѣка, а пролитіе крови человѣческой принадле-

жало къ самымъ обыденнымъ явленіямъ, и къ самымъ естественнымъ слѣдствіямъ тогдашняго быта, то обязанность палача не только не была постыдна, но и пользовалась большимъ почетомъ. Поэтому совершенно несостоятельно довольно распространенное мнѣніе о вѣчномъ позорѣ палачей.

2) Возникавшее государство является не только централизаторомъ силъ матеріальныхъ, но и систематикомъ нравственныхъ убѣжденій тогдашняго общества. Оно возводитъ въ принципъ существовавшій фактъ. Физическая сила и съ образованіемъ государства остается преобладающею, само государство возникаетъ среди насилій и кровопролитія, и въ значительной степени благодаря имъ. При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, должность палача могла пользоваться только почетомъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что она окружена была ареоломъ святости и глубокаго уваженія, и что она привлекала къ себѣ самыхъ высокопоставленныхъ въ обществѣ лицъ. Поэтому также понятно, почему древній законодатель почелъ совершенно умѣстнымъ призвать благословеніе Божіе на тѣхъ исполнителей казней, которые въ одинъ день сказнили 3000 чел. Исходъ, XXXII, 29.

3) Съ развитіемъ обществъ, съ видоизмѣненіемъ соціальныхъ отношеній, съ перемѣною религіознаго, нравственнаго и научнаго міросозерцанія, и преобразованіемъ государствъ, — этимъ результатомъ всѣхъ остальныхъ перемѣнъ,—изсякаетъ прежняя потребность въ пролитіи крови, и сила кулака замѣняется силою сознанія и умѣнія отстаивать безъ насилія добытыя права. При такомъ состояніи обществъ, обязанность палача должна была пасть во мнѣніи человѣка и съ каждымъ шагомъ общественнаго развитія больше и больше возбуждать къ себѣ презрѣніе и отвращеніе. Поэтому нельзя не признать нелѣпостью апотеозу палача, нарисованную для нашего времени де-Местромъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: »По внѣшности палачъ созданъ какъ и мы; онъ рожденъ такъ же какъ и мы; но онъ есть существо необыкновенное, и для того чтобы онъ существовалъ въ семьѣ человѣческой, нужно было особенное повелѣніе, Fiat творческаго могущества...... Все величіе, все могущество, вся субординація покоится на немъ; онъ есть и ужасъ и связь общества человѣческаго. Удалите изъ міра этого непостижимаго дѣятеля, и въ то же мгновеніе порядокъ уступитъ мѣсто хаосу, троны разрушатся и общество исчезнетъ«. Soirées de Saint-Petersbourg, I, с. 52. Читая эти слова, какъ будто слышишь задушевныя убѣжде-

нія брамина, друида или жреца мрачнаго Одена, которые, казня собственноручно преступниковъ, мнили службу приносити богу. Де-Местръ впалъ въ ошибку, противоположную ошибкѣ Румье: Румье, замѣтивши всеобщее презрѣніе къ палачу современныхъ намъ европейскихъ обществъ, вообразилъ, по незнакомству съ давнопрошедшею цивилизаціею народовъ, что этотъ позоръ былъ вѣчно неразлученъ съ обязанностью палача; де-Местръ, поставившій для себя задачею не признавать совершившихся событій и качествъ новой цивилизаціи, изобразилъ значеніе палача для нашего времени по идеалу отжившей цивилизаціи.

ОБЩІЙ ВЫВОДЪ.

Нѣтъ ничего безплоднѣе и въ научномъ отношеніи неумѣстнѣе, какъ отвлеченно-схоластическое, помимо исторіи и дѣйствительной жизни народовъ, рѣшеніе вопроса: справедлива или не справедлива, необходима или не необходима смертная казнь. Подобный способъ рѣшенія этого вопроса не можетъ повесть ни къ какимъ научнымъ результатамъ; онъ порождаетъ только безполезныя словопренія и игру въ слова. Рѣшеніе вопроса посредствомъ этого метода совершенно зависитъ отъ личнаго вкуса и личныхъ наклонностей, а самый процессъ рѣшенія напоминаетъ бѣганье бѣлки въ колесѣ. Причина негодности этого способа рѣшенія лежитъ въ отсутствіи нейтральнаго рѣшителя спора—въ устраненіи факта, или что̀ то же—прошедшей и настоящей жизни народовъ. Такъ какъ въ сочиненіяхъ, написанныхъ о смертной казни, преобладаетъ этотъ способъ рѣшенія, то здѣсь лежитъ главная причина, отчего гораздо больше было говорено о смертной казни, чѣмъ сказано дѣла, больше затрачено труда на рѣшеніе этого вопроса, чѣмъ добыто пользы.

Вопросъ о смертной казни можно рѣшить только тогда, когда мы признáемъ верховнымъ судьею и рѣшителемъ совершившійся и совершающійся фактъ, или что̀ одно и то же—прошедшую и настоящую жизнь человѣчества; словомъ, если мы подчинимъ наши личные взгляды нелживому авторитету дѣйствительности.

Человѣчество не есть организмъ неподвижный, неизмѣнно остающійся въ одномъ и томъ же положеніи, но вѣчно живой, развивающійся и идущій по пути усовершенствованій. Одно изъ видоизмѣненій его состоитъ въ исчезаніи однихъ потребностей и учрежденій и въ нарожденіи другихъ. Но такъ какъ и исчезаніе и нарожденіе совершаются постепенно, по извѣстнымъ, неизмѣннымъ законамъ, какъ и всякій процессъ разложенія или созданія, то очевидно, что въ одно и тоже время, объ руку съ старою потребностію и старымъ учрежденіемъ, могутъ возникнуть и существовать новыя, что по мѣрѣ разложенія однихъ

происходитъ развитіе и усиленіе другихъ, и что наконецъ можетъ настать время, когда новая потребность и новое учрежденіе дорostутъ до полнаго вытѣсненія старыхъ. Какъ одновременно существуютъ старыя и новыя потребности и новыя учрежденія, такъ же само одновременно уживаются два философскихъ воззрѣнія; изъ нихъ одно силится оправдать необходимость старыхъ потребностей и учрежденій, другое—новыхъ, причемъ каждое воззрѣніе старается доказать несостоятельность противоположнаго Окончательная побѣда новаго философскаго воззрѣнія можетъ закрѣпиться только событіемъ. Чтобы до этого рѣшить, на сторонѣ какихъ потребностей и учрежденій находится сила и правда, необходимо спросить исторію народовъ.

Бытъ первоначальнаго человѣка и его умственное и нравственное состояніе условливали необходимость и частое употребленіе смертной казни. Въ глубокой древности уголовное право и право войны почти сливаются, и убійство въ видѣ наказанія носитъ характеръ убійства въ видѣ войны—и наоборотъ. Въ это время не существуетъ никакого нравственнаго и общественнаго удержу для примѣненія смертной казни; ею пользуются съ полнымъ безразличіемъ и крайнею необузданностью. Поэтому въ первобытный періодъ, который есть время наибольшаго въ качественномъ отношеніи примѣненія этого наказанія, смертная казнь является въ высшей степени неизбѣжнымъ и частымъ явленіемъ и не можетъ не считаться самымъ необходимымъ, самымъ справедливымъ и даже божественнымъ учрежденіемъ.

Вмѣстѣ съ зарожденіемъ обществъ начинается ограниченіе или качественное уменьшеніе смертныхъ казней: область уголовнаго права отдѣляется отъ области права войны, устанавливаются правила, запрещающія казнить безъ различія, словомъ, вводится извѣстная система и извѣстная правильность. Однакожъ, самая организація обществъ сопровождается такими обстоятельствами, которыя необходимо должны поддерживать великую потребность въ смертной казни: въ основу всѣхъ обществъ легло рабство, или состояніе безправія и беззащитности цѣлыхъ массъ народа; еще неокрѣпшія общество и государство должны были энергически защищать свое существованіе отъ нападеній; объединеніе какъ общественное, такъ религіозное и умственно-нравственное совершалось при содѣйствіи жестокихъ мѣръ. Вотъ почему образованіе и укрѣпленіе государствъ вездѣ и всегда сопровождалось обильными казнями; потому-то въ этотъ періодъ, который есть въ количе-

ственномъ отношеніи самое обильное время смертныхъ казней, она является такимъ наказаніемъ, въ справедливости и необходимости котораго вообще не сомнѣваются.

Когда окончена работа созданія государствъ, когда добыто формальное единство, умственное, нравственное и религіозное — потребности человѣка измѣняются. Государство и его учрежденія пріобрѣтаютъ такую крѣпость, что, для поддержанія ихъ, нѣтъ нужды въ жестокихъ мѣрахъ. Благодаря государственной жизни, человѣкъ достигаетъ той степени экономическаго, общественнаго и умственно-нравственнаго развитія, для дальнѣйшихъ успѣховъ котораго необходимо принятіе цѣлесообразныхъ мѣръ, а не жестокая система наказанія. Естественнымъ слѣдствіемъ всесторонняго обезпеченія является смягченіе нравовъ, съ чѣмъ тѣсно соединено исчезаніе нравственной необходимости смертной казни. Въ это-то время является и философское сознаніе, что смертная казнь есть наказаніе несправедливое, безполезное и ненужное.

Итакъ, самый неоспоримый фактъ, что по мѣрѣ развитія народовъ необходимость примѣненія и самое примѣненіе смертной казни болѣе и болѣе уменьшаются. Процессъ этого уменьшенія, хотя и очень медленный, но до такой степени однохарактерный и постоянный, что тождественность направленія его въ будущемъ не подлежитъ сомнѣнію; совершившееся уменьшеніе слишкомъ громадно, а оставшіеся случаи смертной казни слишкомъ незначительны для того, чтобы уменьшеніе остановилось и не окончилось полною отмѣною. Когда совершится полная отмѣна, — рѣшеніе этого вопроса представляетъ только практическую важность, но не можетъ быть предметомъ объективнаго изслѣдованія. Но что оно должно послѣдовать — это такъ же несомнѣнно, какъ несомнѣненъ прогрессъ народовъ. Общественныя перемѣны зависятъ отъ нарожденія новыхъ потребностей; осуществленіе ихъ можно замедлить, но предотвратить его нѣтъ возможности. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія усилія дальновидныхъ людей Англіи, направленныя къ тому, чтобы отмѣнить смертную казнь за многія преступленія, оказались безуспѣшны. Но едва-только совершилась парламентская реформа, какъ непосредственно за тѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ законовъ, сократившихъ примѣненіе смертной казни. То же самое повторилось и во Франціи: парламентская перемѣна непосредственно сопровождалась отмѣною смертной казни за многія преступленія. Ручательствомъ за неизбѣжность отмѣны служитъ

то, что отмѣна смертныхъ казней происходитъ не столько отъ рефлектированныхъ убѣжденій нѣсколькихъ мыслителей, не столько по волѣ законодателя, сколько вслѣдствіе тѣхъ полустихійныхъ, полурефлективныхъ перемѣнъ, которыя совершаются въ болѣе или менѣе значительной массѣ народа. Кто опредѣленно и когда именно научилъ европейскіе народы не примѣнять смертную казнь за религіозныя и нравственныя преступленія? Развѣ многіе изъ присяжныхъ, не допускавшіе и не допускающіе смертной казни за преступленія противъ собственности, читали сочиненіе Беккаріи или другаго писателя, противника смертной казни, или даже слышали ихъ имена? Развѣ есть какой-нибудь законъ, или какое-нибудь положительное опредѣленіе о крайне-ограниченномъ, въ дѣйствительности, примѣненіи смертной казни за нѣкоторыя преступленія, за которыя до сихъ поръ, такъ же какъ и прежде, законъ угрожаетъ этимъ наказаніемъ? Кто внушилъ европейскимъ народамъ то отвращеніе, которое они питаютъ къ обязанности и личности палача?

Смертная казнь до сихъ поръ сохраняется въ законахъ и практикѣ потому, что еще не угасли окончательно тѣ элементы и силы, которые ее создали. Самымъ нагляднымъ доказательствомъ существованія въ европейскихъ обществахъ факторовъ смертной казни служатъ событія, совершающіяся въ эпохи переворотовъ и потрясеній, которымъ европейскіе народы не разъ подвергались въ послѣднее время. Въ эти-то эпохи, когда человѣкъ развертываетъ всѣ свои и дурныя и хорошія качества, и когда наличная цивилизація выступаетъ вся наружу, или возстановляется смертная казнь, если она была отмѣнена, или количество смертныхъ казней въ значительной степени увеличивается противъ предъидущаго періода. Такъ было въ концѣ XVIII в., во время большаго переворота во Франціи и общей реакціи въ цѣлой Европѣ; такъ, послѣ событій 1848 г., реакція повлекла за собой увеличеніе смертныхъ казней въ Франціи, Пруссіи, Австріи и другихъ государствахъ. Существованіе элементовъ и силъ, на которыхъ держится смертная казнь, даетъ поддержку тѣмъ мыслителямъ, которые отстаиваютъ справедливость и необходимость смертной казни. Но не слѣдуетъ забывать, какое значеніе и какой смыслъ имѣетъ нынѣшняя философская защита справедливости и необходимости смертной казни. Въ XVIII в. наканунѣ отмѣны пытки, записные спеціалисты съ непоколебимымъ убѣжденіемъ излагали теорію справедливости пытки и рисовали паденіе

правосудія съ ея уничтоженіемъ. А въ настоящее время развѣ не назовутъ варваромъ или сумасшедшимъ того, который бы вздумалъ отстаивать муки застѣнка? Когда въ XVIII в. шла рѣчь объ отмѣнѣ изысканныхъ казней, много было пророковъ, которые предсказывали европейскимъ народамъ страшное увеличеніе тяжкихъ преступленій отъ уничтоженія *столь справедливыхъ наказаній* какъ колесованіе, четвертованіе, сожженіе и др. И однакожъ, какой образованный европеецъ станетъ въ настоящее время доказывать справедливость квалифицированной смерти? Въ 1862 г. генеральный прокуроръ Бельгіи возсталъ на защиту смертной казни, доказывая ея необходимость и предсказывая паденіе правосудія съ ея уничтоженіемъ. Одинъ изъ членовъ Бельгійской ассоціаціи содѣйствія отмѣнѣ смертной казни такъ отвѣчалъ ему: »Г. де-Бави вѣритъ въ необходимость смертной казни и опасность ея отмѣны. Такова исторія всѣхъ гнусныхъ учрежденій, которыми нѣкогда было наполнено уголовное право и которыя нынѣ отвергнуты: такова исторія пытки, которую Мюйаръ де-Вугланъ, тоже или почти тоже генеральный прокуроръ, признавалъ необходимою въ концѣ XVIII в., въ ту самую минуту, когда собирались ее уничтожить; такова исторія клейменія, которое Тарже, другой знаменитый магистратъ, провозгласилъ спасительнымъ и необходимымъ для преслѣдованія злодѣевъ; такова исторія отрѣзыванія кисти у отцеубійцъ, которое считали необходимымъ для того, чтобы воспрепятствовать дѣтямъ убивать отцовъ и матерей; такова исторія публичной выставки, которую считали необходимою и которую не осмѣлились уничтожить во Франціи въ 1832 г. боясь подвергнуть опасности общественную безопасность; такова исторія преступленій подлога, воровства и другихъ, за которыя считали необходимымъ опредѣлять смертную казнь, если они сопровождаются извѣстными отягчающими обстоятельствами; такова исторія палокъ, которыя считались необходимыми для поддержанія дисциплины солдатъ; такова исторія четвертованія, колесованія и пр., которыя общество считало необходимыми и о которыхъ оно нынѣ не можетъ вспомнить не краснѣя; такова наконецъ исторія всѣхъ злоупотребленій и всѣхъ успѣховъ«. Publications, № 1, с. 6. Замѣчательно, что за исключеніемъ самаго незначительнаго числа схоластиковъ, для которыхъ событія не существуютъ и которые потому отстаиваютъ абсолютную справедливость и необходимость смертной казни, почти всѣ остальные приверженцы смертной казни защищаютъ ее не въ принципѣ, а ради

временной ея необходимости и полезности, ради того, что общество еще не дорасло до отмѣны. По выраженію одного бельгійскаго криминалиста, они повидимому требуютъ изъ милости временнаго сохраненія того наказанія, которое ихъ предшественники защищали и превозносили какъ *палладіумъ* справедливости, покоя и безопасности народовъ.

БИБЛИОТЕКА
Коммунистической
АКАДЕМИИ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОПЕЧАТКИ:

Напечатано:	Слѣдовало напечатать:
на 1 с. 1766 г.	1764 г.
» 30 с. собраніи	собираніи
» 63 Варналь	Варвиль
» 79 с. слѣдствіе.	вслѣдствіе.
» 87 с. карою	королю
» 90 с. 400—102	400—402
» 92 с. infigere	infligere
» 98 с. matitia	malitia
» 132 с. не перестаетъ	перестаетъ
» 144 с. prafectus	praefectus
» 236 с. да и	дали
» — поджогъ	поджоговъ
» 243 с. оставивъ ихъ	и оставлена

Buchbinderei
R. Wawrzyniak
Marktplatz 23
8011 Kirchseeon

Buchbinderei
R. Wawrzyniak
Marktplatz 23
8011 Kirchseeon

Kistjakivs'kyj, Oleksandr F.,

Izslědovanïe o smertnoj kazni sočinenïe A. Kistjakovskago, privat-docenta ugolovnogo prava v Kïevskom Universitete

Kïev 1867

4 Crim. 157 i
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10348939-5